

61:05-10/1721

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
филологический факультет
кафедра теоретической и прикладной лингвистики

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СИЧИНАВА

ТИПОЛОГИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМ
С СИНОНИМИЕЙ БАЗОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПАРАДИГМЫ

Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

научный руководитель
доктор филологических наук Владимир Александрович Плунгян

2005

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	----------

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ И СИНОНИМИЯ

ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ: ПОДХОДЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	12
--	-----------

1.1. ЧТО ТАКОЕ СИНОНИМИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ?	12
1.2. СТРУКТУРАЛИСТСКИЙ ПОДХОД К СИНОНИМИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	17
1.2.1. <i>Пражский структурализм и американский дескриптивизм: строгие оппозиции в грамматике. Алломорфы, варианты и синонимы</i>	<i>17</i>
1.2.2. <i>Вариативность и структура языка в теории Андре Мартине</i>	<i>22</i>
1.2.3. <i>Обобщение структуралистской традиции в «Курсе общей морфологии» И. А. Мельчука</i>	<i>24</i>
1.2.4. <i>«Однозначность» морфологических форм в генеративизме: «блокирующий принцип»</i>	<i>27</i>
1.3. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.	31
1.4. ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИЙ АНАЛИЗ СИНОНИМИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ.....	40
1.4.1. <i>«Вариативность» и «наслаивание» как фактор(ы) грамматикализации: работы Лемана, Хоппера и Траугот</i>	<i>43</i>
1.4.2. <i>Грамматическая синонимия в типологии глагольных категорий</i>	<i>54</i>
1.4.3. <i>«Конкуренция моделей» в теории «языковой сложности» Эстена Даля</i>	<i>61</i>
1.4.4. <i>Грамматическая синонимия в других постструктуралистских теориях</i>	<i>67</i>
1.5. НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ	70
1.6. ПОНЯТИЕ БАЗОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПАРАДИГМЫ. КРУГ РАССМАТРИВАЕМЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ.....	73
1.7. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНОНИМИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ.....	76
1.7.1. <i>Источники информации</i>	<i>76</i>
1.7.2. <i>Вариативность в системе vs. вариативность между системами: социолектные и диалектные различия</i>	<i>78</i>
1.7.3. <i>Функции глагольных форм в тексте: «денотативная» vs. «прагматическая» и «дискурсивная» семантика</i>	<i>79</i>
1.7.4. <i>Круг рассматриваемых языков. Проблема типологической выборки.</i>	<i>83</i>

ГЛАВА ВТОРАЯ. ГЛАГОЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ С СИНОНИМИЧНЫМИ

ФОРМАМИ РЕЗУЛЬТАТИВА, ПЕРФЕКТА И ПРЕТЕРИТА.	87
---	-----------

2.1. РЕЗУЛЬТАТИВ — ПЕРФЕКТ — ПЕРФЕКТИВНОЕ ПРОШЕДШЕЕ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА, ЭВОЛЮЦИЯ	87
2.2. СИНОНИМИЯ РЕЗУЛЬТАТИВОВ	88
2.2.1. <i>Семантические типы соотношения альтернативных результативных конструкций</i>	<i>89</i>
2.2.2. <i>Лексические источники результатива и их синонимия</i>	<i>93</i>

2.2.3. <i>Формальные типы соотношения результатов</i>	97
2.2.4. <i>Выводы</i>	113
2.3. <i>НЕСКОЛЬКО ПЕРФЕКТОВ В ОДНОЙ СИСТЕМЕ</i>	114
2.3.1. <i>Полисемия перфекта. Вопрос о «синонимичности» перфекта и результата</i>	114
2.3.2. <i>Диахронические свойства перфекта. Семантическая нестабильность перфекта как типа грамматических показателей</i>	121
2.3.3. <i>Дополнительное распределение в зависимости от переходности и аспектуального типа: перфекты центральноевропейского ареала и их типологические параллели</i>	125
2.3.4. <i>Унификация перфектной конструкции и оппозиция перфект/результатив: ареал «перфекта европейского побережья», армянские языки</i>	147
2.3.5. <i>Квазисинонимия, связанная с дополнительными значениями перфекта</i>	165
2.3.6. <i>Синонимичные формы перфекта и результата со связкой и без связки</i>	173
2.3.7. <i>Выводы</i>	181
2.4. <i>НЕСКОЛЬКО ПЕРФЕКТИВОВ И ПРЕТЕРИТОВ В ОДНОЙ СИСТЕМЕ</i>	183
2.4.1. <i>Старый претерит и бывший перфект</i>	185
2.4.2. <i>«Обратное» распределение бывшего перфекта и старого претерита по временной дистанции: румынские диалекты, карачаево-балкарский</i>	204
2.4.3. <i>«Длинная» и «краткая/неспрягаемая» формы простого прошедшего</i>	207
2.5. <i>ВЫВОДЫ</i>	213

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ГЛАГОЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ С СИНОНИМИЧНЫМИ ФОРМАМИ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА.....216

3.1. <i>ОСОБЫЙ СТАТУС ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ. СЕМАНТИКА ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА</i>	216
3.2. <i>Источники и диахроническая судьба</i>	223
3.3. <i>МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ РЕЗУЛЬТАТИВА, ПЕРФЕКТА И ПЕРФЕКТИВНОГО ПРОШЕДШЕГО</i>	228
3.3.1. <i>Сохранение параллелизма двух плюсквамперфектов, связанное с результативными оттенками</i>	229
3.3.2. <i>Первый диахронический путь: от квазисинонимии к полной синонимии</i>	234
3.3.3. <i>Второй диахронический путь — образование «неактуального прошедшего»</i>	239
3.4. <i>СВЕРХСЛОЖНЫЕ ПРОШЕДШИЕ ВРЕМЕНА И «РЕГУЛЯРНЫЙ» ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ В ОДНОЙ СИСТЕМЕ</i>	245
3.4.1. <i>Сверхсложные формы как ретроспективизированные</i>	245
3.4.2. <i>Плюсквамперфект и ретроспективизированное прошедшее</i>	252
3.4.3. <i>Остаточные системы: сверхсложные формы как показатели неактуального прошедшего и антирезультатива</i>	263

3.4.4. Эвиденциализация сверхсложных форм.....	277
3.4.5. Экскурс: дополнительно ретроспективизированный и «регулярный» плюсквамперфекты	287
3.5. ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПРИ ПОМОЩИ АОРИСТА И ИМПЕРФЕКТА ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ГЛАГОЛА.....	294
3.5.1. Романские языки: аспектуальная «рокировка» двух плюсквамперфектов	294
3.5.2. Славянские языки: ранняя модальная специализация одной из плюсквамперфектных форм.....	311
3.5.3. Книжный древнерусский «Повести временных лет» и албанский: возможные эвиденциальные противопоставления	317
3.6. ОТ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТОВ ПО МОДАЛЬНОСТИ К СИНОНИМИИ: CASUS LATINUS.....	323
3.6.1. Плюсквамперфект индикатива и его модальные значения.....	323
3.6.2. Плюсквамперфект конъюнктива и его экспансия в модальной зоне значений	327
3.6.3. Конвергенция двух плюсквамперфектов на периферии Романии.....	331
3.7. ПЕРФЕКТ В ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТНОЙ ФУНКЦИИ И СОБСТВЕННО ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ	339
3.8. ВЫВОДЫ	345
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ГЛАГОЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ С СИНОНИМИЕЙ ФОРМ ПРОГРЕССИВА.....	347
4.1. СЕМАНТИКА И ПОЛИСЕМИЯ ПРОГРЕССИВА.....	347
4.2. ФОРМАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ, ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ.....	356
4.3. СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	359
4.4. РАЗЛИЧНЫЕ ЛОКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ.....	362
4.4.1. Различные глаголы положения	363
4.4.2. Локативные конструкции различного типа	368
4.5. ЛОКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ.....	380
4.6. СИНОНИМИЯ СРЕДИ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ.....	387
4.7. СИНОНИМИЯ С УЧАСТИЕМ КОНСТРУКЦИЙ-ИСТОЧНИКОВ «СФОКУСИРОВАННОГО ПРОГРЕССИВА»	390
4.8. СИНОНИМИЯ С УЧАСТИЕМ СВЯЗКИ НЕЛОКАТИВНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	393
4.9. ВЫВОДЫ.	396
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	398
ЛИТЕРАТУРА.....	409
УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ	440
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	444

ВВЕДЕНИЕ

Предметом нашей диссертации является проблематика, неоднократно обсуждавшаяся в лингвистической литературе, но предметом монографического исследования не становившаяся — типология грамматической синонимии, синхронного сосуществования и диахронической судьбы словоизменительных форм одного языка, либо полностью совпадающих в плане содержания (полностью синонимичных), либо имеющих общее базовое употребление и взаимозаменяемых в большинстве контекстов, хотя в некотором количестве диагностических контекстов и различаемых (квазисинонимичных). В современной литературе по грамматической типологии растёт интерес к феномену «неоднородности» систем грамматических (в том числе глагольных) показателей в языках мира, несводимости их к чёткой структурной системе оппозиций, сосуществованию в каждом синхронном состоянии языка различных «конкурирующих» единиц, что связано как с диахронической эволюцией языка, так и с особенностями возникновения грамматических значений в языке. Хотя такое сосуществование и постулируется в качестве одного из основных принципов синхронного и диахронического изучения грамматических показателей уже с 1980-х годов [Lehmann 1982], [Hopper 1991], предметом детального осмысления оно становится только в самые последние годы: ср. в особенности недавнюю монографию [Dahl 2004]. С этими тенденциями связана актуальность диссертации.

Научная новизна работы определяется тем фактом, что проблема грамматической синонимии еще недостаточно отражена в существующих работах как по лингвистической семантике, так и по общей морфологии (мы имеем в виду наиболее распространенное в современных работах понимание морфологии как науки, которая включает в себя и грамматическую семантику). Внимание исследователей синонимии обращено на пропозициональную, синтаксическую и особенно лексическую синонимию, — то есть на явления, устанавливаемые на открытых классах единиц (по крайней мере поверхностных) и потому фундаментальные, чрезвычайно распространенные и присущие практически любому языку. В этом смысле характерен подзаголовок классической работы Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика», который

гласит: «Синонимические средства языка» — подзаголовок этот носит, конечно же, не столько отождествляющий, сколько расширительный характер, однако подчеркивает ведущую роль именно лексического уровня в проблематике тождества языковых означаемых. Синонимические отношения, связанные не с «лексико-семантическим», а «морфосемантическим» уровнем лексической семантики, по терминологии Б. Ю. Городецкого [1969], — обычно рассматриваются только в той части, которая затрагивает словообразовательные аффиксы; а это тот случай морфемной синонимии, которая связана с парадигматическими отношениями в лексике. Действительно, постулируемая, например, И. А. Мельчуком [1997: 332] синонимия некоторых употреблений суффиксов *-лив-* и *-н-* связана с синонимией соответствующих прилагательных, например, *суматошливый* и *суматошный*. Более близкая к нашей проблематике синонимия словообразовательных показателей, передающих грамматикализирующиеся значения, например, фазовые — инхоативов *за-* и *по-* [Кобозева 2000: 36] — также связана с системными соответствиями, определяемыми на множестве лексем (*петь : запеть = бежать : побегать*); лексическими являются и варианты выражения видового значения типа *постичь* — *постигнуть* или *обертывать* — *оборачивать*, анализируемые в [Апресян 1995]; синонимия словообразовательных суффиксов в русском подробно разбирается в [Улуханов 1977: 198 и след.].

Словоизменительные значения, в отличие от лексических и словообразовательных, в любом языке немногочисленны, объединяются в закрытые классы — т. н. грамматические категории (в понимании работы [Зализняк 1967]) и гораздо более четко структурированы — как характеристическое свойство граммем структурированность указана, например, в [Мельчук 1997: 243]. Все эти несомненные языковые факты, установленные в рамках структуралистской парадигмы, имплицитно побуждают считать тождество означаемых маргинальным явлением, не нарушающим «нормального» устройства грамматических категорий. Синхронный структуралистский подход, представляющий грамматические значения как четкую систему оппозиций, допускает синонимию таких значений фактически лишь как поверхностную *вариативность* глубинных семантических противопоставлений (ср., например, понятие варианта словоформы в [Зализняк 1967: 29] и парадигм с типовыми колебаниями [там же: 109]; о понятии

варианта и «избыточных» парадигмах см. работу [Апресян 1995], касающуюся, как уже говорилось, видовых парадигм в русском языке, которые являются словоизменительными, а не словообразовательными). Во второй половине XX в. вариативность и синонимия в глагольной системе стали предметом нескольких отечественных работ, генетически связанных как с западным структурализмом, так и с традицией нормативной стилистики, но кое в чём предвосхищавших более поздний подход (монографии и статьи Е. И. Шендельс, В. Н. Ярцевой и др., подробнее см. в Главе первой); эти работы не содержали, впрочем, типологических обобщений.

Исследования грамматики последних лет, выполненные уже в иной — постструктуралистской — парадигме (особо выделим [Lehmann 1982], [Hopper 1991], [Hopper, Traugott 1993], [Bybee et al. 1994]), однако, демонстрируют как нечеткость границы между лексическими и грамматическими явлениями, связанную с постоянно совершающимся переходом первых во вторые (так называемой *грамматикализацией*), так и с возможностью параллельного развития нескольких таких переходов, когда различные (или даже один и тот же) лексические источники дают в языке несколько грамматических форм, значение которых может и полностью совпадать. Хотя в дальнейшем такие формы нередко вновь «расходятся» — обычно развивая дополнительные дифференцирующие значения — такие системы не являются лишь мгновенной интермедией при смене «старого» «новым», как это иногда понималось в структурализме (и как нередко понимается и теперь в порождающей грамматике); они могут вполне устойчиво существовать на протяжении достаточно большого исторического периода. Кроме того, дальнейшая диахроническая судьба синонимических форм определяется не только и не столько синхронными потребностями системных противопоставлений, сколько типологически устойчивыми закономерностями эволюции той или иной структуры (то есть сохранением того, что в отечественной традиции принято именовать восходящим к В. фон Гумбольдту термином «внутренняя форма» — в данном случае этот термин не очень удобен, так как речь идет и о словоизменительных «формах» в собственно морфологическом значении слова). Эта точка зрения уже нашла отражение во многих типологически ориентированных описаниях конкретных языков.

Во всех названных работах, однако, принцип синхронного сосуществования единиц со сходной дистрибуцией раскрыт достаточно кратко и не сопровождается исследованием синонимии показателей конкретных грамматических значений. Между тем исследования, проведённые (отчасти даже теми же авторами) в рамках указанного подхода, в то же время указывают и на существование нетривиального сходства между структурой и семантикой грамматических показателей определённых типов (cross-linguistic gram types, таких, как «будущее время», «перфект», «прогрессив») в генетически не связанных языках. Вопрос о том, какой характер носят тенденции, определяющие сосуществование синонимичных форм с определённым значением в различных языках, ранее не поднимался (хотя отдельные замечания в этой связи делались).

Целью нашей работы является именно выявление типологически регулярных соответствий между синонимичными глагольными показателями определённых типов в языках мира. В нашей работе мы ограничимся видо-временными формами глагола (иногда с обсуждением также модальных); из всего же многообразия глагольных форм рассматриваются только так называемые «базовые формы парадигмы» (это понятие комментируется в Главе первой), лучше описанные и легче обобщаемые с типологической точки зрения. Особое внимание уделяется грамматическим формам с референцией к прошлому (перфекту, простому прошедшему, плюсквамперфекту), так как сколько-либо систематические наблюдения относительно этого класса форм в литературе практически отсутствуют (тогда как, например, о синонимии в области будущего времени говорится в достаточно большом числе работ).

Соответственно вышеизложенной цели полагаются следующие **задачи**:

- 1) для каждой из исследуемых форм систематически изложить известные в типологической литературе формальные и семантические свойства; некоторые свойства плюсквамперфекта (Глава 3), кроме того, выявлены нами в ходе самостоятельных исследований;
- 2) определить теоретическое пространство возможностей, с одной стороны — формально-морфологическое для грамматикализации нескольких подобных форм в одной системе, с другой стороны — семантическое для будущей дифференциации этих форм.

- 3) отделить явления, носящие контактно-ареальный характер, от явлений, носящих заведомо типологический характер, независимый от контактного влияния;
- 4) выявить засвидетельствованные типы синонимии глагольных форм с данным значением;
- 5) выявить диахронические пути развития подобных синонимичных пар (или большего количества) форм.
- 6) предложить объяснения наблюдаемых типологических фактов;
- 7) предложить некоторые обобщения более высокого уровня, касающиеся не только отдельных типов форм с конкретным значением, но и грамматической синонимии вообще.

Материалом для данного исследования послужили описания грамматик языков мира, исследовательские работы по различным аспектам грамматического устройства отдельных языков, а также данные, полученные в ходе работы с информантами. В работе так или иначе задействованы данные около ста языков, в которых отмечено обсуждаемое явление; из них достаточно подробно рассмотрены данные восьмидесяти пяти (сюда входят и различные этапы существования «одного и того же языка», например, древнеанглийский и современный английский, старояпонский и современный японский, для которых характерен совсем разный синхронный характер глагольных систем в интересующем нас аспекте). При обсуждении смежной проблематики (прежде всего характеристики рассматриваемых типов глагольных показателей) дополнительно привлечены данные ещё сорока семи языков.

Методологические вопросы исследования выделены в особый раздел в Главе Первой, которая посвящена более подробному обсуждению теоретических проблем, связанных с феноменом синонимии грамматическим показателям. Основной методологический подход, используемый в настоящей работе, заключается в рассмотрении грамматического показателя как единства содержательной (морфологического материала) и семантической сторон. Морфологические единицы, выражающие сходные или тождественные значения, но имеющие различные (не сводимые друг к другу) планы выражения, рассматриваются отдельно (требование «поверхностного анализа» по [Dahl 1985]).

Теоретическая значимость. Результаты исследования имеют значение для решения как ряда общетеоретических вопросов в рамках типологии грамматических категорий, так и для трактовки ряда явлений в конкретных языках. Прежде всего, это касается самой проблематики грамматической синонимии. Устанавливаются закономерности этого явления, которое иногда прежде рассматривалось как имеющее хаотичный, несистемный характер. Кроме того, общетеоретические наблюдения по данной проблематике пополняются конкретным исследованием отдельных типов форм. Выявляются факты, представляющие интерес для типологического освещения этих форм как таковых (перфекта, плюсквамперфекта, простого прошедшего), независимо от общих вопросов грамматической синонимии.

Практическое значение. Работа может использоваться как для будущих исследований в области грамматической типологии, так и для описательной трактовки ряда явлений в конкретных языках. Действительно, при описании языков нередки случаи, когда провести семантическую границу (или установить самое наличие таковой) между двумя формами, имеющими близкое распределение и семантику, очень сложно, зачастую потому, что не всегда понятно, какие именно различия здесь ожидаемы. В традиционных грамматиках такие формы выступают под ярлыками вроде «плюсквамперфект I и II», «будущее простое и будущее неопределенное» и т. п. В этом отношении типологические исследования могут оказать практическую помощь при первичной дескрипции языка; с одной стороны, исследователю станут доступны сведения о том, какие пары форм (с точки зрения как семантики, так и формального устройства) в языках мира имеют тенденцию к полной синонимии (и насколько устойчива эта синонимия), а какие — к дополнительной дифференциации и какой именно; с другой стороны, ему будет предоставлен набор диагностических контекстов, в которых (квази)синонимичные формы могут различаться — и в каких-то языках действительно различаются.

Работа может использоваться также в новых описаниях грамматик языков, рассматриваемых в ней, а также в университетском преподавании (в курсе общей морфологии, в спецкурсах по грамматической типологии, в том числе и по типологии отдельных типов глагольных показателей).

Апробация работы. По теме диссертации были сделаны доклады на международной конференции по языкам и литературам Южной Азии «ICOSAL

Moscow» (ИСАА МГУ, июль 2003 г.) и на рабочем совещании по ирреальным категориям глагола (Институт востоковедения РАН, апрель 2003 г.). Диссертация обсуждалась на кафедре теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии; к ней приложены Указатель языков и список сокращений.

Благодарности. За информацию по агульскому языку (хпюкский говор) выражаем нашу благодарность С. Р. Мердановой (Махачкала), за подробную информацию по формам плюсквамперфекта в испанском языке — Э. Оливан Гарсиа (Барселона); за консультацию по болгарскому — Е. Валчанову (София); неопубликованные экспедиционные материалы сообщены нам Т. А. Майсаком (багвалинский) и А. Б. Шлуинским (ненецкий, карачаево-балкарский). За ценные замечания относительно мёртвых языков (в том числе и к нашим предшествующим публикациям по этой тематике) благодарим специалистов-филологов Ю. В. Баранова (латинский) и П. В. Петрухина (древнерусский). Ряд типологических обобщений (связанных с соотношением плюсквамперфекта, «неактуального прошедшего» и экспериенциального значения) обсуждался с Н. В. Востриковой и А. Б. Шлуинским.

За иную помощь — предоставленные тексты работ, библиографические указания и / или участие в обсуждении темы на LinguistList — благодарим П.-М. Бертинетто, А. Д. Великорецкого, К. Гёрингера, В. Ю. Гусева, Л. Кертеса, Ю. Л. Кузнецову, Ю. А. Ландера, Т. А. Майсака, М. А. Мащенко, П. В. Петрухина, М. Сквартини, К. Уитли, А. Ю. Урманчиеву, Ф. Фичи, В. Фридмана, В. Л. Цуканову, О. Шинкарука.

Особо мы признательны В. Ю. Шевяховой за предоставленную возможность работы с научными журналами из электронной библиотеки Бостонского колледжа.

Глава первая.

Грамматическая синонимия и синонимия глагольных форм: подходы и теоретические проблемы

1.1. Что такое синонимия грамматических показателей?

Под грамматическими показателями — соответствие английского термина *gram(s)*, который используется в [Bybee, Dahl 1989] и [Bybee et al. 1994]; термин *gram* предложен одним из соавторов последнего издания, американским типологом Биллом (Вильямом) Пальюкой — мы подразумеваем морфемы или иные морфологические знаки (такие, как чередования, редупликации и проч.), аффиксальные или корневые (например, корни вспомогательных глаголов или частицы), выражающие грамматические значения — т. е. такие значения, выражение которых обязательно для всех словоформ данного класса лексем (согласно неформальному определению, данному в [Зализняк 1967: 22—24]).

Понятие языковой синонимии — в основном применительно к лексике — имеет долгую историю, несколько конкурирующих определений и даже принципов определения (см. обзор и обширную библиографию в: [Апресян 1974/1995: 216—224]). Представление о синонимии как о «семантическом тождестве», названное Ю. Д. Апресяном «естественным» (там же: 217), долго не получало полной поддержки в лингвистике и сопровождалось различными оговорками, а иногда даже и заменялось на противоположное утверждение (восходящее еще к В. фон Гумбольдту и А. А. Потембне), согласно которому синонимия, напротив, не может усматриваться в случае полного тождества означаемых, а непременно требует определенных различий в семантике единиц, участвующих в этом отношении; в XX веке, по крайней мере в первой его половине, такая трактовка в языкознании была даже доминирующей (ср. цитируемую Ю. Д. Апресяном обобщающую формулировку А. Б. Шапиро: «общее мнение сошлось на том, что синонимами не являются слова различного звукового состава, полностью совпадающие по значению. ... Синонимами являются слова... содержащие в своих, сходных в целом, значениях те или иные

различия» [Шапиро 1955: 72]); применительно к грамматической синонимии подобное понимание предложено уже в первой отечественной работе, где употребляется этот термин — [Пешковский 1930].

Указанный подход к синонимии опирается не только на филологическую традицию нормативной стилистики, но и на объективные языковые тенденции. Наряду с хорошо известным принципом «асимметричного дуализма языкового знака» (сформулированным С. О. Карцевским), согласно которому между планом означающего и планом означаемого в языковом знаке принципиально нет однозначного соответствия [Карцевский 1929] и всякий знак «является виртуально «омонимом» и «синонимом» одновременно» [там же: 239], существует, по-видимому, и иной, в некотором смысле противоположный ему, семиотический функциональный принцип, согласно которому знаковая система стремится, напротив, к идеальному и принципиально недостижимому одно-однозначному соответствию означающего и означаемого — это требование «изоморфизма языка и модели мира» по [Haiman 1985] (см. также [Кобозева 2000: 40, 100]) или «порядка» («упорядоченности», order) по [Dahl 2004: 19]. Выражается этот принцип, в частности, в дифференциации синонимических средств языка, которые после некоторого (возможно, большого) периода сосуществования начинают различаться если не в плане сигнификата и денотата, то по крайней мере в синтактике, прагматике и иных свойствах (ср. широко известный пример слов *лингвистика* и *языкознание*, тождественных по денотату, но различающихся по синтактике — словосочетание *сравнительно-историческая лингвистика* менее допустимо, чем *сравнительно-историческое языкознание*). Естественно, это относится и к синонимии грамматических показателей, ср., например, стилистически маркированное *-ою* в *рукою* рядом с нейтральным *-ой* в *рукой*. В связи с этим в литературе неоднократно встречается утверждение, согласно которому в языке вообще нет (точных) синонимов ни на каком уровне; якобы существует системная «боязнь синонимов» в языке, подобно тому как в аристотелевой физике «природа боялась пустоты» — [Aronoff 1976], [Kiparsky P. 1983] (принцип «избегай синонимов» — Avoid Synonyms Principle), [Williams 1997]. В [Croft 2000:176] это положение названо «первым принципом распространения» (Propagation), а в [Dahl 2004: 77—78] такое утверждение (Даль видит в нём скорее не принцип, а тенденцию диахронического развития, одну из нескольких) сопоставлено с принципом

«ниши» в экологии — два вида в экосистеме не могут занимать одну и ту же нишу и вступают в отношение конкуренции.

Тем не менее указанная тенденция, хотя объективно и несомненно существующая, по крайней мере в синхронном срезе не имеет абсолютного характера — слова с идентичными лексическими значениями в естественных языках всё-таки засвидетельствованы, поэтому принятое в Московской семантической школе разделение синонимов на «точные» или «абсолютные», толкования которых полностью совпадают, и «неточные» или «квазисинонимы», толкования которых имеют большую общую часть (ср. [Апресян 1974/1995: 218]), как представляется, адекватно отражает как синхронную, так и диахроническую реальность языковых элементов, близких по значению. Аналогичное разделение предлагалось на морфологическом уровне для словообразовательных аффиксов, ср. апеллирующий к понятию «инварианта» (основного, единого во всех употреблениях значения) подход работы [Улуханов 1977: 199]: здесь «синонимичными» признаются аффиксы, «инвариантное» значение которых совпадает, а «частично синонимичными» — аффиксы с совпадающими «контекстами» (вторичными) значениями.

Указанный понятийный аппарат вряд ли может быть механически перенесён на материал грамматических показателей. Так, известно, что грамматические показатели, несмотря на свойственную им высокую степень семантической обобщенности, обладают целым рядом отчетливо различающихся употреблений и интерпретаций (например, «несовершенный вид» в русском языке имеет актуально-длительное, общефактическое, конативное и другие употребления; «перфект» в английском языке — собственно перфектное, результативное, т. н. перфект «свежих новостей» и другие употребления). Не всегда их значения могут быть переданы при помощи таких (и только таких) средств, как толкования, к сопоставлению которых и апеллирует понимание синонимии в Московской семантической школе. Частные употребления грамматических показателей имеют нетривиальную структуру, которую, по-видимому, перспективнее всего описывать при помощи установления связей между «смежными» (и, как правило, диахронически связанными) употреблениями показателя, так называемой «семантической сети» или «семантической карты» (о методологии семантических карт см. [Anderson L. 1982, 1986], [van der Auwera, Plungian 1998], [Haspelmath 2002], [Татевосов

2002]). Среди употреблений грамматического показателя обычно выделяется «базовое» употребление (иногда и несколько таких употреблений), обладающее целым комплексом признаков (как правило, оно семантически проще и диахронически старше прочих значений, свойственно большинству контекстов и т. п.); ср. обсуждение «базового значения» (оно же «базовый смысл» или «базовое употребление») в [Dahl 1985: 9—10]; остальные употребления называются при этом «периферийными» или «вторичными» (*secondary uses*). Выделение «базовых» употреблений для каждого грамматического показателя, естественно, представляет собой особую задачу. Так, базовым употреблением английского перфекта признается «собственно перфектное», или значение текущей релевантности [Anderson L. 1982]. Для большинства устойчивых типов грамматических показателей этот анализ в работах последнего времени уже проведен (ср. прежде всего работы [Dahl 1985] и [Bybee et al. 1994], а также многочисленные типологически ориентированные статьи и коллективные монографии).

При типологической идентификации и сравнительном исследовании грамматических показателей достаточно часто используется известный уровень обобщения, при котором в качестве значения того или иного показателя рассматривается его базовое употребление; реальное семантическое содержание показателя при этом обедняется, однако «это ограничение не принципиальное, так как при более глубоком исследовании проблемы все не-базовые значения граммемы¹ тоже могут быть учтены» [Плунгян 2000: 231].

При сравнении семантики двух и более грамматических показателей, для признания их *полностью синонимичными* мы требуем, по аналогии с синонимией лексем, одинакового характера как базовых, так и вторичных употреблений показателя и тождества их синхронных семантических сетей. Такими показателями, например, являются в современном испанском языке показатели имперфекта конъюнктива *-ra-* и *-se-*; они, судя по синхронным описаниям, свободно взаимозаменяемы во всех контекстах (см. [Lunn, Cravens 1991]), в том числе и в случаях вторичных употреблений.

¹ Здесь термин «граммема», используемый в нашей работе только в смысле «грамматическое значение», соответствует грамматическому показателю как единству означаемого и означающего. — Д. С.

Квазисинонимичными грамматическими показателями признаются такие показатели, у которых совпадает базовое употребление (или все базовые употребления, если их несколько); множества вторичных употреблений при этом не совпадают. Например, в лезгинском языке квазисинонимичны два показателя плюсквамперфекта [Haspelmath 1993] — при общем базовом употреблении, ‘предшествование в прошедшем’, множества вторичных употреблений указанных форм не совпадают: у второй формы оно включает целый ряд дополнительных элементов (‘отмененный результат’, ‘давнопрошедшее’...), в то время как у первой формы оно пусто.

Методологически безопаснее в том случае, если информация о вторичных употреблениях тех или иных грамматических показателей отсутствует или слишком скудна для их детального сравнения, также постулировать именно квазисинонимию этих показателей (см. также ниже о методологических проблемах исследования).

При дальнейшем употреблении терминов *синонимия* и *синоним*, если специально не оговорено обратное, имеется в виду (аналогично тому, что принято в лексической семантике) как полная синонимия, так и квазисинонимия.

В нескольких дальнейших разделах данной главы мы рассмотрим некоторые предлагавшиеся в языкознании XX — начала XXI века трактовки проблемы синонимии грамматических показателей. Обзор этот никоим образом не претендует на полноту; внутри- и межъязыковая «вариативность» («варьирование») — тема достаточно популярная в отечественной и зарубежной лингвистике второй половины XX в., и число работ по ней очень велико; тем не менее немногие из них в части, релевантной для нашей проблематики (внутриязыковая синонимия словоизменительной морфологии) представляют теоретический интерес.

Сразу оговоримся также, что наше изложение ведётся не в порядке строго хронологическом, а в соответствии с некоторым идеализированным вектором «от структурализма к постструктурализму», от идеи жёстких оппозиций в языке и хаотичной поверхностной вариативности в речи — к идее равноправного сосуществования параллельно возникших грамматических единиц со сходной дистрибуцией. Вот почему генеративистский подход

Эроноффа 1970-х годов и структуралистско-генеративистский подход Мельчука 1970—1990-х излагается прежде, чем работы по грамматикализации В. М. Жирмунского или даже (в экскурсе) теория слоёв языка у Бодуэна; время выдвижения идей и время завоевания ими господствующих позиций, как это часто бывает в науке, не совпадали. Промежуточное положение между этими двумя полюсами занимает совокупность работ по синонимии и вариативности грамматических показателей, появившихся в отечественном языкознании второй половины XX в.: в чём-то они испытывают влияние различных направлений структурализма, в чём-то продолжают, по сути, прескриптивную, а не описательную традицию нормативной стилистики, а некоторые предвосхищают позднейшие принципы теории грамматикализации.

1.2. Структуралистский подход к синонимии грамматических показателей

1.2.1. Пражский структурализм и американский дескриптивизм: строгие оппозиции в грамматике. Алломорфы, варианты и синонимы

Применение структуралистских представлений о языке как о системе чётких оппозиций к морфологии — зачастую выражавшееся в переносе фонологического понятийного аппарата на морфологический уровень — начинается в 1930-е годы в рамках так называемого «пражского структурализма». Обычно в этой связи указывают на знаменитые статьи Р. О. Якобсона [Якобсон 1932, 1936], где, соответственно, значения категорий русского глагола и падежных категорий русского имени разбираются с точки зрения бинарных оппозиций: в рамках каждой из этих пар определён маркированный и немаркированный признак, а синонимия грамматических форм в известных контекстах рассматривается как нейтрализация этих противопоставлений. Якобсон принимает тезис «асимметричного дуализма» по Карцевскому (напомним, что работа [Карцевский 1929] была опубликована в первом же выпуске «Трудов Пражского лингвистического кружка» и должна также рассматриваться в ряду обсуждаемых работ пражцев) и усматривает образец синонимического отношения в «асимметрии коррелятивных грамматических форм»: «**Два знака могут относиться к одной и той же предметной данности** (выделение Якобсона — Д. С.), но значение одного знака

фиксирует известный признак А этой данности, тогда как значение другого знака оставляет этот признак неупомянутым. Например, ослица может быть обозначена как словом *ослица*, так и словом *осёл*. При этом подразумевается один и тот же предмет, только во втором случае значение гораздо менее уточнено» [Якобсон 1932]. Таким образом, члены оппозиции могут входить в квазисинонимичные отношения, но, по-видимому, только указанного типа (связанного с противопоставлением маркированного члена оппозиции немаркированному). Статья [Якобсон 1936] содержит утверждение о том, что всякую грамматическую категорию любого языка можно представить в виде таких противопоставлений; таким образом, несмотря на то, что Якобсон принимает принцип «ассиметричного дуализма», идеалом грамматической системы языка оказывается всё же противопоставленность всех форм: сосуществования полностью синонимичных элементов системы (или квазисинонимичных, но имеющих каждый свои дополнительные значения) в рамках данной системы допущений не предусмотрено.

Из работ пражских структуралистов в связи с нашей темой нужно назвать два текста Владимира Скалички, явившиеся в печати в 1935 году; статья [Скаличка 1935] представляла собой опыт развития принципа ассиметричного дуализма; монография [Скаличка 1935a] — одно из первых структуралистских описаний грамматики конкретного языка (венгерского), в сопоставлении с целым рядом других языков. В статье разбирается омонимия и синонимия (в терминологии автора — «омосемия») языкового знака; впервые дано важное указание на то, что синонимия более свойственна «флексиям» или «формемам» (грамматическим показателям), чем корням [с. 121—122]; в качестве примеров синонимичных корней («омосемичных семантем») в книге «О венгерской грамматике» рассматриваются лишь супплетивные корни, выбор между которыми обусловлен грамматикой (лат. *fer-o*, *tul-i*, *lat-um* ‘носить’, венг. *vagyu-ok* ‘я есмь’ — *len-nék* ‘я был бы’). Скаличка формулирует также принципиальное для структурализма утверждение — его не было у Карцевского — согласно которому как синонимия, так и омонимия языкового знака связаны со взаимоисключаемостью членов соответствующего ряда. В качестве примера приводятся, в частности, чешские окончания различных типов спряжения: «Омосемическими являются, например, флексии *-i*, *-m* в формах *kuřij-i* [‘покупаю’], *dělá-m* [‘делаю’]. Условием появления омосемии является опять-

таки взаимоисключаемость частей омосемической группы. Части омосемической группы подобны фонологическим вариантам, взаимно дополняющим друг друга. Взаимоисключаемость делает возможным их смысловую идентичность при формальном различии» [с. 121]. Указанное явление объясняется тем, что «ассиметричный дуализм... вызывает в языковой системе известные затруднения и осложнения. Поэтому языки — разные и каждый в неодинаковой степени — избегают его» [там же]. Это положение, как увидим, было последовательно развито дескриптивистами.

Школой структурализма, особенно подробно разрабатывавшей описание морфологического уровня языка, стал американский дескриптивизм; первые работы в этой области здесь появляются уже в 1930-е годы, параллельно выше указанным статьям Якобсона и Скалички. Вопрос о синонимии морфологических единиц (морфем) возникает в дескриптивизме на стадии группировки выделенных морфов — минимально значимых отрезков речи — в морфемы, что называется *идентификацией морфем*. Принципы идентификации выдвинуты в 1942 году З. З. Харрисом ([Harris Z. 1942]) и базируются на фундаментальном для дескриптивизма принципе дополнительного распределения (*complementary distribution*); алломорфами одной и той же морфемы признаются синонимичные единицы, никогда не встречающиеся в одном и том же морфемном окружении (например, алломорфы английского показателя множественного числа [s], [z], [iz], [en] в *books* 'книги', *boys* 'мальчики', *classes* 'классы', *oxen* 'волы').

Кроме того, в американском дескриптивизме выделяются два типа дистрибутивных отношений, имеющих ближайшее отношение к нашей проблематике: это свободное варьирование (*free variation*) — синонимия при отсутствии дополнительного распределения (русские примеры из [Арутюнова, Кубрякова 1961: 213]: *рукой—рукою*, *шофёры—шофера*) и неконтрастирующая дистрибуция («такое соотношение морфемных сегментов, при котором они, даже попав в одинаковое положение, не могут выполнять дистинктивной, смыслоразличительной роли»: *-ся* и *-сь* в *вернулся—смеюсь* дополнительно распределены, но тогда, когда эта норма нарушается, формы типа *смеюся* не несут никакой семантической нагрузки сравнительно со *смеюсь*). Относительно статуса данных единиц с точки зрения объединения в морфемы мнения разных дескриптивистов расходятся.

Так, например, Ч. Хоккет [Hockett 1947 : 331, 336 ff] критиковал подход Харриса за то, что единицы, находящиеся в отношении свободного варьирования, согласно его принципам не отождествляются. Хоккет предложил модификацию соответствующего принципа, согласно которому вместо дополнительного распределения требуется неконтрастирующее (таким образом, в парах вроде *свечой* — *свечю* усматривается одна и та же морфема творительного падежа). Данный анализ наталкивается, однако, на ту трудность, что синонимические морфемы могут употребляться для маркирования одной и той же грамматической категории у разных значений одной лексемы, например, англ. *brother* 'брат' — *brothers* 'сыновья тех же родителей', но *brethren* 'монахи, члены братств' (ср. русское *хлеб* — *хлебы*, *хлеба*): Хоккет обходит это препятствие тем, что считает подобные слова омонимами (и соответственно корни таких слов — разными морфемами).

С другой стороны, в рамках дескриптивизма выдвигалась точка зрения, согласно которой фонетически вполне различные морфы не могут считаться алломорфами, а представляют собой синонимы; для объединения в одну морфему необходим известный критерий фонетической близости (эту позицию отстаивал, в частности, Юджин Найда [Nida 1949: 90]).

В отечественной традиции критерий, аналогичный подходу Найды, сформулированный в рамках Московской фонологической школы (МФШ) и связанный с именами В. Н. Сидорова, А. А. Реформатского и П. С. Кузнецова, требует, чтобы морфы, входящие в одну морфему, были связаны друг с другом чередованиями. Таким образом, синонимия морфем усматривается в дополнительно распределенных показателях, например, во флексиях различных типов парадигм: так, русские окончания творительного падежа единственного числа *-ой*, *-ом* и *-ю* признаются тремя разными синонимичными морфемами; не являются алломорфами, с точки зрения МФШ, и супплетивные корни, вроде русских *ид-* и *ше(д)-*.

В качестве постскриптума к данному разделу — не столько исторического, сколько уже теоретического характера — укажем, что и современные трактовки алломорфии (уже не связанные рамками структурализма как направления) в общем следуют за позднедескриптивистским подходом к синонимии морфем. Нам представляются

справедливыми критические положения, выдвигаемые И. А. Мельчуком (2001: 243—244) против последней трактовки морфемы, в частности, то, что для выражения единства дополнительно распределенных аффиксов, а также супплетивных корней в таком случае требуются дополнительные понятия более высокого таксономического уровня; по замечанию В. А. Плунгяна (2000: 60—61), такое решение покоится на «часто весьма зыбком критерии фонологической естественности».

Тем не менее нам представляется, что при решении проблемы алломорфии к случаям одинакового распределения синонимичных морфем следует применить по меньшей мере требование возможности перехода от одной морфемы к другой при помощи тех или иных чередований (в терминологии, используемой Мельчуком — представимости по означаемому). При таком компромиссном решении определения алломорфии как для класса корневых, так и для класса аффиксальных морфов приближается к симметрии (хотя всё же и не становится полностью симметричным, поскольку не полностью тождественное распределение корней, не связанных чередованиями, не обязательно предполагает объединения их в одной морфеме).

Похожее решение предлагается В. Б. Касевичем: «Если правило, фиксирующее переход от морфа *X* к морфу *У* в контексте *С*, указывает на фонологические признаки хотя бы одной из переменных — *X*, *У* или *С*, то морф *У* есть вариант морфа *X*. Так, морф *рожн-* — вариант морфа *рожон-*, поскольку правило говорит об опущении гласной /о/ в корнях некоторого фонологического облика (хотя и не во всех). Но морф *люд'* не есть вариант морфа *человек-*, так как правило перехода от *человек-* к *люд-* не апеллирует к фонологическому виду ни первого морфа, ни второго, ни контекста, в котором осуществляется замена морфов. Поэтому *люд'* — самостоятельная морфема, синонимичная морфеме *человек-*» [1986: 41]. «Фонологически необусловленное» варьирование, лишённое фонетического сходства, отделено от алломорфии в [Алпатов 1991: 139, ср. также 144]: «Крайний случай фонетически необусловленного варьирования — так называемый супплетивизм, когда варианты такого рода не имеют и фонетического сходства. Сюда могут быть отнесены не только случаи типа русск. *ид-* — *ш-*, но и обычно не относимые к супплетивизму случаи, например, окончаний разных типов склонения. Варианты здесь столь различны, что принято считать их разными, но синонимичными морфемами».

1.2.2. Вариативность и структура языка в теории Андре Мартине

Французский лингвист Андре Мартине, один из последних крупных теоретиков «классического» (не «нео-») структурализма, посвятил проблеме вариативности языковой структуры особую работу [Мартине 1962]. Термин «variation», вынесенный в заголовок работы, означает, как комментирует автор, и процесс «варьирования», и являющиеся его результатом языковые «вариации». В этой работе бросается в глаза прежде всего то, что Мартине выделяет лишь «вариации в пространстве» (разные выражения одного и того же в различных диа-, этно- и/или идиолектах, не препятствующие взаимопониманию) и «вариации во времени» (то есть диахронический процесс изменения языка); проблема сосуществования в языке нескольких вариантов эксплицитно даже не обсуждается. Тем не менее его работа представляет собой некоторый шаг вперёд по сравнению с «жестким» структурализмом в морфологии: во-первых, ставится самая проблема варьирования структуры, во-вторых, принципиальное внимание уделяется семантической стороне вопроса; семантические различия между единицами считаются столь же «субстанциальными» [с. 458—459], что и поверхностное распределение.

Мартине различает два аспекта системы языка, в которых может осуществляться варьирование: это парадигматический (класс взаимоисключающих единиц, элементов одной грамматической категории) и синтагматический, определяющий различие между различными грамматическими категориями (например, синтагматическая глагольная система включает в себя парадигматические категории времени, залога и т. п.). Данное разграничение — во всяком случае, как его представляет автор — полемично по отношению к дескриптивизму. Дескриптивистскую позицию, от которой Мартине отмежевывается, он формулирует так: «никакие отношения, возможные или существующие между единицами, входящими в один и тот же класс, не могут рассматриваться в качестве элементов структуры языка... какие бы то ни было отношения между членами одного и того же класса, кроме самого факта их „контрастирования“ друг с другом, считаются внеязыковыми

или, в лучшем случае, метаязыковыми и не относящимися к структуре языка» [там же: 454].

Значительная часть работы, как и гораздо более известная работа Мартине [Martinet 1955], посвящена вопросу о причинах и технике языковых изменений — теме, касающейся нашей проблематики лишь косвенно. Собственно вопрос вариативных элементов языка рассматривается в последнем разделе статьи [Мартине 1962: 460—464], выразительно озаглавленном «Внешние вариации и фундаментальная структура». Данный раздел полемичен по отношению к дескриптивизму и «дистрибуционистскому» подходу к морфологии. Хотя «для всех тех, кто изучает данный язык — будь то ребёнок или взрослый, — далеко не безразлично количество способов выражения генитива в изучаемом языке: имеются ли в нём две (или более) различные формы генитива или в результате выравнивания по аналогии представлен только один способ выражения этого падежа», понимание морфологии лишь как инвентаря алломорфов и правил их распределения ограничено: описываемые таким образом «акциденции» (внешние стороны сущности, термин, заимствованный их схоластики) «представляют собой лишь весьма периферийные аспекты подлинной структуры языка» [1962: 461]. Дело в том, что, согласно Мартине, подлинную структурную значимость имеет не столько возможность употребления той или иной единицы в определённой точке высказывания (что задаёт всё пространство возможностей традиционной формально-морфологической типологии: агглютинация, фузия, кумуляция, разрывные морфемы, алломорфия, супплетивизм и т. п.), а возможность употребления этой единицы в высказывании вообще, не морфологическая (линейная), а семантическая (нелинейная) сторона дела [там же: 462—463]; порядок значимых единиц — в отличие от порядка фонем — нерелевантен [там же]. Соответственно проблемы соотношения между поверхностными представлениями единиц являются второстепенными по сравнению со структурными соотношениями единиц, принадлежащих разным дистрибутивным классам (или одному и тому же, но с семантической, а не формальной точки зрения).

Получается, что структурализм, ориентированный на семантику (кроме как у Мартине, такой подход мы видели и у Якобсона) в ещё меньшей степени,

чем структурализм, ориентированный на форму (дескриптивизм) уделяет внимание синхронному сосуществованию синонимичных единиц. Если дескриптивизм хотя бы ставит проблему «свободного варьирования» и допускает споры о статусе — алломорфическом или синонимическом — таких единиц, поднимает вопрос о синонимии супплетивных морфем и т. п., то семантико-ориентированный подход признаёт синонимию лишь как речевую нейтрализацию форм, противопоставленных в языке; конкретные средства выражения этой оппозиции и этой нейтрализации представляют для него лишь периферийный интерес.

1.2.3. Обобщение структуралистской традиции в «Курсе общей морфологии» И. А. Мельчука

Структуралистский подход к семантике грамматических показателей, жестко противопоставленных семантике лексических единиц, представлен, например, в «Курсе общей морфологии» (КОМ) И. А. Мельчука — этот фундаментальный компендиум морфологических знаний, появившийся в 1990-е годы, отражает структуралистскую научную парадигму (с элементами генеративизма), характерную и для более ранних (1960-е—1970-е годы) работ как самого автора, так и других лингвистов, работавших в рамках получившей широкую известность лингвистической теории, т. н. «Модели Смысл ↔ Текст»; некоторые идеи, обсуждаемые ниже, высказаны уже и в ранних статьях Мельчука (в частности, серия статей в «Известиях АН», из которых для нашей проблематики специальный интерес представляет [Мельчук 1968]).

Синонимия морф (корней или аффиксов) трактуется как «тождественное означаемое при различном означающем» у двух морф [2001: 228]; в качестве примеров таких аффиксов приводятся (в различных частях КОМа) «адъективирующие словообразовательные суффиксы *-ическ vs -ичн* и *-лив vs. -н*: эти суффиксы имеют одно и то же означаемое («относительное прилагательное»), не являясь, однако, алломорфами одной морфемы» [Мельчук 1997: 332], а также словообразовательные суффиксы со сложным и трудноописываемым распределением: диминутивы *-ок* и *-ик* [2001: 233], суффиксы, образующие названия жителей, *-ич, -ец, -анин* и др. [там же: 234].

«[Грамматические значения] достаточно легко сводятся в хорошо организованную систему четких обобщенных оппозиций, образуя высоко структурированные и достаточно очевидные множества. Так, для всякого носителя русского языка ‘множественное [число]’ образует систему с ‘единственным [числом]’, а ‘настоящее [время]’ — с ‘прошедшим’ и ‘будущим’» [Мельчук 1997: 243]. Этот принцип в формулировке, предлагаемой автором, касается только грамматических значений, однако он, как увидим, оказался фактически во многом распространен и на план их формального выражения.

Подробно вопрос о соотношении между планом выражения и планом содержания двух знаков ставится в Томе IV «Курса общей морфологии», где проводится попытка полного исчисления «формально-смысловых отношений между двумя произвольно взятыми языковыми знаками» (2001: 468—496); данный раздел во многом опирается на серию ранних работ автора (см. выше). Автор ставит целью проанализировать все логически возможные способы отношения между знаками; для этого он строит 17 классов, соответствующие различным комбинациям отношений между означающими и означаемыми в пределах пары знаков. Коль скоро анализу подвергаются не только элементарные знаки, но и более сложные (например, словоформы), то случай полной грамматической синонимии мог бы попасть в классы 2 — «Тождество означаемых, включение означающих», 3 — «Тождество означаемых, непустое пересечение означающих» и 4 — «Тождество означаемых, дизъюнкция означающих». Квазисинонимия могла бы попасть в любой из классов 5—12, где речь идет о непустом пересечении (в т. ч. включении) означаемых. Однако в перечне анализируемых случаев мы вовсе не находим синонимии грамматических показателей — для «тождества означаемых» Мельчук рассматривает только лексическую синонимию, различные типы словообразования, а также супплетивизм, регулярную алломорфию и словоизменение, связанное с согласованием (так, полностью синонимичны словоформы *хороший* и *хорошая*); квазисинонимические грамматические показатели в соответствующем списке также отсутствуют (наличествуют, в частности, супплетивизм и лексическая квазисинонимия)

Тем не менее, опираясь на этот *argumentum ex silentio*, утверждать, что существование двух и более синонимичных различных морфем (а не

алломорфов одной морфемы), выражающих словоизменительные, а не словообразовательные значения, теорией Мельчука вовсе не предусмотрено, было бы неверным. По крайней мере для корневых морфем — в нашем случае речь идет о корнях вспомогательных словоформ (лексе), участвующих в образовании аналитических форм — такая возможность имеется, хотя в качестве примеров приводятся только корни полнозначных лексем: согласно мельчуковскому определению морфемы ([2001: 230—231]; см. также специальную работу этого автора [Мельчук 1998]), корни, означаемые и дистрибуции которых тождественны, но которые не представимы через чередование и/или конкатенацию относительно некоторой представляющей корневой морфы, не являются алломорфами одной морфемы — например, франц. *tank* и *char* ‘танк’; «мы не хотели бы, чтобы они были признаны морфемами одной морфемы» [Мельчук 2001: 242]. Таким образом, синонимия вспомогательных глаголов вроде португальских *ter* и *haver* не является алломорфией, уже постольку, поскольку представляет собой синонимию корней, распределенных одинаково.

Однако относительно синонимических аффиксов Мельчук утверждает (2001: 242): «для аффиксов свободное варьирование [алломорфов] допускается без ограничений: например, суффиксы творительного падежа единственного числа у русских существительных женского рода [...] *-ой* и *-ою* (а также *-ей* и *-ею*), взаимозаменяемые во всех контекстах, являются алломорфами одной и той же морфемы»; ср. также более четкую формулировку с употреблением понятия синонимии: «равнозначные (=синонимичные) аффиксы с факультативным распределением включаются в одну морфему независимо от их означающих... синонимия таких аффиксов влечет их алломорфию», [Мельчук 1998: 19]). Иными словами, синонимичные, одинаково распределенные показатели испанского имперфекта конъюнктива (восходящие к латинским плюсквамперфектам индикатива и конъюнктива соответственно) *-se-* и *-ra-*, в таком понимании принадлежат одной и той же морфеме. Данное решение, как представляется, не вполне адекватно с интуитивной точки зрения — заметим, что к интуиции прибегает и И. А. Мельчук, когда говорит, что «не хотел бы» считать *tank* и *char* алломорфами.

Таким образом, грамматическая модель, принятая в «Курсе общей морфологии», как будто бы предусматривает существование синонимичных

аналитических, но не синтетических грамматических форм; последние оказываются дополнительно связаны (через соответствующие грамматические показатели) отношением алломорфии. Квазисинонимическое отношение в этом смысле не отличается от полной синонимии.

1.2.4. «Однозначность» морфологических форм в генеративизме: «блокирующий принцип».

Радикальная «антисинонимическая» позиция, согласно которой синонимичных словоизменительных форм (а, возможно, и языковых единиц с тождественной семантикой вообще) в языке не существует, получила распространение в морфологической теории уже после отступления структуралистской парадигмы с господствующих позиций. Примером может служить американская лингвистика второй половины XX в. Здесь дескриптивизм и «дистрибуционизм» в понимании Харриса—Хоккета сошёл со сцены после так называемой «хомскианской революции» второй половины 1950-х годов и распространения генеративистского подхода.

Казалось бы, порождающая лингвистика, на начальном своём этапе поощрявшая исследования альтернативных «поверхностных» реализаций, которые получают «глубинные» синтаксические конструкции, должна была бы уделить особое внимание и синонимии грамматических форм. Но этого не произошло. Парадоксально, но влиятельная морфологическая модель, разработанная в рамках генеративизма М. Эроноффом [Aronoff 1976], эксплицитно запрещает сосуществование синонимичных форм, то есть сохраняет одно-однозначное соответствие смысла и формы, свойственное структурализму (и даже, как увидим, в более сильной степени, чем собственно в дескриптивизме).

Данное ограничение на образование морфологических форм Эронофф называет «принципом блокирования» (blocking principle)². Возникновение этого

² Литература по «принципу блокирования» достаточно обширна; помимо работ, разбираемых и цитируемых ниже, он затрагивался (и получил поддержку) в статьях таких известных американских морфологов, как

принципа было связано не столько со словоизменительной, сколько со словообразовательной морфологией (деривация в теории Эроноффа нечётко отграничена от словоизменительной морфологии — см. об этом также [Кубрякова 1991: 155]). «Принцип блокирования» был призван объяснить отсутствие образований вроде *glorious* ‘славный’ + *-ity* ‘номинализирующий суффикс’ = **gloriosity*; создание подобной формы «запрещается» благодаря существованию бессуфиксального существительного *glory* ‘слава’.

Принцип блокирования сформулирован его автором так: «Блокирование — это отсутствие некоторой формы в силу того, что просто уже существует другая форма... Предположим, что в основе организации словаря лежат [морфологические] основы, и каждая из них имеет свободную позицию (slot) в соответствии с каждым регулярным значением, где «регулярный» означает «образованный по регулярным правилам». В таком случае примем, что каждая позиция, соответствующая значению, не может быть занята более чем одним элементом (item) [Aronoff 1976: 42—44]».

Кратко данный принцип переформулирован Э. Вильямсом [Williams 1997]: «X блокирует Y тогда и только тогда, когда X является кандидатом с тем же значением, что и Y. Блокирование можно представить как часть «боязни синонимии»: если в синтаксисе³ или морфологии существуют две формы, они должны иметь разные значения, а если двум формам невозможно приписать разные значения, то одна из них не может существовать».

Дж. Блевинс ([Blevins 2000: 250]) замечает, что сформулированный таким образом принцип блокирования, безусловно, распространяется не только на словообразование, но и на словоизменение; кроме того, в более поздних версиях теории Эроноффа на месте «основы» выступает уже «лексема», что прямо указывает даже на более узкое понимание данного принципа (*ibid.*). Блевинс утверждает: «Эффекты блокирования гораздо весомее присутствуют в словоизменительных парадигмах»; если понимать под «значением» в формулировке принципа «грамматическое значение» по Якобсону, то

П. Кипарский и А. Цвики (библиографию работ 1970—1980-х гг. см. в [Miller D. 1993: 2]).

³ Вильямс предлагает (как и ряд других авторов) также и распространение принципа блокирования на синтаксис. — Д. С.

«систематические случаи блокирования имеют место внутри лексем, а не между ними».

Видимое нарушение этого принципа в виде существования словообразовательных дублетов «иногда объясняют через утверждение, согласно которому в языке вообще нет синонимов». Иными словами, различие в морфологической структуре на самом деле поддерживается семантическими различиями, и тогда принцип блокирования не нарушается. Но словоизменительная однозначность, с точки зрения Блевинса, носит абсолютный характер, и проблема синонимии к ней не относится: «если и на самом деле синонимов нет, синонимия не может служить катализатором морфологического блокирования» (ibid.).

Таким образом, допущения, принятые в наиболее влиятельной морфологической теории, выдвинутой в рамках генеративизма, не допускают существования двух синонимичных словоизменительных форм. По-видимому, то же относится и к квазисинонимии, когда дистрибуция словоизменительных форм не в точности одинакова (ни одному регулярному «значению», воплощаемому основой или лексемой, не могут соответствовать две формы); в работе Блевинса утверждается, что маркированная форма не может встречаться в том же синтагматическом окружении, что и немаркированная ([Blevins 2000: 243]).

Встречается и более узкое понимание принципа блокирования (например, в работе [Pinker 1999: 144—153], обсуждение идей Х. Пинкера ср. также в [Dahl 2004: 96—97]), согласно которому блокирование имеет место только при наличии в парадигме «неправильных» (супплетивных и/или непродуктивных) форм, которые хранятся в словаре (stored), в то время как «правильные» формы порождаются говорящим по регулярным правилам (ср.: «более частный случай предшествует более общему»; [Miller D. 1993: 2]); такая точка зрения, согласно Пинкеру, подтверждается психолингвистическими экспериментами. Так, существование английской неправильной формы типа *ran* ‘побежал’ блокирует порождение **runned* по общим продуктивным правилам образования Past Indefinite; говорящий, таким образом, имеет «параллельный» доступ к словарю и к правилам. Но такая точка зрения наталкивается на маргинальный (и малочастотный, в отличие от последовательно неправильных глаголов, в живой речи; ср. об этом [Dahl 2004: 97]), однако же несомненный

феномен сосуществования альтернативных регулярных и нерегулярных словоформ (и, соответственно, словоизменительных морфем) от одной и той же лексемы; ряд английских глаголов знает варьирование вида *dreamt* [dremt] / *dreamed* 'мечтал, видел сны'. Пинкер обходит данный факт, утверждая, что в таких случаях поверхностно «правильная» форма не порождается, а хранится в словаре наравне с «неправильной»; таким образом, глубинная синонимия всё же признаётся. Некоторые исследователи проблемы [van Marle 1985, Rainer 1988] различают «штучное блокирование» (token-blocking), когда запрещается порождение продуктивной формы при наличии непродуктивной, и «типичное блокирование» (type-blocking), когда один продуктивный тип блокирует другой (например, в нидерландском есть два продуктивных способа образования множественного числа — при помощи показателя *-s* и при помощи показателя *-en*; если от некоторого слова, скажем, *lepel* 'ложка' образуется множественное число *lepel-s*, а не **lepel-en*, то считается, что *-s*-тип блокирует *-en*-тип) [Miller D. 1993: 5]. Однако случаи варьирования между несколькими продуктивными типами также известны: *директор-ы* и *директор-а* и под.

Разумеется, генеративизм не отрицает объективных фактов, связанных с употреблением различных показателей в тождественной функции; однако, в точности как и дескриптивизм, считает подобные случаи поверхностным представлением одной и той же хранящейся в лексиконе морфемы (впрочем, в версии Пинкера, как мы видели, уже допустимо параллельное хранение в памяти синонимичных способов выражения). В. Б. Касевич, обсуждая проблемы представления морфемы как множества алломорфов, говорит о генеративистских работах (в том числе и о морфологических концепциях Эроноффа и Вильямса) следующее: «Для генеративистов, как известно, реальны с функциональной точки зрения только словарные (глубинные, системно-фонологические) и текстовые (поверхностные, системно-фонетические) записи морфем... Основной источник появления абстрактных единиц в словарных представлениях морфем — это именно стремление свести к минимуму возможность морфемной синонимии. Если, например, для испанского глагола *oír* 'слышать' устанавливают словарную запись /awd/, поскольку существует слово *audición* 'слушание' и некоторые другие, а потом сложной системой

правил из /awd/ получают поверхностные формы oigo 'слышу', oís 'слышишь'⁴ и т. п. ..., то это объясняется именно стремлением не допустить вхождения в словарь двух синонимичных морфем — /awd/ и /oir/» [Касевич 1986: 40].

В данном пункте генеративная морфологическая теория Эроноффа и его последователей фактически остаётся в рамках структурализма. Э. Вильямс справедливо утверждает: «Принцип блокирования предвосхищался в структурализме, в частности, принципами, предлагавшимися Соссюром и Фортом⁵; согласно этим принципам различие в значении, возможно, играет более фундаментальную роль, чем собственно значение» [Williams 1997]. Впрочем, подобный взгляд выдвигался и младограмматиками, например, таким классиком сравнительно-исторического языкознания, как Герман Пауль (как и у Эроноффа, речь шла о подобных явлениях в словообразовании: [Paul 1896: 704]).

1.3. Морфологическая синонимия и вариативность в отечественном языкознании второй половины XX в.

Интерес к анализу и теоретическому осмыслению языковой синонимии и/или вариативности (сами понятия «синонимия/синоним» и «вариативность/вариант» при этом разграничиваются различными авторами по-разному) возникает в отечественной лингвистике в конце 1950-х—1960-е годы во многом как реакция на структурализм. Преимущественное внимание здесь уделялось синонимии и вариативности не в области морфологии, а в области лексики и синтаксиса, а также проблеме «семантической вариативности» (полисемии) и поискам инварианта; показателен сборник [Ярцева (ред.) 1979], в предисловии к которому указано: «Стремление авторов монографии всегда держать в поле зрения содержательную сторону языка привело к тому, что семантическому варьированию было уделено большее внимание, чем чисто

⁴ Так у Касевича (использующего пример из [Calvano, Saltarelli 1979], где 'you hear'); в действительности oyes 'слышишь', а oís 'слышите'. — Д. С.

⁵ Чарльз Х. Форт (Fort, 1874—1932) — малоизвестный у нас американский писатель, автор работ по философии науки и «паранормальным явлениям» (один из пионеров этой темы), критик позитивизма. — Д. С.

формальным вариантам, существующим в каждом языке» [там же: 4]; действительно, собственно морфологической стороне проблематики здесь посвящена только общетеоретическая статья редактора сборника [Ярцева 1979], остальные так или иначе связаны либо с полисемией на грамматическом уровне, либо с синонимией на лексическом. Это характерно, впрочем, и для подхода к проблематике вариативности в западной лингвистике указанного периода: здесь она нередко связывается с проблематикой инварианта, т. е. общего значения различных употреблений одной и той же грамматической формы; такой подход связан с уже упоминавшейся работой [Якобсон 1936] и нашёл отражение, например, в сборнике [Waugh, Rudy (eds.) 1991], где о «вариативности» заходит речь практически только в связи с полисемией и поиском «инварианта». Ср. в этом отношении даже недавний, специально посвящённый вариативности в языке, выпуск журнала “Lingua” (2004, из этого выпуска нами ниже обсуждается статья [de Hoop et al. 2004]), где также большое внимание уделено поверхностной синонимии и неразличению тех или иных грамматических значений, хотя проблематика инварианта уже во многом и утратила для этих исследователей актуальность.

Из огромного количества теоретических работ, тематических сборников и исследований вариативности и синонимии в конкретных языках, опубликованных в нашей стране в указанный период, нами здесь рассматриваются несколько непосредственно имеющих отношение к теоретическому осмыслению синонимии в морфологии. Более подробные библиографические указания в связи с проблематикой синонимии и вариативности (не только морфологической) в отечественном языкознании указанного периода см. в недавней работе [Сорокина 2003: 94 и след.].

Понятие «грамматическая синонимия/синонимика» возникает у нас значительно раньше, чем начинается активная разработка данной проблематики, — в русле традиции нормативной, можно сказать даже «школьной» стилистики. Упомянем здесь методико-педагогическую по своим задачам работу А. М. Пешковского [Пешковский 1930]; грамматические синонимы определяются тут как «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу» [1930: 153]; синонимия трактуется как неабсолютная, связанная с «тонкими оттенками», «нюансами», «потому что

стилистика вообще ведаёт только их». Соответственно, «синонимы, совершенно тождественные по значению, как *кадет* — *кадетов*, *свеч* — *свечей*, а также синонимы, всецело диктуемые словарём, как *воды* — *огня* — *площади*, *воде* — *огню* — *площади* (имеются в виду падежные окончания разных склонений — Д. С.)», с точки зрения Пешковского, «должны будут выпасть из поля наблюдения» [там же]. Морфологическая словоизменительная синонимия («синонимика синтаксических форм») рассматривается как нечто маргинальное: «морфологические синонимы этого типа в нашем языке все на перечеёт»; различие между ними относится на счёт «архаичности» старых форм и «вульгарности» новых [там же: 154].

Традицию нормативной стилистики применительно к русскому материалу развивают известные работы Д. Э. Розенталя [1968] и К. С. Горбачевича [1978]. Если пособие Розенталя связано прежде всего с «практической стилистикой» и «синонимией языковых средств» в понимании Пешковского, а «грамматическую стилистику» автор рассматривает как средство установления тонких различий между элементами (об этой работе см. также [Dahl 2004: 131]), то в работе Горбачевича имеются теоретические суждения относительно не только стилистических пар («синонимов»), но и полностью однозначных дублетов («вариантов»). Варьирование автор полагает неотъемлемым фактором языковой системы, связанным прежде всего с эволюцией языка («избыточность формы представляет собой и необходимый этап перестройки элементов языковой системы, который поддерживает преемственность речевых навыков и обеспечит в будущем более рациональный способ выражения» [Горбачевич 1978: 9]; «варианты слова маркированы, в первую очередь, по временной шкале»). Процесс сосуществования и конкуренции вариантов (предшествующий «отмиранию вариативности») оказывается медленным, значительно дольше жизни одного поколения и осуществляется неравномерно [там же: 204—205].

Для исследования К. С. Горбачевича характерен строго формальный подход. Вариантами одного и того же слова (под «словом» понимается и лексема и словоформа) признаются единицы со вполне тождественным лексическим и грамматическим значением («полные синонимы», в нашей терминологии), морфологическая структура которых тождественна (различаться могут только формообразующие суффиксы), а на фонематические различия

налагается известное ограничение [там же: 9—17]. Альтернативные словоизменительные образования (*чашка чая/чаю*), таким образом оказываются «формообразовательными вариантами», в то время как словообразовательные (*волчиха/волчица*) — синонимами. Варианты (в отличие от синонимов) суть объекты не стилистики, а ортологии — науки о языковой норме или правильности речи [там же: 9—20]. В работе анализируются три пары словообразовательных вариантов: формы родительного падежа единственного числа мужского рода на *-а* и на *-у* (так называемый второй родительный падеж), окончания множественного числа в том же склонении *-ы* и *-а*, окончания родительного падежа множественного числа (вроде *граммов/грамм, кочевий/кочевьев* и т. п.). Среди общих выводов относительно природы морфологического варьирования — более характерная для морфологии, чем для других уровней языка, семантическая специализация вариантов ([там же: 201]); неоднократно отмечается зависимость распределения грамматических вариантов от семантического класса лексем: «образование даже морфологических вариантов имеет весьма лексикализованный характер» [там же: 204].

Работы Розенталя и Горбачевича, хотя и продолжают старшую традицию, относятся уже к концу 1960-х—1970-м годам; специальные работы по синонимии грамматических форм впервые появляются, как кажется, в ленинградской школе германистики во второй половине 1950-х годов, и здесь очевидно уже влияние структурализма. Прежде чем перейти к исследованиям В. Н. Ярцевой и Е. И. Шендельс, важно назвать во многом опередившую время статью акад. В. М. Жирмунского «Об аналитических конструкциях» [Жирмунский 1963/1976]. В этой статье, посвящённой, на первый взгляд, другому вопросу, предвосхищена возникшая в рамках теории грамматикализации (см. раздел 1.4.) идея синхронного сосуществования («наслаивания») в языке синонимичных единиц, представляющих различные уровни грамматикализации («ступени грамматизации», в терминологии автора, использовавшего понятийный аппарат работ Мейе и Куриловича).

Аналитическое формообразование, по Жирмунскому, «имеет характер процессуальный (разрядка автора — Д. С.) с переходными случаями большей или меньшей грамматизации, которые следует рассматривать не как

метафизически изолированные классификационные клеточки, а... как «узловые точки» в процессе развития, представляющие ряд последовательных ступеней грамматизации, сосуществующих в языке без неприцаемых между ними перегородок» [там же: 89]. В качестве иллюстрации этой идеи Жирмунский рассматривает синонимичные формы аналитического будущего русского несовершенного вида, образуемого при помощи глаголов *буду*, *стану* и *начну*.

Синонимии и полисемии в грамматике (на материале немецкого глагола) специально посвящена книга другого представителя ленинградской германистической школы — Е. И. Шендельс [Шендельс 1970] (ей предшествовала статья [Шендельс 1959])⁶. К сожалению, за пределами собственно германистики эта интересная работа не получила широкой известности, а между тем методология Шендельс представляется близкой к оптимальной для подобных исследований в рамках грамматической системы отдельного языка. Автор выделяет и описывает набор значений, присущий каждой из временных, залоговых и модальных форм немецкого глагола, а затем рассматривает, каким образом схожие значения различных форм могут вызывать эффект их синонимии и функционирования в идентичных контекстах.

Синонимия грамматических форм определяется Шендельс в структуралистских терминах: грамматическая категория понимается как «грамматическое значение, реализованное и формально выраженное в противопоставленных членах» [Шендельс 1970: 5], а «синонимы в морфологии — это противочлены оппозиций с нейтрализованными различительными признаками» [там же: 40]. Синонимия грамматических значений считается неотрывной от полисемии (в соответствии с принципом Карцевского). Действительно, структура немецких глагольных форм индикатива представлена, в духе Якобсона и Исаченко, при помощи бинарных оппозиций и более сложных, сводимых к бинарным [с. 6—11, 47], а изучаемая автором синонимия связывает не базовые значения форм («парадигматические»), а их

⁶ К работам Шендельс методологически (понятие «структурной близости») примыкает также подробно не рассматриваемая здесь статья ленинградской исследовательницы И. П. Ивановой [Иванова 1961], посвященная анализу синонимии в видо-временной парадигме английского глагола.

вторичные («второстепенные синтагматические») значения; элементарные составляющие значений она одной из первых в отечественной лингвистике называет «семами» [с. 22—32] (этот термин восходит к уже обсуждавшимся работам В. Скалички и Ю. Найды). «Если представить потенциальный объём значений формы в виде совокупности смысловых элементов (сем), то синонимы можно считать пересечением двух и более совокупностей» [с. 31]. В пределах каждого синонимического ряда автор выделяет «доминанту, которой считается форма в своём парадигматическом значении» [с. 82]: например, в один синонимический ряд с парадигматическим значением претерита вступает перфект в его «дистантном» значении, презенс в «повествовательном» значении и плюсквамперфект в «завершающей» функции.

С одной стороны, нейтрализация синонимичных форм немецкого глагола происходит не в грамматической системе — «парадигматически» они противопоставлены всегда — а при «функционировании в речи», «в определённых синтагматических условиях» [с. 15]; эти условия разбираются на стр. 17 и след. (лексическая обусловленность, интонационная обусловленность, смысловая ассоциация, вневингвистический контекст и проч.). С другой стороны, «имеются оппозиции со слабо выраженными дифференциальными признаками, которые даже в парадигматической схеме могут считаться синонимичными» [с. 16].

В качестве факторов, определяющих выбор синонимов, исследовательница выделяет «закон изменчивого угла зрения» (прагматическую субъективность), «стиль речи», причём противопоставляются наиболее резко отличающиеся друг от друга регистры — стиль научной прозы и обиходной речи, зависимость от социального положения, диалектной принадлежности, зависимость от лексического фактора, стремление избежать грамматической омонимии и трудноопределимая (и задаваемая в основном конкретными примерами) «зависимость от эстетического фактора», которой автор приписывает (в отличие от многих нормативных стилистик) наиболее скромную роль.

К филологической школе, испытавшей влияние работ Жирмунского и западноевропейского структурализма, принадлежит также ленинградский романист Л. М. Скрелина, автор второй известной нам отечественной монографии по грамматической синонимии — учебного пособия к спецкурсу

«Грамматическая синонимия» [Скрелина 1987]; её метод также базируется на анализе семантики грамматических форм по минимальным различительным признакам (или компонентном анализе) и связан с «тензорной» теорией языка (или «психосистематикой»), выдвинутой еще в начале XX в. французским лингвистом Г. Гийомом и не получившей значительного признания за пределами Франции. В работе Скрелиной, как и у Шендельс, сохраняется соссоровская дихотомия «язык vs. речь»: помимо анализа «актуализации» языковых единиц (по методике Гийома и его последователей) ею также проводится компонентный анализ значения глагольных форм на «семь», а возникновение синонимии в речи («системно-дискурсивной» синонимии) связывается с нейтрализацией того или иного дифференциального признака (как ставшего «слабым» в той или иной «микросистеме» оппозиций). Примечательно, что Скрелина [1987:61] признаёт абсолютную синонимию грамматических единиц, более того, утверждается, что феномен абсолютной синонимии присущ только грамматическому, но не лексическому уровню языка (это утверждение перекликается с аналогичным положением Скалички — см. выше, раздел 1.2.1). «Синонимичными» при этом именуются также дополнительно распределённые грамматические показатели (такие, как окончания разных склонений и под.; проблема алломорфии не ставится), а абсолютная синонимия морфем при одной и той же лексеме относится к «морфологической вариантности», причём это понятие не противопоставлено синонимии (например, сюда подпадают альтернативные парадигмы глагола *s'asseoir* 'сидеться': *je m'assieds/je m'asseye/je m'assis* и т. п.).

Другая «школа» изучения грамматической синонимии во второй половине XX в. связана прежде всего с именем англиста В. Н. Ярцевой, ученицы Жирмунского (чья научная деятельность началась в Ленинграде, а продолжалась в Москве). Её работы по грамматической синонимии появляются уже во второй половине 1950-х годов [Ярцева 1957], даже несколько ранее, чем первые работы Шендельс в этой области. И здесь проблематика «варьирования» (данная группа авторов предпочитает этот термин) привлекает в основном германистов; материалу германских языков, помимо нескольких статей в сборнике [Ярцева (ред.) 1979], целиком посвящён более поздний московский сборник [Семенюк (ред.) 1996]. Большинство исследований, выполненных в

рамках этой ветви отечественной традиции — “case studies” конкретных фрагментов языковой системы, причём, как мы уже отмечали, в поле зрения этого круга авторов попадают не только (и, может быть, даже не столько) синонимия в морфологии, но и полисемия в служебной лексике или эквивалентность синтаксических средств выражения. Для этой традиции также характерно подчёркивание функциональных принципов (ср. прежде всего [Сорокина 2003]; в [Локштанова 1996] наряду с «вариативностью» употребляется термин «изофункциональность»).

В теоретической статье В. Н. Ярцевой [1979], специально посвящённой морфологическому варьированию, интересующее нас явление называется «немотивированным формальным» варьированием (полная синонимия показателей), в отличие от полисемии, или «семантического варьирования» («сохранение одной формы при множестве варьирующихся значений»). Первое усматривается только в том случае, когда две различные формы «могут чередоваться в одной и той же позиции» [Ярцева 1979: 10]. Оно «типично для так называемых переходных периодов, когда происходит радикальная перестройка строя данного языка и социально-исторических условий его функционирования» [там же: 15]; «оно не может быть извечным и узаконенным, так как с течением времени либо возникает семантическая или дистрибутивная дифференциация вариантов, либо один из вариантов отмирает» [там же: 16]. К числу источников вариантов относится сосуществование исторических и аналогических форм, сведение в одну систему синонимов из разных территориальных диалектов либо этимологических дублетов. Все эти факты так или иначе уже были известны в предшествующей литературе; собственно В. Н. Ярцевой принадлежит гипотеза, согласно которой такое варьирование возможно, «по-видимому, только для отдельных элементов ряда, но не для всего ряда в целом» [там же: 10, 23—25], то есть не может затрагивать всех элементов парадигмы в данном языке.

Среди работ последователей Ярцевой, посвящённых морфологической вариативности в германских языках, особо укажем посвящённую глагольной системе датского языка статью [Локштанова 1996], где проводится постструктуралистское различие между «собственно парадигмой», выстроенной на чётких оппозициях и слабее «грамматизованной» «расширенной парадигмой» (для которой синонимия более характерна) — впрочем, и тут автор

усматривает «дифференцированные инвариантные значения» [там же: 45—47], а также общетеоретическую (с привлечением примеров из английского языка) работу [Сорокина 2003], использующую функциональный и когнитивный подходы. Автор этой последней статьи концентрирует внимание на синонимии синтаксических конструкций, считая, что «на морфологическом уровне критерии... синонимии и методика выявления сходства и различия между синонимами детально описаны» [там же: 94], таким образом, эта недавняя работа считает проблему морфологической синонимии практически закрытой, и это при том, что определение морфологической синонимии дано предельно краткое и явно не учитывающее всех особенностей данного явления: «морфологические синонимы — это грамматические единицы, имеющие одинаковое (близкое) денотативное и разное коннотативное содержание» [там же].

Итак, работы отечественных лингвистов 1950—1990-х годов, так или иначе посвящённые проблематике грамматической синонимии и вариативности, сходятся в том, что сосуществование единиц с тождественными значениями представляет собой неотъемлемое свойство языковой системы, причем, как правило, обусловленное историческим развитием языка (пафос «историзма» в противовес «неисторичности» вообще характерен для критиков структурализма, а особенно в Советском Союзе, где такая позиция отчасти поддерживалась даже официально). Причина возникновения данного феномена — сосуществование в языке моделей, возникших в различное время, либо нейтрализация семантических оппозиций между уже существующими моделями (в этом последнем случае синонимия может затрагивать не только второстепенные «парадигматические», но и базовые «синтагматические», входящие в языковую структуру значения). Особо следует отметить концепцию В. М. Жирмунского относительно различной «степени грамматизации» сосуществующих грамматических синонимов (с этой концепцией можно сблизить «этимологические дублеты» Ярцевой). Относительно диахронической судьбы данных форм высказываются наиболее общие утверждения, согласно которым обычно такое соотношение ведёт к «победе» одной из форм — как правило, более новой — но в целом процесс более или менее равноправной конкуренции

синонимичных форм может растягиваться на период жизни нескольких поколений (Горбачевич).

Понятия «синонимы» и «варианты» некоторые авторы употребляют, — к сожалению, придётся несколько смешать язык с метаязыком, — как полные синонимы (или, если угодно, свободные варианты). Некоторые терминологизируют эти различия, считая «синонимы» знаками с тонким семантическим различием, а «варианты» — знаками, полностью совпадающими по означаемому. Причём идея «тонких стилистических различий» — на деле больше, чем просто дань школьной традиции: подчёркивается объективно сложный и неоднородный, не связанный собственно с денотативной семантикой характер синхронного «противопоставления» между грамматическими синонимами [ср. Dahl 2004]. Важное исчисление подобных факторов (не сводимых к недифференцируемым «стилистическим целям») мы находим у Шендельс (во многом оно предвосхищает многофакторный подход к виду и времени в [Waugh 1991] или [Thelin 1991]); здесь имеется и указание на роль дискурсивных функций в семантике денотативно совпадающих глагольных форм — предпосылки такого подхода были и у современников Шендельс, прежде всего В. В. Виноградова, но к функции глагольной словоформы в тексте как важнейшему параметру описания видо-временных значений аспектология обратится только в 1980—1990-е годы (ср. обзор данного подхода в [Петрухина 2000: 76—79], [Плунгян 2004]).

1.4. Постструктуралистский анализ синонимии грамматических форм

Привлечением внимания к морфологической синонимии (и в том числе синонимии глагольных категорий) лингвистика конца XX века обязана значительному прогрессу в типологическом исследовании грамматических значений. Если структурализм (особенно дескриптивизм, пренебрегавший семантикой вообще) фактически ставил под сомнение возможность межъязыкового сопоставления схожих грамматических категорий и граммем, то начиная с 1970-х годов возможность обобщений в области семантики глагольных категорий была убедительно продемонстрирована в целом ряде работ, прежде всего в монографиях Бернарда Комри [Comrie 1976, 1985]; из

отечественных работ нужно назвать прежде всего «К основаниям сопоставительной аспектологии» и «Очерки по аспектологии» Ю. С. Маслова [Маслов 1978/2004, 1984/2004]. В 1980-е годы получает также новое развитие так называемая *теория грамматикализации*, согласно которой грамматические показатели в языках мира диахронически восходят к лексическому материалу (а сама грамматикализация, соответственно, может быть определена как «процесс перехода от лексем к грамматическим формативам» ([Lehmann 1982/1995: vii]). Об истории понятия грамматикализации (в том числе и в отечественных работах), о сущности этого процесса с семантической и синтаксической точек зрения, о спорах вокруг частных теоретических вопросов и о критике теории грамматикализации ныне по-русски имеется очень хороший обзор в [Майсак 2005: 20—68]; далее мы обсуждаем по возможности кратко лишь то, что в рамках этой теории имеет непосредственное отношение к нашей проблематике — к синхронному сосуществованию грамматических форм с близкой и тождественной семантикой.

Элементы такого подхода имеются уже в деструктуралистском языкознании (а также в лингвистике более позднего периода, развивавшейся вне структуралистских школ). Они представлены, в частности, в работах таких классиков лингвистики, как В. фон Гумбольдт, А. Мейе (предложивший сам термин «грамматикализация»: [Meillet 1912: 131, 133] и определивший её как «переход от автономного слова к грамматическому элементу»), систематически апеллировавший к грамматикализации при исследовании индоевропейского материала Е. Курилович. Подробнее см. [Lehmann 1982/1995: 1—8]; о соотношении между теорией грамматикализации и классическим сравнительно-историческим языкознанием (в понимании младограмматиков) см. также интересную, во многом полемическую статью [Joseph 2004], написанную с позиций последнего. В отечественном языкознании, кажется, о «грамматизации» впервые писал (используя этот термин) акад. В. М. Жирмунский. В уже цитированной работе [Жирмунский 1963: 88] даётся такое определение «грамматизации»: она «представляет результат абстрагирования (иногда более, иногда менее полного) от конкретного лексического (предметного) значения, которое первоначально имело служебное слово»; с этой точки зрения анализируются (как «более» или «менее» грамматикализованные) аналитические конструкции европейских языков.

Результаты его работ по грамматикализации были опубликованы и на Западе [Žirmunskij 1966] и повлияли на дальнейшие исследования в этой области (ср. [Lehmann 1982/1995: 5—6 et passim]); о проблематике грамматикализации в работах советских лингвистов 1960—1980-х годов (В. Н. Ярцевой, В. Г. Гака, Б. А. Серебренникова) см. в [Майсак 2005: 26—31].

На новый уровень данная проблематика выведена в серии работ, из которой наиболее значительны монографии [Lehmann 1982/1995], [Heine et al. 1991], [Hopper, Traugott 1993]. В рамках теории грамматикализации П. Хоппером было предложено понятие «наслаивания» (*layering*⁷) — это синхронное сосуществование в языке морфологических единиц, принадлежащих различным этапам грамматикализации, и/или единиц с близкими значениями, возникших параллельно; данная метафора уже существовала в лингвистике (см. подробнее следующий подраздел), однако обычно не связывалась с идеей грамматикализации лексических показателей.

Принципиальными для создания новой научной парадигмы стали предпринятые независимо, с привлечением разных методик, типологические исследования [Bybee 1985] и [Dahl 1985], давшие ряд принципиально сходных обобщений относительно корреляции семантики и морфологического устройства; авторы этих исследований выступили с совместной статьей [Bybee, Dahl 1989], в которой представили также и более подробные обобщения относительно диахронической судьбы видо-временных систем. Было, в частности, установлено, что аналогичные видо-временные формы в разных языках образуются путем независимого, типологически устойчивого развития из различного рода лексических источников. В процессе исследований, с одной стороны, Джоан Байби и её соавторов, а с другой стороны, Эстена Даля, подтвердилась возможность развития в одном и том же языке нескольких грамматических показателей одного и того же типа, принципиально близкая

⁷ Термин *layering*, употребительный в теории грамматикализации, не следует смешивать с термином *layering*, употребительным в нидерландской школе функциональной грамматики: так, в [Dik 1997] говорится о «слоевой структуре простого предложения» (*layered structure of the clause*), где под «слоями», *layers*, понимаются различные компоненты предложения («грамматические и лексические модификаторы»), уровни его структуры.

независимой грамматикализации лексем в различных языках. Принцип «наслаивания», предложенный Хоппером, включен в понятийный аппарат обобщающей работы [Bybee et al. 1994].

1.4.1. «Вариативность» и «наслаивание» как фактор(ы) грамматикализации: работы Лемана, Хоппера и Траугот

Уже в работе Х. Лемана [Lehmann 1982/1995] обсуждается проблема сосуществования конкурирующих форм в процессе грамматикализации, которая, как отмечает исследователь, ведёт к резкому ограничению пространства возможностей выбора средств выражения, к превращению открытых лексических классов в замкнутые парадигмы (т. н. «парадигматизации», [Lehmann 1982/1995:120]). Подход Лемана к данному явлению сохраняет структуралистские черты: так, возникающая при грамматикализации вариативность, по его мнению, самоустраняется: «Потеря семантических различий в пределах парадигмы может означать, что формы, ранее противопоставленные друг другу, становятся вариантами. Иногда один вариант не совершенно изгоняет другой из языка, но один из них становится закреплённым за одними лексемами, а другой за другими» (ibid.) К диахроническим следствиям конкуренции двух вариантов автор относит алломорфию (которую понимает дескриптивистски, как дополнительное распределение синонимичных морфем) и супплетивизм.

Среди критериев грамматикализации (и степени «грамматикализованности» той или иной морфемы) Х. Леман выделяет «парадигматическую вариативность». Она определяется им как «свобода, с которой говорящий выбирает некоторый знак» [ibid.: 123]. Существует два типа такого выбора — между двумя различными элементами некоторой парадигмы («интрапарадигматическая вариативность») и между выраженностью и невыраженностью того или иного грамматического значения («транспарадигматическая вариативность»). Однако Леман подчёркивает, что среди явлений, связанных с интрапарадигматической вариативностью, «интерес для нас представляет не свободное варьирование, а выбор между альтернативами, между которыми имеется противопоставление. Свободное варьирование не коррелирует со степенью грамматикализации и, вероятно, не

коррелирует вообще ни с чем, поскольку оно в принципе несистемно. Выбор же между противопоставленными членами парадигмы диктуется грамматикой в той степени, в которой вся данная парадигма грамматикализована. Тем самым по мере усиления грамматикализации интрапарадигматическая вариативность уменьшается» [ibid.]. Здесь также очевидны следы структуралистского подхода; интерес представляют и доступны объяснению только системные факты, которые могут быть представлены в виде оппозиции; свободное же варьирование представляет собой языковой хаос, который не может быть сопоставлен ни с каким иным релевантным лингвистическим параметром (а, следовательно, невозможны и связанные с ним типологические обобщения).

Решающий шаг в сторону постструктуралистской трактовки синонимии грамматических форм сделан П. Дж. Хоппером. Феномен синхронного сосуществования диахронически «старых» и «новых» форм, а также сосуществования образовавшихся параллельно форм с близкой дистрибуцией выделен как важный и неотъемлемый фактор грамматикализации в статье [Норрег 1991]; там же для этого явления был предложен получивший распространение в англоязычной лингвистике термин “layering”, букв. «наслаивание»⁸.

Собственно, данный общеязыковой принцип и данная метафора (восходящая к популярной в XIX веке «естественно-научной», конкретнее — «геологической» модели языка) не являются, конечно же, ни в коей мере изобретением Хоппера: о «слоях языка» — элементах, возникших в разное время и сосуществующих в синхронном состоянии — лингвисты писали на протяжении всего столетия, предшествовавшего расцвету теории грамматикализации. Уже у И. А. Бодуэна де Куртенэ, за 120 лет до цитируемой

⁸ Вообще говоря, он отнюдь не общепринят даже в основных работах по грамматикализации, хотя и используется в значительном числе статей, ориентирующихся на теоретический подход Хоппера, Траугот и особенно книги [Bybee et al. 1994]. Не употребляет термина “layering” Эстен Даль (неоднократно обсуждающий данную проблематику под другими названиями, особенно в [Dahl 2004]); Мартин Хаспельмат предпочитает термин «множественная грамматикализация» (см. конец этого раздела), не апеллируют к «наслаиванию» и работы Бернда Хайне и соавторов.

работы, мы находим следующее положение, выступающее частью «принципа генетической объективности»: «Данный язык не родился внезапно, а приходил постепенно в течение многих веков: он представляет результат своеобразного развития в разные периоды. Периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями: применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделеники которых составляет одну из главных задач языковедения» [Бодуэн де Куртенэ 1871: 67], а в связи с исследованием речи пациента-афатика Бодуэн говорит: «Как и во всех языках, как вообще во всём, что развивается, в языке В. М-го можно различить наслоения, возникшие в разные периоды времени» [1886: 145]. Эмиль Бенвенист, обсуждая синонимию французских глагольных форм, замечает: «Задача состоит, таким образом, в том, чтобы найти в синхронной картине глагольной системы современного французского языка отношения, связывающие различные временные формы. Истинная природа искомым связей приоткрывается в том месте, где, как на горном склоне, глубинные слои выходят на поверхность. Существует точка, в которой система становится непозволительно избыточной; это временное выражение „прошедшего“, располагающее двумя формами» и т. п. [Бенвенист 1959: 271]. Заслуга Хоппера заключается скорее в том, что данный принцип поставлен им в непосредственную связь с теорией грамматикализации и оторван от господствовавшего в структуралистский период требования неперемного поиска структурных оппозиций между элементами сосуществующих слоёв. Специфическая роль наслаивания, универсального в принципе свойства языка, для принципов грамматикализации сформулирована сотрудницей и соавтором Хоппера, Элизабет К. Траугот: «Наслаивание важно для грамматикализации в том смысле, что оно позволяет исследователю: а) допускать на ранних этапах языка полисемию, а не омонимию (даже если конструкция *be going to* уже не полисемична, оказывается, что она была таковой на протяжении раннего новоанглийского периода), б) признать, что некоторые показатели, имеющие разные функции в разных контекстах, исторически родственны» [Traugott 2001:

5]. Как увидим, важность данного принципа в контексте эволюции грамматических показателей отнюдь не сводится к этим двум положениям.

Примечательно, что в указанной статье [Horper 1991], где перечисляется пять принципов грамматикализации, принцип «наслаивания» занимает первое место среди них. Он сформулирован следующим образом: «В пределах некоторой широкой функциональной области постоянно возникают новые слои, при этом старые не обязательно выходят из употребления, но могут сосуществовать и вступать во взаимодействие с новыми слоями» [Horper 1991: 22].

Из дальнейшего следует, что речь идёт о полной синонимии и квазисинонимии способов выражения в грамматике: «Принцип наслаивания отсылает к тому капитальному факту, что очень часто в некотором языке существует более одного способа выражения (*technique*) схожих или даже синонимичных функций». Упоминаются и различные степени дополнительной дифференциации этих вариантов, причём учитываются не только семантические, но и социолингвистические параметры: «Они могут ограничиться отдельными лексическими единицами, особыми классами конструкций или социолингвистическими регистрами; они могут иметь незначительно разные значения или попросту признаваться „стилистическими вариантами“» [ibid: 23]. Указывается здесь и на то, что данная ситуация не обязана быть ограничена незначительным «переходным периодом»: «Иногда наслаивание представляет лишь переход от одного способа выражения к другому, но оно может быть также вполне устойчивым» [там же].

В качестве иллюстрации этого феномена Хоппер приводит фрагмент системы видо-временных показателей английского глагола [ibid.:23], аналогичный список также в [Horper, Traugott 1993: 125]. Здесь можно выделить несколько различных типов «наслаивания» показателей. К «разнообразию форм и конструкций» Хоппер относит, в частности, дополнительно распределённые полностью синонимичные показатели, которые, например, в традиции дескриптивизма считались бы алломорфами одной морфемы (маркирующие Past Indefinite переогласовка корня вида *take—took* и регулярное окончание правильных глаголов *-ed: look—looked*). Список включает и выражающие близкие значения, но дополнительно никак не

распределенные грамматикализованные конструкции, как общего (*keep V-ing* — *keep on V-ing*), так и различного происхождения (*be -ing* — *keep -ing*). К примерам «наслаивания» в глагольной системе в [Hopper, Traugott 1993] также отнесено аналитическое будущее (вида *cantare habet*) в поздней латыни, сосуществовавшее сравнительно долго со старым синтетическим футурумом (*cantabit*). Отмечено, что и в английском языке «особенно богато представлены... оттенки „будущего времени“» [Hopper 1991: 23]: конструкции с *will*, *be going + to*, *be -ing*, *be to* и *be about + to*. Важное обобщение здесь делается не только относительно семантики форм, подверженных «наслаиванию», но и относительно их структуры: «все формы, входящие в последние две группы (аналитические видовые формы и формы будущего времени — Д. С.), используют перифрастические конструкции, что свойственно самому недавнему слою грамматикализации». Кроме того, «необязательно, чтобы все слои диахронически отличались один от другого»: в качестве примера приводятся конструкции со значением будущего времени *to be + to* и *will + инфинитив*, которые обе существовали в древнеанглийском (и возникли приблизительно одновременно).

Автор делает следующий вывод, полемичный по отношению к структурализму: «Подобное загромождение (*cluttering*) грамматики функционально схожими конструкциями, которое, возможно, на протяжении долгого времени наследуются из предыдущих состояний языка и даже создаются заново, непросто примирить с представлением о языке как о гомогенном, чётко выстроенном и разграниченном объекте» [ibid.: 24]

Дополнительный, более подробный анализ «наслаивания» предпринят П. Хоппером в его совместной с Э. К. Траугот книге «Grammaticalization» [Hopper, Traugott 1993]. Объём этого понятия, как будет видно из дальнейшего, несколько шире, чем рассматриваемое в настоящей диссертации явление синонимии грамматических показателей. Определение интересующего нас понятия даётся следующим образом: «Сохранение более старых форм и значений наряду с более новыми вызывает в любом синхронном срезе эффект, который можно назвать «наслаиванием» или «вариативностью» (*variability*)» [Hopper, Traugott 1993: 124]. «Наслаивание — это синхронный результат последовательной грамматикализации форм, принадлежащих к одной и той же [функциональной] области. В любом отдельно взятом языке в пределах одной

функциональной области имеются значительные синхронное разнообразие» [Hopper, Traugott 1993: 125].

К «наиболее очевидным» случаям наслаивания Хоппер и Траугот относят случаи, когда «сосуществуют полная и редуцированная форма, родственные формально и лишь минимально дифференцированные семантически». Кроме того, может существовать «разнообразие форм и конструкций, выполняющих похожие, хотя и не идентичные, функции» [ibid.].

Кроме того, к феномену «наслаивания», согласно Хопперу и Траугот, относится и период сосуществования языковых единиц в процессе диахронического перехода от одной единицы к другой. Сформулированные авторами принципы затрагивают не только проблематику грамматикализации, но и принципы языковой эволюции (диахроническую лингвистику) вообще:

«Старые и новые формы сосуществуют, как с точки зрения отдельных говорящих, так и с точки зрения языкового коллектива, на протяжении времени. По-видимому, А может «стать» В только после промежуточной стадии, в продолжение которой А и В сосуществуют:

$$A > \left\{ \begin{matrix} B \\ A \end{matrix} \right\} > B$$

«Подобное сосуществование... может продолжаться на протяжении нескольких сот лет, как в случае показателя *bé* в языке эве или английской конструкции *be going to*. Но оно может быть и очень кратким, как в случае среднеанглийских регрессивных глаголов *stint* и *fin* (примерно означавших ‘бросить делать что-л.’, ‘прекратить делать что-л.’), которые прошли быстрое развитие и быстро вышли из употребления».

В этом случае, как ясно из примеров, на которые ссылаются Хоппер и Траугот, — выше они подробно разбирают оба эти случая, — под «наслаиванием» имеется в виду не синонимия нескольких показателей, а именно диахронически обусловленная полисемия одного и того же морфологического материала, который сохраняет и старое лексическое (эве *bé* ‘говорить’, англ. *be going to* ‘идти (прогрессив)’), и новое морфологическое (показатель зависимой предикации *bé* в эве, показатель проспективного

будущего *be going to* в английском). Вместе с тем для показателей зависимой предикации в эве (и ряде других языков ква) характерна, как упоминается в той же работе [Norreg, Traugott 1993: 126], также и синхронная синонимия, связанная с различными путями грамматикализации⁹.

Кроме того, обсуждаемый феномен в понимании Хоппера и Траугот относится не только к морфологии, но и к некоторым синтаксическим явлениям, пограничным с морфологией. Таковы, помимо только что упомянутых синонимичных показателей дополнительного предложения (комплементаризеров) в языке эве, также альтернативные — финитная и нефинитная — стратегии кодирования сентенциального актанта в эстонском (тип соотношения, известный очень многим языкам, вида *слуга, подметающий комнату vs. слуга, который подметает комнату*). [ibid: 125-126]

Процесс смены «старого» «новым» представлен авторами так: «В обычном случае грамматикализация не приводит к заполнению какой бы то ни было очевидной функциональной лакуны. Напротив, грамматикализовавшиеся формы конкурируют с уже существующими конструкциями, настолько близкими к ним по функции, что едва ли можно рассматривать объяснение, апеллирующее к «заполнению лакуны» — никакой очевидной лакуны, которую надо было бы заполнить, просто нет... В продолжение любой фазы сосуществования форм существуют некоторые контексты, в которых оба (или все, если их более двух) рассматриваемых типа проявляют четкое прагматическое различие. Часто бывает так, что одна из конкурирующих форм начинает преобладать, и, возможно, её набор значений включает в себя значения вытесняемых ею форм. Таким образом, исторически преемственные сообщества говорящих на протяжении долгого времени могут поддерживать, путём постоянного обновления форм, некоторую грамматическую категорию — такую, как будущее время — в то время как в другом сообществе говорящих эта категория так никогда и не появляется» [ibid: 126]. Ср. также краткую

⁹ Феномен активного «наслаивания» нескольких конкурирующих грамматических показателей неоднократно описывался в языках группы ква (семья нигер-конго): ср. анализ синонимии результативно-поссесивных конструкций эве в [Heine 1997: 130 ff] (см. также настоящую работу, гл. 2), наличие нескольких форм плюсквамперфекта в акан (см. наст. работу, гл. 3).

формулировку в обзорной статье [Hopper 1996: 230]: «Грамматикализация осуществляется не посредством устранения старых форм и заменой их на новые, но путём заполнения [семантического поля] весьма тонко дифференцированными формами, которые все имеют приблизительно одно и то же значение».

Разумеется, принцип «наслаивания» в понимании Хоппера и Траугот не ограничивается исключительно историей грамматических категорий; здесь можно сослаться на статью одного из соавторов, где она указывает: «Наслаивание — это феномен, связанный со всяким изменением, фонологическим, морфосинтаксическим или семантическим (это попросту принцип вариативности, а в семантике — принцип полисемии); следовательно, в нём нет ничего специфически свойственного однонаправленности [как свойству грамматикализации]» [Traugott 2001: 4].

Одна из синонимичных форм может вытеснить остальные или оттеснить их на маркированную периферию; этот процесс авторы называют «специализацией». «Специализация — процесс сокращения пространства возможностей для выбора грамматической формы, по мере того как значения форм всё более и более обобщаются» [Hopper, Traugott 1993: 116]

В качестве примера специализации в [Hopper 1991: 26—27] и [Hopper, Traugott 1993: 116] приводится история показателей отрицания во французском языке. В старофранцузском существовал ряд грамматикализованных показателей «второго» отрицания (употребляющихся после глагола, первоначально как усилитель препозитивного отрицания *ne*, затем обязательно): *pas* ‘шаг’, *point* ‘точка’, *mie* ‘крошка’, *gote* > *goutte* ‘капелька’, *areste* > *arête* ‘рыбья кость’, *amende* > *amande* ‘миндалина, ядро ореха’ и несколько других; к настоящему времени сохранились только отрицания *pas* и *point*, из которых *pas* нейтрально, а *point* эмфатически маркировано (‘отнюдь’, ‘ничуть’), а также не упоминаемое нашими авторами *guère* ‘не очень, немного’ (первоначально ‘много’, ‘очень’ без отрицания).

Учитывая феномен «наслаивания», авторы указывают, что «специализация не обязательно влечёт за собой устранение альтернатив, но может выражаться просто как текстуальное предпочтение, обусловленное семантическими типами, социолингвистическим контекстом, жанром дискурса и другими факторами» [Hopper, Traugott 1993: 116].

Следует снова отметить, что принцип языкового изменения, согласно которому «новое» не в одночасье приходит на смену «старому», а некоторое время (возможно, долгое) сосуществует и конкурирует с ним, — неоднократно высказывался в языкознании деструктуралистского периода, ориентированном прежде всего на диахронию; напомним, что и сам термин «грамматикализация» возник в рамках этой же традиции (в работах Антуана Мейе). Мы уже указывали на аналогичные суждения И. А. Бодуэна де Куртенэ; понятие «специализации» заимствовано Хоппером и Траугот, как они и сами указывают, из работ выдающегося французского лингвиста, основателя семантики как самостоятельной лингвистической дисциплины, Мишеля Бреалья.

В качестве же параллели к представлению о языковых изменениях в теории грамматикализации можно привести, например, взгляды на «морфологические» (морфосинтаксические) изменения в языке швейцарского лингвиста начала XX в. Альбера Сеше. В начале своей научной деятельности — историк языка, впоследствии Сеше стал одним из основателей синхронистического структурализма (и одним из двух «редакторов»-соавторов «Курса общей лингвистики», изданного под именем Ф. де Соссюра). Его книга «Программа и методы теоретической лингвистики» (1908), наряду с некоторыми идеями, получившими впоследствии развитие в структурализме, содержала и важные наблюдения относительно сущности языковых изменений («эволютивной лингвистики»). Некоторые пассажи из этой работы прямо перекликаются с тем, что мы находим у современных авторов, работающих в рамках теории грамматикализации.

Полемизируя — так же, как и Хоппер и Траугот 85 лет спустя — с теорией, согласно которой морфологические изменения «заполняют лауну» в языке, Сеше говорит: «Можно ли представить себе, что имеется в виду, когда говорят, что язык якобы создает новый способ выражения для замены им другого, вышедшего из употребления? Это предполагает идею лауны, которую оставило нечто существовавшее и больше не существующее, и обдуманый поиск средств, чтобы эту лауну заполнить — и то и другое явно противоречит психологическому правдоподобию» [Sechehaye 1908, цит. по рус. пер. 2003: 147].

Далее этот тезис развивается на конкретном примере: «Утверждают, что закон падения конечных безударных слогов вызвал в романских языках исчезновение падежных окончаний имени, и что это привело к созданию новых синтаксических средств: употребления определенных предлогов и фиксированного порядка подлежащего и дополнений относительно глагола. Но что касается употребления предлогов, всякому известно, что оно существовало гораздо ранее падения окончаний. Предлоги уже употреблялись в классической латыни, и их использование сочеталось с использованием падежей; лишь в народной латыни употребление тех предлогов, которым предстояло заменить падежи, становилось мало-помалу регулярным. <...> Из этого следует, что словоизменение еще существовало как формальная система, однако его роль была сведена к достаточно бесполезному дублированию предлога, который сам по себе четко выражал падежное отношение.<...> Задолго до того, как исчезло само воспоминание о различных косвенных падежах латинского языка, их собственное значение было утрачено. Их роль всецело переняли предлоги, и именно ненужность падежей, представлявших собой избыточное усложнение грамматики, и повлекла их исчезновение <...> Разумеется, это явление доступно нашему прямому наблюдению лишь в письменном языке, но это не ставит под сомнение наш вывод о том, что в тот момент, когда склонение исчезло, его заменитель уже был найден» [Sechehaye 1908, цит. по рус. пер. 2003: 147—149].

Здесь идёт речь именно о длительном периоде конкуренции двух синонимичных конструкций, а языковое изменение трактуется как отказ от старой конструкции, которая становится избыточной. Таким образом, теоретические обобщения, выявленные еще традиционным историческим языкознанием, сохраняют свою силу и в рамках теории грамматикализации. В 2004 г. Эстен Даль в своей книге «Рост и поддержание языковой сложности» возвращается к проблематике языковых изменений и, в частности, к аргументации Хоппера и Траугот против «идеи лакуны»; здесь мы видим даже в точности тот же самый пример, что и у Сеше сто лет назад: «В литературе распространение новой конструкции или формы часто приписывают коммуникативным потребностям говорящего. При этом часто утверждается, что старая конструкция уходит со сцены до того, как является новая: например, падежные окончания исчезают и вместо них должны появиться предлоги...

Прежде всего, если конструкции, о которых идёт речь, действительно нужны для коммуникации, как же говорящие на этом языке обходятся без них в промежуточный период?» [Dahl 2004: 125].

В более ранней работе, чем обсуждаемая книга Даля, М. Хаспельмат [Haspelmath 2000] также подробно критикует «теорию лакун» и, в частности, обсуждает феномен «наслаивания» (в статье используется термин «множественная грамматикализация», *multiple grammaticalization*) как контраргумент против такого подхода, причём приводит и примечательные положения общетеоретического характера. «Лингвисты нередко думают о грамматических элементах как о членах множества неизменных платоновских идей, которые язык может выражать либо не выражать. Но такой подход не только не оправдывает необычайно чёткие различия между похожими категориями в разных языках, но и не объясняет, почему грамматикализация постоянно создаёт конструкции, более старое средство выражения которых уже существует в том же языке и не проявляет признаков вымирания» [ibid.: 792]. В качестве примеров приводятся, в частности, старая и новые формы будущего в английском и французском, аорист и имперфект, сосуществующий с перфективом и имперфективом в болгарском, а также старые и новые согласовательные показатели в итальянских диалектах. Все эти случаи показывают, что нормальным механизмом смены моделей является их конкуренция, а не период «междоцарствия», когда старое средство выражения пропало, например, вследствие фонетической редукции (как предполагали и оппоненты Сеше, и оппоненты Хаспельмата), а новое средство выражения ещё не отыскалось.

Теоретические исследования 1980-х годов, исходной точкой которых послужила диахроническая эволюция, создающая грамматические показатели, — получили решительную поддержку в исследованиях, исходной точкой которой послужила синхронная типология глагольных систем.

1.4.2. Грамматическая синонимия в типологии глагольных категорий

Теоретические принципы грамматической типологии, независимо (с использованием разных методик) выработанные в монографиях [Dahl 1985] и [Bybee 1985], а затем развитые в совместной статье этих авторов [Bybee, Dahl 1989] и книге [Bybee et al. 1994], названы одним из них «подход Байби—Даля» («V&D approach», [Dahl 2000: 6—8]). Согласно Э. Дально, данный подход «отличается от большинства других исследований времени и аспекта тем, что в качестве основных единиц описания выступают не «категория времени» и «категория аспекта», а то, что мы называем грамматическими показателями (*grams*), то есть такие явления, как прогрессив в английском, *passé simple* во французском и т. п.» [ibid.: 7]. «Как правило, грамматические показатели, которые традиционно были бы отнесены к одной и той же категории, ведут себя совершенно различным образом в зависимости от того, каким образом они выражены в языке».

Другим важным понятием, используемой при данном подходе, является «тип грамматического показателя в языках мира» (*crosslinguistic gram type*), который, однако, не представляет собой элемента некоторого абсолютизированного универсального «алфавита грамматических показателей», но, скорее, статистически наиболее вероятные области в пространстве «грамматических возможностей» (ibid.). Здесь демонстрируется также и связь «подхода Байби-Даля» с теорией грамматикализации: тип грамматического показателя можно также рассматривать как «стабильные участки на пути развития, которые показатели проходят в процессе грамматикализации».

Проблема синонимии грамматических категорий входит в число теоретических проблем, затронутых уже в работе [Dahl 1985], одной из основополагающих в рамках данного подхода. В число методологических установок своего исследования, проводившегося при помощи специально разработанных анкет, Эстен Даль включает требование поверхностного анализа (*superficiality*): «Действительно, мы старались сделать наш анализ как можно более «поверхностным» в том смысле, что во всех случаях, когда перед нами при идентификации категорий стоял выбор между критерием значения и критерием выражения, мы выбирали последний. Иными словами, если две

формы, как казалось, имели одну и ту же семантику, хотя и различались по выражению, мы предпочитали разделять их. Причиной этого было то, что отождествив две, на первый взгляд, семантически идентичные категории, мы могли в действительности скрыть различия, которые выявились бы по мере проведения более глубокого анализа. В качестве примера можно привести такие языки, как немецкий, где различные вспомогательные глаголы (*haben* и *sein*) используются при образовании перфекта от различных глаголов. Отождествить эти два типа перфекта — значило бы скрыть тот факт, что выбор между ними в действительности зависит от семантических критериев» [Dahl 1985: 46—47]. Здесь целью Даля является дополнительная дифференциация форм с одинаковым базовым значением (=квазисинонимов), в том числе и дополнительно распределенных¹⁰; однако такая методология исключает пропуск или намеренное игнорирование синонимических (как полностью, так и частично) форм глагольной парадигмы. И действительно, материал его исследования включает некоторое количество форм с одинаковым базовым значением — как дифференцированных, так и полностью синонимичных.

Следующими шагами в теоретическом осмыслении грамматических синонимов стала уже упоминавшаяся работа [Bybee, Dahl 1989] и посвященная грамматикализации глагольных форм монография [Bybee et al. 1994], где дополнительно подкреплены некоторые обобщения, полученные в первой из

¹⁰ Заметим, что в действительности некоторые синонимичные формы с дополнительным распределением Даль всё же исключает из своего анализа. Обсуждая проблемы установления соответствий между «ярлыками», приписываемыми тем или иным контекстам видо-временной анкеты, и «видо-временными категориями», автор указывает, что в некоторых случаях он вынужден был устранить из рассматриваемого материала одну из двух параллельных форм; парадоксальным образом речь идет в точности о том же примере, который обсуждался им выше: «Я обнаружил, что следует несколько модифицировать четкий принцип поверхностного анализа, упомянутый на с. 46: это касается языков, где имеется лексически обусловленный выбор между несколькими вспомогательными глаголами, маркирующими Перфект. Чтобы получить категории, более подходящие для типологического сравнения, я решил свести (*reduce*) их к одной категории для каждого языка» [Dahl 1985: 53].

названных работ. Здесь указан важный теоретический принцип, согласно которому «теория грамматикализации в том виде, в каком мы её здесь излагаем, предсказывает отсутствие корреляции между структурными и семантическими классами; действительно, если каждый показатель проходит путь развития в соответствии со своим изначальным значением, то он развивается независимо от других показателей» [Bybee, Dahl 1989: 61]. Таким образом, отвергается жесткая зависимость грамматической семантики от структурных отношений в рамках системы. На ряде примеров — две перфектные конструкции в германских языках, несколько показателей семантической зоны будущего в английском языке — формулируется принципиальное положение о том, что при конкуренции нескольких путей грамматикализации в одном и том же языке возможна «частичная конвергенция показателей из различных источников» [ibid.: 96] — иными словами, несколько возникающих параллельно показателей в ходе семантического обобщения сближаются по значению и образуют несколько синонимичных форм (возможно, с дифференциацией или даже дополнительным распределением).

Среди основных выводов статьи — «на одном этапе в одном и том же языке могут существовать грамматические показатели, близкие друг к другу семантически; например, не является необычным то, что некоторый язык имеет более одного показателя со значениями, связанными с будущим» [ibid: 96].

Специальный теоретический параграф посвящен обсуждаемому явлению в [Bybee et al. 1994: 8]. Дж. Байби, Р. Перкинс и В. Пальюка принимают понятие «наслаивания» (layering), введенное П. Хоппером, и считают его одним из главных факторов эволюции морфологических систем. Более четко, чем в работе 1989 года, подчеркивается роль семантического обобщения в развитии синонимичных форм: «Грамматическим классам также свойственно дальнейшее сокращение объема. (...) Это заметно в таких случаях, как конкуренция в английском языке между *shall* и *will*, которые принадлежат к одному и тому же классу и выполняют схожие функции. В американском английском *will* в значительной части вытеснило *shall*. Подобное развитие представляется следствием семантического обобщения. Когда значение некоторого грамматического показателя обобщается, он становится допустимым в контекстах, где ранее, возможно, уже употреблялся другой показатель». Наиболее типичным следствием такого развития является квазисинонимия:

«Действительно, особенно в таких областях, как выражение будущего времени и модальности, нередким случаем является множество грамматикализованных и грамматикализирующихся конструкций разного возраста и из разных источников, которые делят пересекающиеся зоны или ведут конкурентную борьбу за них» [Bybee et al. 1994: 20]

Несмотря на конкуренцию, ведущую к дополнительной дифференциации и/или конвергенции форм, глагольные системы с синонимией подобных форм являются достаточно устойчивыми. «Наши данные ясно показывают, что в одном языке может быть более одного грамматического показателя, представляющего один и тот же тип грамматических показателей, например, будущее. Английский язык, располагающий тремя будущими — *will*, *shall* и *going to* — с этой точки зрения скорее типичный, чем нетипичный пример». Байби и её соавторы также указывают, что «развитие нового показателя не зависит от утери или изменения функции его предшественников, как часто предполагается при традиционном подходе к (языковым) изменениям» [ibid.: 20]. Полная дифференциация таких пар совершенно не обязательна: «контрасты между грамматическими показателями могут и не представлять собой максимальные контрасты» [ibid.: 174].

Естественным выводом из вышесказанного является утверждение принципиального сходства синонимических отношений, устанавливаемых на множестве грамматических показателей, с одной стороны, и единиц иных языковых уровней, с другой стороны. Это заставляет пересмотреть традиционный взгляд, согласно которому система структурных различий является для грамматических значений — в отличие от всех прочих — фундаментальным характеризующим свойством (хотя тот очевидный факт, что грамматическим значениям в языках мира действительно присуща бóльшая структурированность сравнительно с иными, под сомнение не ставится): «Подобное богатство множественных грамматических показателей напоминает то, каким образом референциальное пространство может делиться в данной области между кластерами лексических единиц, альтернативными фразовыми идиомами и даже альтернативными синтаксическими структурами; существование нескольких грамматикализаций на одном и том же пути и сохранение лексического содержимого предыдущих этапов — вот две причины, побуждающие нас рассматривать «систему» или «структуру» скорее как

эпифеноминальную, чем основную по отношению к природе грамматической субстанции и выражения. (...) Теперь должно быть ясно, что мы выступаем не столько за исследование «структуры» выражения грамматических значений в языке, сколько за исследование того, каким образом в различных языках возникает грамматическое значение и выражение, что помогает понять свойства, внутренне присущие естественному языку» [ibid: 20—21].

В практической части работы [Bybee et al. 1994] приводится — в различных разделах — несколько десятков пар (а иногда и троек, и четверок) синонимичных глагольных форм в языках мира; базовое и дополнительное употребления грамматического показателя при этом разграничены, и указывается, какие дополнительные (вторичные) употребления развивает большинство рассматриваемых показателей. В случае совпадения базовых употреблений, при том, что дополнительные употребления расходятся, речь, в наших терминах, идет о квазисинонимии. Поскольку, однако, указанное исследование опирается не на анкетирование информантов, а на различные существующие описания, степень подробности, семантической ориентированности и адекватности которых может существенно варьировать, отсутствие указаний на распределение дополнительных значений той или иной пары форм еще не говорит об их полной синонимии; в этом случае осторожнее говорить также о квазисинонимии (см. выше). В связи с некоторыми типами грамматических показателей эксплицитно указывается, в частности, что для этих типов особо характерно наличие более одной соответствующей формы в одном и том же языке; кроме уже неоднократно обсуждавшегося будущего времени и родственных значений, отметим прогрессив [Bybee et al. 1994: 149] и перфект, не развивающий дополнительных значений, т. н. «молодой перфект» [ibid.; список показателей — ibid.: 65—66].

Важные теоретические утверждения, связанные с синхронным «наслаиванием» грамматических показателей, образовавшихся из общего источника или принадлежащих к одному и тому же типу, содержатся в работе [Dahl 2000], представляющей собой введение к коллективной монографии «Время и вид в языках Европы» [Dahl 2000 (ed.)].

В этой статье Э. Даль эксплицитно противопоставляет подход, основанный на грамматикализации, традиционному структуралистскому подходу, опирающемуся на понятие морфемы и описывающему её семантику в

соответствии с противопоставлениями, существующими внутри данной системы. «Подход, базирующийся на грамматикализации, стремится прежде всего подчеркнуть существенное сходство — как в плане выражения, так и в плане содержания — между грамматическим материалом различных языков. Внутрисистемные отношения, характеризующие данный элемент, будут рассматриваться как вытекающие скорее из внутренних свойств данного элемента, чем из чего бы то ни было ещё» [ibid. 13]. Следовательно, не всегда оказывается возможным и желательным установить жёсткие противопоставления между членами системы: «Процесс грамматикализации обыкновенно приводит к положению дел, которое не просто поддаётся описанию в терминах бинарных оппозиций. Так, грамматические показатели проявляют тенденцию распространяться волнообразно и, метафорически говоря, догоняют друг друга на пути развития. Если и можно говорить об «оппозиции» между более старым и более молодым показателем на одном и том же пути грамматикализации, это скорее вторичный эффект позиции показателей относительно друг друга. Действительно, из-за многомерности процесса грамматикализации, в некоторых случаях нельзя установить системного семантического различия между двумя подобными показателями» [ibid.].

Кроме того, в этой же статье вводится связанное с диахроническими последствиями синонимии глагольных показателей понятие «показателя-пончика» (doughnut gram)¹¹ с «пустой серединой» — не имеющего прототипических (базовых) использований, которые уже заняты новым показателем. Подобные граммы «достаточно частотны; они возникают в процессе грамматикализации в тех случаях, когда один или несколько показателей образуются из одного и того же источника в различный период. Центральные значения старшей граммы захватываются младшей, однако периферия её сохраняется на некоторое время. Типичный случай — прогрессивы, превращающиеся в имперфективы и затем уступающие прежнюю свою территорию для образования новых прогрессивов. В результате возникает на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда прогрессив уже не имеет употреблений, свойственных для прогрессива» [ibid.: 10]. Грамматические

¹¹ Данная метафора (которую мы всё же не рискнём использовать в качестве рабочего термина) взята Далем из работы [Kemmer 1993].

показатели, согласно Э. Даля, представляют собой частный случай т. н. остаточных показателей (*residual grams*), «семантическая область которых сокращена вследствие вторжения некоторого другого показателя». Нередко подобные показатели формируют заново базовое значение взамен утраченного: «то, что в прежней ситуации было вторичным употреблением, становится первичным» [ibid.].

В отечественной лингвистике с точки зрения теоретического осмысления грамматической синонимии можно отметить, в частности, анализ синонимии нескольких форм будущего времени в багвалинском языке, предпринятый Т. А. Майсаком и С. Г. Татевосовым и сформулированные в этой связи теоретические положения [Майсак, Татевосов 2001: 286], опирающиеся на «подход Байби—Даля». Авторы отмечают, что «в рамках структуралистского подхода к грамматическому значению ожидается, что... образующие систему единицы стремятся к максимальному контрасту и что всегда существует хотя бы один диагностический контекст, который позволяет выявить этот контраст. Обнаружения языковых данных, подобных будущим временам в багвалинском языке, в рамках этой системы допущений о свойствах грамматического значения не ожидается». Подчеркивается, что система допущений, принятая в теории грамматикализации, напротив, «не вводит ограничений на дистрибуцию категорий, „обслуживающих” одну и ту же семантическую область, и появление единиц с пересекающейся или даже совпадающей дистрибуцией не является неожиданным» [там же]. Авторы формулируют также типологические закономерности (отчасти эти формулировки восходят к цитированным выше работам) относительно того, какие глагольные формы чаще других вступают в синонимические отношения: «разные области грамматического значения в разной степени склонны к появлению синонимичных частно-языковых категорий. Интенсивная синонимия в сфере глагольных значений наблюдается в первую очередь среди категорий, выражающих модальность и временную референцию к будущему. Напротив, категории, ассоциированные с временной референцией к прошлому, в большей степени склонны к формированию семантических контрастов» [там же].

Таким образом, фундаментальные исследования, предпринятые в рамках грамматической типологии, особо выделяют грамматическую синонимию как одно из основных явлений, релевантных для изучения видо-временных

значений в языках мира с теоретической точки зрения; в рамках этих исследований уже накоплен и значительный фактический материал, отражающий корреляции между явлением грамматической синонимии и определенным типом показателей, синхронные и диахронические свойства таких пар и т. п.

1.4.3 «Конкуренция моделей» в теории «языковой сложности» Эстена Даля

Феномен сосуществования «старых» и «новых» грамматических форм со схожими значениями играет важную роль в концепции «языковой сложности», изложенной в недавней монографии Даля [Dahl 2004], которая представляет собой плод его двадцатилетних трудов. Данная работа достаточно подробно анализирует типологию этого явления и опирается на последние достижения (в том числе и самого автора) в области теории грамматикализации, однако учитывает и положения, сформулированные в рамках более ранних подходов (в том числе структуралистских). Соответствующий раздел книги Эстена Даля — наиболее содержательное в существующей литературе обсуждение проблематики, рассматриваемой в настоящей диссертации.

Здесь рассматривается уже не просто эволюция конкретных грамматических форм, а становление и развитие всей грамматической системы языка, связанное с развитием и поддержанием информационной «сложности» языка. Под «сложностью» понимается нелинейное соответствие между планом выражения и планом содержания, включая и наличие значительного числа обязательных (грамматических в понимании Якобсона) единиц, дублирующих информацию, уже выраженную в высказывании, а также разного рода нетривиальное устройство подобных единиц — «системная сложность»: различные типы словоизменения, несегментные единицы, многообразие моделей словообразования [pp. 40—45 ff].

Положение дел, которое нарушается, в частности, синонимией и омонимией, но и языковой сложностью в целом — это так называемая «упорядоченность» (order), или максимальная информативность, при которой «каждая форма имеет только одно значение, и наоборот» [Dahl 2004: 19]; прямо противоположная ситуация — это «беспорядок» (disorder), или максимальная

энтропия, где любая форма может иметь любое значение; «естественные языки очевидным образом располагаются где-то посередине», но в общем случае «порядок менее вероятен, чем беспорядок» [ibid.: 20]. Каждая система содержит элементы как порядка, так и беспорядка, причём типологическим обобщениям более поддаются первые, нежели вторые, ибо пространство возможностей для упорядочивания, разумеется, гораздо меньше, чем для различного рода нарушения идеализированной ситуации; в этой связи Даль даже цитирует первое предложение «Анны Карениной». Всякое изменение в языке, согласно Далю, так или иначе предполагает увеличение степени «беспорядка»; из этого можно сделать вывод, согласно которому переходные состояния языка «несчастливы» каждое «по-своему», и типологическое исследование едва ли может его затрагивать; к данному положению, непосредственно затрагивающему цели нашего исследования, мы еще вернёмся.

Синхронная синонимия грамматических единиц рассматривается как элемент диахронического процесса «созревания» (maturation) определённых грамматических моделей. Периоду «распространения модели» (постепенному употреблению её во всё большем количестве контекстов и семантическому стиранию первоначального значения) сопутствует конкуренция сосуществующих моделей за определённую нишу (метафора, взятая из биологической теории эволюции, [Dahl 2004: 77—78]) в языке, заканчивающаяся рано или поздно — но не непременно рано — «выравниванием» («регуляцией») таких моделей. Если некоторая языковая единица распространяет свою семантику на некоторое достаточно распространённое значение *X* — например, будущее время, — «в нормальном случае в языке уже имеется некоторый способ выражения той же пропозиции» [Dahl 2004: 120]. Исходным положением системы здесь является ситуация, в которой две модели *M1* и *M2* «синонимичны (по крайней мере с точки зрения условий истинности) за исключением того, что *M2* используется при некоторых ограниченных условиях» [ibid.: 121—122]. Затем в ходе «распространения» модели *M2* она проходит «риторическую инфляцию» и перестаёт нести характерный для неё оттенок информации; к числу примеров подобного изменения Даль относит, между прочим, и эволюцию перфекта в сторону простого прошедшего — он теряет свойственную данной категории характеристику неопределённости времени события» [ibid.: 123].

В качестве особых условий появления синонимичных форм Даль указывает и принцип «выхода из положения» (problem solving); новый способ выражения возникает там, где старый по каким-либо морфологическим или синтаксическим причинам уже неприменим; хотя Даль и присоединяется к вековой критике давней гипотезы, согласно которой нововведения в языке «заполняют лакуну» ([2004: 125], см. об этом также выше, раздел 1.4.1), он признаёт, что в известных случаях подобные факторы и имеют объяснительную силу. Например, в шведском языке аналитическая форма сравнительной степени образуется в основном от суффиксальных адъективов, в которых существующий суффикс «блокирует» добавление нового. В этой связи он вспоминает, между прочим, и радикально-структуралистский «блокирующий принцип» Эроноффа и последователей [Dahl 2004: 97, 126], рассматривая его на частном примере «запрета» на порождение неправильной глагольной формы в английском языке, если в языке уже имеется регулярная.

Итак, в языке увеличивается «варьирование» (variation) и уменьшается степень «упорядоченности»: рост употребительности одной и той же формы ведёт к падению употребительности другой, равнодействующая с точки зрения системы здесь равна нулю (zero-sum game); однако на этом изменение не обязательно заканчивается. «Урегулирование модели ведёт либо к совершенному исчезновению из данной ниши одной или нескольких более старых моделей, либо установлению тотального или частичного разделения труда между новыми и старыми моделями. Таким образом, варьирование ограничивается, а порядок увеличивается» [ibid.: 120].

Даль особо выделяет важный принцип, согласно которому возможные диахронические последствия конкуренции в одной и той же нише двух разных грамматических моделей могут привести к созданию новых границ внутри этой ниши, в результате чего, на первый взгляд, «на ровном месте» (out of thin air) появляются новые грамматические различия, а система продолжает усложняться [ibid.: 120—121].

Выделяется, таким образом, три типа диахронического развития «конкуренции моделей» в одной и той же нише [ibid.: 128]:

- (1) стабильная ситуация свободного варьирования моделей («ничего не меняется»),
- (2) «победа» новой модели, вытесняющей старые;

(3) «перемирие» (truce), означающая разграничение в функциях между сосуществующими моделями.

Ситуация (1), однако, сравнительно редко представляет собой пример совершенно свободного выбора — как правило, употребление той или иной из конкурирующих форм определяется дополнительными стилистическими и прагматическими факторами, если не прямо денотативным элементом значения. «Грамматические системы, — по-видимому, в особенности глагольные системы, — изобилуют конкурирующими конструкциями или формами подобного рода; в случаях, когда выбор между конкурентами делается исходя из семантических факторов, это часто факторы очень тонкого и зыбкого (elusive) характера» [ibid.: 129]. В качестве примера Даль приводит анализ способов выражения будущего времени в европейских языках и конкуренцию между перфектом и старым простым прошедшим как в тех языках, где последнее уже вытеснено новой формой, так и в тех, где указанные формы находятся в состоянии стабильного сосуществования (см. также в настоящей работе гл. 2, разд. 2.4.1).

Эстен Даль подчёркивает, что подобные явления не вписываются в жёстко структуралистский анализ: «Ситуации конкуренции, подобные упомянутым здесь, трудно соотнести со структуралистским идеалом системы чётких оппозиций, “où tout se tient”¹². Так, что касается способа маркирования будущего времени в романских языках, то, как кажется, нет постоянного семантического разграничения между флексией и аналитическими оборотами, хотя можно показать, что существует множество семантических факторов, влияющее на выбор между ними. Например, едва ли можно утверждать, что

¹² Знаменитая краткая парафраза соссюрианского структурализма: “chaque langue forme un système où tout se tient” («каждый язык образует систему, где всё (=все элементы) поддерживает друг друга»). Она, однако, не принадлежит самому де Соссюру (и даже, по крайней мере, не содержится в изданном под его именем «Курсе общей лингвистики»), а сформулирована занимавшим во многом независимую к структурализму позицию Антуаном Мейе [Meillet 1937: 475], который пишет о знаменитом «Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» де Соссюра.

удалённость во времени — часть семантики синтетического будущего во французском языке, хотя, несомненно, есть тенденция употреблять его скорее для отдалённого, чем для близкого будущего» [ibid.:129—130]. Другой обсуждаемый пример подобной неопределённой ситуации — выбор между краткой и полной формой прилагательного в предикативной функции в русском языке — также определяется множеством семантических, грамматических и стилистических факторов. Характерная черта этих «многофакторных тенденций» (термин наш) — неустойчивость: «Только в том случае, когда две модели употребляются в одинаковой нише, выбор между ними может быть связан с семантическими и стилистическими эффектами. Поэтому такие эффекты достаточно неуловимы и нестабильны; они не существовали до того, как в нише появилась новая модель, и если ей будет суждена дальнейшая экспансия и захват всей ниши, они исчезнут снова» [ibid.: 131].

«Разграничение функций» между старой и новой моделью может выражаться, в частности, в установлении чёткой пограничной линии внутри множества лексем; таким образом, в часть лексем новая модель не проникает вовсе; на этой границе «процесс грамматикализации может на долгое время — возможно, на несколько веков — затормозиться» [ibid. 131—132]. В качестве примера приводятся синтетическая и аналитическая форма сравнительной степени прилагательного, лексическая граница между которыми проходит в различных европейских языках по-разному. Иногда такое разграничение ведёт к тому, что некоторая конструкция, первоначально употреблявшаяся в большем количестве контекстов, становится обязательной для некоторых из них, но недопустимой в других — «это можно сравнить с перемирием, согласно которому две армии, сражавшиеся на всём пространстве некоторой территории, отступают на известные позиции и делят эту территорию между собой» [ibid.: 133]. Такая стратегия является контрпримером к часто делаемому утверждению об однонаправленности и необратимости (unidirectionality) процесса грамматикализации (соответствующие положения восходят к работам Хоппера, см. об этой проблематике [Haspelmath 2004], там же и соответствующая библиография) поскольку в данном случае конструкция как раз отступает с «завоёванных» было позиций. Кроме того, разграничение может затронуть и набор значений конкурирующих форм; нередко одна из них утрачивает базовое значение и оставляет только вторичные — это феномен

«категории с пустой серединой», который уже обсуждался выше (см. раздел 1.4.2).

В обсуждаемой работе идёт речь также и о резком сокращении альтернативных показателей по мере обобщения значения и тем самым сужения грамматической «ниши» («специализации» по Бреалю), которое также является необходимой составной частью «урегулирования» моделей как грамматических способов выражения.

На смену «регулирования» моделей приходит «адаптация» — то есть уменьшение фонетической избыточности (*verbosity*) кода: морфологизация, переразложение, переход от аналитизма к синтетическим показателям и схожие процессы [*ibid.*: 157—174].

Таким образом, процесс «конкуренции моделей» рассматривается как обязательный элемент становления новых грамматических способов выражения. Выделяется — на обширном типологическом материале — целый ряд характерных его признаков, таких, как неустойчивость предпочтений между конкурирующими формами (определяемых не столько денотативной семантикой, сколько достаточно тонкими различиями прагматического и стилистического характера), возможность стабильного разграничения синонимичных старой и новых форм, зависимость подобного процесса от лексического наполнения конкурирующих конструкций. Наконец, несмотря на постоянные отсылки к «блокирующему принципу», к «боязни синонимов» в языке, признаётся возможность достаточно долгого существования жёстко не разграниченных (кроме как при помощи вышеупомянутых предпочтений неустойчивого характера) грамматических синонимов; «подобный тип конкуренции между грамматическими моделями является скорее правилом, чем исключением» [Dahl 2004: 131].

Вместе с тем Эстен Даль относит подобное явление к «беспорядку» в языке, с трудом поддающемуся типологическому обобщению (в отличие от «островов стабильности» в виде более чётко структурируемых элементов синхронного языкового состояния). В частности, высказано только одно — причём без аргументации и некатегоричное — утверждение относительно предпочтения тех или иных фрагментов грамматической системы языка к формированию грамматической синонимии; мы уже цитировали это место

(«Грамматические системы, — по-видимому, в особенности глагольные системы, — изобилуют конкурирующими конструкциями или формами подобного рода»).

1.4.4. Грамматическая синонимия в других постструктуралистских теориях

Проблема грамматической синонимии, или «варьирования» формы при неизменном (базовом) содержании, ставится и в некоторых других лингвистических направлениях XX — начала XXI века; кратко обсудим их достижения, релевантные для проблематики нашей диссертации.

С начала 1980-х годов во французской славистике выдвигалась идея необходимости анализа языковых явлений при учёте двух временных планов истории языка — иными словами, отдельного рассмотрения и сопоставления явлений, демонстрирующих в синхронном срезе семантическую близость, но возникших на различных этапах диахронического развития. В этом подходе (так называемой «бисинхронии», *l'approche bisynchrone*) заметно сходство с принятым в теории «грамматикализации» принципом «наслаивания». Он предложен славистом Полем Гардом в 1981 году; Гард предлагает говорить о «бисинхронии» в тех случаях, когда «в пределах одного и того же синхронного состояния факты соответствуют двум различным моделям, которые в действительности представляют собой проекцию на синхронный план эволюции старой модели по направлению к новой» (цит. по [Robillard 2001: 13]). В рамках указанного подхода наиболее активно работает Маргерит Гиро-Вебер, которая, в частности, применяла его к семантическому анализу кратких и полных прилагательных в русском языке [Guiraud-Weber 1993] (как типичный феномен грамматической синонимии форма прилагательного в русском языке рассматривается, например, в [Dahl 2004: 130—131])

Специально ставит в фокус внимания «варьирование» языка группа лингвистов (преимущественно американских и канадских), направление которых так и называется — вариационизм (*Variationist Linguistics*). Полемизируя со структурализмом (и с генеративной морфологией в версии Эроноффа и его продолжателей), вариационисты утверждают, что семантическая (в их терминологии нередко — «функциональная») эквивалентность широко представлена на уровнях языка «выше фонологии и за

пределами её» (above and beyond phonology, [Sankoff 1973]). Большое внимание здесь уделяется изучению не столько грамматической семантики — хотя и такие исследования имеют место — а социолингвистических и территориальных вариантов языка. Действительно, это направление по своему генезису достаточно тесно связано с социолингвистикой, прежде всего с работами Уильяма Лабова. Развиваясь первоначально независимо от типологии глагольных систем и теории грамматикализации, вариационизм обнаруживает в последнее время точки сближения с этими направлениями исследований. Ряд авторов, работающих в русле вариационистского подхода, в последнее время под влиянием работы [Bybee et al. 1994] апеллирует к понятиям грамматикализации (в том числе параллельной грамматикализации разных лексических источников) и «наслаивания» (layering): это характерно, например, для работ канадской исследовательницы С. Тальямонте [Tagliamonte 2000, 2003] и её мексиканской коллеги Р. Торрес Какоульос [Torres Casouillos 1999, 2001].

В [Tagliamonte 2003] автор анализирует глаголы со значением «посессивного результата» *have*, *have got* и *got* одновременно как показатели, отражающие различные стадии грамматикализации (см. ниже, 2.2.2), и как маркеры разных социолингвистических регистров языка («разновидностей английского»). Здесь же указано и на то, что диахроническое развитие формы подразумевает её специализацию, и по мере прогресса языкового изменения грамматические ограничения на дистрибуцию синонимичных форм растут (таким образом, получается переключка, например, с концепцией «языкового созревания» Э. Даля).

Диссертация [Torres Casouillos 1999] и основанная на ней статья того же автора [2001] посвящена грамматикализации конкурирующих конструкций со значением прогрессива (актуально-длительного вида) в испанском языке и его латиноамериканских вариантах, причём активно используется понятийный аппарат как вариационизма, так и теории грамматикализации. Здесь показано, что по мере того как с увеличением степени грамматикализации теряются остатки лексического значения грамматических показателей (например, *estar*, первоначально 'стоять', и *andar*, первоначально 'ходить', начинают безразлично употребляться в одних и тех же контекстах), они могут употребляться как показатели того или иного социолингвистического регистра (так, в мексиканском испанском *estar* служит сигналом языка образованного и

городского общества, в то время как прогрессив с *andar* характерен для простонародной и деревенской речи).

В получившей известность на рубеже веков лингвистической «теории оптимальности» (предложенной в 1993 году фонологом А. Принсом и специалистом по когнитивным процессам П. Смоленским; см. краткое введение в неё: [Gilbers, de Hoop 1998]) недавно появилась особая работа, посвящённая соотношению «варьирования формы» (т. е. синонимии) и «варьирования значения» (т. е. омонимии) в грамматике ([de Hoop et al. 2004]). Здесь обсуждаются в основном синтаксические явления (связанные с проблемами кодирования актантов и порядка слов). Но некоторые морфологические показатели также привлечены в качестве примеров, и опять-таки речь идёт о латиноамериканском испанском прогрессиве — на сей раз как о «маркированном» синониме имперфекта (см. краткое обсуждение этого типа синонимии ниже, в Главе четвёртой, 4.5., 4.9).

Теория оптимальности утверждает, что грамматика состоит из системы ограничений на языковую правильность (принцип, неоднократно предлагавшийся в рамках генеративизма применительно к ограничениям на синтаксическую структуру), которые могут вступать в конфликт друг с другом, причём для таких случаев предусмотрена система приоритета (иерархия) этих ограничивающих правил. Из нескольких потенциально возможных поверхностных способов выражения выбирается лучше всего соответствующий сочетанию ограничений, так называемый «оптимальный» языковой элемент. В рамках «теории оптимальности» де Хооп и соавторы фактически «открывают заново» принцип «асимметричного дуализма» по Карцевскому и развивают его, сформулировав две дополняющие друг друга гипотезы. Первая касается омонимии/полисемии: «В тех случаях, когда нет варьирования формы (или оно уменьшается), налицо варьирование значения (или оно увеличивается)» [ibid.: 1073]. Вторая затрагивает уже синонимию и выглядит полностью симметрично: «В тех случаях, когда нет варьирования значения (или оно уменьшается), налицо варьирование формы (или оно увеличивается)» [ibid.: 1076]. Таким образом, сокращение варьирования одного из компонентов двустороннего языкового знака (единства формы и значения) влечёт увеличение варьирования в другом компоненте. Авторы статьи эксплицитно критикуют «принцип

блокирования» и «боязни синонимов» по Эроноффу—Вильямсу (см. 1.2.4.), утверждая, что контраст между синонимичными формами (или синтаксическими средствами выражения) проявляется в основном при рассмотрении примеров вне контекста; контекст, как правило, легко нейтрализует такие различия (ср. схожие идеи у Е. И. Шендельс, 1.3). Таким образом, вполне возможно соотношение между формой и содержанием «две формы — одна семантика» (“two-to-one mapping”); некоторые типы формальной и семантической маркированности (ключевое понятие для теории оптимальности), сопровождающие такую синонимию, и обсуждаются в статье де Хооп и соавторов (а также в некоторых других работах этого тематического номера журнала “Lingua”).

Таким образом, понятие грамматической синонимии продолжает активно осмысляться в лингвистике рубежа XX и XXI веков в рамках самых различных постструктуралистских теорий; предпринимаются и попытки (на наш взгляд, удачные) синтеза различных подходов (например, в исследовании прогрессива в испанском языке, предпринятом Торрес Какоульос и объединяющем «вариационистский» подход канадской школы и теорию грамматикализации).

1.5. Некоторые обобщения

Итак, мы изложили некоторые ключевые лингвистические концепции синонимии грамматических форм/показателей, выдвигавшиеся на протяжении XX — начала XXI столетия (с привлечением также некоторых концепций конца XIX). Теперь мы изложим некоторые базовые допущения, принятые в нашей работе исходя из существующей теоретической литературы.

Прежде всего, мы принимаем разделяемый практически всеми исследователями данной проблематики взгляд, согласно которому один из важнейших фактор появления грамматических синонимов — историческое развитие языка. Ситуация, в которой некоторые две формы синонимичны, есть диахроническое последствие такой ситуации, когда либо две формы противопоставлены (и речь идёт, со структуралистской точки зрения, о «нейтрализации» оппозиций с ходом развития грамматического значения), либо

одной из этих форм вообще не существует или, вернее, она не грамматикализована (синхронное сосуществование, или «наслаивание», «старого» и «нового»).

Существенно подчеркнуть, что мы считаем сосуществование синонимичных форм, появившихся в процессе изменения языка, не дополнительно распределённым по идиолектам (скажем, разных поколений, социальных слоёв и проч.), а принадлежащим одной и той же языковой системе. При языковом изменении нормальной является ситуация, когда синонимичные способы выражения обнаруживают различную употребительность в идиолектах молодого и старого поколения («возрастными регистрами» по Н. Б. Вахтину, исследовавшему этот феномен на материале эскимосского языка [2004]); однако оба поколения, различаясь в степени активного употребления этих форм, одинаково пассивно владеют обеими (так называемая «двойная норма»). В результате такого положения вещей сосуществует «два близких, но различающихся языковых варианта: и поколение пожилых, и поколение молодых отдаёт себе отчёт в том, что их поколение говорит не так, как другое, однако оба поколения считают оба варианта эскимосским языком» [Вахтин 2004: 122]; разумеется, число таких вариантов — и соответственно говорящих поколений — может быть в случаях особо интенсивной перестройки языковой системы, контактного влияния, даже «языковой смерти» и т. п. и более двух [там же: 123—126].

Но мы считаем вполне допустимым и существование синонимичных форм и в ходе параллельных, не упорядоченных во времени процессов грамматикализации (к которым поэтому самое понятие «наслаивания» не вполне применимо); не во всех обсуждавшихся нами работах эксплицитно проводится это разграничение, но соответствующие примеры (например, «специализация» показателей отрицания во французском у Хоппера и Траугот) обсуждаются регулярно.

Что касается широко обсуждавшейся в структурализме контroversы «синонимия vs. алломорфия», то мы используем (вслед за [Dahl 1985]) «поверхностный» подход к синонимии грамматических показателей, не допуская объединения в одну морфему показателей, находящихся в отношении

свободного варьирования (таких, как *-ra-* и *-se-* в испанском) и обнаруживающих в данном языке распределение по лексико-семантическим параметрам (таких, как различные парадигмы вспомогательного показателя в немецком или старояпонском). Мы не отделяем при этом аналитических форм от синтетических (учитывая, кроме того, и неопределённость этой границы в целом ряде языков).

Мы считаем, что синонимия глагольных показателей и особенно диахронические пути развития таковой тесно связаны с синхронной типологически *полисемией* этих же показателей и т. п., которая потому должна быть описана (или должно быть изложено известное о ней из типологической литературы), прежде чем описанию подвергнутся синонимичные пары. Такая точка зрения непосредственно вытекает из принципа «асимметричного дуализма» С. И. Карцевского, а к синонимии грамматических категорий применена уже отчасти Р. О. Якобсоном, а наиболее последовательно Е. И. Шендельс.

Базовое допущение нашего исследования — иными словами, рабочая гипотеза, подлежащая изучению и конкретизации — отчасти уже формулировалось в типологической литературе последнего времени, но последовательно не обосновывалось и не изучалось. Оно таково: *различные базовые формы видо-временной парадигмы обнаруживают неодинаковую специфику (в частности, степень выраженности) синонимии в глагольных системах языков мира.* Кроме того, исходя из «подхода Байби—Даля», мы предполагаем, что *синхронное устройство и диахроническая судьба подобных пар (или больших множеств) синонимических показателей должно коррелировать с формальным устройством и источниками грамматикализации соответствующих форм.* Прежде чем приступать к обсуждению этих гипотез, определим, что разумеется в этой работе под именованнием *базовых элементов парадигмы* — термином, входящим в формулировку темы диссертации, — и какие именно из них будут в ней рассматриваться.

1.6. Понятие базовых элементов парадигмы. Круг рассматриваемых глагольных форм

При исследовании и межъязыковом сравнении глагольных категорий мы ограничиваемся так называемыми «базовыми элементами (глагольной) парадигмы», достаточно распространенными и типологически устойчивыми в языках мира, обобщения по поводу которых имеют достаточную доказательную силу и заведомо не связаны с какими-либо генетическими или ареальными свойствами рассматриваемых языков. Понятие «базового элемента парадигмы», применяемое нами, близко к понятию «основная категория вида/времени/наклонения», используемого в работе [Dahl 1985], где «это понятие определяется операционально и отчасти произвольно» [ibid.: 52]; мы также не ставим себе цели дать строгое определение базовых элементов парадигмы. Исключив из рассмотрения показатели, связанные с маркированием лица, числа, падежа и залога — независимо от того, влияют они или нет на видо-временную интерпретацию словоформы — Даль формулирует два необходимых условия для признания категории в качестве «основной»: она должна быть представлена в ответах информантов на анкету по исследованию видо-временных категорий (TMA Questionnaire) по меньшей мере шесть раз и должна употребляться в утвердительных, повествовательных, неподчиненных (non-embedded) и активных конструкциях [ibid.].

В своем исследовании мы снимаем требование на неподчиненность предикаций; типологическими исследованиями (в том числе и цитируемым исследованием Даля!) выявлено, что показатели категорий наклонения и эвиденциальности (наиболее частотными употреблениями которых, по видимому, являются все же употребления в зависимых предикациях) обнаруживают значительную межъязыковую устойчивость, а также тесную синхронную и диахроническую связь с видо-временными показателями (например, хорошо известна связь перфекта и эвиденциальности, или, с другой стороны — опатива и будущего времени). С другой стороны, вводя понятие «базовых элементов парадигмы», мы апеллируем также к существованию принципиально открытых (или очень близких к открытости) парадигм тюркского или северокавказского типа (об этом феномене см., например, [Сумбатова 2002]), где в принципе может породиться очень большое

количество различных аналитических форм глагола, с точки зрения информантов зачастую находящиеся на грани грамматической правильности. Семантика таких форм не всегда может быть с точностью установлена; четкие и постоянные значения могут быть приписаны только конечному и не очень большому числу глагольных форм, которые, как правило, только и имеет смысл анализировать.

В настоящей работе разбирается синонимия следующих глагольных показателей/грамматических форм:

- 1) результатив (раздел 2.1)
- 2) перфект (раздел 2.2)
- 3) перфективное и «простое» прошедшее (раздел 2.3)
- 4) плюсквамперфект (глава 3)
- 5) прогрессив (глава 4)

Как видно из перечня, преимущественное внимание уделено синонимии форм, имеющих временную референцию к прошедшему. Формы, выражающие референцию к будущему, из рассмотрения исключены. Причин этому несколько: во-первых, синонимия в области будущего относится к уже относительно хорошо изученным примерам «наслаивания» в глагольной системе (ср. особенно [Dahl 2000b]); во-вторых, данный тип синонимии во многом выходит за пределы собственно видо-временных категорий и связан уже с модальностью, с таким специфическим видовым значением, как проспектив и проч. С другой стороны, синонимия среди форм, выражающих референцию к прошлому, типологически практически не исследовалась; особо это касается плюсквамперфекта, относящегося вообще к недостаточно изученным типологически грамматическим показателям. Возможные синонимически-омонимические отношения в рамках показателей результата уже изучены достаточно подробно [Недялков (ред.) 1983]; необходимость привлечения этого материала диктуется прежде всего диахронической связью с засвидетельствованной в языках синонимией перфектов и форм простого прошедшего времени.

Мы уже цитировали указания относительно различных уровней «избыточного» выражения разных глагольных значений, встречающиеся в

[Bybee et al. 1994] и соответствующее обобщение в [Татевосов, Майсак 2001]. Ранее выполненная наша работа [Сичинава 2002], материалы которой отчасти входят в настоящую диссертацию, показала значительную распространённость систем с несколькими формами плюсквамперфекта (на что, впрочем, указания в литературе в самом общем виде делались и ранее, например, [Salkie 1989]), вместе с тем такая тесно связанная с плюсквамперфектом категория, как перфект, в тех же языках, как правило, выражалась однозначно. Кроме типологических наблюдений над глагольными формами в *нескольких* языках, известные данные предоставляет и наблюдение над глагольными формами *одного* языка, где представлена синонимия одновременно в различных точках видо-временной парадигмы; такая ситуация, надо полагать, не очень частотна (ср. упоминавшийся выше «принцип Ярцевой», согласно которому вариативность в способах выражения не может охватывать все элементы парадигмы [1979: 10]), однако же показательна.

В авадхи (индоарийский диалект исторической области Аудх, где в функции письменного языка выступает литературный хинди) [Липеровский 1997] интенсивно представлено синхронное «наслаивание» вспомогательных глаголов бытийной сферы — это *h-/ho-* ‘быть/становиться’, *āh-, ah-, bāt-* ‘быть’, *rah-* ‘оставаться’: при их помощи образуется целый ряд синонимичных аналитических форм. В. П. Липеровский особо оговаривает, что «признаётся наличие целого ряда синонимичных глагольных основ. Каждый из синонимов не может не характеризоваться в той или иной мере локальной окрашенностью, хотя и не единичны случаи, когда формы, восходящие к разным основам-синонимам, встречаются (а значит, употребляются) в одном и том же тексте, в одной и той же локальной разновидности современного авадхи» [там же: 167].

Оказывается, что данная синонимия представлена при образовании разных времён в разной степени: для прогрессивов — в настоящем и в прошедшем — употребляется конструкция с двумя фиксированными вспомогательными глаголами (первый *rah-*, второй *h/ho-*), для прошедшего результативного (перфекта) оказывается предпочтение одному глаголу (*h/ho-*), для плюсквамперфекта и хабитуалиса в прошедшем — двум (*rah-* или *h/ho-*), наиболее разнообразен выбор вспомогательных глаголов при образовании настоящего-хабитуалиса, имеющего также футуральное значение. Наконец, прошедшее время формально стоит несколько особняком в том смысле, что оно

не использует данного набора вспомогательных глаголов, но и эта форма имеет две смешивающиеся синтетические парадигмы, диахронически отражающие активную и посессивную конструкции.

В общем такая картина, как увидим, действительно отражает типологические преференции названных форм: перфект обнаруживает сильнейшую тенденцию к единообразному способу выражения (раздел 2.2), плюсквамперфект (глава 3), прогрессив, в меньшей степени также хабитуалис (глава 4) — к сосуществованию двух вариативных форм; наконец, простое прошедшее нередко наследует — от результативной стадии, через недолгую перфектную — две дополнительно распределённые конструкции (раздел 2.2.1).

Схожую конфигурацию имеют и системы других языков с глагольной синонимией, где она представлена не в таком изобилии, как в авадхи, например, испанский (три плюсквамперфекта, один из которых конкурирует в основном с аористом, имперфект, конкурирующий с прогрессивом, один перфект и несколько конструкций разной степени грамматикализации с референцией к будущему), удмуртский [Серебренников 1960] (два плюсквамперфекта, один перфект и один претерит, конкуренция в имперфективной и футуральной зоне), суахили [Громова 2005] (три синонимичных претерита, два настоящих времени).

Подобные тенденции нуждаются в исследовании и объяснении; кроме того, следует выявить и наиболее характерные в языках мира типы соотношения синонимичных пар для каждой из указанной форм.

1.7. Методологические вопросы исследования синонимичных глагольных форм

1.7.1. Источники информации

При сопоставлении базовых и вторичных употреблений глагольных показателей в различных языках неизбежно встает вопрос качества описания соответствующих показателей. Очевидно, что при использовании существующих описаний пригодными для наших целей оказываются далеко не все грамматические и специальные исследования, а только самые подробные и семантически ориентированные. Например, беглое указание на то, что та или

иная форма означает «недавнее действие», «действие, которое в представлении говорящего более живо развёртывается», сопровождаемое одним-двумя примерами, хотя и может предоставить (особенно на фоне того, что вообще известно о типологии глагольных категорий) известную информацию о семантике соответствующей формы, тем не менее не может считаться источником, в полной мере пригодным для целей нашего исследования.

Кроме того, как уже отмечалось выше, для определения отношения полной синонимии между данной парой форм необходимо подробное описание не только базового, но и вторичных употреблений каждого из показателей. В случае отсутствия такой информации возможно делать только более слабые утверждения о квазисинонимии данных форм.

Для наших целей обращение непосредственно к языковому материалу (результатам анкетирования информантов, корпусам письменных текстов и т. п.) более информативно, чем интерпретация существующих описаний. Не случайно в материалах работы [Bybee et al. 1994], опирающейся в основном на существующие грамматики, указано значительно больше пар синонимичных форм (без каких-либо указаний о дополнительном их дифференцировании), чем в работе [Dahl 1985], отражающей результаты обработки выполненных информантами переводов специально составленных анкет — несомненно, вторая методика предоставляет по сравнению с первой гораздо более надежную информацию, касающуюся вторичных употреблений грамматических показателей, а также дифференциации различных показателей, например, по сочетаемости с тем или иным семантическим типом (акциональным классом) предикатов (мы употребляем термин «акциональность» в соответствии с представлением о классификации глаголов на «аспектуальные классы» [Маслов 1984/2004: 28—29, Маслов 1978/2004: 312], т. е. «предельные/непредельные», «состояния/действия» и т. п., а также более конкретные «способы действия» или Aktionsart [Маслов 1984/2004: 30 и след.], как этот термин употребляется в немецкой традиции, а по-русски, — наряду с «аспектуальность», — например, в [Петрухина 2000]; ср. аналогичное употребление термина “actionality” в работах П.-М. Бертинетто).

1.7.2. Вариативность в системе vs. вариативность между системами: социолектные и диалектные различия

Другим важным фактором, влияющим на интерпретацию синонимии глагольных форм, являются социолектные и диалектные различия. В описании языка могут быть объединены синонимичные формы, присущие различным социалектам и диалектам этого языка (и, тем самым — идиолектам разных информантов). Подобные случаи нередки: три формы македонского перфекта, описанных в [Graves 2000], имеют разное диалектное распределение (соответственно, имеется несколько локальных систем); эти формы сосуществуют, по-видимому, только в охридском диалекте [ibid.: 489—493], который, таким образом, должен рассматриваться как особая система с тремя перфектами (что неверно для македонских диалектов в целом и для литературного македонского языка). «Вариации в пространстве» (в различных родственных системах) отделены от «вариации во времени» (эволюции одной и той же системы) в [Мартине 1962]. В связи с глагольной системой маори (где имеется, согласно результатам анкетирования, две формы настоящего и два прогрессива) Э. Даль замечает: «Результаты анкеты по маори основаны на нескольких диалектах; таким образом, довольно часто получалось так, что для одного и того же предложения давалось несколько альтернативных переводов, так что неясно, действительно ли все категории, отмеченные в анкете, могут быть использованы в одном и том же идиолекте, т. е. сосуществуют в одной системе» [Dahl 1985: 163]. Дж. Миллер, исследующий перфектные и результативные конструкции в различных подсистемах разговорного английского, эксплицитно выделяет принцип, согласно которому «грамматикализационные процессы свойственны определённым вариантам данного „языка“, а не тому или иному „языку“ tout court» [Miller J. 2004: 229]; «хотя спонтанная разговорная английская речь имеет области пересечения с формализованным письменным английским, в обоих этих типах имеется много специфических для него одного грамматических структур и способов организации дискурса» [ibid.: 231]. Таким образом, в работе должны использоваться и данные о диалектном и социолектном членении того или иного языка, особенно «экзотического», и, в частности, о возможности существования различных глагольных систем в различных диалектах.

Аналогичную трудность представляет и существование различных глагольных систем в рамках различных модусов дискурса — устного и письменного — в одном и том же языке. Например, романские и германские сверхсложные формы (типа фр. *j'ai été écrit*, нем. *ich habe geschrieben gehabt*), широко распространенные в разговорной речи, не входят полноправно в видо-временную систему соответствующих литературных языков. Отставание письменной нормы от разговорного узуса в области глагола вообще носит в целом ряде европейских языков системный характер. Сверхсложные формы на протяжении последних столетий активно проникают в письменный язык, где, впрочем, пребывают на маргинальном положении; в разговорной же речи, где нет ограничений нормативного характера (или, по крайней мере, их существенно меньше), названные формы употребляются гораздо более свободно и в большем числе контекстов.

Для нашей проблематики имеет первостепенное значение тот факт, что названные формы в рамках обоих модусов дискурса вступают и в различные синонимические отношения; например, в письменном немецком сверхсложная форма конкурирует с плюсквамперфектом, в то время как для устной речи особую важность представляет использование сверхсложной формы в функции, близкой к функции аналитического прошедшего времени (которое в ней также сохраняется). Поэтому представляется существенным исследование подобных форм как в письменном, так и устном модусах. Обращение к одному лишь корпусу письменных текстов (или же к грамматикам, построенным на письменной норме) неизбежно создало бы искаженное и неполное представление о семантике этих форм в языках Европы.

1.7.3. Функции глагольных форм в тексте: «денотативная» vs. «прагматическая» и «дискурсивная» семантика

В исследовании синонимов вообще — и в исследовании синонимичных глагольных форм в частности — особую роль, как мы видели, играют различия, задаваемые не столько разницей в денотативных свойствах и объективных характеристиках описываемой ситуации (различными «условиями истинности», говоря языком формальной семантики), сколько субъективным отношением, которое говорящий устанавливает, с одной стороны, между ситуацией и

речевым актом, а с другой стороны, между ситуацией и текстом (дискурсом), в котором она представлена. Первый тип соотношений относится к «прагматике» языка, другой — к так называемым «дискурсивным» факторам; очень часто они тесно переплетаются. Об исследовании дискурсивных функций видо-временных показателей в современной лингвистике см. прежде всего [Петрухина 2000: 76 и след.] и [Плунгян 2004].

Э. Бенвенист в уже названной, часто цитируемой статье отмечает, что «времена одного глагола во французском языке в их употреблении не являются элементами одной системы, они распределяются по двум разным взаимодополнительным *системам*. Каждая из этих систем включает только часть глагольных времён, обе находятся в конкурентном употреблении и одновременно оказываются в распоряжении каждого говорящего. Эти две системы представляют два различных плана сообщения, которые мы будем различать как план *истории* (*histoire*) и план *речи* (*discours*) [1959: 271]». Под «планом истории» подразумевается повествование о событиях прошлого, «без какого-либо вмешательства в повествование со стороны говорящего» [там же]; оно полностью отключено от дейктического центра («историк никогда не скажет *я, ты, здесь, сейчас*, так как он никогда не пользуется формальным аппаратом речевого плана» [там же: 272]. «Речь» — это «всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определённым образом воздействовать на второго», организующее «высказывание в формах категории лица» [там же: 276]. В принципе данный параметр — как неоднократно отмечает и сам Бенвенист — не обязан совпадать с различием между письменной и устной речью (действительно, такая ситуация, как во французском, где *passé simple* в устной речи отсутствует полностью, нехарактерна даже среди языков Европы), однако известная корреляция между этими дихотомиями наблюдается.

Линда Во в своём исследовании [Waugh 1991], посвящённом — как и работа Бенвениста — семантике французского простого прошедшего времени, разрабатывает целую иерархию признаков, релевантных для описания видо-временного «значения»: это *прагматические* (относящиеся к коммуникативной ситуации), *текстуальные* (относящиеся к жанру и типу текста), *модальные* (оценка говорящим реальности ситуации), *дискурсивные* (относящиеся к

специфическим свойствам дискурса), *экспрессивные* (субъективное отношение говорящего/пишущего к ситуации) и *референциальные* (относящиеся к денотативным свойствам текста, включая различные временные факторы [Waugh 1991: 242]). То, что подобный подход к дифференциации семантических пар чрезвычайно характерен именно для романистики (и активно развивается в её рамках для описания видо-временных значений вообще; ср. также [Fleischman 1990] и [Vetters 1996]), не случаен и связан именно с широким распространением подобного соотношения между денотативно тождественными видо-временными формами в романских языках [ср. Плунгян 2004: 393—394]. Для немецкого языка оппозиция между планом «речи» и планом «истории», аналогичная предложенной Бенвенистом, сформулирована Х. Вайнрихом [Weinrich 1964].

Исследование собственно дискурсивных (текстовых) функций видо-временных показателей получило значительное развитие в аспектологии 1970—1990-х гг. (важные предпосылки этого подхода имелись и ранее, например, у В. В. Виноградова); особую роль здесь сыграли исследования в славянской аспектологии (Г. А. Золотова, Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко, Е. В. Падучева, Е. В. Петрухина, Ж. Веренк, Н. Телин и др.). В рамках дискурсивной теории глагольного значения обычно выделяют оппозицию между событиями основной линии повествования, «первого плана» (*foreground*) и так называемой «фоновой информацией» (*background*), куда входят «наличная ситуация» (по [Маслов 1984: 183]), разного рода комментарии, отступления и т. п.; выбор видо-временного показателя указывает, в частности, на смысловые и хронологические отношения между выраженными ситуациями [Петрухина 2000: 79—80]; те или иные события, выделенные из общей линии повествования, могут быть представлены как «синхронно наблюдаемый процесс» [там же: 87] и т. п.

Как увидим ниже, указанный тип разграничений играет большую роль для установления точных функций синонимичных форм, например, претерита/бывшего перфекта в европейских языках (подробнее см. раздел 2.3) или плюсквамперфекта в средневековых испанских текстах [Klein-Andreu 1991] и в древнерусском летописании [Петрухин 2004]. О важности учёта «бенвенистовской оппозиции между *discours* и *histoire*» пишут, в частности, при анализе семантического содержания и семантического противопоставления

форм прошедшего времени в итальянском Сквартини и Бертинетто [Squartini, Bertinetto 2000: 433]. Независимо Л. Нойкомом и нами было указано на специфические функции одного из типов плюсквамперфекта (включающего особый показатель неактуального прошедшего, так называемого «ретроспективного сдвига») в австроазиатском языке сантали — данная форма в начале всего повествования задаёт «исходную ситуацию», а в начале более мелких дискурсивных единиц, чем текст, вводит новую ситуацию и новых персонажей; для этой функции нами было предложено название «сдвиг начальной точки» [Сичинава 2001, Neukom 2001, Sitchinava in press]; аналогичные функции показателя ретроспективного сдвига в бамана (группа манде, Мали), где подобный показатель в пределах системы уникален, анализируются в [Плунгян 2004: 402—407].

Разумеется, комбинация данных составляющих значения не представляет собой чего-либо специфического для синонимов; напротив, очень многие видо-временные значения нельзя описать адекватно, не опираясь в том числе на дискурсивные функции соответствующей формы и не выходя за пределы искусственно вычлененного из реального дискурса одного предложения-примера; далеко не только к русскому глагольному виду применимо утверждение из уже упоминавшейся статьи В. А. Плунгяна: «Русский вид принципиально неоднороден, и никакое «унитарное» описание (ни дискурсивное, ни формально-логическое, ни структурное, ни денотативное, etc.), по-видимому, не может дать ключ к его исчерпывающему пониманию» [2004: 395]. Но синонимические пары в глагольной системе высвечивают неденотативную сторону семантики особенно чётко; эта не полностью грамматикализовавшаяся масса признаков образует поле напряжения между сосуществующими в одной нише грамматическими формами. Для неё характерен крайне неустойчивый характер ([Dahl 2004: 129,131]; см. также Главу первую, раздел 1.4.2.); не всегда она попадает в поле зрения описательных грамматик, но для типологии представляет значительный интерес.

Таким образом, подобный компонент видо-временной семантики (и разграничения по такому принципу) должен находиться в поле зрения исследователя грамматической синонимии.

1.7.4. Круг рассматриваемых языков. Проблема типологической выборки.

Как известно, критерием типологического исследования является репрезентативная по отношению к языковому разнообразию Земли значительная по объёму выборка из неродственных языков; в ней не должно обнаруживаться генетического или ареального «уклона» ([Croft 1990], [Bybee et al. 1994]); с формирования выборки такое исследование должно начинаться.

Данный принцип, однако, может быть последовательно применён только в случаях, когда исследуемое явление: а) по степени своей представленности в языках мира само не имеет известных ареальных предпочтений; б) представленность его в языках высоко предсказуема; например, если исследуется *свойство выражения такого-то значения*, то данный типологический параметр релевантен для всех языков (любое значение, естественно, так или иначе выражается в любом языке; если для него в данном языке нет особенного грамматического средства, то типологически важно, с какими другими значениями оно совмещено и т. п.).

Но что касается грамматической синонимии, это явление, хотя и обнаруживает, как мы покажем, типологические закономерности, но удовлетворяет, и то частично, лишь первому критерию. Действительно, «несколько показателей» простого прошедшего, результата или прогрессива представлены в самых различных языках мира, что касается их генетических и ареальных характеристик; но, например, несколько форм плюсквамперфекта, как и эта форма вообще, представляет собой достаточно выраженную ареальную особенность Старого Света и особенно Европы; даже если считать — что, по-видимому, справедливо — таксисное так называемое «абсолютно-относительное» употребление плюсквамперфекта чисто европейской (причём даже в Европе не преобладающей) ареальной чертой, то всё равно численное большинство глагольных систем с несколькими плюсквамперфектами приходится на этот ареал (что, как увидим, отнюдь не говорит о его типологическом однообразии).

Однако как обязательный параметр, по которому может быть охарактеризован любой язык, синонимия в глагольной системе мало что даёт.

Действительно, для нас информативен только «положительный» результат: отсутствие в синхронно наблюдаемой (или наблюдавшейся) глагольной системе такого соотношения не говорит, по большому счёту, ни о чём; конечно, отношение случаев, в которых синонимия представлена, к общему числу случаев для каждой конкретной глагольной категории информативно для определения общей склонности данной формы к синонимии (например, судя по нашим данным и по выборке GRAMCATS, использованной в [Bybee et al. 1994] такое соотношение высоко для будущего времени или плюсквамперфекта, но низко для перфекта), но больше никакого содержания отрицательная информация не несёт.

Таким образом, здесь нельзя сколько-нибудь априори определить выборку; необходим практически глобальный просмотр уже существующих описаний языков, полевых данных, специальных работ, чтобы собрать сведения о глагольных системах с несколькими перфектами, претеритами и т. п.

Кроме того, не всегда ясна граница между ареальными и типологическими чертами того или иного явления. Сосуществование перфектов с вспомогательными «иметь» и «быть» — черта ареально европейская, перфект со *вспомогательным глаголом* «иметь» (в отличие от посессивно-результативной конструкции как таковой), как отмечают, в частности, Эмиль Бенвенист, а в наше время Эстен Даль, крайне скудно представлен вне Европы (можно назвать, в частности, древний индоевропейский язык вне европейского ареала — хеттский [Heine 1997: 141]). Но вместе с тем исследование данной ситуации показывает наличие несомненного типологического разнообразия в пределах европейского ареала — не менее трёх типов, и из этих типов лишь один обнаруживается в языках, принадлежащих к цельной географической области (и к близкому историческому периоду); наиболее ярко здесь, конечно же, несомненно типологическое по своему характеру соотношение исландского и македонского (см. Главу вторую, раздел 2.3.5). Кроме того, все они, что примечательно, находят известные типологические подкрепления в распределениях (и диахронической судьбе) перфектов с иными формальными характеристиками вне европейского ареала, от армянского до старояпонского.

Наконец, что особо важно — в условиях ярко неравномерной представленности изучаемого феномена в языках мира особая нагрузка ложится на такой источник информации, как существующие описания (экспедиционные материалы и наша собственная работа с информантами в работе также использованы, но ограниченно по сравнению с анализом информации, доступной в печатных работах). А, как мы только что указывали (1.7.1), далеко не все существующие описания пригодны для подобной работы; ключевую роль играет параметр подробности и семантической ориентированности. Разумеется, в деле описания экзотических языков в XX и начале XXI века достигнут значительный прогресс, но в силу исторических обстоятельств ареал «наилучшей описанности» лингвистического материала — и грамматической семантики в частности — приходится всё же на Старый свет и, в частности, на Европу. Кроме того, для наших исследований принципиален диахронический аспект, а именно происхождение и тенденции эволюции данных глагольных систем; здесь опять-таки по-настоящему верифицируемый материал дают только старые письменные языки.

В силу указанных причин, таким образом, используемый в работе класс языков — скорее определённый параметром *класс*, чем случайная *выборка* — обнаруживает достаточно сильный «европоцентричный» уклон (из 98 рассматриваемых языков с синонимией глагольных категорий, рассматриваемых в настоящей работе, чуть меньше половины, а именно 48 — индоевропейские, хотя представлены и индоарийские, и иранские языки, и армянский). Но — опять же учитывая сказанное выше — исследование тем самым не проигрывает в надёжности; выделяемые нами типы, возможно, могут быть пополнены другими, которые выявятся в ходе подробного полевого описания «экзотических» языков; но самое существование подобных обобщений и типологический (а не ареальный) статус представляет собой вполне надёжный факт. В нашей работе мы будем приводить в некоторых случаях — которые на первый взгляд в этом отношении могут показаться спорными — аргументы в пользу именно типологического статуса ряда сближений.

Таким образом, исследование синонимии глагольных форм создает целый ряд проблем методологического характера, как общих для типологического описания грамматических значений вообще, так и имеющих специфический характер, связанный с установлением семантических отношений в системе языка.

Глава вторая.

Глагольные системы с синонимичными формами результата, перфекта и претерита.

2.1. Результатив — перфект — перфективное прошедшее: структура и семантика, эволюция

В данной главе мы рассмотрим синонимию глагольных форм, воплощающих в качестве базового следующие грамматические значения (определения значений и дополнительные пояснения даются ниже, в начале разделов данной главы, посвященных синонимии той или иной формы):

- результатив;
- перфект;
- прошедшее время совершенного вида (перфективное прошедшее, или, в наиболее частом употреблении этого термина, аорист) — в системах с видовым противопоставлением, прошедшее время (т. н. «общее прошедшее», или претерит) — в системах без видового противопоставления;

Указанные глагольные значения, как известно, связаны широко распространённым и раньше других выявленным в языках мира типологическим родством (на эту связь последовательно указано уже Е. Куриловичем в 1956 г.: [Маслов 1984/2004: 54—55, 297]). Результатив служит одним из основных источников перфекта [Маслов 1983: 46]; [Bybee et al. 1994: 68—69] (наряду с видовым грамматическим показателем комплетива: [Bybee et al. 1994: 69—74]); перфект же, в свою очередь, эволюционирует в сторону простого прошедшего (ограниченного контекстами, связанными с совершенным видом, или же, в случае отсутствия в системе такого противопоставления, не ограниченного) [Маслов 1983: 47, 50]; [Bybee et al. 1994: 81—87].

Все перечисленные показатели вступают в языках мира в отношения полной синонимии, чаще же — квазисинонимии. Указанный факт уже отмечался для отдельных грамматических значений этого ряда: результативов

([Недялков, Яхонтов 1983: 15]), перфектов ([Anderson L. 1982], [Маслов 1983: 48—49], [Bybee et al. 1994: 149]); сюда же примыкает и проблема синхронного соотношения перфекта и старого простого/перфективного прошедшего [Squartini, Bertinetto 2000]. Для некоторых из них, а именно показателей аналитического перфекта, распределённых в зависимости от семантического типа глагольной лексики, уже делались обобщения типологического характера (не всегда отграничиваемые от ареальных характеристик этих явлений, что, как увидим, не случайно: в этом случае не всегда возможно чётко провести такую границу) ([Sorace 2000]; [Washio 2004], подробнее см. ниже, раздел 2.3.3). Ниже предлагается анализ грамматического «наслаивания» синонимичных и квазисинонимичных форм в данном ряду глагольных значений, в том числе и обусловленных диахронической связью между ними.

2.2. Синонимия результатов

Результатив — грамматическое значение, близко родственное (и синхронно, и диахронически) перфекту, о котором речь пойдёт в следующем разделе, и всё же достаточно чётко отграничиваемое от него. Типологическое различие между результативом и перфектом впервые последовательно проведено в коллективной монографии [Недялков (ред.) 1983] (расширенное изд. на англ. яз. — [Nedjalkov (ed.) 1988])¹³. Здесь результатив определяется так: «Результативом именуется форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие» [Недялков, Яхонтов 1983: 7]; ср.: «результатив обозначает состояние, вызванное некоторым действием в прошлом» [Bybee et al. 1994 :53]; выделяются определённые диагностические контексты, характерные для результатива и отличающие его от перфекта, в частности, сочетаемость результатива с наречием ‘всё ещё’ и с обстоятельствами, указывающими на продолжительность состояния (подробнее об этом свойстве и о соотношении результатива с перфектом см. в разделе 2.3.). Естественным следствием такой семантики для результативных конструкций

¹³ Помимо группы работ Недялкова и его соавторов 1970-х годов, термин «результатив» с тем же значением был независимо введён в [Coseriu 1976] и отсюда получил распространение в романистике.

являются ограничения на сочетаемость (ср. указания в [Dahl 1985: 134] на «высокую степень лексических ограничений»); действительно, форма с таким значением может выступать далеко не со всеми глаголами, а с теми, которые означают изменение состояния ('садиться', 'вешать', 'ломать' и т. п.); о связи предельных (терминативных) глаголов и результивного значения см. также [Петрухина 2000: 55—56].

Формальные средства выражения результивата, а также омонимические и синонимические отношения, в которые вступают показатели этой глагольной формы, уже детально исследованы в указанной коллективной монографии под редакцией В. П. Недялкова (с формальной точки зрения см. также публикацию [Недялков 1981]), многие ниже приводимые примеры взяты из этого сборника. Впрочем, систематически (по возможным формальным типам соотношения) синонимия в указанной монографии не разбирается. Исчисление такого пространства возможностей представляет интерес указанной монографии и также для изучения синонимии перфектов и простых прошедших (которые, как увидим ниже, нередко сохраняют формальные особенности и лексическое распределение, характерные еще для своей результивной стадии).

2.2.1. Семантические типы соотношения альтернативных результивных конструкций

Для результивата характерна прежде всего не синонимия («несколько показателей — одно значение»), а другая сторона «асимметричного дуализма» языкового знака — полисемия показателя («один показатель — несколько значений»); разумеется, такое соотношение можно трактовать и как омонимию). Типологически очень распространён так называемый «совмещённый результив» — случаи, когда результивное значение не является у соответствующего показателя единственным, а совмещается с другими, чаще всего с залоговым значением пассива. Именно такой тип представлен, например, у русского пассива со связкой прошедшего времени:

Магазин был открыт в восемь часов

имеющего и «статальную» (результативную: ‘В восемь часов магазин находился в открытом состоянии’), и «акциональную»¹⁴ (нарративную) интерпретацию (‘В восемь часов магазин открылся’) [Маслов 1983: 49], [Tommola 2000: 463]¹⁵.

Однако отмечается и такое явление, как наличие нескольких способов выражения результата в одном и том же языке: «В конкретных языках может быть более одного способа обозначения результата в зависимости от: а) диатезного типа; б) значения результативного показателя; в) конкретного глагола. Чаще всего, однако, результативы, видимо, имеют один основной способ обозначения» [Недялков, Яхонтов 1983: 15]. Речь здесь идёт либо о квазисинонимичных формах (случай «б»), либо о дополнительно распределённых (случай «в»), либо же о различиях в кодировании актанта («а»).

Наиболее частотный и хорошо известный тип такого распределения связан прежде всего с чрезвычайно ярко проявляющимися семантико-синтаксическими свойствами данного грамматического значения. Подобно тому как в языках мира различным образом кодируются такие базовые семантические роли, как агент (A) и пациент (P) переходного глагола и единственный актанта непереходного глагола (S) (соответственно, одинаковое кодирование A и S означает «аккузативную» стратегию, P и S — «эргативную», A, P и S — «нейтральную», а раздельное кодирование всех трёх ролей — «контрастивную», или «трёхчастную») [Comrie 1981; Кибрик 1992, Тестелец

¹⁴ В работах Маслова (а также ряда других обсуждаемых и цитируемых лингвистов) термин «акциональный/акциональность» традиционно употребляется не в качестве синонима семантического класса предикатов или совершаемости (Aktionsart), как это принято в нашей работе, а в значении «указывающий на действие», в противовес «перфекту состояния» [Маслов 1984/2004: 33—34]; о неоднозначности этого термина в русскоязычной аспектологии см. также [Петрухина 2000: 7].

¹⁵ Ср. также пример на аналогичную неоднозначность из английского, приводимый уже Есперсеном [Jespersen 1924: 274]: When I came at five, the door was shut, but I don't know when it was shut ‘Когда я пришёл в пять часов, дверь была закрыта, но я не знаю, когда она была закрыта’.

2001: 699, Кибрик 2003: 126—132] — так же и результатив выделяет особые «диатезные типы», из которых некоторые (или все) противопоставляются и формально [Недялков, Яхонтов 1983: 8—9]:

самый частотный в языках мира «объектный» тип (при котором субъект состояния равен «объекту»/пациенсу предшествующего действия, выраженного переходным глаголом: ‘дверь открыта’ < ‘я открыл дверь’);

«субъектный» тип (при котором субъект состояния равен актанту предшествующего действия, выраженного непереходным глаголом: ‘глаза воспалены’ < ‘глаза воспалились’);

самый редкий из этих трёх «посессивный» тип (при котором субъект состояния равен «субъекту»/агенсу предшествующего действия, выраженного переходным глаголом: ‘я держу шляпу’ < ‘я взял шляпу’). Термин кажется нам не совсем удачным, потому что, во-первых, с семантической точки зрения этот тип далеко не всегда выражает принадлежность, что отмечают и сами авторы («объект действия чаще всего обозначает часть субъекта, нечто принадлежащее или нечто находящееся с ним в непосредственном контакте»; [там же: 10]), а, во-вторых, с формальной стороны далеко не всегда кодируется (грамматикализовавшимися) конструкциями с посессивной семантикой. Так, приводимый Недялковым и Яхонтовым пример посессивного результатива из русских говоров: *Он надевши шапку* — вообще говоря, не является «посессивным» ни с семантической, ни с формальной точки зрения. Точнее можно назвать такой тип конструкций «субъектно-переходным»; он «играет особую роль в эволюции результатива к перфекту» [там же: 17], по мере того как уменьшается роль объекта, находящегося в результирующем состоянии, и увеличивается роль субъекта. Для него (по крайней мере, на начальном этапе грамматической эволюции) характерна сочетаемость с особыми лексическими классами глаголов, соответствующими ситуации, так или иначе затрагивающей агенса (*взять, надеть, сломать* [ногу], *съесть, узнать, вытерпеть* [муки], *сыграть* [свадьбу]) [там же: 17—18].

Соответственно, все стратегии, кроме нейтральной, образуют систему с несколькими дополнительно распределёнными формами результатива. Наиболее распространён эргативный тип (когда субъектный и объектный результативы совмещены в «двудиатезном» показателе); это, впрочем, не имеет самостоятельного типологического значения, ибо тесно связано с семантикой

результатива — действительно, в нормальном случае носителем состояния, наступившего вследствие некоторого действия, является именно объект и единственный актант непереходного глагола; изменения состояния субъекта, если и есть, носят второстепенный характер [Comrie 1981, 112—114]. Эргативный тип представлен, например, в немецком, армянском, норвежском, грузинском [там же: 10—11], а номинативный — в японском [там же: 16]. Подробнее см. ниже, раздел 2.2.3.2.

Собственно семантическое (не диатезное) противопоставление можно усмотреть только в следующем случае. В указанной монографии выделяется также близкая результативу форма — *статив*, «обозначающий состояние предмета» [Недялков, Яхонтов 1983: 7], не обязательно наступившее вследствие какого-нибудь предшествующего действия (например, *висеть* в предложении *На ветках висят яблоки* является стативом, а пассив, передающий в русском языке результативное значение, в данном контексте, естественно, невозможен: **На ветках повешены яблоки*). Статив является слабо, по сравнению с результативом, грамматикализованной формой (в языках мира широко представлены лексические стативы, не являющиеся словоизменительными формами; ср. *висеть* в вышеприведённом примере). С другой стороны, статив может представлять собой следствие деграмматикализации результатива: «Формы, имевшие некогда значение результатива, могут утрачивать значение отсылки к предыдущему действию и превращаться в стативы. Не исключено, что так обстояло дело с грузинскими стативами... которые являются более древними по сравнению с результативами... хотя также восходят к причастиям» [Недялков, Яхонтов 1983: 20]. Отметим, что синонимия «чистых» грамматикализованных стативов (не являющихся ни результативами, ни лексическими образованиями) в рассмотренном нами материале не встретилась.

Сосуществование статива и результатива в одной системе можно рассматривать как грамматическую квазисинонимию (состояние вследствие некоторого действия считается базовым значением, а состояние вообще — производным); «различие между результативами и стативами нередко трудноуловимо, и поэтому обе группы дериватов целесообразно рассматривать вместе» [Недялков 1981: 161]; такое соотношение характерно, например, для грузинского [Мачавариани 1983: 133] или узбекского языков [Насилов 1983:

118—120]. Так, в узбекском языке «значения обеих форм не противоречат друг другу, и поэтому формы допускают взаимозамену в определённых контекстах» (результатив здесь выражается перфектом пассива)» [там же]:

Девор-да	милтиқ ос-иклик
стена-ДАТ	ружьё вешать-СТАТ
Девор-га	милтиқ ос-ил-ган
стена-ДАТ	ружьё вешать-ПАСС-ПЕРФ

‘На стене висит/повешено ружьё’

Случаи, когда различные формы результатива (с тем же диатезным типом и значением) образуются от различных (хотя бы и пересекающихся) множеств глаголов, многообразны; они рассматриваются ниже, в составе формальной классификации синонимичных пар.

2.2.2. Лексические источники результатива и их синонимия

К наиболее известным лексическим источникам результатива относятся сочетания глаголов состояния с деепричастиями, причастиями и отглагольными именами, т. е. конструкции типа ‘сев пребывает’, ‘севшим/закрытым является/имеет’, ‘сидение/закрывание имеет’ [Недялков 1981: 164], [Bybee et al 1994: 53]. «Известные нам лексические источники результативов, как правило, связаны со значением состояния. В трёх языках — датском, куи и тукао — результативная конструкция образуется при помощи спрягаемой формы глагола „быть“ плюс причастная форма главного глагола... В обыкновенном случае результативное значение появляется при сочетании статального вспомогательного глагола — который несёт значение текущего состояния — и причастия прошедшего времени и/или страдательного залога, которое означает динамическую ситуацию, произошедшую в прошлом и затрагивающую объект переходного глагола или субъект непереходного» [ibid.: 67—68].

Наличие нескольких конкурирующих единиц — лексем и/или грамматических показателей — свойственно уже для лексических источников результатива. В частности, это относится к источникам диатезному типу результатива, который мы выше назвали «субъектно-переходным»; он имеет

особое значение для диахронического развития данной формы. Речь идёт о глаголах обладания и посессивных конструкциях.

Как давно известно (подробнее см. специально посвященную грамматикализации посессивности работу [Heine 1997]), в языках мира представлен выбор между активной конструкцией вида лат. *habeo domum* ‘имею дом’ и дативной/локативной вида *domus mihi est* букв. ‘мне есть дом’, рус. *у меня есть дом*; русский, арабский, древнегрузинский, монгольский относятся ко второму типу [Бенвенист 1960: 211], большинство западноевропейских — ко второму. Всего типологии известно восемь посессивных «схем» [Heine 1997: 47]: кроме активной, дативной и локативной здесь выделяются комитативная (“X находится с Y-м”), генитивная (“Существует X Y-а”) и некоторые другие. Известно также, что некоторые языки, такие, как польский, немецкий [Вайсс 2004: 108—114] или французский, колеблются между этими типами (фр. *j’ai une maison / cette maison est à moi*; впрочем, данные конструкции во французском, в отличие от латыни, нельзя признать вполне синонимичными [Бенвенист 1960: 212]); для посессивных конструкций крайне характерно «внутриязыковое варьирование» ([Heine 1997: 104—117]). Переходная конструкция — а вместе с ней и особенный «переходный» глагол ‘иметь’ — представляет собой ареальную черту «европейского языкового союза» [König, Haspelmath 1998, 1999]; локативная конструкция — «евразийская» черта [Вайсс 2004]. В древних индоевропейских языках, как обычно считается (см. подробнее [Heine 1997]) долгое время преобладала дативно-локативная конструкция, а глагол ‘иметь’ развился значительно позднее. Результатив также может образовываться (в тех же языках) при помощи активной стратегии, как в германских языках, или дативной/локативной стратегии, как, например, в древнеперсидском ([Бенвенист 1952: 193—194], [Эдельман 2002: 115 и след.]; здесь «пассивный перфект», как показывает Бенвенист, отличен от собственно страдательного залога), армянском (там же: [197—199]) или в современных русских говорах ([Трубинский 1983]: конструкции *У сына женёнось, У него ушодчи*).

Соответственно, в языках, где мы имеем колебание между обеими формами, представлены и альтернативные формы результата (поздняя латынь, см. ниже, раздел 2.2.3.2). В иберо-романских языках, где латинский глагол *habere* ‘иметь’ вытеснен в прямом значении глаголом *tenere* ‘держат’,

немедленно же появляется и конкуренция синонимичных результатов (а затем и перфектов) с синонимичными вспомогательными глаголами *tener/ter* и *haber/haver* (см. там же).

Особый интерес представляет конструкция с результативной семантикой, еще не воплощающая собственно глагольной категории результата, а передающая possessive значение; она представляет собой в некотором роде «промежуточное звено» между лексической стадией (предшествующей грамматикализации) и стадией, на которой уже можно говорить собственно о глагольных категориях. В рамках концепции «наслаивания» (layering), предложенной Хоппером, в книге [Heine 1997: 130—131] анализируется синонимия показателей «результативного possessive» или «инхоативного possessive» в языке эве (Нигерия, группа ква семьи нигер-конго). В этом языке (Б. Хайне использует описание [Атека 1991]) имеются три серии близких результативных конструкций.

В первой серии конструкций (в которых, судя по переводам, акцент делается на статальном результате) possessor вводится при помощи сочетания предлога *dé* ‘в, к’ и послелога *sí* букв. ‘рука’, а в качестве вспомогательного глагола используется один из глаголов *bó* ‘изобиловать’, *sɔgbɔ* ‘быть многочисленным’ или *susɔ* ‘оставаться’ (ср. рус. *у него в руках*):

<i>núɖuɖu</i>	<i>bó</i>	<i>dé</i>	<i>yíyí</i>	<i>sí</i>	<i>ɲútɔ́</i>
еда	изобиловать	к	паук	рука	много
‘У паука было много еды’					
<i>lɔgi-</i>	<i>wɔ́</i>	<i>sɔgbɔ</i>	<i>dé</i>	<i>é-</i>	<i>sí</i>
грузовикМН	быть.многочисленным	к	его	рука	
‘У него есть грузовики (несколько грузовиков)’					

В первом примере еще можно предположить, что глагол сохраняет своё лексическое значение, но в любом случае оно продублировано словом ‘много’; во втором случае значение ‘быть многочисленным’ уже стёрто, судя по переводу (*several lorries*). Таким образом, перед нами синонимичные конструкции.

Вторая серия посессивно-результативных конструкций в эве носит инхоативный оттенок и означает, что ‘посессор вступил во владение чем.-л.’. Послелог остаётся прежним, а в позиции вспомогательных глаголов выступают уже динамические глаголы *ḍó* ‘достигнуть’, *sũ* ‘схватить’ и *ká* ‘коснуться’ (ср. рус. *прибрать к рукам, наложить руку на что-л.*, фр. *toucher le salaire* ‘получить зарплату’, букв. ‘коснуться’ и под.):

agble-a	sũ	kofi	sí		
ферма-ОПР	схватить	Кофи	рука		
‘Эта ферма теперь принадлежит Кофи’					
mózoḡa		kplé	núḍuga	ká	wɔ sí
деньги.на.поездку		и	деньги.на.еду	коснуться	их рука
‘У них теперь есть деньги на поездку и еду’					
ga	ḍó	áma	sí		
деньги	достигнуть	Ама	рука		
‘Ама получила деньги (и они есть у неё)’					

Третья серия результативных конструкций означает временное владение. В этом случае фиксирован уже глагол, а переменным оказывается приименной показатель (предлог). В указанной позиции выступают показатели *gbó* ‘рядом, у’, *ḡú* ‘вне’, *dzí* ‘на’ (ср. рус. *за мной сто рублей долгу*, англ. *I have money on me* ‘Я должен денег’); их дистрибуция уже не свободна, а зависит от «контекстных ограничений». :

ga	le	ḡú	nye	
деньги	есть.у	вне	мой	
‘У меня есть (чужие, в долг взятые) деньги’				
wɔ	ágbalẽ	le	gbó	nye
твой	книга	есть.у	рядом	мой
‘У меня твоя книга’				

Аналогичная картина представлена и в ряде других языков Западной Африки, ср. приводимые Э. Бенвенистом (по данным А. Клингенхебена)

параллельные данным конструкциям примеры из не родственных эве языков ваи и канури [Бенвенист 1960: 211—212]. Синхронная синонимия показателей результативных конструкций с посессивной семантикой представлена в разговорных регистрах английского, где конструкции *have*, *have got* и *got* выступают как синонимы с некоторыми разграничениями, связанными с природой обладаемого объекта и характером владения. Так, в самых разных разговорных подсистемах, где одинаково активны несколько таких показателей, *have* всегда предпочитается с абстрактными объектами и в значении постоянного владения (ср. [Tagliamonte 2003], где этот феномен изучается с точки зрения «вариационистского» подхода, но учитывается также и «принцип наслаивания» в грамматикализации).

2.2.3. Формальные типы соотношения результатов

Собственно результатив, то есть грамматическая форма со значением состояния, наступившего вследствие предшествующего действия, представляет собой уже дальнейший шаг по сравнению с «результативным посессивом». Синонимия показателей результатива, представленная в языках мира, может быть разделена на следующие два типа:

- соотношение синонимичных форм, связанных этимологически, одна из которых морфологически «проще» другой (в частности, одна может быть синтетической, вторая — аналитической). Таким образом, они представляют собой разные этапы одного и того же пути грамматикализации. Это синхронное «наслаивание» в узком смысле ([Hopper, Traugott 1993: 125] — «полная» и «редуцированная» формы; см. также Главу первую, 1.4.1). Особенно характерен такой феномен для языков, где нефинитные причастия употребляются в независимых предложениях в предикативной функции, причём они могут факультативно принимать глагол-связку и/или личные окончания. Указанный тип языков детально разобран в исследовании [Калинина 2001]; здесь же показано, что он отсутствует в европейском ареале (где разграничение между финитными и нефинитными формами глагола носит строгий характер). Данное соотношение представлено, в частности, в чукотском, эскимосском, литовском и хинди.

- соотношение нескольких «эквивалентных» (в структуралистском понимании) или «равномаркированных» форм, образованных при помощи синонимичных морфологических показателей одного типа. Такое соотношение характерно для показателей, принадлежащих альтернативным путям грамматикализации (причём практически синхронным). Данный тип распадается на два подтипа:
 - речь идёт о нескольких «молодых» аналитических («несвязанных») формах результата, где непосредственно видна конкуренция вспомогательных глаголов (синонимичных ещё до стадии их грамматикализации). Такая ситуация была представлена в языках Европы, прежде всего романских и германских, на раннем этапе их эволюции, и регенерируется на этапе современном;
 - речь идёт о нескольких диахронически более старых сравнительно с предыдущим типом форм, где показатель результата представляет собой уже суффикс синтетической словоформы. Такая ситуация представлена в близкородственных монгольском и бурятском языках; в обоих случаях речь идёт об отглагольных прилагательных, которые могут употребляться и предикативно (т. е. опять же актуальна проблематика предикативного использования форм, немаркированных по финитности — монгольские языки также относятся к выделенному Е. Ю. Калининой типу).

2.2.3.1. Морфологически «простой» vs. морфологически «сложный» результатив

Как уже говорилось, прежде всего подобное соотношение засвидетельствовано в языках, допускающих предикативное употребление причастий и деепричастий, а также их вторичное оформление показателями лица и числа.

В чаплинском диалекте эскимосского языка [Вахтин 1983: 96-97] имеются два квазисинонимичных показателя объектного результата — т. н. первичный и вторичный результативы. Первый образуется по схеме «основа с показателем результата + показатель лица» (*ага-ҕа-на* ‘повешен

я’), второй имеет также перед показателем лица показатель спряжения или времени (*ага-ғна-қу-ға* ‘повешен я’). Таким образом, первая из этих форм не маркирована по времени и наклонению; «фактически в тексте» она «имеет значение настоящего времени» [там же: 96].

Эти формы не идентичны по распределению: первичный результатив может иметь как атрибутивную, так и предикативную функцию, в то время как вторичный употребляется в предикативной функции и только в ней. Кроме того, имеются лексические ограничения: «образование вторичных результативов возможно не от всех тех основ, от которых возможно образование первичных результативов, чем и обусловлен выбор терминов для их обозначения» [там же: 97].

Тот и другой результативы представлены в совершенно сходных контекстах со значением настоящего времени:

Ухкыт авыхту-ғна-т, қайуңдасик ага-ғна-қ, қайусит нусу-ғна-т ынкам иқаны-ғна-т, хлеба ди-на-қ, саңафсими тагинитастык?

‘Мясо нарезано, чайник поставлен, чашки вынуты и вымыты, хлеб положен, что же вы не идёте?’

Саңкун тамана атыхкумақа, атыхкумақа, ынкам хўа аты-ғна-қу-қ

‘Вещи всё выносил я, выносил я, и вот они вынесены’ [там же: 97]

Примечательно, что информанты воспринимают эти формы как синонимичные, но различающиеся синтаксической функцией: «Информанты, естественно, затрудняются объяснить разницу между значением первичных и вторичных результативов, однако довольно регулярно переводят их на русский язык разными способами, а именно *кума-ғна-қ* ‘включен’, *кума-ғна-қу-қ* ‘находится во включенном состоянии’; *кыт-ға-қ* ‘спущен на воду’, *кыт-ға-қу-қ* ‘находится в спущенном состоянии’. Различие в переводе объясняется, скорее всего, тем, что информанты стремятся дать для вторичного результатива именно глагольный перевод, а для первичного считают возможным ограничиться причастием» [там же: 97-98].

Вместе с тем для эскимосского «вторичного» результата свойственно, по-видимому, усиление акциональной составляющей, сближающее его с перфектом; он, в отличие от первичного, не сочетается с наречием *x̄avymun kynlaṅa* ‘до сих пор’ [там же: 98], что является характерной типологической чертой именно перфекта; тем не менее, ввиду того, что он характеризует именно состояние объекта, его нельзя признать перфектом. С другой стороны, семантика сохранения состояния, как можно судить по другому месту той же работы [Вахтин 1983: 101], всё-таки присуща этой форме, хотя и не может быть выражена поверхностно. Здесь говорится, что формы отпричастных глаголов с суффиксом *-ḡu-* «имеют, скорее, значение перфекта пассива» вида ‘Моя рука [только что] перевязана’, в то время как вторичный результатив переведён как ‘Моя рука [до сих пор] перевязана’.

Кроме того, в эскимосском существует и третий результатив — аналитическая форма, «сочетание глагола в форме зависимого действия («деепричастие») с глаголом *айукуқ* ‘он есть’» [там же: 101]. Такая форма синонимична первичному результативу. В работе Вахтина приводятся следующие примеры:

Ныгахтагыт сап-на-т

сети прикрывать-1РЕЗ-3МН

Ныгахтагыт сап-дутьыц айуку-т

сети прикрывать-ДЕЕПР быть-3МН

‘Сети прикрыты’

Литовский язык также имеет «длинную» и «короткую» формы результата (совмещённую с пассивом) — в настоящем времени связка, то есть форма глагола ‘быть’ факультативна [Генюшене, Недялков 1983: 160]:

Durys užrakintos

Durys ура užrakintos

‘Дверь [есть] заперта’ (‘двери заперты’, *pluralia tantum*)

Названные языки относятся к типу, для которого характерны следующие два коррелирующих синтаксических параметра¹⁶: предикативное употребление (дее)причастий (эскимосский — [Калинина 2001: 71—72], литовский — [там же: 50—51]) и выражение предикативных категорий при именном сказуемом без помощи особенной связки (эскимосский — [там же: 105], литовский — [там же: 99]). Оказывается, что нефинитные сказуемые в таких языках, употребляясь в предикативной функции, допускают выражение видо-временных категорий при глаголе [там же: 62—76, 89—90], в обсуждаемых случаях такое выражение оказывается факультативным. Это, по-видимому, связано с отмеченной в указанной работе Калининой [с. 148—154] нечёткой оформленностью действительного (а не относительного) времени в данном типе языков — точка отсчёта, совпадающая с настоящим моментом, не (обязательно) маркируется, а выводится из контекста, в то время как формы относительного времени (ср. лит. *buvo užrakintos* ‘была заперта’) имеет тенденцию к выраженности.

В чукотском языке [Недялков, Инэнликей, Рахтилин 1983: 104] также имеются синонимичные («равнозначные») «цельнооформленный» и аналитический результативы. Последний образуется при помощи наречия на *-ты* и формы глагола *ва-/тва-* ‘быть, находиться’:

Ылпцн цырап-эты ны-тва-кэн

‘Так на коленях стояла она’

¹⁶ «Универсалия 1» по [Калинина 2001: 112]: «Если в языке финитное и нефинитное (атрибутивное и/или актантное) употребления для некоторой формы являются в равной степени маркированными, то в этом языке предикативное употребление для имён (существительных и прилагательных) также является немаркированным»; см. также особую работу о типологии наличия/отсутствия связки в именном предложении [Калинина 2004]. Данный тип языков отмечался и ранее: «в удмуртском и бурятском... нефинитная форма, означающая прошедшее время или пассив, используется с личными и числовыми окончаниями как показатель прошедшего времени и/или результатива» [Bybee et al. 1994: 56].

в то время как в обычном цельноформленном результате глагол 'быть' инкорпорирован и выступает уже фактически как глагольный суффикс. Данный случай, как можно видеть, не относится к проблематике предикативного употребления нефинитных форм, а отражает разные стадии инкорпорации.

Ниже будет разобран особый случай, возникновение которого, по-видимому, связано с влиянием других форм системы. Две синонимичные формы результата, образованные при помощи «простого» и «сложного» перфективного причастия, имеются также в литературном хинди [Липеровский 1976]. Первая представляет собой сочетание перфективного причастия со вспомогательным глаголом *honā* 'быть' в форме презенса (результатив в настоящем) либо имперфекта (результатив в прошедшем); вторая же дополнительно осложнена перфективным причастием от самого глагола *honā*; таким образом, по структуре эта последняя вполне аналогична сверхсложной форме европейских языков (см. подробнее в главе Третьей, раздел 3.3), однако лишена той семантики, которую имеют соответствующие западноевропейские (близость к показателю плюсквамперфекта или «неактуального прошедшего») или балканские, тюркские и иранские формы (сочетание прошедшего времени с эвиденциальностью). Данные формы полностью синонимичны и употребляются одними и теми же авторами в одинаковых контекстах:

Dukhmocan rīḥe par baiṭhe the. Un kī nigāhē taklī kī taraf thī...

‘Духмочан сидел на табурете. Его взор был устремлён на веретено...’

Varānde ke nīce muhalle kā caukīdār baiṭhā huā thā – kālā kuttā.

‘Внизу веранды сидел страж квартала — чёрный пёс’

Создание второй формы (со «сложным» причастием), по-видимому, связано с тенденцией избежать омонимии результата и перфекта: «первая форма омонимична перфекту; тем не менее при любой форме результатив ясно отличается от перфекта интранзитивностью конструкции... [Недялков, Яхонтов 1983: 15]

Līfafe par us kā nām aur hostel kā patā likhā [huā] hai

‘На конверте написаны её имя и адрес общежития’

В объектном результате, действительно, пациенс выступает в прямом падеже, а причастие согласуется с именем объекта [Липеровский 1976: 107], чего нет в перфекте, где субъектная и объектная конструкция унифицированы (об этой типологической особенности грамматикализации перфекта см. также ниже, раздел 2.3.4).

Однако в контекстах с непереходным глаголом омонимия перфект/результатив может быть снята только при помощи формы со сложным причастием. В. П. Липеровский приводит пример из сочинения индийского филолога Рамчандры Вармы, где указывается, что сложное перфективное причастие не может употребляться в контекстах, когда результат некоторого действия не имеет места в плане повествования, так, в примере

māi ne vah guphā bhī dekhī jahā Raṇā Pratāp Sīh chipe hue the

‘Я увидел также пещеру, где скрывался Рана Пратап Синх’

(речь идёт о состоянии, отсутствовавшем в момент речи; рассказчик отправился к пещере много лет спустя после смерти Р. П. С.)

следовало бы употребить форму простого причастия, которая получит перфектную (а не результативную) интерпретацию: *chipe the*: «благодаря осложнению причастия вторым компонентом исключается возможность понимания соответствующей части предложения, а именно сказуемого... в значении перфекта или плюсквамперфекта» [там же: 105]. Липеровский увязывает данный процесс с грамматикализацией перфекта и отделением его от результатива: «По мере того как сочетание простое причастие + *hona* (=haī/thā) утрачивает эту [результативную] функцию, т. е. приобретает черты перфекта/плюсквамперфекта действия, язык, для того чтобы восполнить образующийся семантический «пробел», начинает ощущать необходимость в использовании сочетания сложное «причастие + *hona* (=haī/thā)» [там же: 106].

Таким образом, перед нами случай образования синонимичной глагольной формы под влиянием «системной лакуны», движущей силой соответствующего процесса стало «разрешение задачи» — “problem solving” [Dahl 2004: 125]. Возможно ли так же анализировать развитие формально

аналогичных сложному результати́ву хинди сверхсложных форм в европейских и иранских языках, мы рассмотрим в Главе третьей.

2.2.3.2. Равномаркированные результаты́вы: вспомогательные глаголы

А. Разграничение между диатезными типами

Равномаркированные, или экви́полентные, результаты́вы используются для разграничения диатезных типов — причём в языках, где данное разграничение имеет различный характер: «эргативный» (языки Европы) и «номина́тивный» (японский язык).

Для истории целого ряда романских и германских языков Европы актуальна синонимия результативных конструкций, связанная с разграничением субъектно-переходного («посессивного») типа, с одной стороны, и одинаково кодируемых субъектного и объектного типов, с другой стороны. Она непосредственно диахронически продолжается на этапе превращения этих результативных конструкций в перфект (а отчасти затрагивает даже и еще более поздний период — утраты перфектной специфики и образования простого прошедшего); соотношения параллельных форм на данном этапе обсуждаются в следующем разделе (посвященном перфекту).

Уже в позднем латинском (народной латыни), древневерхненемецком и древнеисландском языках имеет место подобная синонимия результативных конструкций. Если «бытийный» и «посессивный» результаты́вы оказываются, как правило, дополнительно распределены (или близки к такому распределению), то последний представлен рядом синонимичных конструкций, включающих глаголы ‘иметь’ и ‘держатъ’ (в латинском), ‘иметь’ и ‘обладать’ (в древневерхненемецком), ‘доставать’, ‘получать’, ‘владеть’ (в древнеисландском); об этом подробнее см. в следующем разделе. «В народной латыни рядом с аналитическим пассивным перфектом появляется аналитический активный с глаголами «иметь», «держатъ», а затем (у интранзитивов) отчасти и с глаголом «быть».... Посессивный тип оказался ведущим в семантической эволюции перфекта:

лат. просторечн.

Navem paratam habeo (или teneo)

‘Имею (или держу) корабль приготовленным наготове’,

др.-в.-нем.

Wir habêrn (или eigum) managiû guot gisaztin

‘Мы имеем много добра положенного (накопленного)’ (=мы накопили много добра)» [Маслов 1983: 48]

Заметим, что в корпусе латинских памятников удивительным образом находится пример посессивного результата, лексически точно соответствующий древневерхненемецкому примеру у Маслова. Тот и другой ярко подчеркивают сохранение лексического значения у глагола ‘иметь’:

Multa bona bene parta habemus (Plautus, *Trin.* 347)

‘У нас есть много как следует накопленного добра’ [Squartini, Bertinetto 2000: 404]

Несмотря на использование в данном случае Ю. С. Масловым понятия «перфект», речь идёт о «статальном перфекте» в его терминологии, а именно результате. Результативный тип данной конструкции доказывается, в частности, её соотношением с акциональными классами глаголов, в частности, предельных, или терминативов, то есть подразумевающих естественный предел действия (об этом классе глаголов см. [Петрухина 2000: 24]): «Первоначально были возможны только образования от предельных транзитивов» [Маслов 1983: 48], «подавляющее большинство этих примеров связано с предельными глаголами» [Squartini, Bertinetto 2000: 405]. В работе [Abraham 1992] специально подчёркивается особая роль аспектуального класса глагола (Aktionsart) в образовании раннегерманских аналитических конструкций; диагностическим признаком ранней стадии грамматикализации является, по Абрахаму, именно взаимодействие аспектуального класса вспомогательного глагола с соответствующим параметром полнозначного. В [Carey 1994: 116] отмечено, что ограничение на аспектуальный класс глаголов имело место и в древнеанглийском: действительно, типичные глаголы состояния вроде *witan*

‘знать’ встречаются в конструкции со вспомогательным ‘иметь’ только начиная со среднеанглийского периода, когда указанная форма начала проявлять и иные признаки перфектной (а не просто результативной) семантики.

Относительно происхождения романских аналитических результативных конструкций нет единой точки зрения (некоторые ссылки на дискуссию вокруг этой проблематики см. [Squartini, Bertinetto 2000: 404]). На становление этой конструкции повлияли другие аналитические формы, существовавшие уже в классической латыни. В случае «посессивного» типа речь идёт об аналитической результативной конструкции, образуемой от глаголов с семантикой знания и понимания: *cognitum habeo* ‘я знаю’, букв. ‘познанным имею’; в этой конструкции, между прочим, также наблюдалась синонимия, связанная с альтернативным выражением посессивности: помимо *compertum habeo* ‘я уверен’ букв. ‘уверенно-известным имею’ существовала и конструкция *mihi compertum est* ‘мне уверенно-известно есть’ [ibid.: 405]. В случае «бытийного» типа результата влияние оказывал хорошо известный латинский Perfectum Passivi, который представляет собой именно сочетание прошедшего времени со связкою ‘быть’; здесь особо важно то, что данная форма имела значение не только собственно пассива от переходных глаголов (*occisus est* ‘он убит/он был убит’), но и перфективного прошедшего времени от т. н. отложительных и полуетложительных глаголов (*profectus sum* ‘Я ушёл’, букв. ‘ушедший есмь’). В [Tuttle 1986] показано, что в ранней народной латыни вспомогательное *habere* употреблялось со всеми переходными и некоторыми переходными глаголами, а также большинством рефлексивов, в то время как вспомогательное *esse* использовалось формами-наследницами латинских отложительных и полуетложительных глаголов (семантически — декаузативы, безличные пассивы и т. п.).

Подобное распределение «бытийной» и «посессивной» конструкций, кодирующих разные диатезные типы, характерно не только для раннесредневековых, но и для современных результативных конструкций в европейских языках. Ср. чрезвычайно показательный английский материал, приводимый в [Miller J. 2004: 239]: оказывается, судя по его примерам (интерпретация наша), что посессивный тип используется с переходными глаголами:

You have access to a vein gained and cardiac analysis done

‘Вы получили доступ к вене и сделали анализы сердца’,

а «экзистенциально-представляющая конструкция» с результативным причастием, вводящая ситуацию как новую», — выступает с непереходными и пассивными конструкциями:

there's something fallen down the sink

‘Что-то упало в раковину’

there's one person injured in the explosion

‘В результате взрыва пострадал один человек’ [ibid.]

Распределение вспомогательных глаголов ‘иметь’ и ‘быть’ по типу переходности наиболее ярко проявляется уже на этапе превращения этих конструкций в перфект. Диахроническая судьба такого распределения будет рассмотрена в следующем разделе.

Формы глагола-связки ‘быть/находиться’ (*iru* и *aru*) различают диатезные типы результативов в современном японском, где используется, в отличие от только что разобранных европейских примеров, номинативная стратегия: объектный результатив противопоставлен субъектному и субъектно-переходному [Холодович 1979: 142—155, Недялков, Яхонтов 1983: 16]:

kake-te *aru*

вешать-ДЕЕПР 1ВСПОМ

‘висеть (быть повешенным)’

suwat-te *iru*

садиться-ДЕЕПР2ВСПОМ

‘сидеть’

ki-te *iru*

надевать-ДЕЕПР2ВСПОМ

‘иметь на себе надетым’

Б. Синонимия в пределах посессивного типа

Что касается синонимии конкурирующих форм в пределах каждой из типичных для результата конструкций, то среди раннесредневековых европейских языков она в наибольшей степени свойственна посессивной, будучи представлена в обеих — романской и германской — группах. В обоих случаях конструкция с глаголом ‘иметь’ (*habere, haben*) представляет собой основной и немаркированный тип образования результата, в то время как конструкции с маркированными синонимами (‘держать’ — *tenere* и ‘обладать’ — *eigan*) относительно редки: в латинских памятниках они «засвидетельствованы спорадически» [Pinkster 1987: 214, Squartini, Bertinetto 2000: 406]. Синонимия указанного типа устойчиво просуществовала, по-видимому, достаточно долго, после чего, практически синхронно моменту вступления данных форм в стадию перехода из результата в перфект (о причине такого явления речь пойдет ниже, в разделах 2.3.3—2.3.4), уступила место либо, чаще, унификации, либо (в испанском языке) дифференциации конструкций. В германских языках конструкция с *eigan* совершенно вытеснена конструкцией с *haben*; при этом они, по крайней мере в ряде диалектов, прошли этап дополнительного распределения (так, по данным франкского диалекта — баварских и алеманских текстов — вспомогательный глагол *habên* употреблялся в единственном числе, а *eigun* во множественном: [Бенвенист 1960: 223]). Среди романских языков маркированная конструкция (а именно, с глаголами, восходящими к *tenere*) сохранилась только в иберийском ареале. В португальском языке перфект от глагола ‘держать’, вступив в конкуренцию с синонимичным перфектом от глагола ‘иметь’, вытеснил таковой. В испанском рассматриваемые две конструкции образовали оппозицию ‘перфект vs. результатив’, в которой, впрочем, результатив от ‘держать’ уже начинает приобретать перфектное значение; таким образом, синонимия восстанавливается [Squartini, Bertinetto 2000: 406—407]. Принципиально схожая ситуация имеется и в еврейско-испанском языке (ладино), а также (возможно, под общим ареальным греческим влиянием) и в соседнем с ним македонском языке, где появилось нетипичное для славянских глагольных систем сосуществование вспомогательных глаголов ‘быть’ и ‘иметь’ в перфекте.

Подробнее об истории конкурирующих глаголов в названных языках см. также в разделе, посвященном перфекту (2.3.3—5).

Синонимия посессивных по происхождению результатов регенерируется в тех же языках и на более новых стадиях грамматикализации. Так, она представлена в современном английском языке; они образованы при помощи старшей посессивной конструкции *have* и более новой *have got*:

I have the letter written

букв. 'Я имею письмо написанным'

I've got the letter written

букв. 'я получил письмо написанным'

В. Синонимия в пределах субъектно-объектного результата

Синонимия в бытийном (субъектно-объектном) результате характерна для раннего периода истории португальского языка (эпохи существования португальско-галисийского литературного языка, XIII в.). В это время конкурируют (и отчасти смешиваются) две парадигмы вспомогательного глагола, из которых одна восходит к латинскому *esse* 'быть', а другая — к грамматикализованному глаголу положения *sedere* 'сидеть', «который стал употребляться в расширительном смысле» [Вольф 1988: 56]. Эти формы сохранялись до XVI в. и ещё отмечаются тогдашними португальскими грамматистами [там же].

Для истории раннего периода германских языков характерна, кроме того, и синонимия пассивов, один из которых впоследствии специализируется как результатив. Её возможно также анализировать и как синонимию объектных результативов, которые оба приняли пассивное значение. Как отмечают Недялков и Яхонтов, «есть, по-видимому, основания полагать, что не только в соотношении «результатив:перфект», но и в соотношении «результатив:пассив» исторически исходным был, скорее всего, результатив... Этот ход развития естествен, поскольку значение результатава более конкретно (точнее, у пассива вообще нет значения в прямом смысле слова)» [1983: 33]. Пассив со вспомогательным *sein* сохраняет результативное значение и в современном

языке, а лексический источник вспомогательного *werden* — ‘становиться’ — засвидетельствован у результатов [Bybee et al. 1994: 67—68]. Результативное значение и прямо отмечено для формы-предка немецкого *werden* + причастие, которая из значения «вступление в какое-л. состояние» [Гухман 1964: 162] достаточно рано развивает значения, с одной стороны, пассива, а с другой стороны, будущего времени. В таком случае перед нами также синхронная (квази)синонимия в объектном типе результата. «До IX в. в немецком языке существовали аналитические формы, состоявшие из причастия II, согласуемого с подлежащим, и служебных глаголов *wēsan* (=sein) и *werdan* (=werden). Первая, более древняя, форма представляла собой результатив, совмещенный с пассивом, вторая — пассив. Между обеими формами выражения пассива не было существенных смысловых различий... После IX в. появляется тенденция к использованию глагола *werdan* для образования презенса и претерита пассива, а глагола *wēsan* — для перфекта (соответственно плюсквамперфекта) пассива или презенса (соответственно претерита) результата» [Недялков 1983: 196]. Подробно данный феномен разбирается в работе [Гухман 1964]; в древненемецкой письменности отмечается «отсутствие отработанной системы конструкций, передающих разные временные и видовые оттенки латинского страдательного залога» [с. 149], а формы с *werdan* и *wesan* свободно варьируются в пределах одной фразы. Аналогичное соотношение наблюдается между тремя (а не двумя) конкурирующими конструкциями — со вспомогательными *wesan*, *béon* и *weorðan* — в древнеанглийском (там же: 149—150, 183 и след.). Установление семантического разграничения между результативом и «акциональным» пассивом намечается, впрочем, уже в первых древненемецких и древнеанглийских памятниках, но вполне оформляется уже в более поздний период. Впрочем, Вернер Абрахам [Abraham 1992: 3—4] утверждает, что уже в древнейших германских памятниках имеются аспектуальные ограничения на употребление данных форм, а именно, пассив на *werdan* не встречается с неопределёнными («нетерминативными») глаголами.

В древних скандинавских языках (причём, по-видимому, в том числе и на этапе приобретения результативной конструкцией собственно перфектного значения) засвидетельствована интенсивная конкуренция нескольких перфектных конструкций, образующихся при помощи длинного ряда

грамматикализуемых глаголов. В древнеисландском, помимо *vesa* 'быть' [см. подробный анализ этой формы как результатива — «медального (инактивного) сказуемого» — в Гухман 1964: 152—161] и *hafa* 'иметь', которые сохранились как показатели результатива и/или перфекта и в более поздний период, это *geta* 'доставать', *vinna* 'добывать', 'осуществлять', *fá* 'получать', *eiga* 'владеть', *láta* 'позволять', *gørva* 'делать', *ráða* 'предпринимать', например, с глаголом *láta*:

Ok hann harðan lét Hunding veginn [Стеблин-Каменский 1953: 231]

'И он убил сурового Хундинга'

Как видим, здесь (в отличие от романских языков и древневерхненемецкого) представлены не только посессивный и бытийный тип, но и глаголы с каузативным значением: 'делать', 'позволять', 'предпринимать'; этот третий тип, однако, не сохранился в современных скандинавских языках ни в результативном, ни тем более в перфектном значении.

В связи с этим М. И. Стеблин-Каменский делает замечание, которое верно не только по отношению к скандинавским языкам: «Употребление многих глаголов в той же грамматической функции свидетельствует о том, что сама грамматическая форма — т. е. перфект — ещё окончательно не выработалась» [там же]. Действительно, дальнейшая история скандинавского перфекта (в следующем разделе будет показано, что это свойственно и вообще семантически устойчивому перфекту, особенно в европейских языках) характеризуется процессом специализации вспомогательного глагола — в сторону унификации глагола 'быть' (см. ниже, 2.3.4). В современном исландском сложилась типологически несколько особая ситуация, о которой речь ниже, в разделе 2.3.5.

2.2.3.3. Синонимия суффиксов результатива

В халха-монгольском языке, согласно [Дугарова, Яхонтова 1983], субъектный результатив представлен несколькими синонимичными показателями, причем дистрибуция их не совпадает. Для шестидесяти непереходных глаголов на *-р*, имеющие соответствующие каузативы на *-л*,

прилагательные со значением субъектного результата образуются при помощи суффикса *-хай*:

ялз-р-ах 'гнить' — *ялх-л-ах* 'гноить' — *ялза-р-хай* 'сгнивший'

Для примерно двадцати глаголов субъектный результатив образуется при помощи другого суффикса *-нхай*; некоторые из этих глаголов принадлежат к другому морфологическому классу, а именно «к глагольным основам, не кончающимся на *-р*, или к таким, в которых *-р* не чередуется с *-л*» [там же: 90]:

тур-ах 'худеть' — *тура-нхай* 'тощий'.

Но некоторые из этих глаголов принадлежат к тому же множеству лексем, от которых образуется субъективный результатив на *-хай*; результативы на *-нхай* и на *-хай* от этих глаголов «имеют то же значение»:

зад-р-ах 'развязываться' — *зад-ра-нхай* 'развязанный' — *зада-р-хай* 'развязанный'

Существует и третий показатель субъектного результата — *-мал*; синхронно соответствующие формы часто рассматриваются как «отглагольные прилагательные»; они «как правило, употребляются атрибутивно, хотя могут быть и сказуемым» [Дугарова, Яхонтова 1983: 94]. Исторически они ближе к собственно глагольной парадигме: «считается, что первоначально это был суффикс прошедшего времени со значением результата действия» [там же: 94]. Данный показатель обслуживает и субъектный, и объектный результативы:

алт-дах 'золотить' — *алтад-мал* 'позолоченный'

хали-х 'выходить из берегов' — *хали-мал* 'вышедший из берегов'

Наконец, четвёртым способом передать результативность является причастие прошедшего времени *-сан*; со связкой оно служит для образования перфекта, а в адъективном употреблении означает состояние. И снова мы сталкиваемся с близкой дистрибуцией показателей: «Атрибутивное причастие

может употребляться в тех же контекстах, что и отглагольно прилагательное, ср.:

*Буян нялх хурганы пүнзэнд оронгуутаа дагтари-сан хэвтрийг
үргэлжлүүлэн ховхолжс эхлэв*

‘Как только Буян вошёл в сарай новорождённых ягнят, [он] начал сдирать затвердевшую подстилку’

Тэр, алчуураа хамраа таглаад дагтари-мал хэвтрийг онгилж байснаа...

‘Она, заткнув нос платком, срывала затвердевшую подстилку’» [там же]

Синонимия показателей результата в близкородственном халха-монгольскому бурятском языке отмечена в [Bybee et al. 1994]; здесь эти формы находятся в отношении дополнительного распределения.

2.2.4. Выводы

Результатив — «молодая» (недавно грамматикализовавшаяся) форма, по самой сути своего значения тесно связанная с непосредственно наблюдаемыми характеристиками ситуации, а не теми или иными метафорическими расширениями и интерпретациями их. Этим объясняются характерные свойства результатива с точки зрения синхронной синонимии:

распределение нескольких синонимичных форм по диатезным типам, непосредственно отражающее свойства ещё синтаксиса, а не морфологии;

конкуренция синонимичных показателей, особенно в «посессивном» типе, непосредственно отражающая свойства ещё лексики, а не морфологии;

сохранение полной синонимии (с точностью до диатезного типа), отсутствие тонких различий прагматического или дискурсивного характера. Квазисинонимические отношения в тех случаях, когда встречаются, связаны с противопоставлением «статив/результатив» и с началом эволюции результатива в сторону перфекта или пассива.

Свойства синонимичных результативов имеют первостепенное значение для последующих этапов семантической эволюции — перфекта и простого прошедшего.

2.3. Несколько перфектов в одной системе

2.3.1. Полисемия перфекта. Вопрос о «синонимичности» перфекта и результата.

Перфект — грамматическое значение, которому «повезло» в смысле типологического описания более других. Хорошо представленный в европейских языках (а Present Perfect в английском языке, — по крайней мере, в литературном британском его варианте¹⁷, — претендует на наибольшую близость к прототипическому набору свойств перфекта), он уже к началу 1980-х стал предметом значительной типологической литературы. Это первая граммема, для описания которой построена семантическая карта [Anderson L. 1982]. Вместе с тем далеко не все проблемы, связанные с данной категорией, остаются всесторонне исследованными.

Для оценки соотношения перфекта с другими грамматическими показателями — и в частности, отношений синонимии и квазисинонимии, в которые он может вступать в глагольной системе — важно подробно остановиться на типологически устойчивом множестве его употреблений и на проблеме того, какое именно из них считать базовым.

Основным значением перфекта чаще всего считают трудноопределимую «продолжающуюся релевантность» («текущую релевантность») некоторой предыдущей ситуации в момент речи. Важнейшие работы, где используется это понятие: [McCawley 1971], [Comrie 1976: 52]: “the continuous present relevance of a past situation”, [McCoard 1978: 64] (попытка исчисления составляющих

¹⁷ Согласно [Lindstedt 2000], в американском английском проявляется тенденция к вытеснению перфекта в некоторых прототипических контекстах простым прошедшим временем (Past Indefinite); аналогичные наблюдения сделаны Дж. Миллером относительно разговорных и нестандартных вариантов английского в Британии, особенно в Шотландии [Миллер 1998, Miller J. 2004]. В современном языке афроамериканцев это процесс в общем завершился; претерит на *-ed* употребляется во всех перфектных контекстах, развился новый, отвечающий всем диагностическим критериям перфект вида *done* + претерит (*done ate* ‘съел’), а перфект с *have* утрачен [Теплу 2001].

«текущей релевантности»; автор выделяет “current relevance theory” в качестве отдельного направления, хотя сам придерживается другой теории), [Anderson L. 1982: 230]: “current relevance of an anterior (earlier) event”; [Li, Thompson, Thompson 1982]: “currently relevant state”, [Bybee, Dahl 1989:55], [Маслов 1990]: «действие, событие, состояние прошлого, чем-либо важное для настоящего», [Bybee et al. 1994: 61]: “a past action with current relevance”. Нередко отмечалась субъективность и нефальсифицируемость этого понятия (ср. прежде всего работу [Klein 1992]; с этой точкой зрения солидаризируются такие крупные типологи, как П.-М. Бертинетто и М. Сквартини [Squartini, Bertinetto 2000: 414]; впрочем, они признают, что понятие «текущей релевантности» «полезно на уровне описания, несмотря на теоретические проблемы, которое оно ставит» [ibid.: 430]). В важной работе 2000 г. Э. Даль и Е. Хедин предлагают рассматривать понятие «текущей релевантности» прагматически. «Если применять понятие «текущей релевантности» [к английскому предложению *A bank has been robbed* ‘Банк ограбили’], то это в первую очередь означает не то, что имеет место непосредственный результат события, а скорее, что событие имеет те или иные эхо-последствия (отзвуки, repercussions) для участников ситуации коммуникации» [Dahl, Hedin 2000: 391—392]; соответственно, говорящий не просто сообщает слушающему о том, что произошло то или иное событие или наступило то или иное состояние, а желает, чтобы тот «сделал из этого вывод о том, что [ограбление банка] представляет некоторое значение для него» [ibid.: 391]. Та же метафора использована независимо от Даля и Хедин В. А. Плуныгом: «таким образом, в целом перфект можно охарактеризовать как „ослабленный результатив“, описывающий не конкретное, лексикографически детерминированное состояние, возникшее в результате завершения действия, а любой (пусть даже косвенный) результат ситуации, релевантный в последующий момент (обычно в момент речи) — так сказать, любое эхо ранее имевшей место ситуации, если это эхо ещё звучит в тот момент, когда говорящий описывает ситуацию» [2000: 299].

В частном случае, тем не менее, это «прагматическое последствие» может представать именно и только как непосредственный результат: перед нами в таком случае употребление перфекта («результативный перфект»), совпадающее с базовым употреблением результатава («статальный перфект» в понимании Ю. С. Маслова [1983: 44], [1990]). В [Comrie 1976: 56] такое

употребление усваивается перфекту как основное либо одно из основных («состояние в настоящем времени упоминается как результат некоторой ситуации в прошедшем»); в этой работе еще не проведена терминологическая граница между перфектом и результативом. Хорошо известно, что языки, где есть как перфект, так и результатив, в определённых контекстах допускают их взаимозаменяемость. «Нередки случаи, когда формально различающиеся результатив и пассив „конкурируют“, т. е. допускают взаимозаменяемость в определённых контекстах при незначительном смысловом изменении. Особенно часто это бывает при наличии форм пассива в перфекте, поскольку перфект пассива обычно имплицитно презенс результатива» [Недялков, Яхонтов 1983: 31]); такое соотношение характерно, например, для немецкого, армянского или чукотского; ср. также выше пример английского перфекта пассива из работы Даля и Хедин. Встаёт, таким образом, вопрос о том, нельзя ли рассматривать перфект и результатив как «квазисинонимичные глагольные формы» в понимании нашей работы (как синонимичные нередко интерпретируются, например, результатив и перфект в корейском языке [Lee 2003]).

На наш взгляд, существуют весомые аргументы в поддержку точки зрения, согласно которой результативное значение не является для перфекта базовым, что это по природе своей именно «ослабленный результатив». Достаточно сильный семантический контраст между перфектом и результативом представлен в большом количестве языков мира, где тот и другой имеются ([Недялков, Яхонтов 1983: 26—30]). То, что результативное значение перфекта (в том случае, когда перфект происходит из результативной конструкции) диахронически старше, не означает, что оно непременно должно считаться прототипическим и базовым. «В той степени, в которой грамматикализация влечёт сдвиги в семантике большие, чем просто „семантическое выветривание“, прототип грамматического показателя может меняться. Разумно считать, что английский вспомогательный глагол *will* ныне имеет иной прототип, нежели его источник, германское *willan* ‘хотеть’» [Dahl 2000: 10].

Кроме того, есть сомнения и в том, следует ли вообще считать семантику результатива и семантику так называемых «результативных употреблений» перфекта вполне тождественной. Так, несочетаемость перфектов (в отличие от

результативов) в каком бы то ни было контексте с наречиями со значением ‘всё ещё’ свойственна практически всем системам, где имеется то и другое. Впервые это свойство продемонстрировано Недялковым и Яхонтовым [1983: 12]. Э. Даль [1985: 134] показывает это на примере шведского языка: так, предложения

Han ar bortrest

‘Он ушёл’ (результатив)

и

Han har rest bort

‘Он ушёл’ (перфект)

могут оба интерпретироваться как передающие ситуацию ‘Он ушёл, и его сейчас здесь нет’. Тем не менее, только результатив допускает добавление наречия *fortfarande* ‘всё ещё’; в случае с перфектом наречие неграмматично. Разница между перфектом (в данном употреблении) и результативом, согласно Далю, заключается в том, что «перфект фокусирует большее внимание на событии, а не на состоянии». Если перфект и передаёт «результат» некоторой ситуации, то это слово следует понимать в более широком смысле, чем конкретное изменение состояния, подразумеваемое результативом: «в широком смысле всё, что вызвано некоторым событием, можно назвать результатом этого события... например, если человек умер, то результат этого в узком смысле заключается в том, что он мёртв, но результат в широком смысле включает, например, то, что его родственники опечалены» [ibid.: 134—135]. В отличие от результатива, который передаёт одно и только одно состояние, чётко задаваемое лексическим значением глагола, перфект может передавать неопределённое непредсказуемое множество прагматических «эхо-последствий» (repercussions), зависящих, в частности, от конкретной коммуникативной ситуации [Dahl, Hedin 2000: 392]. Таким образом, Э. Даль полагает, что употребления перфекта, на первый взгляд совпадающие с результативом, не являются особым классом употреблений данной формы, а лишь внешним совпадением подразумеваемых ситуаций. Перфект передаёт прагматический «результат в широком смысле», последствия, результатив —

состояние, непосредственно наступающее вследствие события в прошлом. О различии «результата» и «последствий» с логико-философской точки зрения писал, например, Г. Х. фон Вригг; аспектологический комментарий к этому разграничению см. в [Петрухина 2000: 56].

Из данного разграничения следуют также хорошо известные следствия относительно лексической сочетаемости названных показателей: действительно, результатив и перфект по-разному взаимодействуют с семантическим классом глагола (параметром акциональности), в частности, сочетаемость с неопределёнными глаголами обычно свойственна только первому, но не второму [Bybee et al. 1994: 68—69, Dahl, Hedin 2000, Lindstedt 2000: 368]. Таким образом, результатив и перфект — всё же не две синонимичные формы, а, в лучшем случае, формы с пересекающимся множеством употреблений.

Иногда перфект трактуется как граммема относительного времени (таксиса), выражающая предшествование по отношению к точке отсчёта, совпадающей с моментом речи. Английский перфект (Present Perfect) уже в классической работе [Reichenbach 1947: 297], посвященной, в частности, анализу таксиса, назван «преднастоящим» — Anterior Present; ср. также [Маслов 1983: 45]: «акциональный презентный перфект, например англ. Present Perfect, есть „преднастоящее“»¹⁸. Против этой трактовки возражает Б. Комри [1985: 65, 78–79], не допускающий для абсолютно-относительного времени совпадение точки отсчёта и момента речи; её несколько иначе, чем Рейхенбах, защищает Р. Салки [Salkie 1989], отводя также некоторые структурные и

¹⁸ К подобному анализу восходит английский термин *anterior* для обозначения перфекта; он используется, например, в [Bybee et al. 1994] и в работах В. Тироффа (например, [Thieroff 2000]) во избежание смешения с термином *perfective*. Этот термин не получил широкого распространения и употребляется обычно лишь с теми или иными ограничениями: например, в [Tatevosov 2001] *anterior* выступает как типологический «ярлык» этой категории, в то время как термин *Perfect* используется для категорий отдельных языков; в [Abraham 1999, 2004] так называется аналитическое прошедшее в европейских языках, утратившее перфектную специфику. Термин «преднастоящее» (*Antepresente*) иногда употребляется и применительно к испанскому перфекту *Pretérito Perfecto* [Squartini, Bertinetto 2000: 403].

морфологические аргументы Комри; сторонником гипотезы о «темпорализации перфекта» является также В. Клайн [Klein 1992]. Чаще, однако, таксисное значение перфекта (по крайней мере английского) рассматривается как небазовое, производное; согласно [Anderson L. 1982], оно выступает лишь в составе плюсквамперфекта (Past Perfect) и предбудущего (Future Perfect) (о плюсквамперфекте см. подробнее в Главе третьей); такого же мнения придерживался Ю. С. Маслов («таксисное значение перфекта развивается на базе видového как значение хронологического предшествования действия — первоначально состоянию, а затем вообще какому-либо моменту, лежащему вне отрезка времени, занятого данным действием», [Маслов 1984/2004: 55]).

Перфект располагает также рядом дополнительных значений, так или иначе связанных с базовым — прагматической актуальностью действия в прошлом. Наличие по крайней мере одного из таких значений свойственно практически всем известным перфектным грамматическим показателям; в работе [Lindstedt 2000: 378] выдвинута даже гипотеза о том, что полисемия перфекта является универсалией.

Последующие три употребления (самостоятельный статус третьего, впрочем, нередко ставится под сомнение) выделены как свойственные английскому перфекту в [McCawley 1971, Comrie 1976: 56]; в [Dahl 1985] показано, что они представлены у перфектов также и в других языках мира (английские примеры даются в соответствии с типологическим вопросником из [Dahl 1985: 132-133]):

- экспериенциальное значение («данная ситуация осуществилась по крайней мере один раз в прошлом, что привело к нынешнему положению вещей» [Comrie 1976: 58], или, в несколько более узком понимании, «агенту приписываются некоторые качества или некоторые знания в связи с прошлым опытом» [Bybee et al. 1994: 62]), ср. англ. Have you ever met my brother? 'Видал (встречал) ли ты [когда-нибудь] моего брата?'
- перфект «постоянной ситуации», начавшейся в некоторый момент в прошлом и продолжающийся и в настоящий момент, ср. англ. My son has been coughing for an hour 'Мой сын кашляет уже час' (перфект прогрессива) [Comrie 1976: 60]
- перфект сообщения о недавнем событии, т. н. «перфект свежих новостей», ср. англ. The king has arrived! '[К нам] приехал король!'. Значение впервые

обособлено в [McCawley 1971]; впрочем, результаты исследования Даля и Хедин [Dahl, Hedin 2000: 385—386; там же и ссылки на острую дискуссию вокруг проблемы существования данного «типа перфекта»] показывают, что употребление перфекта в таких контекстах диктуется не только статусом «свежих новостей», но и некоторыми другими прагматическими факторами.

Кроме того, достаточно широко представлено у перфектов в языках мира также эвиденциальное («заглазное», «пересказывательное» значение), связанное с изложением информации «из вторых рук» (и зачастую снятием с себя ответственности за неё) [Dahl 1985: 150]. В терминологии Э. Даля это «перфект-цитатив (quotative)» [1985: 130—131]; обычным путём диахронического развития является утрата такой формой собственно перфектного значения и специализация её на выражении эвиденциальности — особой семантической зоны, стоящей близко к модальности ([Chafe, Nichols (ed.) 1986, Willett 1988]). Перфекты с эвиденциальным дополнительным значением отражают начальную стадию этого процесса [Dahl 1985: 152]. Обычно считается, что в качестве «моста» между значением «текущей релевантности» и эвиденциальной зоной выступают контексты с «инферентивным» значением, т. е. воплощающие «дедуктивное» умозаключение на основании видимых последствий. Подобные употребления перфекта представлены и в языках, где эвиденциальность не грамматикализована, например, в шведском:

Tjuven har kommit in genom det här fönstret

‘Вор[, должно быть,] проник в комнату через это окно’ [Lindstedt 2000: 376]

или в немецком (непосредственно наблюдаемые факты передаются претеритом; в первом случае в зависимом предложении автоматически употреблён перфект конъюнктива — букв. «можно было заключить, что...»):

Aus dem Blut auf der Lehne des Sessels konnte man schließen, er habe sitzend vor dem Schreibtische die That vollbracht, dann ist er herunter gesunken, hat sich convulsivisch um den Stuhl herum gewälzt. Er lag gegen das Fenster

entkräftet auf dem Rücken, war in völliger Kleidung, gestiefelt, im blauen Frack mit gelber Weste. (Гёте, «Страдания юного Вертера»: Шендельс 1970: 100)

‘Судя по тому, что на спинке кресла была кровь, стрелял он (букв. совершил дело), сидя за столом, а потом соскользнул на пол и бился в судорогах возле кресла. Он лежал, обессилев, на спине, головой к окну, одетый, в сапогах, в синем фраке и желтом жилете’ (перевод Н. Касаткиной).

Данные не-базовые употребления перфекта, как мы увидим, участвуют в квазисинонимических отношениях, в которые вступают несколько перфектных форм в рамках одной системы.

2.3.2. Диахронические свойства перфекта. Семантическая нестабильность перфекта как типа грамматических показателей.

Лексические источники грамматического показателя перфекта обычно входят в состав аналитической конструкции в качестве вспомогательного глагола; действительно, в языках мира перфект крайне редко выражается синтетически (важное исключение — древний индоевропейский перфект, например, в древнегреческом и санскрите: [Lindstedt 2000: 368]). Согласно [Bybee, Dahl 1989: 67—68] и [Bybee et al. 1994: 56—57], в тех случаях, когда перфект происходит из результата, лексическим источником служат глаголы «иметь» (посессивная конструкция) или «быть» (связка). В тех случаях, когда предшественником перфекта на пути грамматикализации является видовой показатель комплетива, это глагол «заканчивать»; кроме того, в роли диахронических источников перфекта непосредственно выступают наречия типа ‘уже’ и глаголы движения: «приходить (приходить откуда-л.)» и «идти». Практически все эти источники (в том или ином сочетании) выступают в качестве альтернативных путей грамматикализации синонимичных форм перфекта в конкретных языках.

Хорошо известны также и пути дальнейшей эволюции перфекта после утраты специфической семантики «текущей релевантности»: это превращение в форму прошедшего времени совершенного вида (т. н. «перфективного

прошедшего» или «аориста», подробнее см. следующий раздел) либо в форму прошедшего времени без видовых ограничений, т. н. претерита, а также в чисто эвиденциальные показатели.

Как мы уже видели, значения всех этих показателей и входят в типологически устойчивую и практически универсальную полисемию перфекта в языках мира. Действительно, характерной чертой перфекта на шкале диахронической эволюции является нестабильность и размытость его «границ»; он далеко не всегда достаточно чётко отграничен семантически как от своих «предшественников» — результатива и комплетива — так и от своих «преемников» — претерита и эвиденциального показателя. Согласно Й. Линдстеду, собственно перфект — то есть форма, передающая прагматическую «текущую релевантность» — это «не только функция, но и точка пересечения» путей грамматикализации; им предложена следующая смелая метафора: «каждый конкретный перфектный показатель лишь проходит эту точку пересечения; или же „хвост“ его еще торчит в результативе, или же „голова“ уже касается новых аспектуальных, временных или эвиденциальных значений» (still having its tail in resultative, or pushing its head towards new aspectual, temporal or evidential meanings) [Lindstedt 2000: 379].

Нередок случай превращения перфекта в показатель с «пустой серединой» по Далю ([Dahl 2000: 10]; см. также в Главе первой настоящей диссертации, раздел 1.3.2), утративший базовое значение, но сохранивший некоторые периферийные, а именно экспериенциальное и/или «продолжающейся ситуации». Это явление засвидетельствовано у некоторых перфектов в языках мира, в частности, в американском английском и болгарском [Lindstedt 2000], новогреческом [Dahl, Hedin 2000: 395—398], некоторых иберо-романских языках — португальском, галисийском, нескольких вариантах испанского в Латинской Америке [Squartini, Bertinetto 2000: 408—413], а кроме того, в итальянских диалектах Сицилии [ibid. 413—414], что иногда «связывается с влиянием временной системы греческого языка» [Чельшева 2001: 144], впрочем, не исключено и испанское влияние (испанское владычество в Королевстве Обеих Сицилий пришло на смену византийскому).

Особо отметим такую возможность диахронического развития перфектной формы (выделенное, в частности, в [Miller J. 2004]) на материале

устных разновидностей современного английского), как «расщепление» её на несколько форм, выражающих различные значения из прототипической полисемии перфектного показателя. Так, Миллер утверждает, что в современном английском степень приемлемости перфекта без уточняющего наречия типа *just* ‘только что’, *yet* ‘ещё, до сих пор’, *ever* ‘когда-нибудь’ падает: предложения вида *He has knocked on the door* ‘Он постучал в дверь’ начинают звучать для носителей необычно, а приемлемость таких предложений повышается в контекстах, эксплицирующих значения: *Have you ever hiccoughed?* ‘Икал ли ты когда-нибудь?’ (экспериенциал), *He has just knocked on the door* ‘Он только что постучал в дверь’ («текущая релевантность», «свежие новости»). Само по себе употребление по отношению к перфекту показателей точного времени, особенно связанных с моментом речи, отнюдь не свидетельствует о неперемной утрате перфектного значения (ср. полемичную по отношению к подходу Миллера работу [Ландер 2002]). Однако приемлемость перфекта только со специфическими показателями означает фактически грамматикализацию этих показателей и формальное разграничение нескольких значений, ранее свойственных единой перфектной форме, тем более что в разговорном английском растёт количество употреблений этих грамматикализованных показателей уже не с перфектом, а с простым прошедшим [Miller J. 2004: 235—239]¹⁹.

Указанные свойства перфекта, как мы покажем далее в данном разделе, посвященном конкретному языковому материалу, делают его формой, в очень ограниченной степени проницаемой для синхронной синонимии. Действительно, при диахронической нестабильности перфекта и его устойчивой полисемии две формы с базовым значением «текущей релевантности», оказавшиеся одновременно в глагольной системе, располагают широким пространством возможностей для ликвидации синонимии и специализации каждой из них на одном из вторичных значений; «демаркационные линии», по

¹⁹ Разумеется, такое расщепление не следует смешивать с сосуществованием в языке различных показателей перфекта и, допустим, экспериенциального значения, возникших посредством разных путей грамматикализации (перфект *le* и независимый от него экспериенциал *guo* сосуществуют, например, в китайском языке: [Anderson 1982: 237—239]).

[Dahl 2004] проводятся между конкурирующими моделями, одна из которых становится, например экспериенциальной, другая — показателем «продолженной ситуации» и т. п.). Другим вариантом ликвидации синонимии перфектов может быть слияние через отношение лексического дополнительного распределения (одни глаголы используют одну перфектную конструкцию, другие — другую). И та, и другая возможность, как мы покажем, представлены в языках мира. Однако в высшей степени показательно, что даже и вторая возможность — дополнительное распределение — оказывается недопустимой для глагольных систем, где у этой формы долго сохраняется собственно перфектная семантика: происходит обобщение одного из двух вспомогательных глаголов (именно такова была схема развития подобного распределения в ареально и хронологически независимых друг от друга «перфектах европейского побережья»).

Таким образом, исследование синонимии перфектов в глагольной системе сильнее, чем в случае какого-либо ещё грамматического показателя, связано с диахронической судьбой подобных систем. В целом ряде случаев мы имеем дело уже с остаточными системами, где либо о синонимии без сильных оговорок уже говорить не приходится, либо уже один (или оба) перфекта перестают быть перфектами в собственном смысле слова. Но и в таких системах возможно возникновение вторичной синонимии: либо нарушается дополнительное распределение (случай раннего новоанглийского и отчасти норвежского языков), либо два перфекта «догоняют» друг друга уже в качестве иного типа грамматических показателей — в частности, простого прошедшего (некоторые такие случаи рассматриваются нами, но естественно, уже в следующем разделе, посвящённом синонимии показателей прошедшего).

Тенденция к дополнительному распределению таких форм сказывается, по-видимому, уже на очень раннем этапе грамматикализации. Так, в [Tagliamonte 2000] анализируются перфектные формы в разновидности английского языка, распространённой в языковом анклав Самана (Доминиканская Республика): здесь, помимо совпадающей со стандартной английской конструкции «have + причастие» представлен целый ряд перфектоидных форм, таких, как причастие прошедшего времени без вспомогательного глагола, застывшие причастные формы *been* (*she been married* 'она вышла замуж') и *done* (*I done been to Miami* 'Я бывал в Майами'),

неизменяемые глагольные основы (*I never like the city* 'Я никогда не любил город [и сейчас не люблю]'). С. Тальямонте считает, что синхронно наблюдаемые в «саманском английском» формы отражают пространство возможностей, предшествующее специализации *have*-конструкции как показателя перфекта. Тем не менее между этими показателями устанавливается дополнительное распределение лексического характера, а кроме того, происходит их семантизация, связанная с временной дистанцией (таким образом, «перфекты» превращаются в показатели близкого и отдалённого прошлого: [Miller J. 2004: 233]).

2.3.3. Дополнительное распределение в зависимости от переходности и аспектуального типа: перфекты центральноевропейского ареала и их типологические параллели

В целом ряде языков Центральной Европы представлен феномен лексикализованного «выбора вспомогательного глагола» (*auxiliary selection*) при образовании аналитического перфекта (исторически продолжающего результатив и различные «диатезные типы» результатива)²⁰. В свою очередь, эта форма на нынешнем этапе развития указанных языков приобретает значение аориста (или, в языках без аспектуального противопоставления, претерита). Действительно, ареал языков, в которых до сего времени сохраняется дополнительное распределение вспомогательных глаголов, замечательным образом коррелирует с центральноевропейским ареалом языков, утративших или утрачивающих перфект как самостоятельную категорию ([Abraham 1999: 15], [Thieroff 2000]; сами авторы цитируемых работ не делают этого вывода); к рассмотрению причин такой корреляции мы обратимся ниже. Только один язык с лексическим выбором вспомогательного глагола в перфекте — а именно нидерландский — согласно некоторым описаниям, в то же время сохраняет и

²⁰ А также форм (обычного) плюсквамперфекта и предбудущего (*futurum exactum*). Выбор вспомогательного глагола при образовании сверхсложного плюсквамперфекта, если он имеется в глагольной системе, зависит от такового в перфекте не столь прямолинейно (см. об этой форме и об этой её особенности подробнее в Главе Третьей).

семантику этой формы; тем не менее есть данные, согласно которым процесс утраты старого претерита и экспансии в претеритную зону перфектной формы и в этом языке уже начался.

Таким образом, явление, о котором сейчас пойдёт речь, в той или иной мере свойственно истории целых трёх сменяющих друг друга типов грамматических показателей, а именно, результатава, перфекта и перфектива/претерита. Мы рассматриваем его в разделе, посвященном перфекту, потому что оно закрепляется в европейских языках именно на стадии грамматикализации перфекта. Кроме того, именно у форм перфекта (причём, скорее всего, не имеющих результативного происхождения) обнаруживается аналогичное распределение в старояпонском (об этих формах речь пойдёт в конце настоящего раздела).

Данный тип соотношения форм в глагольной системе находится на периферии явления синонимии глагольных показателей. Действительно, вспомогательные глаголы, несмотря на семантическое их тождество, обнаруживают дополнительное распределение и, следовательно, могут рассматриваться как алломорфы одного и того же показателя. Ср. решение Эстена Даля не учитывать подобные пары как две разные «категории» [Dahl 1985: 53] и тем самым отступить в данной точке от используемого в его исследовании принципа «поверхностного анализа». В то же время рассматриваемая картина представляет собой результат параллельной грамматикализации и объединения в одном грамматическом значении различных результативных конструкций и, следовательно, представляет интерес с точки зрения феномена «наслаивания» в понимании Хоппера и Траугот (см. выше, раздел 1.4.1). Кроме того, такое соотношение не является диахронически устойчивым; в конкретных языках возможна конкуренция вспомогательных глаголов для тех или иных лексем или их классов, вплоть до того, что дополнительное распределение сменяется периодом (квази)синонимии обоих типов перфекта, которому на смену, в свою очередь, приходит новый тип распределения (такая ситуация будет рассмотрена в следующем разделе).

В европейских языках отмечена «высокая частотность... перфектов типа *habeo*, то есть образованных из конструкции с участием переходного глагола обладания. Данный тип практически не засвидетельствован за пределами Европы» [Dahl 2000: 21].

Исторически перфекты с глаголами 'быть' и 'иметь' (в иберо-романских языках — также 'держаться') восходят к конкурирующим в поздней латыни и в германских языках того же или несколько более позднего периода (древневерхненемецком и древнеисландском) результативным конструкциям (см. выше, 2.2.3.2). Уже на этом этапе произошло резкое ограничение пространства возможностей выбора среди возможных вспомогательных глаголов: по мере грамматикализации перфекта значительное количество глаголов, ранее выступавших в роли показателей результативного значения, «отсеялись» (см. также указанный раздел).

В процессе превращения в перфект романская результативная конструкция претерпела следующие формальные изменения: а) совпадение подлежащего спрягаемого глагола и подлежащего перфектного причастия... стало обязательным; б) перфектное причастие стало частью глагола и проявило тенденцию к утрате согласования в роде и числе с прямым дополнением, в то время как порядок спрягаемого глагола и перфектного причастия всё сильнее закреплялся и вводились сильные ограничения на тип синтаксических составляющих, которые могли вклиниваться между тем и другим; в) наконец, спрягаемый глагол утратил лексическое значение и стал настоящим вспомогательным глаголом» [Squartini, Bertinetto 2000: 405]. То же отмечается и в скандинавских языках: «Поскольку причастие превратилось в составную часть сложной глагольной формы, это согласование становилось излишним и причастие всё чаще принимало несогласуемую форму среднего рода, т. е. становилось тем, что в скандинавских языках называется „супином“... в шведском языке причастие второе и формально дифференцировалось от супина» [Стеблин-Каменский 1953: 229].

«В конструкциях этого типа довольно рано развивается акциональное значение; согласование причастия с дополнением, а затем и само дополнение перестаёт быть необходимым; позже в составе конструкции становятся возможными причастия неопределённых и образуемые *ad hoc* причастия интранзитивных глаголов. В ряде языков — французском, итальянском, немецком, голландском, датском, норвежском — possessивный тип сосуществует с «бытийным» (со всп. гл. «быть»), в других — испанском, португальском, румынском, английском, шведском — он становится со

временем единственной регулярной разновидностью перфекта» [Маслов 1983: 48].

Наиболее яркая черта европейских результативных конструкций на стадии их превращения в перфектные — и позже, в ходе их истории уже как перфекта — установление параллелизма между перфектными конструкциями с 'иметь' и 'быть' и определение чётких классов глаголов, образующих перфект при помощи того или иного вспомогательного глагола, — тем самым создаётся дополнительное распределение «посессивного» и «результативного» типов. Это отмечено, в частности, Э. Бенвенистом [1960: 216—217]: «В тех языках, которые используют в качестве вспомогательных глаголов одновременно и «иметь» и «быть», параллелизм их употребления является фактом огромной важности.... Нет никакой необходимости в существовании двух вспомогательных глаголов, в языках может существовать и один вспомогательный глагол. Но даже там, где используются два вспомогательных глагола, нагрузка между ними может распределяться очень неравномерно, как, например, во французском языке, где *être* употребляется лишь с десятком глаголов, а *avoir* — со всеми остальными. Поэтому, рассматривая языки, в которых глагол образует свои формы с помощью вспомогательного глагола — «иметь» или «быть», в разных случаях по-разному — следует остановиться на конвергенции «иметь» и «быть» при образовании перфекта». Как увидим, «конвергенция», отмеченная Бенвенистом, в части языков находит отражение не только в системном параллелизме конструкций, но и в объединении их в универсальный показатель выражения перфектного значения.

Как правило, глагол 'быть' используется при образовании перфекта (а также плюсквамперфекта и предбудущего; далее это специально не оговаривается) от части непереходных глаголов; глагол 'иметь' выступает в перфекте остальных переходных глаголов и всех переходных (хотя в этом последнем пункте имеются примечательные исключения, о которых ниже). Детали указанного соотношения варьируют в зависимости от конкретного языка.

К современным европейским языкам с лексически обусловленным выбором вспомогательного глагола относятся следующие: итальянский (литературный и северные говоры), французский, немецкий (включая сюда и

южнонемецкие, и швейцарско-немецкий диалект), ретороманский, нидерландский, идиш. Особый случай с кашубским языком будет разобран в конце раздела; в датском языке, с нашей точки зрения, система выбора вспомогательного глагола уже находится в стадии разрушения; данный случай будет разобран в следующем разделе.

Существует ряд работ, посвященных определению семантических и синтаксических условий, определяющих выбор вспомогательного глагола в том или ином конкретном языке. Практически во всех европейских языках, где представлен такой выбор, граница между 'быть' и 'иметь' проходит внутри множества непереходных глаголов; впрочем, имеются языки (нидерландский, немецкий), где некоторые переходные глаголы также используют конструкцию с 'быть'. В литературе, посвященной проблеме чёткого определения этой границы, конкурируют два подхода: семантический и синтаксический.

В работах приверженцев синтаксического подхода используются введённые Д. Перлмуттером [1978] в рамках генеративистской синтаксической теории «реляционной грамматики» (Relational Grammar) термины «неэргативность» и «неаккузативность». Эти термины указывают на некоторый «пучок» синтаксических свойств определённых классов непереходных глаголов. В общих чертах, «субъект неаккузативных глаголов ведёт себя, как прямой объект переходных глаголов, в то время как субъект неэргативных глаголов ведёт себя как субъект переходных» [Keller, Sorace 2003: 57]; с формально-описательной стороны из этого следует, что так называемый «внешний субъект» неаккузативного глагола на более глубинном уровне является объектом. Соответствующие диагностические контексты, вообще говоря, различны в разных языках (их исчислению посвящена работа [Levin, Rappaport Novav 1995]). В частности, в языках с безличным пассивом неаккузативные глаголы не могут подвергаться этой трансформации.

Как в статьях, специально посвященных проблематике выбора вспомогательного глагола ([Burzio 1981, 1986], [Hoekstra 1998], [Sorace 2000], [Bentley, Eythorsson 2004]), так и, например, в упоминавшейся обобщающей монографии о понятии «неаккузативности» [Levin, Rappaport Novav 1995], утверждается, что в европейских языках (по крайней мере, некоторых) данные понятия коррелируют, а именно, синтаксически «неаккузативные» глаголы

употребляются с вспомогательным непереходным ‘быть’, а синтаксически «неэргативные» — с вспомогательным переходным ‘иметь’. Ближе всего к идеалу этого соответствия считается положение дел в литературном итальянском (начиная уже с работ Бурцио, выполненных в рамках генеративной теории управления и связывания и восходящих к защищённой в MIT диссертации); ср. в [Squartini, Bertinetto 2000: 428]: «особо интересен случай итальянского языка, в котором *esse* употребляется только с неаккузативными глаголами» (примеры из [Burzio 1986]):

Ho comprato un libro. (переходный)

‘Я купил книгу’

Giovanni ha telefonato. («неэргативный»)

‘Джованни позвонил’

Giovanni è caduto («неаккузативный»)

‘Джованни упал’

Il figlio è amato dalla madre. (пассив)

‘Сын любим матерью’

Однако материал конкретных языков (в том числе и итальянского в его истории [Cennamo 2002] и особенно в современных диалектах [Tuttle 1986]) сплошь и рядом обнаруживает отклонение от этого принципа, что вынуждает исследователей модифицировать самый принцип; собственно, в свете идеи «расщепления» класса непереходных глаголов по признаку «неаккузативности» требует какого-то объяснения хотя бы уже существование в нидерландском или немецком переходных глаголов, допускающих конструкцию с «быть». В работах [Sorace 2000], [Keller, Sorace 2003] в связи с наблюдаемой картиной распределения вспомогательных глаголов в Европе предлагаются более гибкая «иерархия аспектуальных/тематических типов глагола» и корректировки к «гипотезе неаккузативности» Перлмуттера. В работе [Bentley, Eythorsson 2004] утверждается, что «неаккузативность определяется некоторым семантическим понятием, которое содержит центр и периферию» — соответственно, различные

языки по-разному трактуют эту периферию и относят конкретные глаголы к тому или иному классу. Корреляция семантических параметров с синтаксическими свойствами имеется, но определение самих этих свойств во многом зависит от наблюдаемой стратегии выбора глагола, что создаёт очевидный логический круг; кроме того, последовательный «пучок» этих параметров выделяется не всегда.

Наряду с этим подходом, существует и иной, ориентированный прежде всего на лексическую семантику (и опирающийся, в частности, на традиции описательных грамматик, что с полемической точки зрения подчёркнуто, например, в [Hoekstra 1998]); он принят в работах [Van Valin 1990], [Dowty 1991], [Zaenen 1993], [Lieber and Baayen 1997], [Diedrichsen 2002], [Aranovich 2003], [Washio 2004]. Соответствующие авторы подчёркивают непоследовательность соответствия данного параметра (может быть, кроме как в итальянском языке) синтаксическим критериям «неаккузативности», например, в [Aranovich 2003: 29] указано, что вопреки системе допущений, принятой при синтаксическом подходе, возвратные глаголы в староиспанском языке не демонстрируют аналогии с «неаккузативными» невозвратными глаголами (т. е. не образуют перфект только при помощи глагола 'быть'), но могут присоединять, в соответствии с семантическими критериями, оба вспомогательных глагола. Ровно тот же вывод (но на материале современного датского) делается в [Bergeton 2004]: здесь вообще все возвратные глаголы образуют перфект при помощи глагола 'иметь' (как и в нидерландском и немецком: [Keller, Sorace 2003: 68]), так что «несомненно, различия между германскими и романскими языками показывают, что выбор вспомогательного глагола не может использоваться как типологически надёжный тест неаккузативности» [Bergeton 2004: 253]. Указывается, разумеется, и на «неудобный» для гипотезы о неаккузативности факт существования переходных глаголов со вспомогательным 'быть' [Washio 2004]. Более перспективным этой группой авторов считается описание данного распределения с опорой на семантическую и аспектуальную характеристику конкретных предикатов; релевантные параметры для каждого языка могут иметь специфический характер.

В этой связи необходимо отметить, что и для ряда других явлений (в том числе и синтаксических), нередко связываемых в различных языках с

«неаккузативностью», отмечалось отсутствие корреляции с прочими параметрами этого явления: например, Ю. Л. Кузнецова [Kuznetsova 2004, Кузнецова 2005] показывает отсутствие такой корреляции для русских дистрибутивных конструкций с предлогом *no*; относительно других диагностических признаков, в том числе и безличной пассивизации, отмечалось, что «эти конструкции могут допускать как неаккузативные, так и неэргативные глаголы (хотя и в разной степени) в зависимости от семантических факторов, таких, как взаимная предсказуемость глагола и его аргумента» [Keller, Sorace 2003: 58]. Таким образом, объяснительная сила этого критерия именно как «пучка» синтаксических параметров достаточно сомнительна.

Для проблематики нашей работы представляется более содержательным в связи с системным сосуществованием двух показателей перфекта/перфективного прошедшего говорить об их дополнительном распределении по конкретным лексемам в зависимости прежде всего от лексико-семантических факторов, что не отрицает и (универсального) глубинного синтаксического объяснения этих феноменов (что в задачи нашего исследования не входит).

Нидерландский язык ([Lieber, Vaayen 1997]) обнаруживает следующую картину: с глаголом *zijn* 'быть' употребляются глаголы движения (*gaan* 'идти', *komen* 'приходить') и изменения состояния (*sterven* 'умирать', *groeien* 'расти'). С глаголом *hebben* 'иметь' употребляются из непереходных в основном глаголы деятельности и состояния (*denken* 'думать', *slapen* 'спать', *staan* 'стоять') и ограниченный класс «точечных» глаголов (*knipogen* 'моргать', *zuchten* 'вздыхать'). Некоторые переходные глаголы также оказываются среди спрягаемых с *zijn*; это *passeren* 'миновать, проходить мимо', *naderen* 'приближаться', *vergeten* 'забывать', *volgen* 'следовать за'.

Особый интерес представляют глаголы, колеблющиеся между этими типами. Во-первых, это глаголы, интерпретируемые без некоторых актантов как деятельность, а с ними как предельные, а именно глаголы способа движения (*manner of motion*, в терминологии [Talmy 1985]), у которых может быть факультативно указано направление (*lopen* 'иди пешком', *fietsen* 'ехать на велосипеде'); если оно указано ('пойти пешком в школу', 'поехать на велосипеде на конференцию' и т. п.), то глагол спрягается со вспомогательным *zijn*. Во-вторых, это глаголы движения и изменения состояния, имеющие

каузативный вариант (*scheiden* ‘отделяться/отделять’, *ploffen* ‘взрываться/взрывать’); каузативы, будучи переходными глаголами, имеют вспомогательный глагол *hebben*, некаузативные соответствия — *zijn*.

Либер и Баайен предлагают для глаголов (и глагольных словосочетаний), употребляющихся с глаголом *zijn*, общий семантический признак — ‘выводимость конечного положения или состояния’ (*inferable eventual position or state*); он в принципе независим от признака предельности (например, глагол *geeiwen* ‘зевать’ — предельный, однако не предполагает изменения состояния и спрягается с глаголом *hebben*). Анализ данного распределения с синтаксической точки зрения (в соответствии с «гипотезой о неаккузативности») предложен в полемической по отношению к работе [Lieber, Baayen 1997] статье [Hoekstra 1998]. Т. Хукстра, критикуя Либера и Баайена в том числе и за чисто описательный подход (этот анализ «никоим образом не объясняет, почему происходит выбор вспомогательного глагола, и даже неясно, что в точности означает „выбор глагола *zijn*“»), указывает, что синтаксическое сходство «неэргативных» глаголов с переходными обуславливает схожие средства их кодирования, точно так же как неслучаен выбор бытийного глагола как в качестве показателя перфекта от «пациентных» глаголов, так и в качестве показателя пассива. Возможно, это и так (собственно, «семантическая теория» такого объяснения не отрицает), но и полного совпадения синтаксических параметров с выбором конструкции не наблюдается; объяснение здесь не полностью адекватно объективным фактам.

Зависимость данного распределения от параметра «переходность/непереходность», а также от параметра «конечного положения или состояния» — т. е. от материального результата действия — обнаруживает прямую связь с формальным различием «посессивного» («субъектно-переходного») и «объектного» результата (об этом эргативном соотношении см. выше, 2.2.1) и непосредственно его продолжает.

Для немецкого языка важным параметром выбора вспомогательного глагола также является «изменение состояния», причем параметр предельности играет меньшую роль, чем в нидерландском (В. Абрахам утверждает даже, применительно как к древневерхненемецкому, так и современному языку, что «так называемые „неаккузативные“ или эргативные» глаголы, выбирающие вспомогательный глагол ‘иметь’, суть «семантические инхоативы» [Abraham

1992: 5], что является всё же слишком сильным обобщением). В частности, по-разному ведут себя глаголы «бесцельного движения», не имеющие обстоятельства траектории, направления и т. п.: если в нидерландском, как мы только что видели, они выбирают вспомогательный глагол ‘иметь’, в немецком употребляется ‘быть’ [Hout, Randall 1993, пример цит. по Keller, Sorace 2003: 64]:

нем. Paul und Rita sind stundenlang durch den Saal getanzt.

нид. Paul en Rita hebben urenlang door de zaal gedanst.

‘Пауль и Рита протанцевали несколько часов в зале’

Кроме глаголов движения, немецкий язык использует вспомогательный глагол ‘быть’ с глаголами изменения состояния, включая продуктивный класс таких глаголов с приставкой *ver-* (*verbluten* ‘истечь кровью’, *verblühen* ‘отцвести’ и другие), и факультативно с некоторыми глаголами сохранения состояния (обязательно — только с *bleiben* ‘оставаться’), остальные глаголы используют посессивную стратегию (с вспомогательным *haben* ‘иметь’) [Keller, Sorace 2003]. С глаголом *sein* ‘быть’ также спрягаются переходные глаголы, производные от глаголов движения и изменения состояния (часто сильно идиоматизированные): *durchgehen* ‘проходить’, *eingehen* ‘вступать (в что-л.); предпринимать, осуществлять’, *loswerden* ‘избавляться, тратить’:

Der Betrieb ist den Vertrag mit der Schule eingegangen [Helbig, Buscha 1977: 116]

‘Предприятие заключило договор со школой’ (ср. рус. *вступить в договор*, где, в отличие от немецкого, не прямо переходная конструкция)

Другая семантическая классификация немецких глаголов в зависимости от выбора перфектной конструкции предлагается в [Diedrichsen 2002]: здесь выделены три семантических критерия, в соответствии с которыми предпочитается вспомогательный *sein*: перемена состояния, в частности, «определённое конечное состояние» (*definiertes Nachzustand*), направленное движение (*Fortbewegung*) и появление/исчезновение (*In- oder Außer-Erscheinung-Treten*): последний класс включает прежде всего прототипические глаголы

erscheinen и *verschwinden*, а также их синонимы (включая, между прочим, и *sterben* ‘умирать’). Данные семантические критерии допускают метафорическое расширение: так, глагол *bleiben* ‘оставаться’ толкуется как «негативная перемена места», а *passieren* ‘происходить’ (*Ein Unfall ist passiert* ‘Произошёл несчастный случай’) — как «абстрактный глагол появления».

Во французском языке глагол *être* ‘быть’ употребляется со всеми возвратными глаголами (*il s'est blessé* ‘он ушибся, он поранился’), а также с очень ограниченным классом непереходных глаголов (не считая продуктивных дериватов вроде *redescendre* ‘спускаться опять’, их всего 21, согласно [Abeillé, Godard 2002 : 446]), также относящихся к классу движения и изменения состояния (*aller* ‘идти’, *arriver* ‘прибывать’, *descendre* ‘спускаться’, *naître* ‘рождаться’, *mourir* ‘умирать’ и нек. др.); а также, как и в немецком, глаголы со значением ‘оставаться, пребывать’: *demeurer* и *rester*. Интересно, что проблематика выбора вспомогательного глагола во французском языке освещена уже в знаменитой «Грамматике общей и рациональной Пор-Рояля» — первая (европейская) работа по теоретической грамматике включает в себя и первый лингвистический текст на обсуждаемую нами тему.

Авторы «Грамматики», А. Арно и К. Лансло, указывают на распространённость этого явления в европейских языках (вспомогательные глаголы есть явление «общее для всех новых языков (*langues Vulgaires*) Европы»; [Грамматика... 2000, 187]) и на некоторые отличия в выборе глаголов между различными языками («глагол *être* имеет различные времена, также образованные от глагола *avoir* и причастия *été*... Этим французский язык отличается от других, ибо немцы, итальянцы и испанцы употребляют во всех временах глагола *быть* сам этот глагол как вспомогательный. Так, они говорят *sono stato* (*je suis été*). Также поступают и валлоны, говорящие на плохом французском» [там же: 190])²¹. Что касается собственно французского языка, то авторы выделяют «два случая, когда вспомогательный глагол *être* употребляется вместо глагола *avoir*»: это возвратные глаголы и «некоторые непереходные глаголы». В связи с первым классом случаев, отмечая опять же,

²¹ В испанском языке середины XVII века глаголы *ser* и *estar* ‘быть’ (как и в современном испанском) спрягались на самом деле со вспомогательным ‘иметь’: *he sido, he estado*.

что подобного употребления «немцы не имеют вовсе, используя в этом случае глагол *avoir*» (Арно и Лансло приписывают распространение аналитических конструкций германскому влиянию), авторы предлагают объяснение этого феномена, вполне согласное с предлагаемым современными авторами (как принимающими «гипотезу неаккузативности»), так и отвергающими её: «Действие и претерпевание, заключённые, таким образом, в едином субъекте, побудили нас употреблять глагол *être*, указывающие на пассивное состояние более отчётливо, нежели глагол *avoir*» [там же: 197]. Второй класс случаев — непереходные глаголы вида *aller, partir, sortir* — практически не комментируется, кроме указания на тот факт, что «эти глаголы из непереходных становятся переходными и в полном смысле активными, что происходит в случае присоединения к ним слова, которым они должны управлять» [там же: 201]: *cette femme a monté la montagne* ‘эта женщина поднялась на гору’. Значительная часть соответствующего раздела в грамматике Пор-Рояля посвящена обсуждению факторов, регламентирующих согласование в перфектной конструкции причастия с субъектом или объектом глагола; общее синтаксическое правило, выводимое Арно и Лансло, в общем также коррелирует с переходностью: «Причастие может стать несклоняемым герундием лишь в том случае, если оно управляет другими словами, а в тех случаях, когда оно не управляет, оно склоняется» [там же: 200].

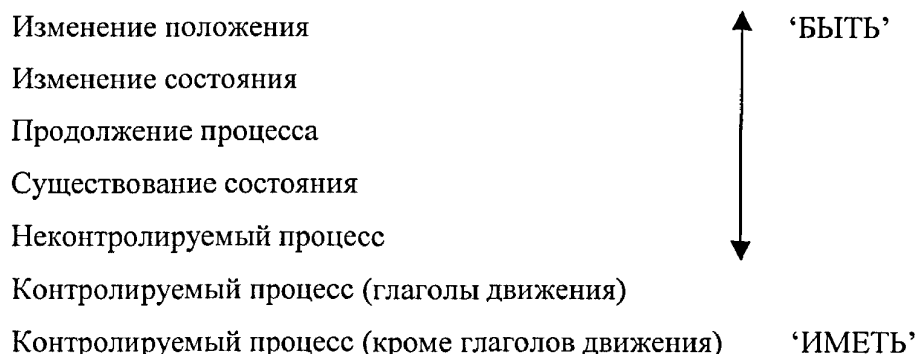
Современный синтаксический анализ обсуждаемых вспомогательных глаголов во французском выполнен в [Abeillé, Godard 2002]; авторы утверждают (на основании стандартных синтаксических тестов на границы составляющих), что французскую аналитическую конструкцию следует анализировать как «плоскую» глагольную группу (flat VP) и не усматривать в ней глубинного субъекта, диктующего выбор вспомогательного глагола. Конечный вывод авторов таков, что выбор вспомогательного глагола (за исключением рефлексивов) связан не с синтаксической структурой, а с лексическими ограничениями; впрочем, запрет на употребление *avoir* с возвратными глаголами (**s'a blessé*) можно приписать «морфологическому» отсутствию в языке сочетания полнозначного глагола *avoir* ‘иметь’ с показателем рефлексива клитикой *se* [ibid.: 443—444].

Обсуждаемое явление (как и во французском и итальянском, сопровождающееся утерей согласования в посессивном варианте, но

сохранением его в бытийном) представлено в ретороманском языке [Сухачёв, Горенко 2001]: в энгадинском диалекте имеем *ella ha fat* ‘она сделала’, но *ella es partida* ‘она уехала’.

Выбор вспомогательных глаголов (*zaun* для ограниченного числа глаголов движения, *hobn* для остальных) характерен для большинства европейских разновидностей языка идиш [Gold 1998, Чернин, Хакина 2000]; в американском варианте обнаруживается унификация *hobn* под влиянием английского [Abraham 2004].

В обобщающей работе по выбору вспомогательного глагола в европейских языках [Sorace 2000] предложена следующая семантическая иерархия выбора вспомогательного глагола в языках Европы:

Семантические типы предикатов, расположенные на полюсах данной иерархии, с максимальной долей вероятности выбирают в качестве показателя аналитического перфекта/прошедшего времени соответственно бытийную стратегию (глагол ‘быть’) и посессивную стратегию (глагол ‘иметь’); типы, расположенные между ними, отражают большие или меньшие колебания в выборе между этими стратегиями. Как и обычно в иерархиях, если в некотором языке глаголы некоторого типа используют одну из этих двух стратегий, то она выбирается и всеми типами между данным и соответствующим его стратегии полюсом шкалы. В этой иерархии задействованы два основных параметра семантического типа предикатов — это предельность как первичный параметр и контролируемость (агентивность) как вторичный.

Наибольший интерес для нашего исследования представляет тот факт, что европейские языки, в которых глагольные системы сохраняют лексико-

семантически обусловленный выбор вспомогательного глагола, образуют ареал, в общих чертах коррелирующий с другим, хорошо известным, для которого характерна утрата перфектом его собственного значения и переход к перфективному прошедшему. Особо следует отметить, что южнонемецкие диалекты (баварские, швейцарские, австрийские) — где синтетический претерит утратился очень рано, а бывший перфект стал единственным выражением прошедшего времени [Squartini 1999], [Abraham 1999] — демонстрируют большее распространение вспомогательного *sein*, с которым здесь спрягаются многие глаголы состояния (а не только *bleiben*): *sitzen* ‘сидеть’, *liegen* ‘лежать’, *stehen* ‘стоять’, *hängen* ‘висеть’ [Diedrichsen 2002: 6]. Есть основания полагать, что такая ситуация более архаична, чем в литературном немецком (где все эти глаголы спрягаются с *haben*); например, в средневековом испанском ([Afanovich 2003]), как увидим ниже, глаголы состояния на самой ранней стадии также спрягались с глаголом ‘быть’ и утратили такую конструкцию одними из первых. Таким образом, можно предполагать, что в литературном немецком (где перфектное значение у аналитической формы сохранялось дольше и до сих пор не полностью утрачено) успела найти воплощение тенденция к обобщению вспомогательного глагола в пользу *haben* (начавшая распространяться с наименее устойчивого звена в классе *sein*-глаголов); «аномальное» спряжение *bleiben*, таким образом, представляет в литературном немецком архаизм.

В эту зону, скорее всего, следует включить также и нидерландский язык, в котором, согласно результатам анкетирования, проведённого в рамках исследования EUROTYPE (так называемый «вопросник по перфекту») форма перфекта оказалась употребительной в нарративных контекстах, «и, таким образом, перестала быть перфектом в собственном смысле слова» [Lindstedt 2000: 379]. В специально посвящённой проблематике грамматической синонимии и вариативности работе [de Hoop et al. 2004 : 1080] отмечается: «простое прошедшее исчезает из языка; во всё большем количестве контекстов событие в прошлом выражается при помощи перфекта»; аналитическая форма считается немаркированным синонимом синтетической формы (подробнее см. ниже, раздел 2. 4. 1). Но ср., напротив, указания на невозможность нарративного употребления нидерландского перфекта в [de Swart, Molendijk, to appear]:

согласно этой работе, данная форма вполне сохраняет ограничения, свойственные перфекту, а единственной нетипичной её чертой (сравнительно, например, с английским, но не с испанским, греческим и целым рядом других языков) является употребительность в контексте показателей точного времени:

Sara is om zes uur vertrokken.

‘Сара ушла в шесть часов’

*Toen Jan me heeft gezien (перфект) is hij bang geworden (перфект)/werd

(претерит) hij bang.

‘Когда Ян меня увидел, он испугался’

Отметим, что в нидерландском переводе романа Камю «Посторонний», где во французском оригинале автор использует в нарративной функции аналитическое прошедшее время *Passé Composé*, оно передаётся через форму перфекта во всех случаях, где имеется обстоятельство точного времени (в противном случае употребляется синтетический претерит) [ibid.], что может отражать начальную стадию экспансии перфектной формы в нарративный контекст. На сочетаемость перфекта в нидерландском с обстоятельствами точного времени — вполне аналогичную положению дел в таких языках с явным «аористическим дрейфом», как немецкий и итальянский — указывают также А. Джорджи и Ф. Пьянези [Giorgi, Pianesi 1997: 84].

Даже если признать нидерландский язык «выбивающимся» из общей картины, совпадение ареалов утраты аналитическим прошедшим собственно перфектной семантики и существования параллельных конструкций со вспомогательными глаголами ‘иметь’ и ‘быть’ налицо. Вопрос о причине такой корреляции мы разберём в следующем разделе, где обсуждается имеющая большее типологическое значение обратная корреляция, связанная не с сохранением, а, напротив, с изменением старого языкового состояния.

Особо разберём случай в одном из двух (наряду с македонским) славянских языков, для которых релевантна обсуждаемая проблематика.

В кашубском языке, где старый славянский *l*-перфект превратился в простое прошедшее, под немецким влиянием [Tommoła 2000: 470] возник

новый перфект с глаголом *mies* ‘иметь’ и активным *l*-причастием. При личном местоимении, однако, выступает пассивное *n*-причастие:

Jô móm zasané žěto [Дуличенко 2005: 393]

‘Я посеял рожь’

В то же время другой новый перфект с глаголом *běc* ‘быть’ и пассивным *n*-причастием употребляется с «непереходными глаголами движения» [Stone 1993: 777]:

Ta białka je precz jidzonô

‘Эта женщина ушла’

Впрочем, неясно, в какой степени эта конструкция носит уже именно перфектный, а не ещё результативный характер; Х. Томмола, ссылаясь на данные работы [Logenz 1925], согласно которой старый перфект в кашубском сохраняет собственно перфектные функции, утверждает, что эти новые формы «не полностью грамматикализованы» [Tommla 2000: 470]. Аналогичные «новые» перфектоидные формы в славянских языках (вроде русского диалектного *у него хожено* или особенно македонского *јас сум дојден*, формально точно соответствующего кашубскому «перфекту») представляют собой результативы. Так или иначе, отметим, что кашубский «новый перфект» с лексическим выбором вспомогательного глагола связан с контактным влиянием.

Данный феномен, как есть серьёзные основания полагать, носит типологический характер и не ограничивается центральноевропейским ареалом. Анализ, параллельный анализу европейского «выбора вспомогательных глаголов», в работе [Washio 2004] предложен для показателей перфекта *-tu-* и *-ni-* в старояпонском языке (т. е. в классическом японском раннего периода — VII—VIII вв.). Этимология этих показателей никак не связана с глаголами ‘иметь’ и ‘быть’ (и соответственно здесь нельзя говорить о «посессивной» и «бытийной» конструкциях); обычно *-tu-* этимологически возводится к грамматикализовавшемуся глаголу *utu* ‘выбросить, отбросить’, а *-ni-* к *inu*

нем. Wir haben draußen gespielt

фр. Nous avons joué dehors

‘Мы поиграли на улице’

‘приходить’ — глагол движения/изменения состояния:

ст.-яп. haru sari-ni-keri

весна приходить-ПЕРФ:II-РЕТРО

‘...пришла весна...’

нем. Der Frühling ist gekommen

фр. Le printemps est arrivé

‘пришла весна’

Природа этого распределения обсуждалась в японских грамматиках XVIII—XIX вв. и связывалась в основном с переходностью (цитируемые в [Washio 2004: 201] суждения японских грамматистов иногда любопытным образом напоминают подход авторов грамматики Пор-Рояля). По данным цитированной работы, глаголы изменения состояния (*tiri-* ‘падать’) образовывали перфект с *-ni-*, соответствующие каузативы (*tirasi-* ‘ронять’) — с *-tu-*; глаголы движения (вроде приведенного в примере выше *sari-* ‘приходить’) — с *-ni-*. Но в целом ряде частных распределений обсуждаемых старояпонских показателей не соответствует ожидавшемуся исходя из гипотезы о «неаккузативности» и в то же время типологически чрезвычайно сближается с ситуацией, например, в нидерландском языке; в частности, ряд переходных глаголов (в основном одних и тех же, с семантикой неконтролируемости: *vergeten* и *wasure-* ‘забывать’, *passeren* и *sugi-* ‘проходить мимо’) в обоих языках «выбирает» конструкции со вспомогательным *ni* и *zijn* соответственно.

Сравнивая не только синхронное лексическое распределение, но и диахроническую судьбу старояпонских и новоевропейских форм — чего в [Washio 2004] не делается — мы обнаруживаем, что японский перфект (или «перфекты») оказались столь же неустойчивыми на шкале времени, что и соответствующие формы во французском, итальянском, немецком, ретороманском или идиш. Названная форма активно употребляется в памятниках японского языка на протяжении семи веков, с VII до XIII столетия;

в языке XIV—XVI вв. она встречается уже лишь как реликтовая и в современном японском отсутствует. В упоминаемой статье анализируются лишь самые ранние памятники VII—VIII веков, сохраняющие результативное или перфектное значение. Прямых сведений того, чтобы в дальнейшем семантика этой формы эволюционировала в сторону перфектива или простого прошедшего, мы, к сожалению, не имеем (ср., впрочем, ссылку на лингвиста XX в. Кобаяси, считавшего значением показателя *-ни* 'исчерпание процесса' [Washio 2004: 212]), однако из общих типологических соображений (учитывая данные о диахронической судьбе перфекта в различных языках) кажется маловероятным, чтобы она вышла из употребления ещё на собственно перфектной стадии семантического развития.

С распределением форм европейского (бывшего) перфекта, помимо старояпонских форм, можно сопоставить также сильнее грамматикализованные (как с формально-морфологической, так и с семантической точки зрения) формы «прошедшего автономного времени» в индоарийском диалекте авадхи [Липеровский 1997: 179—184]. Семантически это типичный перфектив, или аорист, который «оставля[ет] невыраженным значение актуальности последствий действия для более позднего временного плана» [там же: 183] и «выступает как средство повествования об имевших место в прошлом событиях» [там же: 184]. Здесь глагол имеет две парадигмы, в одной из которых различаются «формы рода и числа, отражающие адъективную парадигму перфективного причастия», но нет личного спряжения, а в другой, напротив, имеются личные окончания, но нет согласования по роду; «она воплощает собой флективное словоизменение, возникшее на базе перфективного причастия».

Замечательно, что распределение данных парадигм по глагольным лексемам приближается к распределению «бытийного» и «посессивного» типа перфекта (ныне перфективного прошедшего) в европейских языках, а именно, «адъективный» согласуемый тип тяготеет к непереходным глаголам (как мы видели, во французском и итальянском языках до сих пор сохраняется согласование причастий в «бытийном» типе аналитического прошедшего), а «флективный» тип — к переходным глаголам. Реально глаголы имеют контаминированное словоизменение, включающее как формы, совпадающие с

причастием, так и формы, имеющие лично-числовые флексии (в ряде случаев одно и то же сочетание признаков лица, числа и рода допускает синонимичные формы обеих парадигм), однако «противопоставление в роде (мужской~женский...) релевантно только для непереходных глаголов» [там же: 180—181]. Таким образом, перфективное прошедшее сохраняет вариативность, свойственную передаче различия между «посессивным» (субъектно-переходным) и объектным результатом. Можно предположить, что, как и в западноевропейских языках, эти достаточно быстро миновали собственно перфектную стадию.

В работе [Anderson L. 1982] с европейским феноменом выбора вспомогательного глагола сопоставляется семитский материал — современного арабского (западносемитская группа) и мёртвого аккадского языка (восточносемитская группа). Здесь в формах, прошедших развитие от результата к простому прошедшему, также засвидетельствовано противопоставление диатезных типов — различие между глаголами «изменения состояния» и «действия» (о результате в современном арабском см. [Храковский 1983]); для кодирования этих двух типов используются различные огласовки (причём существенно, что в западно- и восточносемитских языках соответствующие показатели имеют разное происхождение, так что аналогии при сопоставлении этих групп носят типологический характер). Это различие выражено в лексически обусловленном выборе первого гласного огласовки (так называемого «типового гласного»); в литературном арабском, впрочем, этот выбор далеко не всегда семантически прозрачен [Юшманов 1928/1985: 51]²⁴. Андерсон выстраивает иерархию [р. 252] по несколько иным принципам, чем впоследствии предложенная на европейском материале в [Sorace 2000]:

²⁴ В арабском языке лексический выбор «типового гласного» в зависимости от категории «действия» / «состояния» имеет место также в имперфекте; этот параметр в [Anderson 1982] также включён в указанную иерархию; мы его не учитываем, как не имеющий прямого отношения к тематике главы.

	Аккадский претерит	Арабский «перфект»	Французский	Немецкий
«преимущественно непереходные глаголы деятельности»	/i/	/a/	avoir	haben
«преимущественно непереходные глаголы состояния»				
«глаголы перемены положения»			être	sein
«глаголы изменения состояния объекта»		/i/		
«медиальные глаголы»				haben
«пунктивные непереходные глаголы»		/a/	avoir	
«пунктивные переходные глаголы»	/i/ (/a/)			
«переходные непунктивные глаголы».	/u/			

Снова подчеркнём, что и в аккадском, и в арабском «перфект» приобрёл значение нарративного претерита, вытеснившего старый общесемитский претерит в ирреальную зону [ibid.].

Аналогичная картина представлена и в древнеперсидском, где посессивная конструкция «нового перфекта» («такого оборота, который в древнеперсидском заменил собою древний [индоевропейский] перфект») уже в среднеперсидском даёт претерит (*man kart* ‘я сделал’ букв. ‘у меня/мне сделано’), а в новоперсидском эта форма получает личные окончания и теряет признаки диатезной нестандартности (*man kardam*, где *man* — это уже просто ‘я’) [Бенвенист 1952: 193—196], [Hewson, Vubenik 1997: 305—307]. Подробно этот процесс разобран, например, в [Эдельман 2002: 113 и след.]; там же и ссылки на предшествующие работы. В иранских языках, согласно Эдельману, выступали две результативные конструкции: для непереходных глаголов —

бытийная 'я ушедший есть', а для переходных — посессивная 'это у меня (мною) сделанное (есть)'. «Со временем в подавляющем большинстве иранских языков уже грамматикализованные формы перифрастического перфекта утрачивают значение результативности и становятся формами претерита» [там же: 118]; это приводит к характерной для многих современных иранских языков оппозиции «номинативная стратегия в презенсе — эргативная стратегия в претерите» (так в пуштунском и памирских языках: [Hewson, Bubenik 1997: 309—311]).

Сохранялось распределение двух конструкций Perfectum — синтетической и аналитической «пассивной» — у различных классов глаголов и в классической латыни: здесь, как известно, большинство глаголов имеет синтетические формы разного морфологического устройства и этимологии (*offero* 'предлагаю, подношу' — *obtuli* 'я поднёс', *cano* 'пою' — *cecini* 'я спел' и под.), в то время как ограниченное число так называемых отложительных и полуотложительных глаголов образуют Perfectum так же, как и страдательный залог от переходных глаголов — при помощи аналитической конструкции с причастием + глагол 'быть' (*progredior* 'двигаюсь вперёд' — *progressus sum* 'я двинулся вперёд'); ср. анализ морфологической и синтаксической структуры этого явления в [Embick 2000]; здесь же подчёркивается, что это распределение невозможно толковать как «неаккузативное» — хотя бы уже потому, что некоторые отложительные глаголы являются переходными. И в этом случае форма семантически миновала собственно перфектную стадию — в латыни это типичное перфективное прошедшее время (что демонстрирует и этимология форм, представляющих собой результат контаминации индоевропейских перфекта и аориста).

Однако в третьем древнем индоевропейском языке, классическом армянском, где перфект (с результативным оттенком) также имел две альтернативные синтаксические конструкции (в отличие от древнеперсидского и латыни, не затрагивающие собственно формы) — посессивную и бытийную — произошла, напротив, унификация этих двух форм (подробнее см. в следующем разделе). Знаменательно, что здесь унифицированная форма, в отличие от большинства только что разобранных случаев, вполне сохранила собственно перфектное значение (восточноармянский) или, по крайней мере, не смешалась с претеритом (западноармянский, где перфект

эвиденциализируется). Точно такая же корреляция между сохранением перфекта как самостоятельного грамматического значения и унификацией конструкций, его выражающих, налицо и в современных европейских языках. К подробному рассмотрению этого феномена мы и переходим.

2.3.4. Унификация перфектной конструкции и оппозиция перфект/результатив: ареал «перфекта европейского побережья», армянские языки

Особый путь развития систем с выбором вспомогательного глагола зафиксирован в тех языках, где, в то же время, у этих форм сохраняется собственно перфектная семантика. Это языки Европы, не образующие единого ареала; напротив, они принадлежат нескольким несмыкающимся географическим областям, расположенным вдоль побережья континента (в отличие от вышеописанного средневропейского ареала, где происходит переход перфекта в перфектив/простое прошедшее). Р. Тирофф [1997: 20], [2000: 285—286] предложил для обозначения данной изоглоссы термин «перфект европейского побережья» (European maritime perfect). Из языков указанной зоны интересующий нас переход отмечен в английском, норвежском, шведском, испанском, португальском, каталанском языках; а также в южноитальянских диалектах, где перфект сохраняется. Как уже отмечалось, только датский и нидерландский языки сохраняют лексически обусловленное распределение вспомогательных глаголов; однако:

в нидерландском языке аналитический перфект, возможно, имеет некоторые функции, приближающие его к нарративному времени (см. предыдущий пункт);

в датском языке, как будет показано ниже, процесс обобщения глагола 'иметь' в значении показателя перфекта уже налицо (однако не достиг еще завершающей стадии, как в норвежском).

Таким образом, если сохранение в данных зонах перфектной семантики представляет собой прямое продолжение старого состояния, некогда свойственного всей Европе (и, таким образом, может толковаться как ареальное), то изменение системного соотношения между двумя перфектными формами, о котором пойдёт речь в настоящем разделе, произошло в разное

время (в романских и германских языках — даже, по-видимому, на разных стадиях семантического развития этого показателя), в территориально разобщённых языках и, следовательно, является типологическим явлением.

Прежде чем предложить объяснение этой корреляции, рассмотрим ситуацию в названных языках подробнее.

Ситуация в романских языках для раннего периода их развития не всегда ясна из-за «сравнительно позднего появления записей нелитературного языка (*vulgar scripts*)» [Squartini, Bertinetto 2000: 420]. Во всяком случае, разумно предполагать, что употребление «посессивного» перфекта с переходными предельными глаголами и «бытийного» с непереходными было изначально характерно для всех языков, в соответствии с тем употреблением, которое обнаруживается в поздней латыни.

В романских языках — в средне- и южноитальянских говорах, а также в иберийской и румынской зонах — произошло обобщение «посессивного» вспомогательного глагола на все употребления перфекта [Squartini, Bertinetto 2000: 428]. Ситуации в румынском и средне- и южноитальянских говорах носят несколько особый характер: рассмотрим сначала положение дел в иберо-романской зоне.

В романских языках иберийского полуострова — испанском, каталанском, португальском и галисийском — «бытийный» тип перфекта на протяжении средневековой истории этих языков оказывается полностью вытеснен «посессивным». В первых двух языках вспомогательный глагол в перфектной конструкции — это *haber*, исторически ‘иметь’, но в современных языках не употребляющийся, кроме как вспомогательный и в экзистенциальных предложениях со значением «имеется» (в этом значении в испанском имеется особая форма 3 л. ед. ч. наст. вр. *hay* < *habet hic* ‘имеется здесь’, — ср. фр. *il y a* букв. ‘он здесь имеет’ с тем же значением, — отличная от соответствующей формы вспомогательного глагола *ha*; в прочих временах и наклонениях формы совпадают: имперф. *había*, буд. *habrá*, имперф. конъюнктива *hubiese/hubiera* и проч.).

В португальском и галисийском между XIII и XVI веками обобщился глагол, восходящий к лат. *tenere* ‘держат’, который в иберо-романских языках является основным способом выражения обладания; глагол *ser* ‘быть’ уже в XIII

веке употреблялся (в период существования единого литературного галисийско-португальского языка) лишь с очень немногими непереходными глаголами: *ir* 'идти', *vir* 'приходить', *partir* 'уходить', *morrer* 'умирать' [Вольф 1988: 56]. Синонимичная конструкция с глаголом *haver*, восходящим к *habere*, тоже существовала в португальском языке («два конкурирующих вспомогательных глагола» *ter* и *haver* характерны для галисийско-португальского периода [Вольф 1988: 57], причём в это время *haver* преобладал, и португальского языка XVI в. [там же: 127]), но в XIX веке была вытеснена перфектом с глаголом *ter*. Однако в бразильском португальском преобладает форма с *haver*, что отражает состояние языка до XVI в. — времени начала колонизации Бразилии [там же: 57].

Динамика утраты перфекта с глаголом *ser* 'быть' в средневековом испанском показана в работе [Aranovich 2003], использующей лексико-семантический (а не синтаксический) подход к проблематике «выбора вспомогательного глагола». Согласно этой статье, в XIV—XV веках распределение показателей перфекта в общем соответствовало сохраняющемуся в таких языках Европы, как итальянский или нидерландский: глагол *ser* употреблялся с глаголами движения (такими, как *llegar* 'прибывать') и с глаголами изменения состояния (*despertar* 'будить'); ранее (в XIII веке) утратили «бытийную» конструкцию глаголы сохранения состояния (*quedar* 'оставаться', *holgar* 'отдыхать'). Непереходные предикаты с более чёткой «пациентной» семантикой (иными словами, единственный актант которых сильнее «затронут» — affected — соответствующей ситуацией) сохраняли вспомогательный глагол *ser* дольше. Процесс унификации вспомогательного глагола происходил параллельно в зависимости от одинаковых семантических факторов в возвратных и невозвратных глаголах (ситуации, при которой все возвратные глаголы образовывали перфект/результатив с глаголом 'быть' — как в итальянском или французском — в средневековом испанском, по-видимому, не было) [ibid.: 16—25]. Класс испанских глаголов, последними утративших вспомогательное *ser* (XVII в.), близок к классу сохраняющих *être* в современном французском (*crecer* 'расти', *ir* 'идти', *partir* 'уходить', *pasar* 'проходить', *morir* 'умирать', *nacer* 'рождаться').

Во всех названных иберо-романских языках перфект сохраняет своё значение, отличное от значения простого прошедшего времени, и, даже

утрачивая прототипическое для перфекта значение «текущей релевантности», не проявляет экспансию в сферу употреблений простого (перфективного) прошедшего, а напротив, скорее уступает ему «свою» территорию. Действительно, в португальском, галисийском, испанском Канарских островов и некоторых вариантах испанского в Латинской Америке (в работе [Squartini, Bertinetto 2000] подробно разбираются примеры из мексиканского испанского, но указывается [с. 412—413] на аналогичное распределение также в колумбийском, пуэрториканском и аргентинском вариантах) употребление перфекта фактически ограничено контекстами «продолжающейся ситуации», охватывающей момент речи и интерпретируемой как дуративная и неопределённая [Squartini, Bertinetto 2000: 408—413]:

португ. Tenho estudado imenso desde que decidi fazer o exame

‘Я занимался очень много с тех пор, как решил сдавать этот экзамен’

мексик. исп. Eso ya lo hemos discutido muchas veces

‘Это мы уже обсуждали много раз’

В экспериенциальных контекстах, контекстах «свежих новостей» и «текущей релевантности» употребляется только перфективное прошедшее, перфект недопустим:

португ. *Já tens estado em Austrália?

‘Бывал ли ты в Австралии?’

португ. *Tem chegado o rei!

‘[К нам] приехал король!’

португ. *Não, já se tem ido embora

‘Нет, [он] уже ушёл’

мекс.исп. *Ya ha llegado

‘[Он] уже пришёл’

Особое (но содержательно близкое) распределение обнаруживает также еврейско-испанский язык [Malinowski 1984]: здесь обобщился вспомогательный глагол tener, а сама перфектная конструкция встречается преимущественно в вопросительных и (чаще) отрицательных экспериенциальных контекстах:

No lo tengo visto hasta agora entre los clientes de mi tante

‘До сих пор я его не встречал(а) среди покупателей моей тётки’

Tiene sentido esta palavra?

‘Слышал ли ты когда-нибудь это слово?’

Ранее предполагалось [Harris M. 1982], что эта особенность употребления перфекта в данных языках представляет собой особую стадию грамматикализации, промежуточную между результатом и перфектом. М. Сквартини и П.-М. Бертинетто [2000: 419] показывают, что такая интерпретация проблематична. Во-первых, в португальском языке XVII века отмечены ныне не встречающиеся употребления перфекта для обозначения точечного «события», а не продолжающейся ситуации («состояния» или «деятельности»). Сохраняются некоторые реликтовые (лексикализованные) формулы, например *tenho acabado* ‘я закончил’ или *tenho dito* ‘я сказал’ в конце выступления [ibid.: 410]. Кроме того, значения «текущей релевантности» в средневековых литературных текстах имел и итальянский диалект Сицилии, у которого впоследствии развилось очень близкое распределение [ibid. 431]. (От себя добавим, что варианты испанского в Латинской Америке и еврейско-испанский язык, не учтенные в [Harris M. 1982], сложились тогда, когда в языке-источнике, кастильском испанском, перфект современного типа в общем уже существовал — значение точечной ситуации имелось у него, по крайней мере, в XV, а скорее всего уже и в XIII веке, как указывают авторы по другому поводу [Squartini, Bertinetto 2000: 432]). Во-вторых, данная ситуация может быть не промежуточным этапом между результатом и перфектом, а отражать «совершенно независимый путь развития, в котором на первый план выходят акциональные значения, или, скорее, особый тип взаимодействия акциональных и аспектуальных значений» [ibid: 419]. Похоже (в цитированной выше работе не делается прямо такого вывода), что перфект в португальском, галисийском и некоторых вариантах латиноамериканского утратил базовое значение «текущей релевантности» и превратился в грамматический показатель с «пустой серединой»; подобный тип развития особенно характерен именно для такого семантически неустойчивого показателя, как перфект. Сквартини и Бертинетто особо подчёркивают, что «ситуация в португальском может быть попросту

одним из возможных последствий часто возникающего конфликта между прошедшими временами, конкурирующим на одной и той же (или очень близкой) семантической категории» [ibid.: 420]; в данном случае имеется в виду конкуренция между перфектом и перфективным прошедшим.

Так или иначе, оппозиция «перфект vs. перфективное прошедшее» в этих языках сохраняется. Сохраняется она и в (кастильском) испанском и каталанском [ibid.: 414—417], где семантика перфекта соответствует «прототипической» картине (осложняясь дополнительными обертонами, связанными с временной дистанцией: перфект оказывается предпочтительным в случаях временной локализации ситуации в пределах текущих суток, т. н. «сегодняшнее» значение). Существенно также, что во всех этих языках сохраняется различие и между перфектом и результативом: «везде сохраняется и посессивный результатив, так или иначе формально обособляющийся от перфекта. В испанском, например, в акциональном перфекте используется вспомогательный глагол *haber...* и неизменяемая форма причастия, а в результативе — глагол *tener* и согласуемая с объектом форма причастия. Ср., с одной стороны

He escrito la carta

‘Я написал (или писал) письмо’

а с другой — результатив

Tengo escrita la carta

‘Имею письмо написанным’» [Маслов 1983: 48]

Кроме того, различие между перфектом и результативом достигается при помощи грамматикализации порядка слов, «коррелирующего с утратой согласования у причастия» [Squartini, Bertinnetto 2000: 427]:

порт. *Tenho uma carta escrita*

‘У меня написано (написанное) письмо’

Tenho escrito uma carta

‘Я написал письмо’

Впрочем, согласно работе [Harre 1991], цитируемой в [Squartini, Bertinetto 2000: 407], в современном испанском языке конструкция tener + причастие уже проявляет признаки более поздних стадий грамматикализации; таким образом, речь идёт о регенерации синонимии двух параллельных конструкций уже на новой (перфектной) стадии. Помимо результативного значения:

Tengo pedido el libro

‘У меня заказана эта книга’, букв. ‘Имею заказанную эту книгу’

некоторые информанты признают грамматичными также контексты с итеративным значением:

Me tiene dicho repetidas veces que no piensa casarse con él

‘Она несколько раз говорила мне, что не собирается за него замуж’,

экспериментальные:

Tengo perdida la cartera varias veces

‘Я терял бумажник несколько раз’

и даже со значением точечного события:

Tengo oído que mañana no va a haber clase

‘Я слышал, что завтра не будет урока’.

Таким образом, перед нами опять картина с конкуренцией двух перфектов. Диахроническая судьба её демонстрирует уже практически предсказуемую картину: в астурийском диалекте испанского (говор Овьедо) конструкция tener+инфинитив приобретает совершенно последовательно все характерные значения перфекта (точечные ситуации с текущей релевантностью, экспериментальное значение, значение продолжающейся ситуации), в то время как старый перфект haber + инфинитив «стремятся избегать, и он заменяется простым прошедшим» [Squartini, Bertinetto 2000: 429 по материалам Harre 1991]

В средне- и южноитальянских говорах, где сохраняется употребление перфекта и не происходит его смешения с аористом (см. подробнее: Bertinetto, Squartini 2000: 422—426), ситуация со вспомогательным глаголом отличается от литературного (тосканского) итальянского и от говоров северной Италии, где (см. подробнее выше, п. 2.3.3) аналитическая форма, перенявшая формы перфективного прошедшего, сохраняет и распределение между вспомогательными глаголами ‘иметь’ и ‘быть’, связанное с переходностью и семантическим классом предиката. Однако на остальной территории Италии аналитический перфект (поскольку постольку он вообще представлен в данных говорах) обнаруживает экспансию *esse* как универсального вспомогательного глагола [Tuttle 1986]; таким образом, не «посессивный» тип перфекта вытесняется здесь «бытийным», а в точности наоборот. Данный эффект демонстрирует генетическую и ареальную независимость анализируемого соотношения от ситуации в иберо-романской зоне; если внутри этой последней различие ‘иметь’/’держать’ всё-таки не затрагивает выбора одного из фундаментальных типов аналитического перфекта, то в обсуждаемых диалектах Италии выбор сделан в пользу другого вспомогательного глагола; важен здесь не тип «побеждающего» показателя, а общий принцип унификации.

Отмечен и третий логически возможный тип унификации перфектного показателя, а именно, в некоторых каталанских и итальянских говорах имеет место единая смешанная парадигма вспомогательного глагола с формами, восходящими как к *esse*, так и к *habere* (этому способствовало также фонетическое сближение этих глаголов в данной диалектной зоне, в частности словоформ 3 л. ед. ч. *è* и *ha*) [Bentley, Eythorsson 1999].

Ситуация в румынском языке носит несколько более специальный характер. Действительно, здесь происходит обобщение одного глагола — ‘иметь’ — для обозначения аналитического прошедшего, которое уже утратило перфектную семантику (за исключением некоторых остаточных явлений в говорах Олтении, о которых см. ниже, п. 2.4.2); но в аналитическом плюсквамперфекте (не употребительном в литературном языке, но имеющим широкое распространение в говорах) и в предбудущем используется глагол ‘быть’ [Marin 1985]. Обобщение глагола ‘иметь’ в перфекте можно связать с

ареальным греческим влиянием; но вместе с тем единообразной конструкции во всех родственных перфекту временах не выработалось.

Принципиально схожа с указанной романской ситуацией картина в германских языках.

Английский перфект, согласно [Traugott 1972] и [Carey 1994] (см. также [Bybee et al. 1994: 68]) возникает из дополнительно распределенных результатов (о древнеанглийских результатах также см. в разделе 2.2.3.2): образующегося при помощи вспомогательного глагола *beo-* ‘быть’ от непереходных глаголов и образующегося при помощи вспомогательного *habb-* ‘иметь’ от переходных. Результатив со вспомогательным глаголом ‘иметь’ в раннем древнеанглийском еще отчасти сохраняет посессивное значение, а в раннем среднеанглийском (XII—XIII вв.) становление перфектной семантики знаменуется резким уменьшением числа контекстов с обстоятельствами времени, указывающими на сохранение состояния [Carey 1994: 106—107]. На протяжении старо- и среднеанглийского периода указанное распределение в общем сохраняется, но в период новоанглийского XVI—XVIII вв. осуществляется активная экспансия *have*-конструкций в область непереходных глаголов, причём классом контекстов, с которого еще в среднеанглийском началось это вытеснение, оказались ирреальные употребления, а именно контрфактический плюсквамперфект (*and had I not that tyme comen* ‘если б я в то время не пришёл’) и перфектный инфинитив при модальных глаголах (*ye myght have comen* ‘вы могли бы прийти’) [Lipson 1999: 114]. Подробный корпусный анализ данного изменения предложен в работах [Kytö 1994] и [Lipson 1999] (в последней — на примере глаголов *come* ‘приходить’, *go* ‘идти, уходить’, *fall* ‘падать’ и *become* ‘становиться’). Здесь показано, что процесс обобщения вспомогательного *have* ‘иметь’ протекал в XVI—середине XVIII в., причём лексические предпочтения уходящей конструкции со вспомогательным ‘быть’ в общем соответствовали распределению в обсуждавшихся выше европейских языках: это глаголы движения — *arrive* ‘прибывать’, *come* ‘приходить’, изменения состояния — *alter* ‘изменяться’, *improve* ‘улучшаться’²⁵,

²⁵ В каузативных употреблениях этих глаголов (‘изменять’, ‘улучшать’) используется вспомогательный глагол *have* — так же точно, как, например, в нидерландском или старояпонском (см. предыдущий раздел).

неконтролируемых происшествий — *hap(pen)* ‘случаться’, *befall* ‘выдаваться’, появления — *arise* ‘возникать’, прекращения — *decline* ‘приходить в упадок’, *die* ‘умирать’, поддержания состояния — *lie* ‘лежать’, *stay* ‘оставаться’. Точно так же, как в испанском и, возможно, немецком, этот последний тип обобщил вспомогательный глагол *have* одним из первых; так же, как и в других разбравшихся выше языках, дольше всего сохраняли уходящую модель глаголы движения. Кроме того, сосуществовавшие модели с *have* и *be* от одних и тех же глаголов обнаруживали семантическое распределение, а именно, контексты типа *He is fallen* ‘Он упал’ имели скорее результативное значение (и сочетались с обстоятельствами точки отсчёта типа *now* ‘сейчас’), а контексты типа *He has fallen* — собственно перфектное; таким образом, обсуждаемый процесс совпал с процессом грамматикализации перфекта как особого значения и отделения его от результата. Данное противопоставление реликтивно сохраняется у некоторых глаголов:

The sun is set/has set

‘Солнце село’

He is gone to the market

‘Он ушёл на рынок (и находится там)’

He has gone to market

‘Он (с)ходил на рынок (и вернулся)’

Тем не менее в современном языке подобное противопоставление «уже почти вымерло» [Anderson L. 1982: 232].

Как мы уже видели раньше, в скандинавских языках на ранних стадиях развития перфекта из результата наблюдались интенсивная синонимия вспомогательных глаголов. В более поздний период, в древнешведском и древнедатском языках, налицо уже была характерная для Европы ситуация распределения вспомогательных глаголов в перфекте: форма с глаголом «быть» (*vara* и *wæra* соответственно) употреблялась «при непереходных глаголах, означающих перемену места или состояния», как в результативном, так и в акциональном (собственно перфектном значении). Впоследствии произошло

обобщение вспомогательного глагола. В современном норвежском и шведском языках мы встречаем здесь только глагол 'иметь' в перфектном значении; глагол 'быть' означает уже не перфект, а результатив [Стеблин-Каменский 1953: 230].

В современном норвежском языке [Берков 1983] «формы результатива... образуются сочетанием вспомогательного глагола *være* 'быть' и причастия II спрягаемого глагола... Формы перфекта и плюсквамперфекта образуются с помощью служебного глагола *ha* 'иметь'. Этот глагол конкурирует с глаголом *være* в формах презенса и претерита субъектного результатива и в формах перфекта и плюсквамперфекта пассива» [с. 198].

«Формальное противопоставление субъектного результатива и перфекта, бывшее, в частности, для глаголов движения нормой до недавнего времени, постепенно утрачивается, особенно в разговорном языке Восточной Норвегии и Трёнделага... Историческое развитие протекало так. Первоначально формы перфекта и результатива непереходных предельных глаголов были омонимичны и образов[ыв]ались с помощью глагола *være* 'быть'. Затем перфект стал образовываться с помощью глагола *ha* 'иметь', и, таким образом, перфект и субъектный результатив размежевались формально [...] В последние десятилетия, однако, глагол *ha* постепенно вытесняет глагол *være* в результативе и это опять ведёт к смешению форм перфекта и субъектного результатива, т. е. к омонимии» [там же: 198—199].

Sikringen er røket [там же]

'Предохранитель перегоревши'

Sikringen har røket

'Предохранитель перегоревши/перегорел'

Han har gått hele veien [Стеблин-Каменский 1953: 230]

'Он шёл всю дорогу'

Han er gått

'Он ушёл'

Таким образом, в норвежском языке параллельно с унификацией вспомогательного глагола в перфекте произошло формальное размежевание перфекта (с глаголом 'иметь') и результатива (с глаголом 'быть'). Эта ситуация

совершенно аналогична той, которую видим, например, в испанском языке, где обособился результив с вспомогательным глаголом *tener*. Однако в современном норвежском — как и в современном испанском — эта оппозиция оказалась неустойчивой и нарушается: в норвежском имеем экспансию формы перфекта в результивную область, в испанском — результива в перфектную. В английском языке (где в XVI—XVIII вв. у непереходных глаголов также существовала оппозиция перфект/результатив между посессивной и бытийной конструкциями) процесс её разрушения уже практически закончен.

Ситуация, аналогичная норвежской (но более ярко выраженном виде) имеется и в шведском языке: «В современном шведском языке перфект с глаголом быть (*vara*) от этих глаголов, если и встречается, то только в значении результивного состояния, т. е. не является временной формой» [Стеблин-Каменский 1953: 230].

Предшествующий этап по отношению к картине, наблюдаемой в норвежском языке, по-видимому, наблюдается в датском. Действительно, в датском языке употребление вспомогательного глагола *være* ‘быть’ ограничено сильнее, чем в любом другом германском языке: с этим глаголом употребляются только непереходные глаголы движения, глагол *blive* ‘становиться’ и глагол *begynde* ‘начинать’, употребляемый без прямого дополнения [Allan et al. 1995, цит. по Bergeton 2004: 252]:

Hun er allerede rejst.

‘Она уже ушла’

Er han stukket af?

‘Он убежал?’

Han er blevet professor.

‘Он стал профессором’

Hun er svømmet væk.

‘Она уцлыла’

Jeg er begyndt på oversættelsen.

‘Я начал переводить’ (предложная конструкция)

НО

Jeg har begyndt oversættelsen

‘Я начал перевод’

В принципе такая ситуация вполне может быть достаточно устойчивой (ср. положение дел во французском языке, где аналитическая форма с глаголом ‘быть’ также образуется от очень ограниченного класса глаголов). Поэтому особенно важно отметить, что непереходные глаголы движения (но не изменения состояния) в экспериенциальном (то есть не результативном, но перфектном) значении употребляются с глаголом *have*:

Hun har svømmet over Kanalen.

‘Она переплыла Ла-Манш’

Можно поэтому говорить о том, что в датском языке также намечается формальная дифференциация перфекта (посессивной конструкции) и результата (бытийной конструкции), уже наличествующая в норвежском²⁶. Не исключено и развитие в сторону типа, представленного в другом скандинавском языке — исландском, с обособлением экспериенциального перфекта (см. следующий раздел).

Параллелизм унификации «бытийной» и «посессивной» конструкций по мере устойчивой грамматикализации перфекта находится и за пределами Западной Европы — а именно, в армянском языке, на этапе перехода от древнеармянского к современным западно- и восточноармянским языкам.

Действительно, в древнеармянском существовало различие в конструкции, традиционно именуемой «перфект» (и имевшей, в отличие от современных языков, результативное значение: [Козинцева 1983: 215]), в зависимости от того, от переходных или непереходных глаголов она образуется — [Lyonnet 1933], [Бенвенист 1952], [Hewson, Bubenik 1997: 75—79]. Данное

²⁶ В датском существует также грамматикализирующаяся конструкция *få* + причастие II, нередко трактуемая как «новый результатив», впрочем, это скорее показатель акциональности, чем элемент собственно глагольной парадигмы, со значением ‘удастся’, ‘успеть’ [Локштанова 1996].

различие никоим образом не было связано с каким-либо расщеплением внутри класса непереходных глаголов и представляло собой в чистом виде различие между субъектным и объектным результативом. Мы говорим «различие в конструкции», а не «различие в форме», поскольку собственно форма перфекта в обоих случаях выглядит как неизменяемое причастие на *-eal* плюс спрягаемая форма глагола ‘быть’; разница между бытийной и посессивной стратегией пролегает в способе кодирования подлежащего. При непереходных глаголах подлежащее стоит в номинативе:

es	sn-eal	em	
я.НОМ	родить-ПРЧ	быть.1.ЕД	
‘Я родился’			
žamanak	has-eal	ē	
пора.НОМ	наступать-ПРЧ	быть.3.ЕД	
‘Пора наступила’			

При переходных глаголах подлежащее стоит в генитиве, а дополнение в аккузативе — таким образом, данная конструкция относилась к так называемому «трёхчастному» или «контрастивному» типу, при котором различается кодирование агенса, пациенса и субъекта непереходного глагола:

poга	ber-eal	ē	
он.ГЕН	принести-ПРЧ	быть.3.ЕД	
‘Он принёс’			
zaun	nšap	agar-eal	ēr
этот.АКК	чудо.АКК	совершить-ПРЧ	быть.3.ЕД.ПРШ
poга			
он.ГЕН			
‘Он совершил это чудо’ (плюсквамперфект)			

В случае невыраженности агенса такая конструкция оставалась «недифференцированной по залогу» (‘он принесён’ и ‘он принёс’) [Козинцева 1983: 215].

Э. Бенвенист [1952: 196—200, 1960: 217—220] проанализировал данную конструкцию как воплощающую различие между бытийным и посессивным типом перфекта; генитив субъекта в староармянском имеет посессивную функцию, и, соответственно, последовательность вроде «его совершено это чудо» означает именно «он имеет совершённым это чудо», «*habet factum*», в то время как с объектным результативном («непереходным перфектом») закономерно употребляется бытийная конструкция («есть пришедший», «есть наступивший» и т. п.); им же проведена параллель с соответствующими древнеперсидскими конструкциями (о которых см. выше).

Между тем в современных армянских языках, где форма на *-eal* развила уже далее грамматикализованные значения (в восточноармянском — собственно перфектное [Козинцева 1983], в западноармянском — эвиденциальное [Donabédian 1996]), мы уже нигде не находим следов такого распределения посессивной и аккумулятивной конструкции.

Сходство с выше описывавшимися западноевропейскими системами завершает то, что в восточноармянском развился также новый результатив (в западноармянском, где выше разбиравшаяся конструкция перешла в эвиденциальную сферу значений, этот результатив уже приобрёл и перфектные функции). Процесс образования нового результатива, что характерно, протекал параллельно с унификацией «диатезного типа» старого перфекта: «В XII веке форма на *-ats* (первоначально отглагольное существительное — Д. С.) от интранзитивных и пассивных глаголов начинает функционировать как перфектно-результативное причастие и в соединении с *em* выступает как сказуемое. В это же время перфект на *-eal* > *-el* становится только активным, так как появляется пассивная форма на *-v-el*». [Козинцева 1983: 215].

Данный процесс произошёл в хронологически и ареально независимых языках (романских южной Европы, германских северной Европы, армянском) и носит типологический характер. Похоже, что этот процесс носит характер дополнительного семантического закрепления и «кристаллизации» перфекта, «вызревания» (*maturation*) по [Dahl 2004]. На это указывает тот факт, что и в германских, и в романских языках обобщение вспомогательного глагола сопровождается оформлением оппозиции «перфект/результатив», а в романских

языках с ним коррелирует еще и утрата согласования у причастной формы в перфекте [Squartini, Bertinetti 2000: 428] — несущая в том числе и эту же функцию (ср. испанские примеры вроде *Tengo una carta escrita*). Перфект, не прошедший такого закрепления, относительно быстро переходит — сохраняя свои результативные по происхождению формы — в простое прошедшее.

Подчеркнём специально: речь не идёт о том, что всякое обобщение аналитической конструкции перфектного происхождения является следствием сохранения ею собственно перфектного значения. Это не так, и в трёх европейских по происхождению языках, употребительных в диаспоре вне Европы, мы видим обобщение конструкции с глаголом ‘иметь’, причём о сохранении какого-либо значения, отличного от значения простого прошедшего, речи не идёт. Это американский вариант идиш [Abraham 2004], африкаанс [там же] и некоторые варианты французского в Канаде [Sankoff and Thibault 1977]. Во всех этих случаях можно предполагать контактное влияние английского языка. Речь идёт об обратном соотношении: форма перфекта, воплощаемая двумя альтернативными конструкциями посессивного и бытийного типа, для того, чтобы сохранить перфектное значение, должна формально унифицировать эти конструкции — иначе она очень быстро «проскакивает» в претеритное значение, либо же утрачивается (так, по-видимому, обстояло дело в японском). Такая унификация оказывается для перфекта как грамматического значения (в отличие от результата и, как отчасти видели и ещё увидим, простого прошедшего) — «вопросом жизни и смерти» в глагольной системе.

Таким образом, исследованный нами материал демонстрирует *импликацию*, которую можно сформулировать так:

«Если в глагольной системе перфект, имеющий две формы, распределённые по лексико-семантическим признакам диатезного типа, сохраняет перфектное значение, а не переходит в претерит и не утрачивается, то эти две формы унифицируются».

Соответствующие логические возможности выглядят следующим образом:

	Перфект сохраняется	Перфект > простое прошедшее (или утрачивается)
Форма обобщается	(1) Древние и.-е. языки: армянский <u>Европа, генетически-ареальная зона 1:</u> испанский, каталанский, португальский, южные итальянские диалекты <u>Европа, генетически-ареальная зона 2:</u> английский, норвежский, шведский, датский [в процессе обобщения]	(2) Идиш в Америке, французский в Канаде, африкаанс (английское влияние) Румынский (балканское ареальное влияние); NB разные вспомогательные глаголы в перфекте с одной стороны и плюсквамперфекте / предбудущем с другой
Форма не обобщается	(3) Европа: нидерландский [видимо, в процессе утраты различия перфект/претерит]	(4) Европа: французский, итальянский, немецкий (включая особо южные диалекты), ретороманский, идиш Древние и.-е. языки: латинский, древнеперсидский Вне Европы: аккадский, арабский, авадхи (индоар.), старояпонский

Контрпример против этой импликации — нидерландский язык — относится к классу случаев (3); он разобран выше и показано, что он допускает истолкование, сближающее его с классом случаев (1) (если и прямо сам не относится к этому классу).

Заметим, что и класс случаев (2), не являющийся формально контрпримером к выше высказанному положению, везде связан, так или иначе, с ареальным влиянием. В связи с этим можно предположить, что данная импликация по характеру своему близка к эквивалентному соотношению (а именно, что собственно внутриязыковым двигателем процесса унификации

перфектной конструкции является долгое сохранение ею перфектной семантики).

Единственная известная нам попытка объяснить это явление (на материале английского языка) предпринята Ллойдом Б. Андерсоном [Anderson L. 1982]; отметив, что в целом ряде языков отличаются объектный и субъектный результативы, и это различие часто переходит и на перфектную стадию, Андерсон говорит: «В английском языке, где перфект не заменил претерит, *have*-перфект сдвинулся в противоположном направлении, вытеснив *be*-перфект. Можно заключить, что одна перфектная категория не может одновременно включать все три типа [значений] («текущая релевантность», изменение состояния субъекта и перфективное предшествование), но может связывать лишь любые два из них. По крайней мере это гипотеза, которую в будущем следует проверить. Различие между *быть*- и *иметь*-перфектами может быть достаточно устойчивым; так что в действительности, возможно, это две категории, а не одна» [р. 249]. Наш материал в общем подтверждает данную тенденцию, но с трактовкой её Андерсоном нельзя полностью согласиться. Как известно, перфект, превращающийся в претерит, отнюдь не всегда различает диатезные типы: так обстоит дело, например, в западно- и восточнославянских языках, венгерском, суахили (см. ниже, 2.4.1); таким образом, одна форма выступает здесь и в значении текущей релевантности, и в значении перфективного предшествования, и с глаголами изменения состояния. Кроме того, анализ Андерсона не учитывает того факта, что противопоставление диатезных типов вообще на собственно перфектной стадии оказывается нестабильным; как правило, в системах такого рода такие формы или одна из них носят ещё результативный характер. К проблеме объяснения этого феномена мы вернёмся в разделе 2.3.7.

Языки, где альтернативные перфектные конструкции, как можно судить, изначально не имели распределения, связанного с диатезными типами, располагают особой возможностью диахронического развития, эксплуатирующего полисемию перфекта.

2.3.5. Квасисинонимия, связанная с дополнительными значениями перфекта

В славянских диалектах Македонии представлена, на первый взгляд, ситуация уникальная на типологической карте перфекта как категории: здесь синхронно различается до трёх перфектов (охридский диалект) — ‘быть’+л-причастие, ‘иметь’+пассивное причастие и ‘быть’+л-причастие [Graves 2000]; степень и характер семантической дифференцированности этих трёх форм варьирует от диалекта к диалекту (ср. также [Маслов 1983, 52—53]).

Первый, исторически старший славянский перфект «бытийного» типа (сум *дошол* ‘я пришёл’) в легших в основу литературного македонского северных говорах (Скопье) имеет значение ‘текущей релевантности’ [Fici 2001: 64—65] и выступает как основной переводной эквивалент английского Present Perfect [Graves 2000: 481].

Второй, новый перфект «посессивного типа» (*има дојдено*) «заимствован литературным македонским языком из юго-западных говоров» [Усикова 2005: 119]. В этих последних он, в свою очередь, представляет собой по происхождению ареальное явление балканского языкового союза. Какой конкретно балканский язык послужил источником заимствования — неясно, предполагалось греческое, албанское и романское (арумынское) влияние (по проблеме имеется обширная литература начиная с 1930-х годов; обобщающие данные: [Hewson, Bubenik 1991: 286—290], см. также [Lindstedt 2000: 377, Graves 2000: 482]). Согласно нормативным грамматикам, он «подчеркивает результат действия»:

Тој *има дојдено* [Graves 2000: 483]

‘Он пришёл’ [и он находится здесь]

Но он используется и в экспериенциальных контекстах, причём грамматикализация глагола *има* доказывается возможностью сочетания с глаголом ‘терять’, в контекстах вроде ‘В этом году я потерял пять зонтиков’ [Tommla 2000: 446].

Ареальное влияние других балканских языков на македонский посессивный перфект не исключено не только морфологически, но и семантически. Действительно, новогреческий перфект, также образованный при

помощи глагола 'иметь', по семантике ближе к результату, чем к перфекту (перфектное значение «текущей релевантности» для него также характерно, хотя и ослаблено):

Ο θεός έχει έρθει

'Дядя пришёл' [Dahl, Hedin 2000: 396]

Данный пример «может быть проинтерпретирован как «имеющий текущую релевантность», но часто имеет более широкую перспективу, с одной стороны, сфокусированную на некоторой предыстории изменения ситуации, с другой стороны, устанавливает известную дистанцию между событием, о котором идёт речь, и моментом речи» [ibid.; ср. также Hedin 1987: 60ff]. Поэтому «в некотором смысле греческий перфект более стативен, чем аорист в том же контексте» [ibid.: 397].

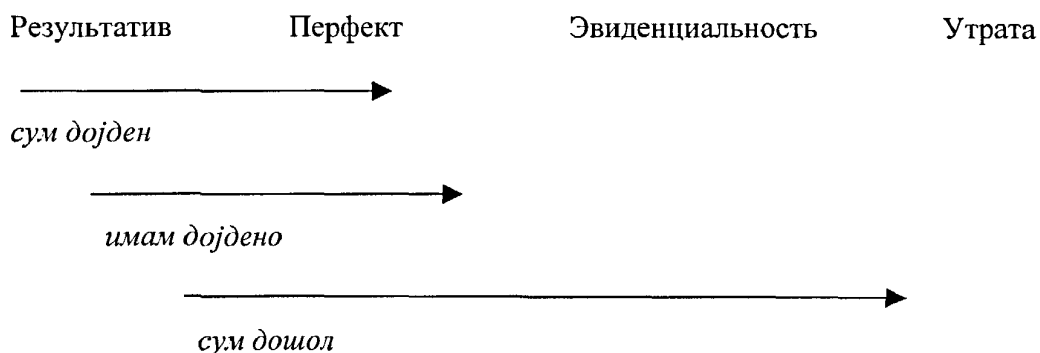
Так называемый «третий перфект» в македонском представляет собой результатив, в юго-восточных диалектах находящийся в процессе превращения в собственно перфект:

Јас сум јадена

'Я поела' (букв. 'Я поедена').

Подобный тип близок к результату и перфекту в некоторых северорусских говорах, но там, как правило, несколько результативных/перфектных конструкций либо не сосуществуют вообще, либо распределены дополнительно; исторический же л-перфект гораздо раньше превратился в простое прошедшее [Трубинский 1983].

Распределение трёх перфектоидных конструкций в македонских диалектах на параллельных путях грамматикализации представлено Й. Линдстетом [Lindstet 2000: 378] при помощи следующей диаграммы:

Нас интересуют взаимоотношения между перфектными формами указанных типов в рамках тех диалектных систем, где они представлены одновременно.

Из материала, изложенного в работе [Graves 2000], следует, что синхронно можно говорить только о двух парах перфектных форм: в северном диалекте, легшем в основу литературного языка (где перфектное значение имеют формы *сум дошол* и *имам дојдено*) и в крупнейшем из юго-западных диалектов — охридском (где перфектное значение сохраняется только у второй формы и развивается у третьей, *сум дојден*).

В первом случае нормативные грамматики усматривают различие между двумя формами в том, что *имам*-перфект характеризуется бóльшим акцентом на результате действия; это выражается в том, что последний не сочетается с обстоятельствами времени действия:

Сум станал (*имам станато) ноќеска во еден [Graves 2000: 483]

‘Сегодня я встал в час ночи’

Данное ограничение подтверждается на материале анкетирования носителей разных диалектов, проведённого автором цитируемой работы. В то же время носители северных говоров употребляют *сум*- и *имам*-перфекты во всех типичных значениях перфекта [ibid.: 486], если не считать того, что в эвиденциальном значении употребляется только *сум*-перфект²⁷; эти формы

²⁷ Nina Graves утверждает, что *имам*-перфект также употребляется в эвиденциальной функции (с. 485), но в действительности мы имеем дело со сверхсложной формой плюсквамперфекта (подробнее о сверхсложном

«различаются формально, являясь синонимами по темпоральной семантике» [Усикова 2005: 119]. Специфика *имам*-формы проявляется только там, где выбор лексемы так или иначе затрагивает лексическое, ещё не полностью грамматикализовавшееся значение глагола ‘иметь’: данная форма скорее будет употреблена с переходными глаголами, имеющими при себе прямое дополнение, а также в контекстах с посессивной семантикой (так, скорее будет сказано *имам собрано 200 кукли* ‘я собрал коллекцию из 200 кукол’, а не *сум собрал* — коллекция собрана и тем самым находится в обладании говорящего) [Graves 2000: 486].

Впрочем, современный македонский язык сохранил следы и иной линии разграничения между перфектами с глаголами ‘быть’ и ‘иметь’. Мы говорим о различии между плюсквамперфектами, использующими указанные вспомогательные глаголы. В данном пункте мы отходим от принципа нашего исследования, согласно которому перфект и плюсквамперфект рассматриваются независимо. Дело в том, что разграничение между плюсквамперфектами, о котором сейчас пойдёт речь, не связано непосредственно с набором специфических значений плюсквамперфекта как глагольной формы, а отражает различные семантические элементы собственно перфекта, перенесённые в план прошедшего — что в целом для глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта скорее не характерно (см. подробнее гл. 3). Оказывается, что соответствующие формы плюсквамперфекта дифференцируются по признаку возможности выразить экспериенциальное значение в плане прошедшего. Как можно судить по примерам, специфическим контекстом, характерным для македонского плюсквамперфекта с глаголом ‘иметь’, является экспериенциальный:

Жижи ми ја показа Кети, но јас веќе ја бев видел.

Жижи ми ја показа Кети, но јас веќе ја имав видено.

‘Жижи мне показала Кети, но я её уже видел’

плюсквамперфекте см. в Главе третьей), где вспомогательный глагол *има* стоит в *сум*-перфекте, который и привносит эвиденциальную семантику: *Си казал греховите сто имал сторено* ‘Он поведал себе о грехах, которые совершил’.

В первом случае [Friedman 1981] имеется в виду, что говорящий заметил Кети непосредственно перед тем, как Жижич показала ему её, во втором — что ему уже раньше как-то доводилось её видеть (т.е. он знал её в лицо).

Единственный контекст, в котором встречается *имав*-плюсквамперфект в анализируемом Фридманом переводе рассказа Шолохова «Судьба человека» — также экспериенциальный:

Такава за сите седумнаесет години од нашиот заеднички живот ни еднаш ја немав видено. [Фридман 1996]

‘Такой я ее за все семнадцать лет нашей совместной жизни ни разу не видал’.

Вполне возможно, что подобная квазисинонимия плюсквамперфектов отражает более раннюю степень грамматикализации *имам*-перфекта, предшествующую этапу гораздо более масштабной взаимозаменяемости обеих форм.

В охридском диалекте перфектная семантика *сум*-формой уже утрачена (это исключительно эвиденциальный показатель), а в перфектной зоне конкурируют *имам*-форма — основное средство выражения данного значения — и так называемый «третий перфект» вида *сум дојден*, ограничивающийся в литературном языке и прочих диалектах только результативным употреблением. И здесь семантическое различие проходит по линии экспериенциальности. Помимо «строго результативного» употребления, «третий перфект» вида *сум дојден* развивает именно экспериенциальное значение, но не употребителен в остальных [Graves 2000: 491]:

Бидена си во Австралиа? — Не, никогаш не сум бидена таму.

‘Ты бывала в Австралии? — Нет, я никогда там не была’

Таким образом, в отличие от ситуации в северных говорах и в литературном македонском языке (зафиксированной в плюсквамперфектных формах), в охридском диалекте экспериенциальные контексты представляют собой «предел» экспансии не посессивной, а бытийной формы перфекта. Естественно заключить, что подобные ограничения зависят не от исходного

лексического значения показателей перфекта, а от «возраста» соответствующих форм на пути грамматикализации.

Примечательно, что разграничения между «посессивным» и «бытийным» перфектами, связанные с экспериенциальным значением, отмечаются не только на крайнем юго-востоке Европы — в македонском языке — но и на крайнем северо-западе её, в исландском. Таким образом, перед нами «маргинальный» тип соотношения двух перфектов.

В исландском языке также имеются ‘быть’- и ‘иметь’-конструкции с перфектной (или близкой к таковой) семантикой. «Конструкция *hafa*+супин соответствует *habeo*-перфекту, в то время как конструкция *vera búin(n) að* + инфинитив явно имеет перфективные (или комплетивные) черты» [Tommola 2000: 473].

Já, hún hefur lesið þessa bók

‘Да, она читала эту книгу’

Hún er búin(n) að lesa þessa bók

‘Она прочитала эту книгу’ [ibid.: 457]

Данное противопоставление носит, в то же время, и экспериенциальный характер: первый пример имеет значение ‘она знакома с этой книгой’. И действительно, в работе [Yamaguchi, Pétursson 2003] *hafa*-перфект характеризуется как «экспериенциальный»: в отличие от результата, о котором речь пойдёт ниже, *hafa*-форма означает ‘опыт, имевший место не в недавнем прошлом’ [ibid: 333—334]:

Glugginn hefur brotnað.

‘Окно разбивалось (когда-то)’

В контекстах «продолжающегося действия» в исландском употребляется не экспериенциальный, а бытийный перфект:

Hún er búin(n) að horfa á það í þrjá tíma [Tommola 2000: 472]

‘Она смотрит это [по телевидению] уже три часа’

Сходство с македонским (литературным) дополняется тем, что помимо двух перфектов, исландская глагольная система знает также особую форму результата — образуемую также при помощи глагола *vera* 'быть', но в сочетании не с *búin(n) að* и инфинитивом, а с супином, как и посессивная форма; таким образом, перед нами «старый» германский бытийный перфект/результатив (причем супин — или, в другой терминологии, причастие — согласуется с объектом, что является характерной чертой результата). В работе [Yamaguchi, Pétursson 2003] она называется «результативный перфект», однако авторы (опираясь в основном на работу [Comrie 1976]) не разграничивают понятия «текущей релевантности» и «результата». Хотя для выбора формы результата в исландском языке, как показано в работе, важны и прагматические параметры, все примеры «результативного перфекта», приводимые ими, связаны с сохранением текущего состояния в момент речи. Этой форме свойственны и лексические ограничения, характерные для результата: авторы эксплицитно указывают, что некоторые глаголы допускают *vera* только в контекстах, когда глагол несёт семантику предельности и перемены состояния (с дополнительным оттенком «комплетивности», исчерпания ситуации, свойственной и ранее разобранный «новой» бытийной конструкции): так, глагол *fljóta* 'плавать' не сочетается с «результативным перфектом», а предельное *fljóta burt* 'уплыть (прочь)' — сочетается [Yamaguchi, Pétursson 2003: 335, 337].

Соотношение между семантикой и формой в двух диалектных системах македонского и в исландском языке можно представить так:

	Македонский (охридский диалект)	Македонский литературный	Исландский
Результатив	«новая» бытийная форма	«новая» бытийная форма	«старая» бытийная форма
Экспериенциальный перфект		(в составе плюсквамперфекта) посессивная форма	посессивная форма
Неэкспериенциальный перфект	посессивная форма	(в составе плюсквамперфекта) «старая» бытийная форма	«новая» бытийная форма

Таким образом, во всех трёх системах разграничение между двумя перфектами прошло по линии экспериенциального значения. В тех двух системах (литературной македонской — в составе форм плюсквамперфекта — и исландской), где имеются три формы (присутствует не совмещённый ни с одним из перфектов результатив), экспериенциальность выражается посессивной формой, и противопоставление «экспериенциальный — неэкспериенциальный перфект» оформлено жёстко. При этом диахронически новым в македонском является результатив, а в исландском, напротив, неэкспериенциальный перфект: системы восстановили равновесие из различных «исходных положений», но обе эти формы в обоих языках относятся к бытийному типу.

Наблюдаемая картина всего более похожа на формальное разграничение трёх употреблений перфекта — результативного, экспериенциального и «текущей релевантности». В македонском (в говорах, легших в основу литературного варианта) данная стратегия оказалась неустойчивой: противопоставление между перфектами сохранилось только в плюсквамперфектных формах, а в собственно перфектных формах реально наблюдается положение, близкое к полной синонимии двух форм, с тенденцией к вытеснению диахронически старых (ср. ситуацию в юго-западных диалектах).

В третьей системе — охридском диалекте — конкурируют две бытийные формы перфекта, новая и старая, причём новая, первоначально результатив, приобретает экспериенциальную семантику. Данная ситуация — в отвлечении от выбора формы — близка к наблюдаемой в тех говорах испанского, где результативная конструкция с глаголом *tener* приобретает экспериенциальные значения, в то время как остальные значения выражаются только старым перфектом с *haber* (см. выше, 2.3.4). Таким образом, охридский диалект македонского фактически не принадлежит к «маргинальному типу» Европы, а демонстрирует начало компенсаторного разрушения оппозиции «перфект/результатив», характерного для некоторых языков Европы, где сохраняются оба показателя (помимо испанского, это ещё и норвежский: см. там же).

Возможно указать и типологические параллели для подобного распределения синонимичных перфектных форм с иными путями грамматикализации. Так, в [Winford 1993] отмечены «вариативные» формы перфекта в тринидадском креоле со вспомогательными *have* и *done* ‘сделал’. Оказывается, что последние употребляются преимущественно в контекстах «продолжающейся ситуации» (или, по интерпретации Дж. Миллера [Miller J. 2004: 233], в «инцептивном», начинательном значении):

She done know wha' going on
'Она узнала [и знает], что́ происходит'
He done livin' here more than a year
'Он живёт здесь уже больше года'

2.3.6. Синонимичные формы перфекта и результатива со связкой и без связки.

В некоторых языках, где перфект выражается аналитической конструкцией, засвидетельствовано разграничение перфекта со связкой и без связки (т. е. формально равного причастию). Данное явление в принципе независимо от употребления нефинитных сказуемых в независимом предложении (об этом феномене и о его исследовании Е. Ю. Калининой см.

выше, 2.2.3.1); действительно, оно засвидетельствовано в языках, в остальном не обнаруживающих такого употребления — прежде всего в языках Европы, где, напротив, финитность и нефинитность совершенно чётко разграничены.

Из языков «немаркированно-финитного типа» литовский язык, где, как мы видели, результатив выступает в связочном и бессвязочном вариантах, располагает также и связочным и бессвязочным перфектом [Генюшене, Недялков 1983]:

Jis [yra] šiltai apsirengė

‘Он тепло оделся’

При этом отметим, что литовский перфект настоящего времени (в отличие от плюсквамперфекта и предбудущего) достаточно близок семантически к результативу: как показывают подсчёты Э. Ш. Генюшене и В. П. Недялкова, 70% вхождений непереходного перфекта имеют статальное, а не акциональное значение [там же: 162].

В литературном немецком языке — здесь и далее речь идёт о языках, в нормальном случае различающих причастные и финитные формы — вплоть до XIX в. вспомогательный глагол в перфекте факультативно опускался, особенно в подчиненных предложениях. Э. Даль приводит (именно в связи с проблемой утраты вспомогательного глагола в европейском перфекте) в пример первые строчки «Пролога в театре» из «Фауста» Гёте:

Ihr beiden, die ihr mir so oft

In Not und Trübsal, beigestanden...

‘Вы оба, которые мне столь часто

Во [времена] нужды и скорби помогали’²⁸

²⁸ Русские литературные переводы, естественно, не сохраняют несколько неестественной при личном местоимении конструкции с определительным придаточным: Друзья, вы оба мне не раз // Помочь умели в горькой доле (пер. Н. А. Холодковского), Вы оба, среди несчастий всех // Меня дарившие удачей (пер. Б. Л. Пастернака).

где причастие прошедшего времени употреблено без вспомогательного глагола (ihr... beigestanden *habt).

«В современном немецком, однако, процесс оказался обратимым, а именно, больше уже невозможно опустить вспомогательный глагол в перфекте. (По иронии судьбы принцип, согласно которому вспомогательный глагол может быть опущен в зависимом предложении, заимствован в письменный шведский, где сохранился до настоящего времени)» [Dahl 2000: 12].

При соблюдении ряда условий в сербохорватском языке также допускается употребление в зависимых предложениях перфекта без связки [Lindstedt 2000: 377]. «Бессвязочные формы перфекта нейтральны при синтаксически обусловленном употреблении, например, в 3-м лице возвратных глаголов» [Кречмер, Невекловский 2005: 163]; данной теме посвящена особая монография [Грицкат 1954], примечательная тем, что автор — вслед за своим учителем, югославским славистом А. Беличем — апеллирует при анализе употреблений, помимо собственно синтаксических и семантических свойств, также и к дискурсивным и прагматическим признакам текста.

И. Грицкат отмечает, что «краткая» форма перфекта связана с жанром дискурса, или типом текста: так, опущение связки не встречается в научной прозе и вообще в «объективном» повествовании, в то время как в «экспрессивном» высказывании, связанном с моментом речи или преследующим прагматические цели особого рода (связанные с тем или иным «вовлечением» читателя в пространство текста) она широко употребительна. В сербохорватских литературных текстах до XIX века она не отмечена вовсе (ограниченно проникая в не книжные источники), что может быть связано с указанным жанровым ограничением.

Для перфекта без связки в современном сербском характерны собственно перфектные («подчёркивание обычного смысла перфекта», [с. 214]) употребления, либо с результивной семантикой (часто при словах *a to, kad li* ‘и вот’):

Kad se gore popnem, a to moje proso uzrelo

‘Когда поднимаюсь я наверх — вот, [уже] созрело моё просо’

либо с семантикой прагматической актуальности («ситуации, ни в каком смысле не определённые и употребление которых вызвано лишь склонностью, которую язык имеет к этой, аффективно более экспрессивной форме» [ibid.: 213—214]):

Eto ja dobio a on izgubio

‘Вот, я победил, а он проиграл’

Umro kralj! Koga ćemo za kralja?

‘Король умер! Кого же нам [выбрать] в короли?’

Она также выступает в контекстах, где появляется новая информация:

Gle, — реče Nera, — a ja sela na tvoje mesto.

‘Гляди, — сказала Нера, — а я села на твоё место’,

в том числе в газетных заголовках (значение “hot news”) в тех случаях, когда информация «не связана с каким-либо предшествующим знанием о субъекте»; в противном случае равно возможны оба варианта:

Preplivala *(je) Lamanš

‘Она переплыла Ла-Манш!’

Poznata plivačica Švedanka N. N. preplivala (je) Lamanš

‘Известная шведская пловчиха N. N. переплыла Ла-Манш’

Подобное подчёркивание прагматического компонента перфекта, — через выражение эпистемической неожиданности события, — может являться, по нашему мнению, начальной стадией грамматикализации бессвязочной формы в направлении адмиратива — формы, сообщающей о том, что «информация является новой для говорящего, не соответствует его ожиданиям и/или противоречит его картине мира» [DeLancey 1997]. Подобное развитие засвидетельствовано для перфектной формы со связкой, утратившей свой статус, в албанском языке (см. ниже). Кроме того, перфект без связки в сербохорватском в последнее время принимает и собственно эвиденциальное

значение, употребляясь в пересказывательной функции, подобно аналогичной болгарской форме [Levin-Steinmann 2004: 15].

Как известно, в истории русского языка перфекту со связкой (типа *ходиль есть*) пришёл на смену перфект (уже утративший специфическую семантику и превратившийся в простое прошедшее) без связки (типа *ходиль*). Однако этому изменению предшествовал период, в течение которого обе формы сосуществовали и конкурировали. Исследование ситуации затрудняется тем, что, с одной стороны, многие памятники раннедревнерусского периода сохранились в поздних списках, где переписчики могли уже опускать связку в соответствии с узусом того времени (так, нам кажется неоправданным привлечение К. ван Схоневелдом в [van Schooneveld 1959] материала Слова о Полку Игореве, погибший в 1812 г. список которого относится, судя по всему, к XV—XVI вв. и может содержать инновации в глагольной системе), а, с другой стороны, литературные древнерусские памятники не отражают разговорного узуса.

Данные берестяных грамот [Зализняк 1995/2004] показывают, что в грамотах самого раннего периода связка в 3-м лице (не только в перфекте, но и в номинативных предложениях) уже практически не употребляется, а в первых двух лицах служит фактически показателем лица (и в дальнейшем модель вроде *слышалъ еси* вытесняется моделью *ты слышалъ*, где функция *еси* и *ты* одинакова). Книжные памятники дают несколько иную картину.

По данным Е. С. Истриной [1923], предложения с перфектом без связки носят семантически более общий характер: это часто утверждения о существовании субъекта, не маркированные по времени или наклонению; с дискурсивной точки зрения они принадлежат прямой речи или «фоновым» описаниям, но не прямой линии повествования. К. ван Схоневелд [van Schooneveld 1959: 120—121], строящий своё описание древнерусской глагольной системы на жёстких структуралистских оппозициях, считает перфект без связки «маркированной» формой, означающей, в независимом предложении, нечто новое для говорящего и адресата, «внезапность» (*abruptness*) ситуации, подчёркивающей значение достигнутого результата. Эти выводы он — с известной осторожностью — сближает с заключениями

И. Грицкат относительно бессвязочного перфекта в современном сербохорватском.

Для древнерусского перфекта без связки также характерно, как и для выше разбиравшихся шведских и немецких примеров, употребление в придаточных предложениях; ван Схоневелд указывает, что указанные семантические ограничения здесь не действуют [ibid.: 120].

Подобное синтаксически обусловленное употребление вполне объяснимо; связка выступает (прежде всего в европейских языках) как неременный маркер предикативности и синтаксической структурированности предложения [Калинина 2004]; синтаксически зависимое предложение — контекст уже «ослабленный» с этой точки зрения; связка здесь уже может теряться.

Даль рассматривает случай в немецком языке как образец обратимости грамматикализации; в то же время вполне допустима трактовка, согласно которой перед нами еще не образование нового грамматического показателя, а конкуренция двух синонимичных способов выражения перфекта — один из которых может грамматикализироваться, и тогда эти способы расходятся.

Случаи подобных грамматикализаций отмечены в генетически не связанных языках, в которых перфект (или результатив) развивает эвиденциальное значение. В одном из них (албанском) связка не исчезает материально, но, во-первых, меняет линейную позицию в предложении, а, во-вторых, морфологизируется (превращается в аффикс) и реинтерпретируется как отличный от вспомогательного глагола показатель.

В двух балканских языках, в которых перфект получил эвиденциальное развитие — болгарском и албанском — эвиденциальная форма, восходящая к перфекту, впоследствии формально отграничилась от этого последнего. В албанском языке форма, традиционно называемая адмиративом (именно для её описания соответствующий термин был впервые введён О. Дозоном в 1879 году), однако обладающая, наряду с собственно адмиративным, и пересказывательным значением, и некоторыми модальными (см. подробнее [Duchet, Pěrnaska 1996 : 39-40], [Friedman 2000: 342-347]), восходит, как и перфект, к сочетанию нефинитной формы с глаголом 'быть', однако эти формы отличаются порядком

компонентов: в то время как перфекту соответствует порядок «вспомогательный глагол+нефинитная форма», форма адмиратива настоящего времени выглядит как «усечённая нефинитная форма+вспомогательный глагол»²⁹:

Ai ka punuar [Duchet, Pěrnaska 1996 : 32]

‘Он поработал’

Ai punuaka [ibid.: 31]

‘[Гляди-ка], он работает’.

В болгарском языке также существует формальное различие между образующимися при помощи *л*-причастия и вспомогательного глагола перфектом и «пересказывательной» формой аориста, заключающемся в том, что отсутствие в третьем лице единственного числа вспомогательного глагола (*e* ‘есть’) соответствует эвиденциальной интерпретации, а наличие его – собственно перфектной или инферентивной (см. [Guentchéva 1996 : 49] и особенно подробное недавнее исследование [Levin-Steinmann 2004]); в остальном же лично-числовые парадигмы этих двух глагольных форм совпадают. Э. Даль [Dahl 1985: 152] рассматривает этот случай как «расщепление PFCTq [перфекта с пересказывательным употреблением] на две формы». По мнению В. Фридмана [Фридман 1983: 113], считающего для балканских глагольных систем основным противопоставление не по эвиденциальным, а по модальным параметрам (достоверность/недостоверность информации с точки зрения говорящего, *confirmativity vs. non-confirmativity*), нет необходимости выделять особенную парадигму «пересказывательной» формы; по его мнению, «в недавнопрошедших временах имеется одна симметричная группа парадигм, в которых имеется тенденция опускать вспомогательный глагол немаркированного прошедшего времени, особенно в контекстах неподтверждения» [Фридман 1983: 116]. Согласно Й. Линдстедту [Linstedt 2000: 376—377], в болгарском языке «перфект и заглазный (*indirective*) аорист не дифференцированы формально. Возможность опустить

²⁹ Такое же соотношение перфекта и эвиденциального настоящего (“*inverted Perfect*”) под албанским влиянием возникло и в мегленорумынском языке [Friedman 2000: 348]

вспомогательный глагол в третьем лице индиктива, которую часто упоминают нормативные грамматики, не является недвусмысленным показателем: вспомогательный глагол обычно опускается, когда времена индиктива употреблены в связном нарративе, но это правило не является абсолютным; кроме того, существуют другие употребления индиктивных форм, которые вообще формально не отличаются от перфекта».

Так или иначе, болгарский перфект (употребляемый со связкой) сохранил незвиденциальные употребления, свойственные перфекту, особенно экспериенциальные [Lindstedt 2000: 377], причем обязательность его употребления в контекстах «текущей релевантности» утрачена. В следующем примере из типологической анкеты в болгарском допустим аорист [ibid.: 371]:

[Ребёнок спрашивает отца: Можно мне погулять?]

Написа ли си домашното?

‘Сделал ли ты домашнюю работу?’

Таким образом, две первоначально синонимичные формы (с опущением и неопущением вспомогательного глагола) семантически дифференцируются и превращаются в два не полностью дифференцированных формально показателя (две «ветви» болгарского перфекта, по Й. Линдстету). Базовое значение одного из них (допускающего опущение связки) — эвиденциальный нарратив, в то время как второй уже, по-видимому, должен рассматриваться как не имеющий базового значения «показатель с пустой серединой».

В статье [Tatevosov 2001] анализируются (по материалам описания [Кибрик 1977]) данные глагольной системы арчинского языка (лезгинская группа дагестанских языков); функционирование финитных арчинских форм, образованных при помощи причастия прошедшего времени на *-li*, обнаруживает «удивительное сходство с балканскими славянскими языками. Так, и в болгарском, и в арчинском наличие/отсутствие вспомогательного глагола [в форме настоящего времени – Д. С.] связано с грамматическим маркированием эпистемической информации» [Tatevosov 2001: 459]; однако в арчинском, в отличие от болгарского, форма со вспомогательным глаголом имеет только результативное значение:

maḥammad q'owdili wi [Кибрик 1977:195, цит. по Tatevosov 2001: 459]

‘Магомед сидит’

*‘{Я вижу||Мне сказали}, что Магомед сел’

а форма без вспомогательного глагола – собственно перфектное, адмиративное и заглазное:

maḥammad q'owdili

‘{Я вижу||Мне сказали}, что Магомед сел’

*‘Магомед сидит’

Итак, сосуществование перфектов (и в некоторых языках результатов) со связкой и без связки (либо с реинтерпретированной связкой) обусловлено дискурсивными, прагматическими и синтаксическими факторами. Такая система диахронически неустойчива: перфект без связки развивает либо эвиденциальное (предшествующая стадия — прагматически усиленная констатация — засвидетельствована в сербохорватском), либо значение простого прошедшего/перфектива.

2.3.7. Выводы

Рассмотренный материал показывает, что в языках, где перфект сохранил свою семантику, отличную от перфективного прошедшего и результата, синонимия в этой семантической области обычно ликвидируется до такой степени, что даже компромиссный вариант — две конструкции распределены дополнительно и предстают, в структуралистском понимании, как алломорфы одного и того же показателя перфекта — оказывается неприемлем: происходит унификация вспомогательного глагола.

Объяснение этого факта, как мы считаем, следует искать в отмеченной Й. Линдстетом семантической неустойчивости перфекта как грамматического показателя (см. выше, раздел 2.3.2). Такая «неустойчивость», в свою очередь, объясняется спецификой базового значения перфекта, связанного не с объективным вещественным значением (как результатив), не с объективной

временной локализацией (как простое прошедшее), не с характеристиками ситуации (как аспектуальные показатели), а с предельно субъективной, определяемой условиями речевого акта прагматической «релевантностью» выражаемой ситуации. Данное употребление требует специфического, однозначного сигнала. Кроме того, противопоставление между несколькими синонимичными формами в одной системе само часто опирается на противопоставления неденотативного, прагматического или дискурсивного плана (см. в Главе первой, раздел 1.7.3) — а базовое значение перфекта само связано с прагматикой; соответственно, в отношении, близкие к синонимичным, он вступает скорее с другими элементами парадигмы — результативом и простым прошедшим.

Другим диахроническим путём развития системы с несколькими перфектами оказывается, в понимании работы [Dahl 2004], «разграничение» форм и распад перфекта на несколько показателей — например, результативный, «текущей релевантности» и экспериенциальный, как это произошло в исландском и македонском (а также, возможно, в некоторых креольских языках).

Наконец, типологически известное противопоставление «перфект со связкой vs. перфект без связки» также маркирует эволюцию перфекта в сторону либо эвиденциальных показателей, либо простого прошедшего, либо того и другого; собственно перфектная семантика остаётся только у одной из таких форм, причём, вопреки [Bybee, Dahl 1989], не обязательно связочной; сербохорватский язык демонстрирует сохранение перфектного набора значений (возможно, с намечающимся развитием в сторону адмиратива) у формы без связки, в то время как форма со связкой быстро эволюционирует в сторону простого прошедшего.

Таким образом, перфект сильнее, чем иные семантические типы грамматических показателей, «нуждается» в унификации своего показателя и освобождению от дополнительно дифференцирующих семантических признаков. «Чем выше степень вспомогательного статуса глагола (*auxiliariness*), тем ниже его чувствительность к акциональным свойствам (то есть структурным свойствам ситуации определённого типа) управляемого им

полнозначного глагола», сказано о пути грамматикализации «перфект=>результатив» в [Abraham 1992: 14].

Можно сказать, используя «пространственно-экологическую метафору» из [Dahl 2004], что семантическая «ниша», занимаемая основным значением перфекта — значением «текущей релевантности» в настоящем некоторого события в прошлом — «тесна» даже для одного грамматического показателя, который в ней не задерживается (см. выше, 2.3.2); тем реже в этой нише находится место одновременно для нескольких показателей.

2.4. Несколько перфективов и претеритов в одной системе

Наиболее типичный диахронический путь для перфекта — превращение в форму, выражающую только информацию о событии в прошлом, без прагматической связи с текущим моментом. На это значение часто накладывается также и видовое различие: в языках с оппозицией «совершенный/несовершенный вид» в плане прошедшего перфект даёт не просто форму прошедшего времени, а форму совершенного вида, которую называют также «перфективом». Перфектив (совершенный вид) — показатель прежде всего аспектуальный, а не временной; однако с ним связано важное типологическое обобщение, сформулированное в [Dahl 1985] — «в языках, где проводится различие между перфективом и имперфективом, независимо от того, какие отношения маркированности имеются между ними — формы перфектива в большинстве случаев ограничены референцией к прошедшему времени, по крайней мере в тех случаях, когда они появляются в утвердительных независимых предложениях» [Dahl 2000: 16]. Для такого рода систем в работе [Bybee, Dahl 1989] предложено название «трехчастные» (tripartite systems) — под «частями» имеются в виду совершенный и несовершенный вид прошедшего времени, а также немаркированное по признаку вида настоящее время.

Сходство этого названия с «перфектом» вызывает терминологическое неудобство, отмеченное, в частности, в [Маслов 1983] и [Dahl 1985]; нередко для этого же значения употребляется термин «аорист», имеющий также и ряд других употреблений; в настоящей работе мы будем говорить «перфективное прошедшее», а там, где это почему-либо для краткости удобно (особенно при

противопоставлении с «имперфектом») — «аорист». В случае, если такой оппозиции в языке нет (вообще или в плане прошедшего времени), как в немецком языке, или она выражается независимо от категории времени, как в западно- и восточнославянских языках, перфект переходит в «простое прошедшее», или «претерит» — показатель именно и только референции к прошлому.

«Интерпретация некоторого грамматического показателя как прошедшего или перфектива зависит от того, имеется ли в данном языке имперфектив, и противопоставлен ли ему интересующий нас показатель — в таком случае перед нами перфектив — или он употребляется вместе с ним, и тогда это прошедшее» [Bybee et al. 1994: 51]. Список выявленных различий между перфективом и прошедшим временем также приводится в указанной работе [ibid.: 95]; практически все эти различия вытекают из наличия/отсутствия системного видового противопоставления в плане прошедшего. «Обе эти формы могут означать закончившееся действие в прошедшем, и обе они могут выступать в рассказе о последовательности событий в прошедшем» ([там же: 84]).

Из нашего рассмотрения исключаются показатели совершенного вида, образующиеся путём грамматикализации показателей различных «способов действия» (Aktionsarten), в частности, выражающих пространственные значения — подобно приставочной перфективизации в русском (*занять, пропеть, спеть* и т. п.) и других славянских, балтийских, венгерском, грузинском, некоторых чадских, океанийских и проч. языках. Показатели данного рода («перфективизаторы»), действительно весьма многообразны в каждом конкретном языке: «среди этих языков нет такого, в котором оказался бы продуктивным только один связывающий показатель (bounder); скорее, каждый из этих языков располагает классом из нескольких таких показателей и, соответственно, имеет более одной формы перфектива» [Bybee et al. 1994: 87—88]. Но вместе с тем распределение перфективизаторов этого типа отличается большой зависимостью от конкретных лексем и не может быть выведено при помощи простых правил; кроме того, эти показатели обычно сохраняют собственные значения, дополняющие видовые; лишь немногие из них (и то с ограниченным классом глаголов, притом не со всеми их значениями, как отмечает Ю. С. Маслов [Маслов 1961/2004: 447]) выступают как чистовидовые

(рус. *сделать, построить, написать*). Таким образом, они принадлежат, по крайней мере, не только грамматике, но и словарю; «образование связывающих показателей остаётся по природе своей словообразовательным» [Bybee et al. 1994: 88]; «то, что называют перфективацией, есть в громадном большинстве случаев чисто словообразовательный приём» [Маслов 1961/2004: *ibid.*] (впоследствии эта радикальная позиция Маслова несколько смягчилась, ср. [Петрухина 2000: 44]). Относительно того, считать ли видообразование в славянских языках фактом словоизменения или словообразования, существует, как известно, уже огромная литература и высказано много точек зрения (один из обзоров: [Петрухина 2000: 44—45]); по-видимому, наиболее адекватен взгляд на эту проблему, согласно которому «многоплановая категория вида... тесно связанная с грамматической, словообразовательной, лексической глагольными подсистемами, не позволяет при её определении использовать логическую категоризацию по необходимым и достаточным признакам для отнесения вида к тому или иному типу языковых категорий» [там же: 45]. А в неславянских языках, где превербы играют схожую роль, по мнению Ю. С. Маслова, «присоединение преверба само по себе вряд ли способно создать видовое противопоставление славянского типа. Преверб обычно только вносит (или подчёркивает) значение предельности» [Маслов 1984/2004: 36]. В наших терминах здесь речь не может идти о синонимии или квазисинонимии — действительно, базовые употребления обсуждаемых показателей не совпадают, а перфективизирующая роль неотъемлема от других привносимых показателем значений.

2.4.1. Старый претерит и бывший перфект

Если отвлечься от этого специального случая, то типологически устойчивым путём грамматикализации перфектива и простого прошедшего является утрата перфектом семантики «текущей релевантности» и ограничение его чисто темпоральными (или видо-временными) контекстами — так называемый «аористический дрейф» (*aoristic drift*), в терминах работы [Squartini, Bertinetto 2000]. Промежуточным этапом здесь часто выступает использование перфекта как «неопределённого прошедшего», сочетающегося с обстоятельствами времени (как нередко считается, близкие к прототипу

перфекты этого не допускают) и рост доли употребления экспериенциальных контекстов [Lindstedt 2000: 369—371]; о сочетаемости перфекта с показателями точного времени в итальянском, нидерландском и немецком см. [Giorgi, Pianesi 1997: 84]. Впрочем, утверждение, согласно которому употребление перфекта с обстоятельствами точного времени (вроде англ. *It's just been announced five minutes ago* 'Об этом было объявлено пять минут назад') свидетельствует об утрате им перфектной специфики (такое положение выдвинуто, в частности, в [Миллер 1998], [Miller J. 2004]), представляется слишком сильным, что показано в специально посвящённой этой проблематике работе [Ландер 2002]; здесь играет роль также параметр близости этих обстоятельств к моменту речи (так, дейктические обстоятельства вроде *пять минут назад* перфектной интерпретации не препятствуют), а также коммуникативная значимость обстоятельства времени (например, подаётся ли оно в теме высказывания или в коммуникативно менее привилегированной позиции). По поводу роли указанного фактора в диахронической эволюции перфекта Ю. А. Ландер говорит следующее: «Если принять точку зрения, согласно которой перфектные формы развиваются от исключительно перфектного/результативного значения к обозначению простого прошедшего времени, то в качестве диагностики этого движения можно принять как раз сочетаемость с временными обстоятельствами. В наиболее строгих случаях перфектные формы не сочетаются с ними вовсе, либо сочетаются только с такими временными детерминантами, которые указывают на время, пересекающееся с моментом речи. Чем меньше потенциальная «дейктичность» обстоятельства, тем больше вероятность того, что сочетающаяся с ним перфектная форма утрачивает свое исходное значение» [там же].

Завершение процесса знаменуется тем, что бывший перфект начинает свободно использоваться как нарративное время, при изложении последовательных событий [Lindstedt 2000: 371—374]. Данное явление хорошо документировано в индоевропейских языках, особенно в языках Центральной Европы, но отмечено также и вне данного ареала (китайский, эве, ачин и ряд других языков; см. подробнее [Bybee et al. 1994: 85—86]). Оно интересно для нашего исследования тем, что смена старого, синтетического прошедшего времени новым, восходящим к перфекту, как правило, сопровождается сравнительно долгим диахроническим «наслаиванием» и синонимией двух

форм; этот период заканчивается отмиранием старой формы прошедшего времени (т. н. «утратой претерита», нем. *Präteritumschwund*): «как правило, в итоге возникшей таким образом конкуренции форм, ставших синонимичными, сохраняется форма аналитического перфекта и утрачивается форма (или формы) синтетического претерита» [Маслов 1984/2004: 294].

Важная статья по данному явлению, не утратившая значение — работа Антуана Мейе [Meillet 1909]; первым обратил внимание на специфические особенности синхронного сосуществования старой и новой формы прошедшего времени (на французском материале) Эмиль Бенвенист в своей знаменитой статье [Бенвенист 1959]; содержательный обзор предложен Ю. С. Масловым в статье 1964 г. «К утрате простых форм претерита в германских, романских и славянских языках» (включённой в [Маслов 1984/2004: 293—302]). В современной лингвистике различные этапы этого ареально-типологического феномена освещены в цикле работ немецкого германиста В. Абрахама³⁰ [Abraham 1999, 2004]; важные замечания по поводу ареального распределения данного явления в Европе имеются также в статье [Thieroff 2000].

В работах Тироффа и Абрахама выделены следующие этапы перехода аналитических форм в современных европейских языках (и в идиомах переселенцев из Европы) к перфектному значению [Abraham 1999: 13, 2004: 231, 240]. Сюда добавлены некоторые сведения также из других работ.

³⁰ К сожалению, статьи В. Абрахама, претендующие на важные ареально-типологические обобщения, содержат явные ошибки в изложении славянского материала (так, в русском языке форма простого прошедшего времени якобы не изменяется по числу [2004: 234], а в целом ряде славянских языков — русском, украинском, польском, словенском — форма перфекта приобретает модальное значение, примером чему служит загадочное «*Russian byl'*» [1999: 13, 2004: 231, 240], болгарский язык оказывается утратившим простое прошедшее и плюсквамперфект [1999: 13, 2004: 231]; не говорим о более мелких неточностях).

I. Старое состояние, с различием перфекта и претерита — уже упоминавшийся выше «перфект побережья Европы»: скандинавские, нидерландский³¹, западнофризский, английский, финский, эстонский, испанский, каталанский, из современных славянских языков — только некоторые черногорские диалекты [Lindstedt 2000: 374—375].

II. Состояние синонимии аналитической формы, восходящей к перфекту (Present-Anterior) и старого «простого претерита». Речь идёт о полной синонимии («choice in free variation» [Abraham 1999: 14]). Это следующие идиомы: немецкий, севернофризский, стандартный итальянский, албанский. В работе [Squartini, Bertinnetto 2000: 418] к данным языкам добавлены еще следующие романские идиомы, где в устной речи синтетический претерит не утрачен: это арумынский, мегленорумынский, окситанский, франко-провансальский, диалекты Нормандии и Валлонии. Для этих систем характерна (квази)синонимия также нового «сверхсложного» и старого плюсквамперфектов (об этом соотношении см. в Главе Третьей, 3.2.).

III. Системы с «маргинальным претеритом», где старый синтетический претерит сохраняется, но его употребление так или иначе ограничено (письменными регистрами языка, формализованной устной речью): сербохорватский (в большей степени собственно сербский, белградский вариант — боснийский и хорватский варианты сохраняют аорист лишь как архаизм [Lindstedt 2000: 374]), верхнелужицкий [Tomola 2000], румынский, французский («большинство говоров, за исключением лишь некоторых периферийных» [Маслов 1984/2004: 295]).

IV. Синтетический претерит (и старый плюсквамперфект) утрачены, в системе господствует новый претерит, восходящий к перфекту (и сверхсложная форма плюсквамперфекта, там, где она имеется): южнонемецкие диалекты, идиш, африкаанс, немецкий Пенсильвании, венгерский, северноитальянские диалекты; сюда же относятся восточно- и западнославянские языки (кроме верхнелужицкого), а также словенский³². Сквартини и Бертинетто относят сюда

³¹ О перфекте в нидерландском и проблемах, связанных с его семантикой, см. также выше, 2.3.3.

³² В [Abraham 1999, 2004] обособлена также следующая стадия, характерная для славянских языков; впрочем, из перечисленных в указанных

[Squartini, Bertinetto 2000: 421] также те (северо)итальянские и французские диалекты, где синтетический претерит отсутствует даже в пассивном узусе, «даже как редчайшая морфологическая возможность».

Несмотря на ареальный характер этого (и ряда других) явления в глагольных системах европейских языков, едва ли можно отказать в типологическом статусе сходству между аналогичными процессами, скажем, во французском и в румынском языках — т. е. приписывать его исключительно конвергентным процессам в рамках европейского «языкового союза». В специально посвященной указанному явлению статье [Abraham 2004] убедительно опровергается совершенно фантастическая версия распространения этого явления в Европе, выдвигаемая в [Drinka 2003] (перфект вида «ИМЕТЬ»+причастие якобы представляет собой кальку с латинского³³, а утрата простого прошедшего, функции которого переняла аналитическая форма, якобы получила общеевропейское распространение из северных говоров французского языка! — заметим в качестве курьёза, что авторы «Грамматики Пор-Рояля» 1660 г., Арно и Лансло, считали, напротив, что аналитические «обороты речи» во французском «ведут начало от германцев», [Грамматика... 2000, 190]). В работе Абрахама показано, что развитие аналитического прошедшего носит заведомо независимый характер в трёх германских языках, разделенных территориально (немецкий, восточные диалекты языка идиш и африкаанс)³⁴. Напомним, кроме того, что развитие «результативная конструкция

работах признаков вполне надёжным для славянской группы следует считать только утрату предбудущего (*futurum exactum*), остальные признаки, по которым выделяется эта стадия, сплошь и рядом сомнительны (см. сноску на предыдущей странице).

³³ Данная точка зрения поддерживалась Ж. Вандриесом и рядом других историков языка [Маслов 1984/2004: 278—279], но в настоящее время считается устаревшей; типологическая независимость развития посессивного перфекта в германских языках показана, например, в [Бенвенист 1960: 222—224]; см. особенно критику этой точки зрения у Ю. С. Маслова в указанном разделе «Очерков по аспектологии» (написанном ещё в 1949 г.).

³⁴ Сам Абрахам связывает семантическую экспансию аналитических форм в европейских языках с психолингвистическим фактором, а именно, с

— перфект — перфективное/простое прошедшее» хорошо известно в целом ряде языков, не имеющих ничего общего с европейским ареалом.

Употребление двух синонимичных форм перфективного прошедшего (стадии II и III по Тироффу—Абрахаму) в языках Европы обнаруживает зависимость от следующих двух параметров: диалектный/стандартный и устный/письменный регистр языка. Так, в североитальянских диалектах простое прошедшее практически полностью утрачено [Squartini, Bertinetto 2000: 417, Чельшева 2001: 110, 123], в то время как в местных разновидностях стандартного (наддиалектного) итальянского оно употребляется. В устном французском также не употребляется простое прошедшее, в то время как оно

большим удобством распознавания слушающим звучащей речи (on-line parsing). Так, принятая в стандартном немецком последовательность SOV менее удобна для анализа, чем S-Aux-OV (где ранее появляющийся вспомогательный глагол своими согласовательными признаками сигнализирует общую синтаксическую структуру предложения). Переход от порядка SOV просто к SVO не происходит, по Абрахаму, потому что конечное положение глагола допускает диктуемое актуальным членением изменение порядка слов, размещающихся между S и V. А это важно для континентальных (нескандинавских) германских языков (в которых, таким образом, «дискурс играет особую роль») и невозможно в SVO-языках, таких, как английский или романские. (Ср. у Е. И. Шендельс: «двухчастная структура перфекта и других аналитических форм обладает тем преимуществом, что, обрамляя предложение, она создаёт большее поле напряжения» [1970: 45, 97]). Соответственно этому тезису в письменном регистре языка (и, соответственно, в литературной норме) развитие аналитических форм задерживается, а формы простого прошедшего времени сохраняются дольше, так как распознавание читателем письменного текста, в отличие от устного, не является строго линейным. Едва ли это объяснение можно считать адекватным; оно объясняет лишь различия внутри группы германских языков, но не может ответить на вопрос о том, почему, например, в славянских языках и во французском (где порядок слов SVO) аналитическая форма также приняла значение нарративного времени — не говоря уже о неевропейских языках.

сохраняется в письменных регистрах. Э. Бенвенист, продемонстрировав ([1959]) противопоставленность аналитического и синтетического прошедшего как принадлежащих двум специфическим планам глагольной системы — «плану истории» и «плану речи» (см. подробнее в Главе первой, 1.7.3), подчёркивает устойчивость «аориста» и невозможность заменить его на бывший перфект в письменном языке. Здесь же указано на необходимость подробного исследования распределения этих двух времён в письменной речи («нам нужны были бы точные статистические данные, основанные на обследовании текстов различных видов, книг и газет» [1959: 278]).

Ряд таких исследований был проведён и показал наличие у простого прошедшего, в отличие от сложного, специфических дискурсивных функций. Согласно работе [Waugh, Momville-Burston 1986] (цит. по [Squartini, Bertinetto 2000: 417]) в газетном языке простое перфективное прошедшее имеет скорее «контрастивную функцию, акцентирующую формальное и логическое членение текста». В этой работе простому прошедшему времени приписывается «инвариант» (*general meaning* или *Gesamtbedeutung* в структуралистском понимании), состоящий из трёх элементов значения (*semantic marks*): 1) дейктическая референция к прошедшему времени; 2) определение «очертаний» события (*dimensionalization*), или, в более привычной терминологии, совершенный вид; 3) отграничение (*detachment*) от настоящего момента. Другая, уже не в соавторстве, статья Линды Во [Waugh 1991] посвящена иерархии компонентов семантики французского аориста (о теоретическом значении этой иерархии см. в Главе первой, 1.7.3); здесь отмечено, что простое прошедшее, во-первых, выделяет предложения, содержащие вводное резюме излагаемой ситуации, конечный вывод или «мораль», формулируемые автором, объяснения, примеры, введение новой ситуации («дискурсивная функция»), а во-вторых, выделяет в рамках нарратива те из последовательных ситуаций, на которые автор хочет специально обратить внимание читателя («прагматическая функция», которую можно сравнить с «крупным планом в кино», *zooming-in* [ibid: 249]); как видим, первое может рассматриваться как частный случай второго. Пример «подытоживающей» дискурсивной функции *Passé Simple*:

Ainsi parla, pendant près de deux heures, saint Jean-Marie Bouche d'Or chantre des « Français d'abord », qui appelle au « réveil » de ses concitoyens

« contre les forces de mort et d'obscurantisme » parce qu'il souhaite que sa France demeure un « pays missionné » (*Le Monde*, последнее предложение статьи о Ж.-М. Ле Пене) [Waugh 1991: 247]

‘Так вещал почти два часа святой Иоанн-Мария Златоуст, певец принципа «Французы прежде всего», призывающий к тому, чтобы его сограждане «поднялись против сил смерти и обскурантизма», ибо желает, чтобы родная Франция по-прежнему была носительницей высшего призвания’

Пример «выделяющей» прагматической функции *Passé Simple*:

Au début du second set, McEnroe a estimé que le spectacle offert au public était de piètre qualité, et il apostropha vivement Ostoga... [ibid.: 248]

‘В начале второго сета Макинрой счёл, что зрелище, которое он демонстрирует публике, довольно посредственного качества, и резко прикрикнул на Остогу...’

В этом примере из двух последовательных событий второстепенное, с точки зрения автора, передано аналитическим прошедшим (бывшим перфектом) *a estimé* ‘решил’, в то время как простое прошедшее выносит из ряда вон выходящее событие на передний план (foregrounding).

Так или иначе, в языке прессы эти две формы ближе к полной синонимии, чем в литературном тексте, где специфически нарративная функция *Passé Simple* традиционно сохраняется [Squartini, Bertinetto 2000: 417]. Хотя во второй половине XX в. и в сфере художественной литературы появляются нарративы, полностью или преимущественно выдержанные в *Passé Composé*, начиная с романа Камю «Посторонний», 1942 г. (ср. анализ нарративной функции *Passé Composé* в этом романе в работе [de Swart, Molendijk, to appear]), для изложения объективной связи событий (например, в учебнике истории) аналитическое прошедшее по-прежнему недопустимо [Бенвенист 1959: 278], а в качестве конкурента простого прошедшего выступает *praesens historicum*. В таком распределении Э. Даль и Е. Хедин усматривают частичное сохранение перфектной семантики: «Как хорошо известно, французское *Passé Composé*, первоначально бывшее перфектом, практически вытеснило старый перфектив,

Passé Simple, в разговорном французском, хотя последний вполне жив в письменном языке. Тем не менее, Passé Composé стандартно выбирается для изложения прошедших событий в новостях и преобладает в газетном тексте [Wiberg 1995], в то время как соответствующие предложения, допустим, в учебнике истории излагаются скорее в Passé Simple. Есть соблазн интерпретировать это явление как предельно широкую трактовку понятия текущей релевантности, включающее все виды «(свежих) новостей» [Dahl, Hedin 2000: 399].

В немецком языке в разговорной речи претерит активно вытесняется перфектом; тем не менее имеются некоторые глаголы, реликтивно сохраняющие преимущественно претерит — к ним относятся глаголы *sein* 'быть' и *haben* 'иметь', а также модальные глаголы. «Даже в тех диалектах, где исчез претерит (во всех южнонемецких диалектах, на юге рейнско-франкской области и в восточно-франкской области), сохранились формы *war*, *wollte* и другие. Изоглосса *wollte* проходит гораздо южнее, чем изоглосса *lag(en)*, ещё дальше на юг проникла изоглосса *war*, засвидетельствованная во всей Баварии» [Шендельс 1970: 95].

Различие между синонимичными перфектом и претеритом в немецком, как и во французском, играет структурирующую роль в дискурсе, но здесь в качестве маркированной формы выступает не простое прошедшее, а аналитическое: «Перфект вторгается в претеритальное повествование, выполняя архитектурную функцию, членит повествование на смысловые отрезки. Открывая абзац, он возвещает о том новом, что ожидает читателя; заключая абзац, он подытоживает сказанное; вклиниваясь в абзац, он содержит комментарии автора» [Шендельс 1970: 46]. Учитывая, что перфект в разговорном немецком выполняет и плюсквамперфектные функции (см. ниже, гл. 3), здесь можно видеть и влияние дискурсивных функций, типологически характерных для плюсквамперфекта; в частности, в начале абзаца и более крупных дискурсивных единиц плюсквамперфект выступает как сигнал неактуальности повествования (см. подробнее об этом в указанном месте). Перфект также несёт и прагматическую нагрузку, выступая как форма, тесно связанная с актом коммуникации и дейктическим центром, обращением к читателю, отождествлением авторской точки зрения с точкой зрения одного из персонажей и т. п.; претерит же выступает как знак нейтральности

«постороннего наблюдателя» [там же: 99]. Возможно различить и некоторые следы эвиденциального значения («смена перспективы происходит, когда рассказчик переходит от объективного описания фактов к своим предположениям, заключениям или представляет их себе так, как будто он сам их видел», там же: 100).

Похожее распределение наблюдается также и в литературном итальянском [Squartini, Bertinetto 2000: 422—423].

В стандартном (наддиалектном) румынском языке ограничения на употребление синтетического перфективного прошедшего еще сильнее: здесь данная форма присутствует фактически только в письменном языке. Оказывается, что ситуация близка к наблюдаемой во французском языке и отражает дихотомию Бенвениста [Сикацкая 1984, 1985]. «Сложный перфект» (*perfectul compus*) взаимодействует в художественном нарративе с «простым перфектом» (*perfectul simplu*) с целью создания оппозиции между повествованием, так или иначе затрагивающим рассказчика, и «объективным» изложением событий, разного рода сентенциями общего характера, выводами и т. п. Показательны примеры рассказа от первого лица, в которых с третьим лицом последовательно употребительна синтетическая форма, а с первым — аналитическая [Сикацкая 1984: 86, 1985: 9]. Корреляция эта не стопроцентна, и внутри третьего лица также различимы градации по степени удалённости от дейктического центра: персонажи, ассоциируемые с рассказчиком, выполняют действия, кодируемые аналитической формой, а противопоставленные ему — синтетической [1985: 9]. Говоря об «отключении» рассказчика от излагаемой ситуации (в контекстах вроде «он пробормотал не мне, а как бы про себя», «я почувствовал себя немного грустно и одиноко»), автор использует синтетическую форму «в прагматических целях» соответствующего воздействия на читателя [1984: 88]. Первоначально (в языке XIX века) в письменном нарративе употреблялся исключительно «простой перфект», а «сложный» вторгнулся в него только в передаче устной речи; картина подобной эволюции вполне напоминает французскую.

В современном сербохорватском «аорист образуется почти исключительно от глаголов совершенного вида» [Кречмер, Невекловский 2005: 164]; он практически утрачен в живых говорах (сохраняясь только в некоторых

говорах штокавского диалекта, в частности, именно среди пограничных румынскому), «он более присущ письменным формам языка, особенно беллетристике» [там же]. Интересно, что его оттеснению в область письменной речи предшествовало развитие дополнительных значений, так что данные формы следует считать квазисинонимичными. Кроме временного, аорист имеет значения, не свойственные произошедшему из перфекта простому прошедшему, а именно модальное:

Dobro, kad nećeš da ućutiš, ja odoh u kafanu
‘Ладно, если не замолчишь, я пошёл в кафе’

и «гномическое (вневременное, афористическое... обычно в пословицах и т. п.)»:

Niko se ne ogreja na tuđem ognjištu
‘Никто не может согреться (букв. согрелся) чужим огнём’ [там же].

Похожая картина — квазисинонимия перфекта и претерита — судя по [de Hoop et al. 2004], имеется в нидерландском языке (о проблеме «аористического дрейфа» в нидерландском см. подробнее выше, 2.3.3). Здесь простое прошедшее время, согласно этой работе, вытесняется аналитическим, но «всё ещё используется в ограниченном числе контекстов, например, с наречиями (*toen* ‘тогда’, *vroeger* ‘ранее’)» [ibid.: 1080], а также (в отличие от бывшего перфекта) употребительна в хабитуальных контекстах, что демонстрирует известное сходство со специализацией старого претерита на общефактическом значении в сербохорватском:

Ik fietste iedere dag naan mijn werk [ibid.]
‘Я ездил(а) каждый день на работу на велосипеде’

Прагматические различия между перфектом и старым претеритом на начальной стадии экспансии молодой формы отмечены в аккадском языке [Anderson L. 1982: 243, семантическая карта на с. 246]. Здесь перфект (происходящий от *dativus ethicus*) в староаккадский период употреблялся

параллельно со старым претеритом только в контекстах «сильного утверждения» (strong assertion); этот этап предшествовал вытеснению старого претерита в модальную область (там же: 247).

За пределами Европы стадия полностью синонимичного употребления показателей (бывшего) перфекта и простого прошедшего представлена также в современном суахили [Громова 2005]³⁵. Здесь показатель *-li-* первоначально выступал в значении «простого прошедшего», «абсолютного времени» [Contini-Mogava 1989], а *-me-* — в перфектном значении («завершение действия и/или результирующее состояние, [Ashton 1944]), показатель *-e-* — так называемый «старый перфект», имеющий весьма разнообразные значения в прочих языках банту — также в аористическом значении. «Возможно, что именно в силу того, что конкретные реализации видо-временных значений характеризуются высокой степенью вариативности, нечёткости, зыбкости и изменчивостью границ между отдельными градациями, в суахили прослеживается тенденция к ограничению формального разнообразия» [там же: 154]. Действительно, в современных текстах форма на *-e* предстаёт реликтовой, а формы *-me-* и *-li-* выступают в одинаковых контекстах:

Mwenyekiti amewataka viongozi wa Chama cha Mapinduzi kuhamasisha wananchi...

‘Председатель призвал руководителей Революционной партии воодушевить народ...’

Aliwataka viongozi hao kupita nyumba hadi nyumba...

‘Он призвал этих руководителей пойти в каждый дом...’

В роли нового показателя перфектного/относительно-временного значения выступает грамматикализированный формант *-sha-<-isha-* ‘заканчивать’; в сочетании с показателями претерита он даёт синонимичные показатели (плюсквамперфектного характера) *-mesha-* и *-lisha-* [там же].

Семантическое сближение перфекта и претерита в гератском диалекте языка дари (а также еще в целом ряде иранских диалектов) поддерживается

³⁵ Примеры и ссылки на литературу взяты из распечатки к этому докладу Н. В. Громовой.

фонетически. Ю. А. Иоаннесян, указывая в грамматике «собственное» значение гератского перфекта — «совершившееся действие, тесно связанное своим результатом с моментом речи» [1999:71] — в примечаниях к этому месту отмечает, что «стяженные формы перфекта фонетически сильно сближаются с претеритными: *xaridim* – *xaridim*, *gerefti* – *gerefti*, *âmâdin* – *âmâdin*, поэтому различить их бывает сложно. Формальным критерием выступает ударение, если в претерите оно приходится на последний слог основы, то в перфекте — на личное окончание, что не решает проблемы. К неустойчивости ударения в претерите добавляется то, что в силу функциональной близости оба эти времени часто чередуются:

i asp-e baçe-ye pâdšâ boborda dar tavila kad

‘Эту лошадь царевич отвёл и поставил в конюшне’

Возникает вопрос, является ли *boborda* формой перфекта или претерита, образовавшейся из *bobordak*» [там же: 124].

Этим фактором, на наш взгляд, объясняется и нетипичное сосуществование в глагольной системе гератского диалекта двух синонимичных форм перфекта — с приставкой *bi-* и без неё («перфект представлен двумя формами... значение которых идентично, как явствует из их параллельного употребления в одной фразе для выражения последовательно совершаемых одним лицом действий», [там же: 71]); форма с приставкой *bi-* сохраняется именно ввиду фонетического и семантического сближения бесприставочного варианта с формой претерита³⁶.

³⁶ Исторически *bi-* в иранских языках — вероятно, приставка-перфективизатор с локативным значением (‘из’, ‘от’), затем утратившим его и превратившимся в показатель перфектива (ср. рус. «пустые превербы» вроде *с-делать* или *по-строить*) [Шарова 1976]. В классическом персидско-таджикском языке формы претерита с *bi-* и без *bi-* в значительном количестве случаев полностью синонимичны (что дало основание, например, Ж. Лазару говорить об отсутствии грамматического содержания у этого префикса), однако семантика совершенного вида в некоторых контекстах всё же еще вычленяется (см.

Семантическое и формальное смешение перфекта с перфективным претеритом, как хорошо известно, характерно и для латинского языка; парадигма так называемого Perfectum соединяет в нём формы, восходящие к индоевропейскому аористу (вроде *scrip-s-i* ‘я написал’, сигматический аорист) и к индоевропейскому перфекту (*ce-cid-i*, редупликация).

Наконец, вне западноевропейского ареала отмечен и случай дискурсивного распределения подобных форм: так, ситуация в удинском языке [Т. А. Майсак, личное сообщение; данные неопубликованной грамматики W. Schulze] очень близко стоит к тому, что мы видим, например, в немецком. Здесь имеются формы претерита (показатель *-i-*) и так называемого «перфекта» (*-e-*); эти формы сплошь и рядом употребляются в очень близких функциях и могут рассматриваться как воплощающие один элемент видо-временной парадигмы. В одном из удинских диалектов, октомберийском, уже налицо хорошо известная ситуация утраты претерита и господства во всех контекстах, типичных для простого прошедшего, формы на *-e-*. В других двух, варташенском и ниджском, для перфекта (наряду с контекстами, свойственными и претериту) характерны собственно результативные употребления:

bezi mozi-ne ać-e šo-t'-o-z xā v-esa

Я.ПОСС телёнок-3.ЕД потерять-ПЕРФ УДАЛ-ВОЗВР:ОБЛ-ДАТ-1.ЕД искать-ПРЕЗ

‘Мой телёнок потерялся. Ищу (поищу) его’.

а кроме того, он употребляется в контекстах передачи «фоновой» информации (backgrounding) и при обозначении временного интервала в прошлом (особенно в зачинах повествований):

указанную работу Е. Н. Шаровой), особенно у глаголов типа ‘уходить’ (совпадение значения приставки и корня даёт чисто перфективирующее значение — так называемый «эффект Вея—Схоневелда»: [Vey 1952], [Кронгауз 1998]). В современном литературном персидском данный преверб употребляется только в сослагательном и повелительном наклонении, без собственно семантических различий [там же].

ba-ne-k-e sa pasč'ağ me-t'-ai ba-ne-k-e-i xib ğar

быть-ЗЕД-ПЕРФ один король БЛИЗ-РЕФЛ:ОБЛ-РОД2 быть-ЗЕД-ПЕРФ-ПРОШ три сын

sa vaxt'-a fikir-re-b-i ... [GD 60]

один время-ДАТ думать-ЗЕД-ВСПОМ-ПРОШ

‘Жил-был король, у которого было три сына. Однажды он подумал...’

Отметим, что в приведённом нами контексте параллельно с перфектом выступает и образованный от перфекта плюсквамперфект (*ba-ne-ke-i*); употребление плюсквамперфекта в данной дискурсивной функции хорошо известно (подробнее см. в главе 3).

Исследование письменных источников для тех языков, где ныне старая форма утрачена полностью (или сохраняется для очень ограниченного класса глаголов), также показывает, что эти языки прошли через достаточно долгий период сосуществования двух синонимичных форм. Естественно, старые формы дольше сохраняются в текстах, отражающих литературный регистр языка; но и документы, стоящие ближе к неформальному регистру (в тех случаях, когда таковые сохранились) на протяжении некоторого времени демонстрируют конкуренцию в тождественных контекстах новой формы (бывшего перфекта) и старого (перфективного) прошедшего.

Например, в письменных памятниках раннего периода языка африкаанс, близко отражающих разговорную речь (XVIII в.) в претеритной позиции представлены как (морфологические) претериты, так и перфекты [Conradie 1999: 28—33, обобщающая таблица по памятникам: *ibid*: 34]; начиная с XIX в. синтетический претерит сохраняется только для ограниченного количества модальных глаголов. В памятниках же XVII—XVIII вв., ориентированных на литературный нидерландский язык (в котором противопоставление претерита и перфекта сохранялось дольше и отчасти сохраняется и ныне), преобладает синтетический претерит [Conradie 1999: 25—28, таблица: *ibid*: 33]. Если бы исследователь проигнорировал указанное разделение памятников, исчезновение синтетического претерита в литературных текстах XIX в. выглядело бы «мгновенным»; в действительности за этой картиной стоит лишь социолингвистическая «революция», а именно проникновение разговорного

языка африкаанс в литературный регистр, где ранее выступал стандартный нидерландский (или, по крайней мере, идиом, на него ориентирующийся).

Завершающую стадию аналогичного процесса отражают древнерусские письменные памятники, причём не только литературные, но и такие, как берестяные грамоты, отражающие неформальный, максимально близкий к разговорному язык. Не будем останавливаться на проблеме того, когда именно произошёл переход восточнославянского аналитического перфекта в простое прошедшее время и существовали ли вообще когда-либо синтетический аорист и особенно имперфект в живой древнерусской речи. Тот и другой вопрос являются предметом давней ожесточённой дискуссии в славистике. Конкурируют два основных подхода, согласно которым соотношение между синтетическими (аорист, имперфект) и аналитическим прошедшим было актуально в разговорном древнерусском по крайней мере до XIII в. [Истрина 1923, Кузнецов 1959], либо же синтетические формы были утрачены ещё в дописьменную эпоху [Issatschenko 1980–1983; Горшкова, Хабургаев 1981; Успенский 1987]; ср. обзор этих версий в [Klenin 1993], [Tommola 2000: 460], [Петрухин 2004: 74—76]. Но несомненно, что на протяжении достаточно долгого периода (вплоть до эпохи Петра Великого) сохранялась специфическая ситуация, при которой формы синтетических прошедших времён отсутствовали в устной речи, хотя употреблялись в письменных текстах.

К совершенно схожим выводам приходят, по-видимому, независимые друг от друга (и проведённые на разном материале) исследования [Tommola 1993] и [Зализняк 1995/2004]). Х. Томмола, изучавший древнерусские литературные нарративы, замечает, что наблюдаемая картина «не заменяет живого употребления этих форм, но показывает, что люди должны были на протяжении многих веков после „исчезновения“ понимать их. Очень долго, как можно судить, имела место ситуация, напоминающая современную французскую, когда носители встречают при чтении и понимают *Passé Simple*, хотя никогда и не используют его в речи» [Tommola 2000: 460]. А. А. Зализняк на материале древнерусских берестяных грамот показывает, что на фоне отмеченного с самого раннего периода безусловного преобладания формы, восходящей к перфекту (она свободно употребляется в нарративных контекстах, с указанием точного времени и т. п.), тексты демонстрируют также и употребление аориста в составе официальных документов и формул книжного

языка; «во всех этих случаях отличие имперфекта и аориста от перфекта, по-видимому, не смысловое, а лишь стилистическое» [Зализняк 1995/2004: 173]. Таким образом, «аорист был не позднее XII в. (возможно, и раньше) оттеснён в сферу пассивного знания: в обыденной устной речи он уже не употреблялся — его заменил перфект, ставший универсальным выразителем прошедшего времени. Однако носители языка всё ещё без труда понимали аористы при чтении или слушании читаемого текста и правильно (с морфологической и семантической точки зрения) их употребляли, когда писали летописный или официальный текст» [там же: 174].

Выводы Зализняка сопровождаются ареально-типологическими параллелями (не столь частыми в этой недавней, но уже классической работе): «Вытеснение аориста перфектом в др.-р. языке — часть большой ареальной проблемы вытеснения простого прошедшего сложным (актуальной, в частности, для многих славянских, романских, германских и иных языков Европы). Можно найти в живых языках почти все промежуточные ступени этого процесса. Для Руси XI—XIII в., по-видимому, можно предполагать стадию, близкую к современному французскому языку, где форма *passé simple* (весьма близкая по функции к аористу) полностью отсутствует в разговорной речи, но свободно используется в литературных и сходных с ними текстах, не вызывая при этом трудностей у читателя. Другой возможный аналог — современный сербохорватский язык, где аорист редко употребляется в разговорном языке, сохраняясь главным образом в художественных произведениях» [там же].

Случай равноправного функционирования перфекта и простого прошедшего отмечен также и в языках, где перфект имеет эвиденциальную семантику. В качестве примера приведём коми-зырянский язык.

Коми-зырянский перфект (подобно выше разобранным болгарскому или арчинскому языкам, где эти значения размежевались) сохраняет и перфектное значение (достигнутого состояния или актуального события), и эвиденциальное (неочевидность действия, инферентив, пересказывательность); на равноправие этих функций данной формы указал Б. А. Серебренников [1960: 63]. Здесь, между прочим, графически представлена (при помощи «вилки») диахроническая схема «расщепления значения перфекта»: «на базе прежнего

значения результативности возникло другое значение, выражающееся в способности перфекта обозначать действие, лично не наблюдавшееся говорящим»: таким образом, предвосхищен подход таких работ, как [Bybee et al. 1994] или [Tatevosov 2001] (точка зрения Серебренникова даже ближе к высказанной в последней из этих работ, коль скоро исходным значением полагается результативное). Оказывается, что в нарративе, где речь идёт о незасвидетельствованном событии, перфект в эвиденциальном значении может чередоваться с претеритом (не несущим такой семантики):

Джынвыйё йёй старукалён висьталёмысь сійё тёдмаліс: ... немецъяс кылёмабсь, мый деревняё кольёма уджалысь йёз депутатъяс областной Советса членлён семья. Найёс кутісны да сійё жё вояс өшөдісны кыдз вылё, керка водзладорас, а керкасё өзтісны.

‘От полоумной старухи он узнал: ... немцы услышали, что в деревне осталась семья члена областного Совета депутатов трудящихся. Их схватили в ту же ночь, повесили на берёзе, возле дома, а дом зажгли’

По контексту, согласно Серебренникову, в первом случае ожидалась бы форма перфекта *төдмалёма* ‘узнал’ — видимо, ситуация ‘он узнал’ входит в пересказываемую информацию. Далее в пересказе слов старухи сперва употреблены перфекты (‘услышали’, ‘осталось’), но действия ‘схватили’, ‘повесили’ и ‘зажгли’, дважды входящие в пересказывательный контекст, излагаются в претерите.

Конечно, следует учитывать и объяснение этого факта, предлагаемое самим Б. А. Серебренниковым: «В коми-зырянском языке, очевидно под влиянием русского языка, возникла тенденция к нарушению правил употребления перфекта в модальном значении» [там же: 64]. Но в принципе смешение перфекта и простого прошедшего возможно и в связи с тем, что в одном и том же языке перфект может развивать, наряду с эвиденциальными, и значения, близкие к чисто претеритальным (ср. ситуацию в болгарском языке); в этой связи особенно важно то, что в коми-зырянском языке в XX веке появляется новая конструкция результата, приобретающего и перфектные значения, посессивно-безличного типа, буквально «у меня долго спалось» ([Leinonen 2004: 272 ff]); как отмечал Д. В. Бубрих [1949: 124—125], они

ареально связаны с русскими диалектными «результативами с некоторыми чертами перфекта» [Недялков, Яхонтов 1983] типа *у меня дурного не боено* ‘я не боюсь дурного’:

Менам дыр узь-с-ёма
я:ГЕН долго спать-РЕФЛ-ПЕРФ:ЗЕД
‘Я проспал (долго)’

Не исключено, что наблюдаемая картина (с варьированием претерита и пересказывательного перфекта) облегчается генетической связью между перфектом и простым прошедшим, позволяющей им выступать в качестве синонимов, вероятно, также с дополнительной дискурсивной нагрузкой.

Противопоставления между синонимичными претеритами, связанные с дискурсивными прагматическими функциями, не обязательно связаны с «перфектным» путём грамматикализации простого прошедшего; более того, соответствующие функции могут быть непосредственно мотивированы изначальным значением конструкции. Примером может служить каталанский язык, в котором развился редкий, хотя и не уникальный среди романских языков³⁷ новый аналитический перфектив (так называемый *perfet perifràstic* со вспомогательным глаголом *anar* ‘идти’ (*vaig cantar* ‘я спел’). Старый синтетический перфектив, восходящий к латинскому перфекту, в (литературном) языке также сохраняется, хотя сужает сферу употребления, по функции приближаясь к показателю, используемому для рассказа о последовательных событиях (т. н. нарративу: [Dahl 1985: 70]).

Важным параметром разграничения между формой старого и нового является регистр языка: указанная конструкция является разговорной (*colloquial*) [Squartini, Bertinetto 2000: 426] и в устной речи представляет собой

³⁷ Такие формы — состоящие из презенса глагола *i* ‘идти’ и инфинитива — представлены еще в архаичных пиренейских говорах Гаскони (Чельшева 2001: 331): *Que s'em ba i ta Pau* ‘Он уехал в По’; прямой генетической связи здесь нет (употреблен глагол, восходящий к *ire*, а не к *ambulare*).

«употребляемый по умолчанию показатель прошедшего времени» [Detges 2004: 212].

Диахронически эта форма восходит к распространённой в средние века в галло-романской зоне и Каталонии конструкции «идти + инфинитив», означавшей «внезапное начало действия» [ibid.: 213—214]; которая уже в ранний период стала использоваться для структурирования дискурса, выделяя «особо важные» события (естественное расширение семантики — от «внезапности» до «важности»). Наиболее частотный глагол, с которым она встречается в средневековых (старофранцузских и старокаталанских) романских текстах — *ferir* ‘ударять, бить, сражаться’, причём в повествованиях о битвах, где, конечно же, то, что герои вступили в столкновение, не является неожиданным; данная форма выделяет наиболее важные, акцентулируемые говорящим, «драматические» события:

En mi le camp amdui s'entr'encutrerent

Si se vunt ferir, granz colps s'entredunerent (Песнь о Роланде, 3567—3568)

‘Посредине поля оба встретились и стали биться; сильные удары наносили они друг другу’

Во французском и окситанском этот оборот вышел из употребления в XVI-XVII вв. [ibid.: 220], в то время как в каталанском уже с начала XIV века его специфическая дискурсивная функция начинает стираться; тем не менее вплоть до XVIII века конструкция с *anar* преобладает в контекстах с выделением событий, так или иначе важных для ситуации речевого акта (foregrounding): так, «в пассажах, повествующих о вспышке чумы в 1651 году... *anar* + *inf.* гораздо более частотен в тех разделах, где автор повествует о смерти собственной семьи» [ibid.: 222].

2.4.2. «Обратное» распределение бывшего перфекта и старого претерита по временной дистанции: румынские диалекты, карачаево-балкарский

Особый случай дополнительной дифференциации представлен в олтенских диалектах румынского языка [Squartini, Bertinnetto 2000: 418, Лухт,

Нарумов 2001: 602]: здесь сохраняются обе формы, но с распределением, связанным с временной дистанцией. Эта ситуация лишь внешне напоминает положение дел в испанском или в каталанском языках, где перфект имеет, помимо характерных для этой категории, связанное с суточным циклом «сегодняшнее» значение; в названных диалектах, напротив, форма, восходящая к аналитическому перфекту, используется для обозначения «не сегодняшних» событий, в то время как значение недавнего события имеет, напротив, синтетическое прошедшее, употребление которого ограничено предельными контекстами: возможно сказать *bāi in pahar si arā* 'он выпил стакан воды', но не просто **bāi* 'он пил, он выпил'. Подобное распределение («инвертированное соотношение», по [Лухт, Нарумов 2001]) не может быть прямым продолжением раннероманской ситуации и является продуктом вторичной дифференциации (полностью) синонимичных форм перфективного прошедшего. Оно может также быть связано с ареальным влиянием «балканского» соотношения «перфект vs. аорист», где перфект обычно представляет собой показатель с резко ограниченным набором употреблений, утративший базовое значение «текущей релевантности», а аорист активно употребляется в характерных для перфекта контекстах [Lindstedt 2000]. Акциональное ограничение может быть связано с влиянием сербохорватского языка, где отмечены схожие явления (ср. выше, раздел 2.4.1; данная версия приводится в [Squartini, Bertinetto 2000: 419] со ссылкой на Линдстедта).

Указанное распределение, возможно, находит типологическую параллель в карачаево-балкарском языке. Здесь имеются две формы претерита: одна из них представляет собою старый общетюркский претерит на *-ди*, другая же (на *-ган*) в большинстве тюркских языков является перфектом либо эвиденциальной формой (перфектного же происхождения). Обычно они рассматриваются как синонимичные вариативные формы «прошедшего в настоящем» ([Алиев 1968: 114—115]). Оказывается, что в некоторых контекстах информанты действительно не усматривают различия между семантикой этих форм, а в некоторых усматривают различие, связанное с противопоставлением по временной дистанции, и это противопоставление опять-таки обратное по отношению с тем, что ожидалось бы с точки зрения диахронии этих форм [А. Б. Шлуинский, устное сообщение]:

kerim kel-di
Керим приходить-ПРШ
'Керим пришел' («только что»)

kerim kel-gen-di
Керим приходить-ПЕРФ-ЗЕД
'Керим пришел' («давно»)

kerim kitap-ni al-di
Керим книга-АКК брать-ПЕРФ
'Керим взял книгу' («только что»)

kerim kitap-ni al-yan-di
Керим книга-АКК брать-ПЕРФ-З.ЕД
'Керим взял книгу' («вообще взял»)

kerim uj-de kal-di
Керим дом-ЛОК остаться-ПРШ
kerim uj-de kal-yan-di
Керим дом-ЛОК остаться-ПЕРФ-З.ЕД
'Керим остался дома' (разницы нет)

kerim ket-ti
Керим уходить-ПРШ
kerim ket-ken-di
Керим уходить-ПЕРФ-З.ЕД
'Керим ушел' (разницы нет)

Отметим также то, что с глаголом состояния 'оставаться' разницы не наблюдается, а с глаголами 'приходить' и 'брать' (но не 'уходить') информанты выбирают такое же расщепление интерпретаций, как и в румынском языке, где оно выступает только при предельных глаголах. Впрочем, для более надёжной интерпретации карачаево-балкарских фактов всё же необходим больший материал.

Таким образом, происходит «забвение внутренней формы» на стадии синонимии: синхронное распределение форм не соответствует их этимологии. В чём-то близкие феномены диахронического развития синонимичных пар

«перфект—претерит» отмечал Ю. С. Маслов [Маслов 1984/2004: 298, статья 1964 г.]: «Вместе с тем даже полная потеря бывшим перфектом его специфического оттенка не обязательно приводит к гибели именно более старой формы прошедшего времени. Абсолютные синонимы не удерживаются в языке. Но выпасть из языка может в аналогичной ситуации и бывший перфект (как это было в греческом языке эпохи эллинизма) либо же обе конкурирующие формы могут объединиться в одном классе форм (ср. латинский «перфект») или даже слиться в одной парадигме (как это предполагается в отношении германского сильного претерита)». Подробно к обсуждению данного феномена, небезынтересного с теоретической точки зрения, мы вернёмся в заключении к настоящей главе и в выводах диссертации.

2.4.3. «Длинная» и «краткая/неспрягаемая» формы простого прошедшего

Как и в случае диахронически более «старых» предшественников перфективного/простого прошедшего — а именно стадиях результатива и перфекта, мы встречаем пары форм, соотносящиеся по признаку степени формальной и парадигматической маркированности — иными словами, синхронно сосуществуют формы, одна из которых морфологически сложнее и несёт значения еще нескольких грамматических категорий (лица, числа, рода и т. п.), а другая морфологически проще, и часть категорий остаются в ней невыраженными.

В целом ряде случаев данные пары опять же связаны с проблематикой абсолютного употребления нефинитных форм в предикативной функции, которые затем факультативно присоединяют лично-числовые показатели согласно [Калинина 2001]; однако целый ряд подобных форм отмечен в языках с иным строем глагольной парадигмы; довольно часто такое соотношение можно рассматривать не как продукт наращения нефинитной формы, а напротив, как продукт усечения лично-числовой.

С типологической точки зрения — в том числе и с точки зрения соотношения синонимичных глагольных форм — интерес представляет так

называемый безэлевым перфект, открытый А. А. Зализняком на материале новгородских берестяных грамот (в других древнерусских памятниках, в том числе несущих влияние древненовгородского диалекта, он не отмечен). Форма эта изредка встречается в грамотах XIII-XV веков, то есть относится ко времени, когда *л*-форма (исторически славянский перфект) уже заведомо представляла собой в древнерусском языке простое прошедшее, а аорист уже утратил собственное своё значение (даже в письменном регистре) и функционировал просто как «более высокий» аналог перфекта. В настоящее время известно всего шесть надёжных примеров безэлевого перфекта, причем все они относятся к мужскому роду единственного числа.

Морфологически он отличается от перфекта тем, что суффикс причастия *-л-* у него усечен вместе с окончанием; так как перфект 3 л. в берестяных грамотах практически всегда употребляется без связки, то «в 3-м лице [безэлевый перфект] неотличим от аориста (по крайней мере, для тех глаголов, которые реально встретились в данной форме)» [Зализняк 1995/2004: 144]. Таким образом, безэлевый перфект может рассматриваться также как несогласованный аорист 3 ед., к которому (в 1 л. и 2 л.) добавлена связка. Просто как аорист с избыточной связкой эту форму мешают трактовать примеры 1 лица ед. ч., а именно *взл ѿсм<ь>*³⁸ ‘я взял’ (в грамоте № 482, XIII в., см. также ниже) и особенно *посласмь* ‘я послал’ (в грамоте из Старой Руссы № 39, конец XIV — начало XV в., находка 2004 г.), где начальный слог связки подвергнут элизии, — вместо **взлахъ ѿсмь*, **послахъ ѿсмь*. Пример *посласмь* выступает, кроме того, свидетельством начинавшегося процесса грамматикализации безэлевого перфекта уже как синтетической, а не аналитической формы, и превращением форм вспомогательного глагола ‘быть’ в личные окончания, что является характерным морфологическим последствием

³⁸ Здесь и далее при цитировании берестяных грамот элементы характерной для них бытовой орфографии (в частности, смещения *о-ь*, *е-ь-ръ*) нормализуются; буквы, соответствующие стандартной орфографической записи, но в реальном тексте заменённые на иную допустимую в бытовой орфографии букву, даются в угловых скобках; в конъектурах нормализация проводится без оговорок.

семантического перехода от собственно перфектного значения к значению простого прошедшего [Bybee, Dahl 1989]; ср. аналогичное развитие л-перфекта в польском языке (*posłałem*)³⁹.

Семантика беззлевого перфекта, насколько можно судить по немногочисленным примерам, не отличается от позднерусской семантики простого прошедшего (воплощаемой также обычным л-перфектом и — в официальных текстом — аористом). Не наблюдается (насколько можно судить по ныне имеющемуся ограниченному материалу) каких-либо правил распределения между обычным и беззлевым перфектом: напротив, эти формы употребляются в практически тождественных контекстах. Особенно характерен пример употребления обычного и беззлевого перфекта от одного и того же глагола одним и тем же носителем древненовгородского диалекта [там же: 497—498]. Берестяные грамоты №№ 480 и 482 (80-е-90-е годы XIII в.) написаны одним почерком, и в них имеются следующие примеры:

Взя исм<ь> пять наца(те во)з(ь о)вса и лон<ь>скоко и нынешнеко
(№ 482)

‘Я взял пятнадцать возов овса — и прошлогоднего [оброка] и нынешнего’

³⁹ Славянские формы прошедшего времени, внешне похожие на беззлевым перфект, отмечены в южных диалектах кашубского языка. «В 3-м лице единственного числа вместо форм *ona trzymała* ‘она держала’, *ona wzâła* ‘она взяла’ используются стяжённые формы, соответственно *ona trzima*, *ona wzâ*» [Дуличенко 2005: 393]. Указанное стяжение происходит, естественно, только в формах женского рода. В древненовгородских формах беззлевого перфекта женского или среднего рода в принципе можно предполагать подобное же развитие, а не просто усечение: фонетические условия здесь были близки к кашубским (о раннем переходе [л] в северных говорах в [l̥] или [w] и об отражении этого явления в берестяных грамотах см., например, [Зализняк 1995/2004: 80]). Правда, представляет сложность мужской род, где имеется ненулевое окончание *-e* и при такой гипотезе надо предполагать выпадение мягкого [л’]: *взяле* > **взяе* > *взя*.

(В)зл<ь> жсм<ь>... ино тому исправа (№ 480)

‘Я възл... то этому [делу] суд’

Грамота № 482 представляет собой отчет управляющего о сборе оброка и о возникающих в связи с этим коллизиях; от грамоты № 480 сохранился лишь небольшой фрагмент (выше она приведена практически полностью), но и она, судя по всему, относится к этой же категории документов; во всяком случае, нет специальных оснований предполагать, что слова ‘я възл’ в этих двух примерах выступают в принципиально разных контекстах, и что обычный и безэлеый перфект несут здесь различную семантику. В грамоте Ст. Р. № 39, помимо уже цитировавшегося безэлевого перфекта (*посласмь*), употреблён также и обычный перфект 2 л. ед. ч. без связки (*А продаи, как и ть, по тому же ли то продале ‘А продай [бочки вина], как и те, за ту же цену, что и то продал’*).

А. А. Зализняк допускает [там же: 144—145] связь с безэлевым перфектом также загадочной словоформы *пришь*, известной по трём источникам более раннего времени, чем собственно безэлеый перфект, а именно по берестяным грамотам №№ 675 и 821 и по евангельской цитате в Житии Феодосия из Успенского сборника (всё это памятники XII в.). Во всех трёх известных контекстах она, по-видимому, эквивалентна действительному причастию прошедшего времени *пришьдъ* ‘придя’ (но, в отличие от него, не согласуется с определяемым существительным по роду и числу). Существенно также, что в обоих примерах из берестяных грамот она выступает в синтаксической позиции, где в древнерусском языке были допустимы как причастие указанного типа, так и *verbum finitum*: пример *А нынть въкоупьникть приш<ь> и съгонилъ* (грамота № 821), так как причастия могли выступать в сочинительной конструкции, допускает и интерпретации ‘А потом соарендаторы пришли и согнали’, и ‘А потом соарендаторы, придя, согнали’.

По мнению В. Вермеера (приводится там же), это аналогический вариант причастия, построенный от перфекта *пришьль* по образцу соотношения типа *умьрьль* : *умьрь*. Согласно Зализняку, «словоформа *пришь* обнаруживает значительную близость к формам безэлевого перфекта... Во-первых, и та и другие построены приёмом усечения. Во-вторых, и та и другие ведут себя как неизменяемые формы... Весьма близки и функции этих форм (так, в № 675 и

821 *пришь* можно приравнять по функции как к причастию, так и к перфекту). Вырисовывается, таким образом, некая отсутствующая в книжном языке неизменяемая форма, выражающая отнесение к прошедшему времени» [там же: 145].

В эвенкийском языке [И. Недялков, В. Недялков 1983] имеются синонимичные формы перфективного прошедшего, по морфологической структуре и системным взаимоотношениям близкие древненовгородскому соотношению «аорист и стандартный перфект с одной стороны — безэлевий перфект и форма *пришь* с другой стороны». Диахронически, однако, соотношение здесь обратное, и эти формы принадлежат как раз к типу нефинитных сказуемых с лично-числовыми показателями [о системе эвенкийских причастий и их вторичной «финитизации» см. Калинина 2001: 62—64].

В эвенкийской глагольной системе сосуществуют перфективное причастие в предикативном употреблении форме (*локо-чѵ* ‘повесивший’, ‘он повесил’) и форма перфективного прошедшего времени с личным окончанием (*локо-чѵ-н*), «которое предположительно и происходит от предикативного употребления перфективного причастия» [там же: 127]; первое «выступает как синоним» второго [там же]. Таким образом, перед нами пример «наслаивания» двух форм, из которых одна морфологически и парадигматически редуцирована сравнительно с другой: «причастие отличается от прошедшего тем, что не изменяется по лицам и различает лишь число» [там же]. Именно причастие предпочитается в нарративе, в то время как в диалоге, где маркирование лица более важно, удельный вес предикативного причастия резко падает.

Нефинитная форма в предикативном употреблении присуща в эвенкийском в основном фольклорным текстам, а в XX веке её частотность падает [там же]. Таким образом, в эвенкийском форма перфективного прошедшего с личным окончанием, скорее всего, также прошла через результативно-перфектную стадию, прежде чем приобрести значение простого прошедшего. Но и подобное употребление нефинитной формы тоже не является первичным. Перед нами образец параллельного развития диахронически старшей и младшей глагольных форм, первоначально имевших иную семантику.

Непосредственно сопоставимо с эвенкийской ситуацией соотношение форм перфективного прошедшего в авадхи [Липеровский 1997: 179—184]. Как мы уже упоминали (см. выше, раздел 2.3.3), глагол в этом времени также имеет две парадигмы, одна из которых восходит к неспрягаемому причастию, а вторая — к такому же причастию с лично-числовыми флексиями; эти типы парадигм контаминируются, но при известных ограничениях, связанных с переходностью глагола.

Кроме того, — что находит соответствие уже скорее в древненовгородском материале, если принять гипотезу А. А. Зализняка относительно функций формы *пришь* — в авадхи имеется и неизменяемая форма «прошедшего автономного» времени, неспособная «дифференцировать значения лица, числа и рода» и являющаяся «немаркированной по сравнению с другими формами, имеющимися в рамках простого автономного времени» [там же: 183]. Эта форма, подобно новгородскому *пришь*, ограничена лексически, встречаясь прежде всего с глаголами *de-* ‘давать’, *le-* ‘брать’, *kar-* ‘делать’ (только эти глаголы имеют особую претеритальную основу: *dīn(h)-* и т. п.); впрочем, существует и реже употребляемый продуктивный аффикс недифференцированного прошедшего времени: *-ā*, совпадающий с показателем 2 л. ед. ч.; в обоих случаях значение времени формально выражено.

Рассматривавшиеся выше древненовгородские формы, в отличие от форм эвенкийского языка, явились продуктом вторичного усечения; то есть древнерусский «стандартный» перфект и спрягаемый аорист исходны, а «краткие» словоформы прошедшего времени — формально вторичны. Но и в этом случае результатом изменения является сосуществование в парадигме «специфицированной» и «неспецифицированной» (тяготеющей к неизменяемости) форм прошедшего, причем в обоих случаях появление вторых связано с предикативным употреблением нефинитных форм. Формы авадхи представляют параллель к обеим системам — с одной стороны, сохраняется старое предикативное употребление причастия, с другой стороны, развивается новая неизменяемая форма, выражающая однозначную референцию к прошедшему.

Указанная тенденция связана, безусловно, с детально изученным в рамках теории грамматикализации феноменом фонологической и

морфологической редукции форм по мере приобретения ими более поздних значений — а именно к таким и относятся перфектив и претерит ([Bybee et al. 1994: 52]; квантитативный анализ фонологической редукции сильнее грамматикализованных показателей: [ibid.: 106—115]). Одновременно система сохраняет и парадигматически более «специфицированную» форму для эксплицитной передачи грамматических значений (принципиально схожее явление наблюдается и в процессе утраты перфектом связки при переходе к простому прошедшему; см. выше).

Специально отметим, что по крайней мере не все из только что обсуждавшихся неспецифицированных по признакам лица и числа форм перфектива можно трактовать единственно как абсолютно употребляемые нефинитные формы. Во-первых, они морфологически маркированы по признаку перфективного прошедшего, изъявительного наклонения, и не выступают в прочих контекстах. Во-вторых, они (кроме древнерусского *пришь*) употребительны, судя по примерам, в контекстах, где отсутствуют «нормальные» формы прошедшего времени с полным набором выраженных признаков.

2.5. Выводы

В данной главе мы рассмотрели типы соотношения синонимичных показателей на диахроническом пути «результатив — перфект — простое прошедшее».

В ряде случаев результаты оказались достаточно предсказуемыми; так, результатив, как диахронически «молодая» форма, демонстрирует вариативность, связанную с лексическими источниками с одной стороны и синтаксическими типами с другой (подтверждая принцип «сегодняшняя морфология — это вчерашний синтаксис», восходящий к Мейе); процесс грамматикализации её (и тем более перехода её в перфект) сопровождается ограничением формального пространства возможностей; старое перфективное и простое прошедшее, что достаточно хорошо известно, соседствуют с бывшим перфектом, который уже приобрёл характерную для них семантику; по

сравнению с обычно полностью синонимичными результатами, синонимы претеритной группы чаще демонстрируют системные контрасты.

Вместе с тем неожиданным результатом кажется то, что для простого прошедшего и перфектива (более «старых форм») синхронная синонимия оказывается более распространена, чем для предельно стремящегося к контрастам перфекта; таким образом, восходящее еще к Бреалю (и эксплицитно выраженное, например, в [Dahl 2004]) мнение о всё нарастающем «сужении» и «специализации» синхронной «ниши» для конкуренции нескольких форм по мере грамматикализации, по крайней мере на данном диахроническом этапе, подтверждения не находит. Объяснение этого соотношения мы попытались дать выше, в пункте 2.3.7. Отметим, кроме того, что с диахронической точки зрения результатив и претерит не имеет такой большой «свободы выбора», как перфект, показатель «среднего возраста»; «старая» форма уже исчерпывает возможности развития, для «молодой» оно ещё предназначено (действительно, развитие в сторону перфекта — путь изменения результатива в подавляющем числе случаев; конечно, в [Tatevosov 2001] показано, что эвиденциальное значение может приобретать не только перфект, но также и результатив, но в большинстве известных языков этот путь развития проходит перфектную стадию), что касается «средней» формы — тем более с такой неустойчивой и легко распадающейся на подмножества семантикой, как перфект — то пространство возможностей для перестройки системы в «точке дублирования» у неё, пожалуй, самое большое.

Показано, что распространённая в пределах известного типа языков системная синонимия, связанная с равноправным функционированием (дее)причастий и вторично финитизированных форм в качестве сказуемого независимого предложения, в разной степени проявляется в этих трёх категориях — будучи представленной в результативе и претерите, в перфект она почти не проникает, а привативные (неравномаркированные) противопоставления в этой области носят там иной характер — утрата связки там вторична и обусловлена зависимым характером синтаксической конструкции (что облегчает развитие новых значений эвиденциального характера).

В данной области значений представлены различные типы «конкуренции моделей» по Далю [Dahl 2004], включая «разграничение ниши» и «перемиире»

(формирование нескольких форм-наследников перфекта в македонском и исландском), создание новой формы как «выход из положения» (снимающий омонимию между акциональным и статальным прочтением новый результатив в хинди).

Изложив сведения относительно синхронных синонимических пар в области глагольных форм с преимущественной референцией к прошлому, обратимся к плюсквамперфекту — форме, традиционно представляемой как «давнопрошедшее», как прошлое *par excellence*; увидим, что грамматическая синонимия характерна для неё, пожалуй, в еще большей степени, чем для форм, только что проанализированных.

Глава третья.

Глагольные системы с синонимичными формами плюсквамперфекта

3.1. Особый статус плюсквамперфекта в глагольной системе. Семантика плюсквамперфекта.

Плюсквамперфект, согласно наиболее распространенному употреблению этого термина, — форма, базовое употребление которой соответствует таксисным контекстам ‘предшествования в прошедшем’, иными словами — это «абсолютно-относительное время» ([Comrie 1976: 65—69], такой анализ восходит, в конечном счёте, к [Reichenbach 1947]). В большинстве языков мира плюсквамперфект синхронно анализируется с морфологической точки зрения не как самостоятельный показатель, а как комбинация двух показателей, каждый из которых имеет собственную видо-временную семантику. «Европейский» тип плюсквамперфекта состоит из показателей перфекта (или результата) и прошедшего времени. В ряде языков (о которых речь ниже, п. 3.2), задействованы также два показателя: один — так называемый «ретроспективный сдвиг», выражающий семантику «неактуального прошедшего» (определения этих терминов см. ниже), другой — обычно видовой (перфекта или перфектива). Такие языки, как португальский, румынский или сантали (австроазиатские, группа мунда), где плюсквамперфект синтетический, в этом отношении нетипичны.

Несмотря на внешнюю композициональность, в большинстве языков мира плюсквамперфект оказывается семантически весьма нетривиальным элементом глагольной системы, для которого характерен целый ряд устойчивых вторичных употреблений. Это позволяет считать плюсквамперфект самостоятельной базовой глагольной формой, или, по крайней мере, двойственным показателем, сочетающим унаследованные признаки комбинации двух граммем и самостоятельные свойства; «this is a situation where you would like to have your cake and eat it», по выражению Э. Даля [1985: 67], который в своём типологическом исследовании глагольных систем учитывает показатель плюсквамперфекта и как показатель перфекта, и как показатель

плюсквамперфекта. Указанный феномен наблюдается и в связи с некоторыми другими «сложными» показателями: «в частности, перфект и прогрессив часто сочетаются с прошедшим временем и дают перфект в прошедшем, или плюсквамперфект, и прогрессив в прошедшем соответственно; вопрос о том, считать ли их отдельными категориями, остается открытым» [Bybee, Dahl 1989]. Ситуация осложняется тем, что в ряде языков Европы (в основном германских: английский, немецкий, нидерландский) плюсквамперфект сочетает как значения, связанные с переносом семантики перфекта в план прошедшего ('результатирующее состояние в плане прошедшего', 'актуальность некоторой ситуации в тот или иной момент времени в прошлом'), так и чисто таксисные («прошедшее в прошедшем», в терминологии, например, [Salkie 1989] и [Squartini 1999]). О дискуссии вокруг этого вопроса см. также п. 3.3., начало.

Мы уже сказали, что, согласно традиционным воззрениям, плюсквамперфект обозначает 'предшествование в прошедшем'; со времён античных грамматиков указывалось также на значение 'давнопрошедшего времени' (в частности, в русскоязычных лингвистических работах XIX—XX вв. термины *давнопрошедшее* и *плюсквамперфект* нередко употреблялись как синонимы). Однако проводившиеся с начала 1970-х годов типологические исследования глагольных систем языков мира показали, что в действительности плюсквамперфект обладает целым рядом дополнительных нетривиальных значений, устойчиво представленных в генетически не связанных между собой языках, и более того, что значения 'давнопрошедшее' и даже в некоторых случаях 'предшествование в прошедшем' не являются неизменными атрибутами формы, обладающей характерными признаками плюсквамперфекта. Более того, практически неизвестны языки с плюсквамперфектом, в которых бы не было плюсквамперфектной формы, развивающей хотя бы одно дополнительное значение.

Круг этих значений весьма устойчив типологически. В большом количестве языков (75% из выборки Даля) плюсквамперфект выражает значение «прекращенной ситуации» ('ситуация, имевшая место в некоторый момент в прошлом, в момент наблюдения уже места не имеет'):

дьола (Сенегал) *esukey eniilo-εεп-εεп* [Шошитайшвили 1998: 37]

'Раньше наша деревня была маленькой [а теперь это не так]'

или «аннулированного результата» («результат некоторой ситуации достигнут, но потом аннулирован»:

итал. Mi ero comprata delle scarpe rosse, ma mi è toccato riportarle indietro perché mi stavano piccole. [Fici 2003]

‘Я [было] купила себе красные туфли, но мне пришлось отнести их обратно, потому что оказались малы’.

Очень распространено употребление плюсквамперфекта в условных ирреальных конструкциях, как в условной части (протасисе), так и в главном предложении (аподосисе):

англ. If the boy had got the money yesterday, he would have bought a present for a girl

‘Если бы мальчик получил деньги вчера, он купил бы девочке подарок’⁴⁰.

хинди yadi ek bhī kṣaṇ kā vilamb ho jātā to Jaysīnh mārā jā cukā thā

‘Если было бы допущено хоть малейшее промедление, то с Джайсинхом было бы покончено’. [Липеровский 1964: 14]

Употребление плюсквамперфекта в ирреальных контекстах связано с более общей типологической тенденцией к метафоризации прошедшего времени, на которую обращал внимание еще Отто Есперсен ([Jespersen 1924]), использовавший для подобных значений название «претерит и плюсквамперфект воображения». В некоторых типологических исследованиях (прежде всего [Steele 1975] и [Fleischman 1989]) ключевым для объяснения этой метафоры выступает понятие «эгоцентричности» языка, который стремится

⁴⁰ В английском языке вплоть до XIX века плюсквамперфект отмечался не только в ирреальном условии, но и в главном предложении (в ирреальном следствии): [Lady Macbeth:] Had he not resembled my father as he slept, I had done’t ‘Не будь он // Во сне похож на моего отца, // Я бы сама всё кончила’ («Макбет», акт II, сцена 2, перевод М. Л. Лозинского) [Fennel 2002].

оценивать ситуации с точки зрения их расстояния от «„здесь-и-сейчас” говорящего»: плюсквамперфект представляет ситуацию как удалённую во времени от дейктического центра, а потом эта дистанция метафоризируется как расстояние между реальным и нереальным. Однако, например, в [Dahl 1997] и в [Michaelis 1998] подход Флейшман подвергнут обоснованной критике: отмечается, прежде всего, что такое объяснение не помогает понять, почему чаще всего языки мира выбирают для этой функции именно плюсквамперфект, а не другие формы с референцией к прошлому: дело в том, что значения категории временной дистанции (а именно давнопрошедшее) плюсквамперфект в чистом виде (без идеи неактуальности события) выражает в очень немногих языках. Никаких следов такой семантики нет, в частности, в английском языке, где ирреальная функция плюсквамперфекта в то же время представлена. Даль и Майклис предполагают (вслед за [Tedeschi 1981]), что такое представление ирреального условия связано с идеей «бифуркации». Говорящий «возвращается назад» в тот момент, когда ещё было мыслимо осуществление условия, и оно и выражается плюсквамперфектом, так как предшествует во времени ирреальному следствию. Однако и эта теория не даёт ответа на вопрос, почему используется именно плюсквамперфект, а не иное прошедшее время; поэтому Даль предполагает, что такие употребления возникли в связи с ирреальным следствием, которое само относится к прошлому (и, соответственно, ирреальное условие должно быть в плюсквамперфекте), а затем распространились и на иные контексты. Альтернативное объяснение, предложенное в [Плунгян 2004а], апеллирует к дискурсивным употреблениям плюсквамперфекта, к которым мы сейчас и переходим.

Дискурсивные функции плюсквамперфекта — то есть связанные со структурированием текста и местом данного события в пространстве текста — до сих пор обстоятельно не изучены с типологической точки зрения (применительно к английскому материалу см. [Lascarides, Asher 1993], [Caenapeel 1995], к нидерландскому — [Oversteegen, Bekker 2002], к французскому — неизданную работу [Garine 2002]). Тем не менее далеко не всегда плюсквамперфект указывает просто на некоторое событие в прошлом, предшествующее другому (вообще говоря, каждое новое последовательно излагаемое событие предшествует некоторому последующему); он означает в тексте прежде всего события, «посторонние» по отношению к основной линии

повествования (в частности, предшествующие некоторому моменту; out-of-sequence в терминологии Т. Гивона [Givón 1982]). Именно такое «отвлечение» от последовательности излагаемых событий и вызывает, согласно гипотезе, высказанной в [Плунгян 2004а], ирреальные употребления плюсквамперфекта.

Кроме того, плюсквамперфект употребляется в зачине повествования, сигнализируя о принадлежности всего нарратива плану «неактуального прошедшего»; в [Сичинава 2001] для этого класса употреблений нами предложен термин «сдвиг начальной точки». Примером может служить засвидетельствованное в берестяных грамотах употребление плюсквамперфекта в начале текста (сюда же иногда относят русский сказочный зачин *жили-были*, но здесь обоснованно предполагается также влияние соответствующих финно-угорских форм, см. [Ткаченко 1979] или [Вайс 2003]): начальная предикация древнерусского нарратива оформляется плюсквамперфектом, затем идёт изложение в обычном прошедшем времени; «первая фраза уже относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого» [Зализняк 1995/2004: 175—177]. Такой тип употреблений *Plusquamperfectum* отмечен в текстах некоторых латинских авторов [Mellet 1994: 112; Сичинава 2003: 44]; см. также ниже, 3.6.1. Плюсквамперфектная форма (не стандартный Past Perfect, а сочетание *had* с формой претерита, что вообще обычно для аналитических форм в Black English и креолах, см. выше, 2.3.2, конец) употребляется в этой функции в речи афроамериканских детей. Так, в [Rickford, Théberge-Rafal 1996: 229] отмечено: «одним из обычных контекстов для претерита с *had* является, например, маркирование *первого* сложного предложения в нарративе — что исключает возможность ретроспективного отступления (flashback)»; ср. также на ту же тему работу [Ross, Oetting, Stapleton 2004]. В [Anderson S. 1979] описывается «нарративный» показатель в языке агем (бантоидный язык бенуэ-конголезской семьи), используемый «в первом предложении рассказа, отсылающего к событиям, произошедшим в отдалённом прошлом», а весь остальной рассказ излагается в другой форме, так называемом «консекutive» (см. также [Plungian, Auwera 2003]).

К числу других, не столь массово, но всё же засвидетельствованных в языках мира дополнительных значений и функций плюсквамперфекта относятся:

- 'давнопрошедшее' (значение категории временной дистанции); это значение отмечено, например, в армянском [Козинцева 1998] или багвалинском (нахско-дагестанские, [Майсак, Татевосов 2001]) языках, а также в индоарийских [Dahl 1985]; значение «объективного давнопрошедшего» имеется у плюсквамперфекта в дардском языке кашмири ([Захарьин 1981: 185]). Далёко не всегда примеры, приводимые исследователями некоторых других языков, позволяют отграничить это значение от значения 'прекращённая ситуация' или 'аннулированный результат'. Ср. в [Липеровский 1964: 14] о якобы "давнопрошедших" употреблениях плюсквамперфекта в хинди: «акцентирование внимания на дистанции во времени представляется лишь тогда оправданным, когда результат осуществившегося действия является неактуальным для настоящего времени. В противном случае можно употребить перфект».

- 'смягчение категоричности утверждения', также связанное с ирреальной метафорикой прошедшего (ср. англ. *I had been thinking about asking you to dinner* 'Я хотел бы (букв. думал бы) пригласить вас на обед' [Fleischman 1989:10]; латинские примеры см. ниже, 4.6.1)

- эвиденциальное («заглазное» или «пересказывательное») значение, связанное с различными типами косвенной засвидетельствованности; оно выражается плюсквамперфектом в таких языках, как боливийский испанский [Fleischman 1989], албанский [Friedman 1981]; в бежтинском языке плюсквамперфект выражает адмиративное значение ('событие противоречит ожиданиям говорящего': [Тестелец, Халилов 2002]).

- проксимативное ('результат действия не был достигнут'; прототипический контекст – *он чуть было не умер*); отмечено в корейском [Kim 1974] и сантали (Восточная Индия, относится к группе мунда австроазиатских языков) [Сичинава 2001]⁴¹;

⁴¹ Для множества значений, связанных с тем или иным нарушением развития ситуации, в нормальном случае имеющей результат – то есть для значений 'аннулированный результат', 'проксиматив' и 'конатив' (ситуация не

- экспериенциальное значение, свойственное также для перфекта (см. выше, Глава вторая, 2.2.1): *Видала ли ты моего брата? Ему случилось есть эту пищу*; такие употребления имеются в корейском, адыгейском и нескольких других языках (значительный материал собран в неопубликованной работе [Вострикова 2005]).

Таким образом, плюсквамперфект помещает ситуацию в семантическую зону, элементы которой противопоставляются не только временному плану настоящего, но и аспектуальному значению результативности, и модальному индикативности, и эвиденциальному – прямой засвидетельствованности. Ситуация помещается, в терминологии работ [Dahl 1985] и [Squartini 1999], в «закрытый временной интервал» (past temporal frame), противопоставленный настоящему; в работе [Plungian, Auwera in press] для этого круга значений (который может маркироваться не только плюсквамперфектом, но и специальными показателями) используется термин “discontinuous past” («непродолженное прошедшее»). Казалось бы, выбивается из этого ряда экспериенциальное значение, означающее, напротив, связь с настоящим. Действительно, в большинстве языков здесь выступает, напротив, форма перфекта, маркирующая связь с настоящим; однако плюсквамперфект засвидетельствован в целом ряде генетически не связанных языков. Это объясняется тем, что экспериенциальность нередко связана с действием, которое ныне обычно уже не осуществляется (т. н. «неактуальный экспериенциал»; *когда-то я играл на рояле*), «опыт» здесь противопоставляется «практике». Существуют языки, где перфект выражает «актуальный опыт», а плюсквамперфект — «неактуальный» (например, итальянский: [Maiden, Robustelli 2000:293]); в дальнейшем это значение, вероятно, обобщается на экспериенциальность вообще.

Для этой устойчивой области можно ввести обозначение «зона сверхпрошлого» [Плунгян 2001] (superpassé [Arnavielle 1978: 620], ср. также

достигла результата, ср. рус. *учил, но не выучил*), в работе [Плунгян 2001] предложен удачный термин «антирезультатив» (там же – очерк типологии выражения антирезультативных значений, в том числе с помощью плюсквамперфекта).

emphasized past time [Steele 1975: 211]) или «неактуальное прошедшее», хотя, конечно, семантические особенности, допустим, значений ‘давнопрошедшее’ и ‘вежливость’ не могут быть выражены одним кратким «ярлыком». Более нейтральные обозначения, которое мы также будем использовать в данной работе — «полисемия плюсквамперфекта» («типологически известная полисемия»).

3.2. Источники и диахроническая судьба

Как уже говорилось выше, в языках Евразии плюсквамперфект обычно образуется при помощи сочетания показателей перфекта/результатива с показателем прошедшего времени:

французский:

J'av-ais _____ l-u

я-ВСПОМ-ИМПФ:1ЕД читать-ПРИЧ.ПРШ

‘Я прочел’

цахурский (дагестанские, лезгинская группа):

čoz a-r-k'in _____ ixa [Татевосов, Майсак 1999: 239]

брат.1 I-уходить.ПФВ I.стать.ПФВ

‘Брат ушёл’

Единичными примерами представлен синтетический плюсквамперфект — показатель, кумулятивно выражающий оба эти значения:

латинский:

vid-era-m

видеть:ПРЕДШ-ППФ-1.ЕД

‘Я увидел’

сантали (австроазиатские, группа мунда):

iñ sɛn-le-n-a

я идти-ППФ-НЕПЕР-ИЗЪЯВ

‘Я пошёл’

В статье [Плунгян 2001] (также [Plungian, Auwera in press]), наряду с вышеуказанными двумя, исследуется (на обширном типологическом материале) также третья морфологическая техника, особенно активная в языках «с преимущественной грамматикализацией аспектуальных, а не темпоральных противопоставлений» [там же: 108], где аспектуальные формы имеют временные интерпретации, приписываемые им по умолчанию; по А. И. Коваль, такая интерпретация – «нейтральное время» [Коваль, Нялибули 1997: 175; там же вводится термин «ретроспективное время»]. К глагольным формам, функционирующим в языке независимо, присоединяется специальный показатель – называемый показателем *ретроспективного сдвига*, – изменяющий эту временную интерпретацию таким образом, что ситуация сдвигается назад по оси времени. Системы с показателем ретроспективного сдвига характерны для нескольких ареалов: Западная Африка (бамана, волоф, дьола, коромфе, фула, акан), Океания (токелау, таити), средняя Волга (марийский, удмуртский), засвидетельствованы подобные показатели и в ряде других языков (корейский, лезгинский).

В отличие от аддитивных показателей прошедшего времени, показатели ретроспективного сдвига не *придают* темпоральное значение глагольной основе (как это имеет место, например, в латинском языке), а модифицируют семантическую интерпретацию готовой словоформы, как, например, в языке фула :

Mi sood-ii dewtere ndee [Коваль, Нялибули 1997 : 175]

купить-ПЕРФ

‘Я (уже) купил (ту) книгу’

Mi sood-ii-no dewtere ndee

купить-ПЕРФ-РЕТРО

‘Я купил тогда (когда-то в прошлом, раньше, а не сейчас) (ту) книгу’

Они часто не являются обязательными в нарративе при описании прошедших событий; в то же время они обязательны в контекстах, соответствующих типовым значениям «зоны сверхпрошлого». Выбор конкретного значения зависит от аспектуального значения (и соответственно. временной интерпретации) исходной временной формы. Так, формы

хабитуалиса получают значение актуальной в прошлом и неактуальной в настоящем ситуации, формы имперфектива — как значение ‘неактуальная ситуация’, так и значение незавершенного действия (конатив), как в удмуртском языке; ирреальные формы развиваются при ретроспективизации будущего и получении «гипотетического» следования в прошедшем (лезгинский язык [Haspelmath 1993: 142]).

Морфологический статус показателя ретроспективного сдвига может быть различным; обычна ситуация со вспомогательным глаголом (как в волоф), это может быть суффикс (корейский, лезгинский язык). Частный случай, представленный в дьола (см. также пример выше *eniilo-εεη-εεη*), корейском и адыгейском — материальное совпадение суффикса ретроспективного сдвига с суффиксом прошедшего времени.

Плюсквамперфект в таких системах образуется при сочетании морфемы ретроспективного сдвига с показателями перфекта, перфектива (с преимущественной референцией к прошлому) и даже — как, например, в языке сантали [Neukom 2001, Sitchinava 2003] — к показателю синтетического плюсквамперфекта. Нам известен случай (в ненецком языке), когда аддитивный показатель ретроспективного сдвига (изменяющий соответствующим образом семантику других показателей) ничего не меняет в семантике перфектива, т. е. эту форму нельзя рассматривать как плюсквамперфект или показатель неактуального прошедшего (экспедиционные материалы сообщены нам А. Б. Шлуинским):

iwan nu

Иван стоять.3.ЕД.СУБ

‘Иван стоит’

iwan nu-s’

Иван стоять.3.ЕД.СУБ-РЕТРО

‘Иван стоял’

iwan pis'mo-m? pada

Иван письмо-ВИН.ЕД написать.3ЕД.СУБ

‘Иван написал письмо’

iwan pis'mo-m? pada-s'

Иван письмо-ВИН.ЕДнаписать.ЗЕД.СУБ-РЕТРО

‘Иван написал письмо’

Возможно, данное явление можно рассматривать как позднее свидетельство упрощения ненецкой глагольной системы, так как, например, в другом самодийском языке — энецком — показатель ретроспективного сдвига в сочетании с перфективом образует формы со специфической плюсквамперфектной и неактуальной семантикой (А. Ю. Урманчиева, устное сообщение).

Диахронические пути развития плюсквамперфектных форм связаны с полной утратой таксисной семантики и эксплуатируют три основных типа дополнительных значений этой формы:

- 1) Значения неактуального прошедшего, связанные с прекращённой ситуацией (лезгинские языки, акан, 3.3.3) или отменой результата (швейцарско-немецкий, сербохорватский, литературный русский, 3.4.3).
- 2) Ирреальные; эволюция плюсквамперфекта в область чисто модальных показателей представлена в поздней латыни и при переходе от латинского языка к романским (подробнее см. 3.6.) и, видимо, в славянских языках (см. 3.5.2.)
- 3) Эвиденциальные; формы, структурно аналогичные европейским так называемым «сверхсложным формам» плюсквамперфекта, в языках «эвиденциального пояса Старого Света» — от болгарского до таджикского — приобретают значение эвиденциальности, а нередко и эвиденциального претерита, утратившего плюсквамперфектную специфику (см. 3.4.4)

Практически все эти возможные диахронические пути задействованы в глагольных системах с несколькими формами плюсквамперфекта.

Аналитизм и этимологическая «прозрачность» плюсквамперфекта приближают его к «молодым» глагольным категориям; возможность выбора

прошедшего времени вспомогательного глагола увеличивает «комбинаторные» возможности образования формы по сравнению с перфектом, поэтому неудивительно, что синонимия плюсквамперфектов засвидетельствована более чем в сорока языковых системах. Каждая из этих форм развивает то или иное подмножество из типологически известной полисемии плюсквамперфекта (причём эти подмножества могут совпадать — тогда перед нами полная синонимия — или не совпадать, и тогда речь идёт уже о квазисинонимии). Роберт Салки, автор одного из наиболее значительных исследований семантики этой глагольной формы, замечает: «...английский язык, имеющий только одну форму плюсквамперфекта (или две, если считать прогрессив), в этом отношении нетипичен среди языков, имеющих плюсквамперфект. Языки с различием «перфектив / имперфектив», а также те, которые используют в качестве вспомогательного эквиваленты как глагола БЫТЬ, так и глагола ИМЕТЬ, часто располагают большим количеством различных форм. Учитывая, что многие языки обходятся без плюсквамперфекта вовсе, и что он не так уж часто используется в языках, в которых он есть, подобное изобилие форм нуждается в объяснении» [Salkie 1989: 13].

Проблематике нашей диссертации соответствуют следующие морфосемантические типы сосуществования плюсквамперфектных показателей:

- 1) плюсквамперфектные соответствия перфекта и аориста (тип, представленный в различных ареалах, например, в лезгинском, акан, португальском, чувашском) — раздел 3.3;
- 2) системы со сверхсложными (с причастием вспомогательного глагола, в ряде языков функционирующим как отдельный морфологический показатель) и «стандартными» плюсквамперфектами; это ареальное явление для обширного пояса, пересекающего Европу с запада на восток [Thieroff 2000: 288], в общем коррелирующее с утратой простого прошедшего и вытеснением его бывшим перфектом (об этом феномене см. в Главе второй, 2.4.1); кроме того, аналогичные формы представлены в балканско-западноазиатском ареале, где развита категория эвиденциальности — раздел 3.4;
- 3) различие имперфект/аорист во вспомогательном глаголе (европейское явление) — славянские [van Schooneveld 1959],

албанский, романские ([Bertinetto 1987], [Squartini 1998]) — раздел 3.5.;

- 4) сближение плюсквамперфектов, принадлежащих к различным наклонениям, вызванное экспансией одного из них в область модельных значений (латинский язык) — раздел 3.6.

Кроме того, в разделе 3.7. мы кратко обсуждаем синонимию плюсквамперфекта и перфекта в плюсквамперфектной функции, представленную в ряде языков. Очевидно, что эта проблематика периферийна по отношению к теме нашей диссертации, где рассматриваются формы с одинаковым базовым значением (между тем как у перфекта, выступающего в функции плюсквамперфекта, такой тип употреблений к базовым не относится). Однако этот малоизученный случай «контекстной синонимии» грамматических показателей представляет значительный интерес для осмысления плюсквамперфекта как самостоятельного грамматического значения.

3.3. Морфологические соответствия результата, перфекта и перфективного прошедшего

В данном разделе речь пойдёт о языках, имеющих несколько форм плюсквамперфекта, морфологически соответствующих присутствующим в их глагольных системах формам результата, перфекта и простого перфективного прошедшего (аориста). Как хорошо известны, эти три грамматические значения связаны диахронически: перфект образуется из результата, а перфективное прошедшее — из перфекта (см. выше, Глава вторая, *passim*). Мы вправе ожидать поэтому, что форма, образуемая при помощи сочетания показателей «результатив / перфект + прошедшее время» может приобретать и собственно плюсквамперфектное значение ‘предшествование в прошедшем’. Именно такая ситуация, согласно многим исследованиям, характерна для плюсквамперфекта, морфологически соответствующего перфекту, в таких языках, как английский или немецкий. Вопрос о том, следует ли считать плюсквамперфект в германских языках просто перфектом, перенесённым в план прошедшего, или показателем с особым значением, является предметом давней дискуссии и обширной литературы: [Comrie 1985: 77–82], [Vennemann 1987] (немецкий

материал), [Dahl 1987], [Salkie 1989: 14], [Klein 1992], [Oversteegen, Bekker 2002] (нидерландский материал). Избираемая авторами позиция во многом зависит от трактовки перфекта, который некоторые из них (Салки, Кляйн) вслед за [Reichenbach 1947] рассматривают просто как показатель предшествования по отношению к настоящему. Что же касается результата, то известны языки, в которых морфологический «результатив в прошедшем» имеет, в отличие от результата в настоящем, акциональную интерпретацию, а также некоторые другие значения, типологически характерные для плюсквамперфекта; из языков, включенных в посвященную результативу коллективную монографию [Недялков (ред.) 1983] к таким относятся арчинский [Кибрик 1983: 115] и древнегреческий [Перельмутер 1983: 147].

3.3.1. Сохранение параллелизма двух плюсквамперфектов, связанное с результативными оттенками

Глагольная система португальского языка к XIX веку сохранила, с одной стороны, простое прошедшее время, восходящее к латинскому перфекту, и синтетический плюсквамперфект, восходящий к соответствующей латинской форме⁴²; с другой стороны, в португальском, как и во всех романских языках, появились новые аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта, образованные при помощи вспомогательного глагола (*ter* или *haver* ‘иметь’). Согласно исследованию М. Сквартини [Squartini 1999: 68—74], в португальском языке позапрошлого столетия между двумя формами плюсквамперфекта существовало семантическое различие; в частности, в контекстах, передающих результирующее состояние в прошедшем, не мог употребляться синтетический плюсквамперфект, а только аналитический:

⁴² Достаточно условно можно говорить о синтетическом прошедшем и плюсквамперфекте в португальском языке как о морфологических параллелях (хотя этимологически соответствующие латинские формы связаны друг с другом); зато наличествовала параллель между соответствующими аналитическими формами, которая понуждала рассматривать и две синтетические формы как параллельные.

Eu tinha saído, quando elle entrou⁴³

*Eu saira, quando elle entrou [Barboza 1862; цит. по Squartini 1999: 69-70]

‘Я [уже] вышел, когда он вошёл’

В нерезультативных контекстах со значением ‘предпрошедшее’ авторы XIX века также предпочитают синтетическую форму, хотя и аналитическая возможна:

Isto passara-se havia vinte e tantos anos [Эса де Кейрош, «Os Maias»; цит. по *ibid.*:71]

‘Это произошло двадцать с лишним лет до того’,

а в результативных встречается только аналитическая:

Não tinha acabado de ouvir este narração quando a luz viva de muitas tochas allumiou subitamente as escadarias (Эркулану, «O Monástico», 1844-1848, *ibid.* 71]

‘Как только я дослушал этот рассказ до конца (букв. «не закончил я слушать этот рассказ», ср. рус. *не успел я...как...*), как внезапно яркий свет множества факелов разлился по лестничным пролётам’

Кроме того, только синтетическая (но не аналитическая) форма плюсквамперфекта имела значение ‘прекращенная ситуация’:

Fôra a Cidade antigamente habitada de Bramenes

‘Это был город, ранее населённый браминами’.

В диалектах македонского языка представлено несколько форм «перфекта» ([Graves 2000], см. подробнее выше, Глава вторая, 2.3.5.) соответствуют две формы плюсквамперфекта (*бев видел* — старая и *имав видено* — новая), из которых вторая употребляется преимущественно в экспериенциальных

⁴³ Мы сохраняем в португальских примерах XIX в., вслед за Сквартини, орфографию источника.

контекстах (это значение македонского плюсквамперфекта подробно рассмотрено там же), а также в значениях результирующего состояния в прошедшем. Согласно В. Фридману [Friedman 1981, Фридман 1996] *бев-* и *имав-* плюсквамперфекты противопоставлены в македонском языке как выражение «чистого таксиса» и «статального результирующего состояния» соответственно; в нижеследующем примере обстоятельство времени указывает на точку отсчёта, а не на момент события:

Во шест саатот картите Мито веке ги имаше купено
'В шесть часов у Мито были куплены билеты'

В то же время старая форма, *бев-*плюсквамперфект развивает абсолютно-временное значение 'давнопрошедшее', согласно [Fici 2001]; возможно, это употребление скорее с 'неактуальной' семантикой:

Той каза дека му го беше носил виното три пати
'Он говорит, что он ему [когда-то] три раза приносил вино'.

Очень близкое распределение двух плюсквамперфектов в салоникском говоре еврейско-испанского языка (ладино), скорее всего, связано ареально (а не типологически) с македонскими говорами Солуни (возможен общий греческий субстрат; ср. в [Graves 2000] указание на юго-западное происхождение македонского перфекта с глаголом *има*; ср. также выше, 2.3.5); в еврейско-испанском языке [Malinowski 1984, примеры цит. по Squartini 1999: 84] перфект образуется в основном при помощи глагола *tener* 'иметь' (исторически 'держат'), плюсквамперфект — при помощи глагола *aver* (используется, как и *haber* в испанском языке, только как вспомогательный, исторически 'иметь'); в тех же редких случаях, когда мы имеем глагол *tener* в плюсквамперфекте, он выражает «отрицательные или дуративные ситуации, включающие момент речи», в частности, экспериенциальное значение:

Empesso a konsentir una dulzor ke no lo tenia konsentido nunca en su vida.
'Он начал ощущать нежность, которую до этого никогда в жизни не ощущал'.

Для выражения значения результирующего состояния в прошедшем используется и «старый» плюсквамперфект:

Kuando venimos en Israel, ya avia tomado una butika mi marido
'Когда мы переехали в Израиль, мой муж уже приобрёл магазин'

В лезгинском языке (данные по [Haspelmath 1993: 142—145], ср. практически тождественный текст [Haspelmath 1994: 272—275]) имеются две формы плюсквамперфекта, образованные от форм перфекта и аориста при помощи показателя ретроспективного сдвига *-j* (с показателем отрицания *-č* показатель ретроспективного сдвига имеет форму *-ir*):

глагол 'идти':

перфект *fenwa* — плюсквамперфект I («Past Perfect») *fenwa-j*

аорист *fena* — плюсквамперфект II («Past Aorist») *fena-j*.

Перфект в лезгинском языке имеет как результирующее, так и собственно перфектное («текущая релевантность») значение; соответствующий ему плюсквамперфект I имеет как результирующую, так и чисто таксисную интерпретацию («предшествование во времени по отношению к другой ситуации в прошедшем»). Дополнительных значений из «зоны сверхпрошлого» он не развивает.

Плюсквамперфект II имеет таксисное значение, выражая «ситуации, имевшие место ранее основной линии повествования»; сохранение результата к моменту точки отсчёта при этом не обязательно:

Alataj jisuz Dilbera q'we predmetdaj pis q̄imetar q̄ačunaj [Haspelmath 1993: 143]

'За год до того Дилбер получил по двум предметам плохие оценки',

а также развивает основные значения «зоны сверхпрошлого», связанные с неактуальными временными интервалами:

‘давнопрошедшее’:

Či xüre sa itimdi dāwedilaj güğüniz wičiq^h galaz nemserin dišehli xkanaj...

‘Один человек из нашей деревни, вернувшись с войны, привёз с собой немку...’

‘прекращение ситуации’:

Sifte q’we wasra ada waxtwaxtunda čarar kxenaj.

‘Первые два месяца она всё время писала письма’. [Теперь они почему-то больше не приходят].

‘аннулированный результат’:

Zun qe Q’asumxürel fenaj

‘Я сегодня ходил в Касумкент’ [говорящий уже вернулся в свою деревню].

Итак, исходным распределением двух квазисинонимичных плюсквамперфектных форм, соответствующих различным формам из ряда «результатив—перфект—простое прошедшее», является следующее: плюсквамперфект, соответствующей форме, находящейся левее в этом ряду, не развивает значений, связанных с замкнутыми временными интервалами, ограничиваясь собственно таксисным и результативным (экспериментальное значение в македонском и ладино неизменно сочетается с таксисным); плюсквамперфект, соответствующей форме, находящейся в этом ряду правее, такие значения развивает; по крайней мере одно — ‘давнопрошедшее’ — засвидетельствовано в португальском, македонском и лезгинском; информация же по еврейско-испанскому языку, которой мы пользовались, недостаточна, чтобы на её основании утверждать, что у второй плюсквамперфектной формы нет дополнительных значений.

Характерная черта описанной системы — её нестабильность; согласно гипотезе М. Сквартини, «форма, ограниченная контекстами «прошедшее в прошедшем», нестабильна в своих семантических ограничениях и легко может их потерять» [Squartini 1999: 74]. Исследуя остаточные системы, мы

обнаружили два основных пути, по которому может пойти такая система. Первый — полная синонимия обеих форм, с меньшей употребительностью нерезультативного варианта, как более «старого», именно такой путь развития исследован Сквартини на примере португальского языка (и обнаруживает, как выясняется, параллель в удмуртском и турецком языках). Второй — утрата нерезультативной формой таксисного значения и превращение её в «неактуальное прошедшее». Второй вариант развития уже тем самым выходит за пределы (квази)синонимии: перед нами уже пример полностью семантически дифференцированных форм с разными базовыми значениями; однако для полноты типологической картины мы считаем полезным разобрать оба варианта развития.

3.3.2. Первый диахронический путь развития: от квазисинонимии к полной синонимии

Дальнейшее развитие подобных систем удобно проследить на примере португальского языка, где «грамматические ограничения, описанные грамматистами девятнадцатого века, как представляется, уже не выполняются строго» [Squartini 1999: 73]. Действительно, в XX веке в португальском языке исчезло противопоставление между двумя плюсквамперфектами, заключающееся в том, что синтетическая форма не могла употребляться в контекстах, связанных с результирующим состоянием в прошедшем; теперь такие употребления вполне нормальны, как видно из тех примеров, где английский результиativ в прошедшем (пассив *was done*) переводится на португальский язык при помощи синтетического плюсквамперфекта:

He was shaved close to the blue roots of his beard, and his hands were clean.

Barbeara-se até às raízes azuis da barba, tinha as mãos muito limpas [Santos 1999: 293].

‘Он был выбрит до синих корней бороды, и у него были чистые руки’

The world was awake now, and Kino arose...

Enfim, o mundo acordara. Kino levantou-se... [ibid.:291]

‘Наконец, мир пробудился, и Кино встал...’

Действительно, собственно семантические различия между этими формами стёрлись, и «подсистема предпрошедшего оказывается весьма избыточной... все три формы [т. е. синтетическая и со вспомогательными *tinha* и *havia* — Д. С.] в рамках системы являются свободными вариантами» [Катагощина, Вольф 1968: 165]. В современном литературном языке, согласно статье [Petruck 1992], распределение этих форм аналогично тому, которое установлено Бенвенистом [1959] для аналитических и синтетических форм прошедшего времени во французском языке: аналитический плюсквамперфект используется в повествовании, которое ведётся от первого лица; синтетический — при «отстранённом» повествовании о событиях, не затрагивающих рассказчика; «случаи проникновения *tinha*-плюскваперфекта в недиалогический нарратив от третьего лица, как представляется, указывают на повышение значительности протагониста с точки зрения повествователя; подобным же образом, использование *-ra*-плюсквамперфекта в нарративе «Я-романа» является средством критического разделения ролей повествователя и действующего лица» [Petruck 1992: 411].

Синонимия двух плюсквамперфектов (возможно, частичная, но достаточная для вытеснения одной из форм) наблюдается и в турецком языке. Здесь имеются две формы плюсквамперфекта: одна образуется от формы перфективного прошедшего на *-di*, другая — от формы бывшего перфекта (нынешнего эвиденциального прошедшего) на *-miş*, к которым прибавляется показатель «прошедшего времени» *-(i)di*⁴⁴, который в турецком языке может интерпретироваться как показатель ретроспективного сдвига с широкой сферой действия⁴⁵; получившиеся в результате сложные показатели выглядят как *-diydi* и *-mişti* соответственно. Форма на *-mişti* представляет собой плюсквамперфект,

⁴⁴ Этот показатель восходит к форме претерита вспомогательного глагола **ermek*; в некоторых работах (напр. [Дмитриев 1960]) формы на *-di* и синхронно анализируются как «сочетания с глаголом *idim*»

⁴⁵ Он присоединяется также к форме футурума / проспектива *-acak*, прогрессива *-iyor*, хабитуалиса / гномического настоящего (традиционно называемого «аористом») *-ar*, а также ирреальных наклонений — см., среди многих других, [Johanson 1971, Aksu-Koç 1988 : 20].

выражающий, помимо таксисного, и все основные значения «зоны сверхпрошлого»; эвиденциальные значения для неё не характерны:

‘предпрошедшее’, ‘результатирующее состояние в прошедшем’:

Ben geldiğim zaman, sen gitmiştin [Csató 2000: 40]

‘Когда я пришёл, ты уже ушёл’

1922 yılı sona ererken, Lozan’da mali konularla ilgili konuşmalar duraklama dönemine girmişti [Meydan 1996: 131]

‘К концу 1922 года переговоры в Лозанне по финансовым вопросам застопорились’ (букв. «вошли в стадию замедления)

‘аннулированный результат’:

Kalenin en yüksek ucundaki kayalar işlenmişti [Bastürk, Danon-Boileau, Morel 1996: 151; авторы предлагают эвиденциальную (конкретнее, инферентивную) трактовку]

‘На самом верху крепостных стен камни были обтёсаны’ [табличка на развалинах крепостной стены]

‘прекращенная ситуация’:

Böyle yerlere hiç gelmemiştim [Кононов 1956: 241]

‘В такие места я [раньше] никогда не ходил’

Ahmet Ali’yi düşünmüştü [Johanson 1994: 263]

‘[Раньше] Ахмет думал об Али’ [«и больше этого не делает» — комментарий Л. Юхансона]

Ben bundan 4-5 yıl önce Türkiye’de bir yıl Japonca dersi almıştım [Csató 2000: 40]

‘Четыре года или пять лет назад я в течение года изучал японский язык в Турции’,

а также дискурсивной функцией ‘сдвиг начальной точки’:

Şehre saat 10 da varmıştık, bürosuna saat 3 te gittik [Lewis 1967: 123]

‘Мы прибыли в город в 10 часов, отправились в его контору в 3 часа’

Форма на *-diydi* (морфологический вариант: *di*+личный показатель+*di*) является «редкой» [Дмитриев 1960: 50], она «не такая обычная, как плюсквамперфект на *-mişti*» [Lewis 1967: 128], Л. Юхансон вовсе не включает её в краткий обзор турецкой глагольной системы [Johanson 1994], и действительно, к этому есть все основания: её значение является подмножеством (возможно, собственным; описание семантики этой формы в грамматиках либо отсутствует, либо очень кратко) значений формы на *-mişti*: это значение таксисное:

Ben sizinle beraber gelmedimdi, fakat yaptıklarınızı öğrendim [Кононов 1956: 240]

‘Я с вами не ходил, но узнал, что вы делали’

и зачинное употребление ‘сдвиг начальной точки’:

Bir zamanlar John ile tanıştıydım [Cinque 2002]

‘Однажды я встретил Джона’

Аналогичная синонимия формы, соответствующей претериту (*-ды эле-*) и формы, соответствующей перфекту (*-ган эле-*), среди тюркских языков представлена ещё в киргизском ([Юлдашев 1965: 198]); здесь эти формы «полностью совпадают» по семантике, причём, судя по примерам, преобладает антирезультативная интерпретация.

В качестве примера форм, противопоставленных по признаку результативности, Л. Юхансон [Johanson 2000: 106] приводит плюсквамперфекты двух языков Поволжья — удмуртского (финно-угорские) и чувашского (тюркские), образованные от основ перфекта и аориста.

Однако в удмуртском языке (см. аналогичный анализ в [Шошитайшвили 1998: 72—78]), «плюсквамперфекты», образованные как от перфекта, так и от аориста при помощи показателя ретроспективного сдвига *вал*, «являются конкурирующими временами, допускающими взаимную замену одного времени другим» [Серебренников 1960: 124]:

Плюсквамперфект, образованный от перфекта:

Мон со пала мыным вал но, шонер сюрес кузя отчы мыныны уг луы
вылэм. [там же: 122]

‘Я пошёл было в том направлении, но оказалось, что туда прямой
дорогой не пройдёшь’

Плюсквамперфект, образованный от аориста:

Ми пересен тэлэ палэзь доры мынім вал. Соку тыльысь солдатъёс
потӱзы но пересез кутӱзы [там же: 124].

‘Мы пошли [было] со стариком в лес за рябиной. В это время из лесу
вышли солдаты и старика схватили’.

Синонимия форм наблюдается и в чувашском языке; здесь они имеют
значения, связанные с неактуальными временными интервалами —
прекращение ситуации и аннулированный результат (примеры по [Егоров 1957:
198—199]):

Плюсквамперфект, образованный от перфекта:

Иртнӗ сул шкулта вӗренекенсем программӑри ыйтусене чылай лайӑх
пӗлни палӑрнӑчӗ.

‘В прошлом году учащиеся обнаружили было довольно хорошее
освоение программного материала’

Эсир кӑсал курорта каяс тенӗчӗ, кайрӑр-и?

‘Вы в нынешнем году собирались ездить на курорт, ездили ли?’

Плюсквамперфект, образованный от аориста:

Эпӗ ӗне те туясаттӑм, анчах ӑнмарӗ, вилсӗ кайрӗ.

‘Я и корову было завёл, но не было удачи: она пала’.

Эсӗ киле каймассаттӑн-и вара?

‘Разве ты не уехал домой?’ [«спрашивающий сам видел, как он
(собеседник спрашивающего — Д. С.) выехал домой»].

Синонимия форм приводит к тому, что вторую форму «в настоящее
время можно считать в чувашском языке явлением отчасти вымирающим» [там

же: 198]; с типологической точки зрения интересно, что именно плюсквамперфект, образованный от перфективного прошедшего, и в португальском языке, и в турецком редок, а в португальском выходит из употребления (через промежуточную стадию ограниченности литературным регистром). Причиной этого, видимо, является большой семантический «возраст» перфективного прошедшего времени [Bybee et al. 1994: 78]; плюсквамперфект, таким образом, опережает в развитии своё соответствие в плане простых прошедших времен (и в португальском, и в турецком, и в чувашском перфективное прошедшее является свободно функционирующей грамматической формой). Другой вариант развития подобных систем мы рассмотрим в следующем разделе.

3.3.3. Второй диахронический путь развития — образование «неактуального прошедшего»

В своём обзоре плюсквамперфекта в языках мира Э. Даль [Dahl 1985: 147—149] упоминает о двух языках, которые имеют отличную от плюсквамперфекта категорию для выражения “past temporal frames”: это нигеро-конголезский (группа ква) язык акан и ирокезский язык онейда. В этом последнем для выражения таксисного значения плюсквамперфекта используется перфективное прошедшее, а значения, связанные с неактуальным временным интервалом, передаются при помощи сочетания перфективного прошедшего с особым аддитивным показателем, который можно трактовать как показатель ретроспективного сдвига⁴⁶.

Нас более интересует ситуация в акан, в котором имеется плюсквамперфект, образованный от перфекта при помощи показателя ретроспективного сдвига *-la*, а также форма, не имеющая таксисного значения, которая образуется при помощи того же показателя от аориста («перфектива, который, как большинство перфективов, ограничен референцией к прошедшему времени» [Dahl 1985: 148]). Эта форма, которую можно назвать «неактуальным прошедшим», встречается в контекстах, связанных с экспериенциальным

⁴⁶ Такую трактовку, предложенную В. А. Плунгяном [1998], поддерживает и сам Э. Даль (В. А. Плунгян, устное сообщение).

значением в прошедшем, а также в контекстах, характерных для аннулированного результата ('ты открывал окно?' [окно закрыто], 'кто построил этот дом?' [дом снесён]).

Ситуация в акан близка к той, которую мы видим в агульском языке, относящемся к той же группе дагестанских языков, что и лезгинский. В агульском языке имеется особая форма (*guXunaji* 'был прочитан'), образованная от той же основы, что и результатив (*guXuna(j)a* 'прочитан') и употребляющаяся в плюсквамперфектной функции:

zun naq' Xulas qajiguna, gi ʔu k'eʒ lik'inaji

'Когда я пришёл домой, он (уже) написал два письма' (перевод предложения из [Dahl 1985]: TMAQ 139)

Форма же «неактуального прошедшего» (термин из [Мерданова, Майсак (рукопись)], например, *guXun-ij* 'прочитал (когда-то)', образованная от основы перфекта, или «прошедшего перфективного» (ср. *guXune* 'прочитал') «используется для обозначения ситуации, принадлежащей «закрытому временному интервалу» в прошлом ... Прошедшее неактуальное описывает ситуацию, относящуюся к уже не актуальному для говорящего временному плану» [там же], например:

cas ʔulana zun maskawdis ʃunij [там же]

'В прошлом году я ездил в Москву'

Это время используется в антирезультативных контекстах:

me saldat eXiramʒi deʔuiʔ k'inij. hal ge dūjil qajnaa.

'Солдат был убит на прошлой войне. Теперь он воскрес' (перевод примера из [Squartini 1999])

но, в отличие от соответствующей лезгинской формы, не может выражать таксисных значений.

Похожая картина представлена и в другом языке лезгинской группы — удинском. Здесь, как мы уже говорили (Глава вторая, 2.4.1), имеются нечётко противопоставленные перфект (-e-) и претерит (-i-). Показатель ретроспективного сдвига -i- (в крупнейшем удинском диалекте, ниджском, чаще имеющий вид -j-) дополнительно присоединяется к обоим⁴⁷. Получившаяся форма (-i- -i- или -ij-) не выступает в таксисной плюсквамперфектной функции, а служит именно для обозначения неактуального временного интервала в прошедшем:

me-tär b-i-q'un-i arçi rexambar-ğ-oxol

БЛИЗ-НАР делать-ПРШ-3МН-РЕТРО ложный пророк-МН-КОМИТ

šo-t'-ğ-o baba-ğ-on [Лк 6:26]

УДАЛ-РЕФЛ:ОБЛ-МН-ГЕН отец-МН-ЭРГ

‘Так поступали с лжепророками отцы их’

Кроме того, эта форма практически не отмечена в современных устных текстах; все примеры, представленные в неопубликованной грамматике В. Шульце — из перевода Евангелия, выполненного в конце XIX в. (что сближает ситуацию уже с чувашской и португальской).

Собственно плюсквамперфект, образующийся от перфекта, имеет таксисное значение, означая события, свершившиеся прежде основной нарративной цепи:

pasč'ağ-en kağəz-i boš sam-p-e-ne-j

царь-ЭРГ письмо-РОД в писать-ВСПОМ-ПЕРФ-3ЕД-РЕТРО

‘Царь написал (ранее) в письме...’

а кроме того, употребляется в контрфактических контекстах — это время выбирается по умолчанию при сочетании с гипотетической частицей *gi-*:

⁴⁷ Здесь мы используем неопубликованные материалы, любезно предоставленные нам Т. А. Майсаком.

ägänä	zu	žähil	gi-z	bak-e-i	oxari-ne-i
если	я	молодой	ГИП-1ЕД	быть-ПЕРФ-РЕТРО	легко-ЗЕД-ПРШ

‘Если бы я был молод, это бы было [для меня] легко’

В ряде северных говоров русского языка, где, с одной стороны, развился новый результатив/перфект на *-ши/-ша* (ср. [Трубинский 1983]), а с другой стороны, сохраняется древнерусский плюсквамперфект типа *был ходил*, сосуществуют два плюсквамперфекта — синхронно соотносящихся с результативом/перфектом (типа *был пришёл*) и претеритом (*был пришёл*) соответственно. Собственно плюсквамперфектное значение сохраняет, как правило, только первая форма («результат действия актуален для какого-то момента (или периода) в прошлом», [Рыко 2002: 183—184]). Пример из говора торопецко-холмского региона⁴⁸:

А я думаю вот, это в войны я думаю, и немцы были уже тута пришочча, эга, и всё, тоже хотели узнать, как отгадать <...> («к тому времени, когда происходило загадывание-отгадывание загадок, немцы были уже *пришочча*»), пример и комментарий — [там же: 184]).

Эта форма приобретает и антирезультативное значение («отменённый результат»):

Во, какая оказия, ай, холодно-то, замёршша была, ай, лихонько моё, сынок, ой, либо поись захошь, я поставлю на этот, а хочешь? («еда замёрзла, потом оттаяла, но всё ещё холодная»; там же).

Вместе с тем форма «*был- + -л-причастие*» в указанном говоре ограничивается значениями «неактуальная (хабитуальная) ситуация в прошедшем» и синонимична формам с частицей *бывало*:

Ай, рассказывали, старинные люди были гомонили, таперь-то нет ничова, а раньше все говорили [там же: 183].

⁴⁸ Мы заменяем фонетическую передачу на условно-орфографическую.

В последнем примере видно одинаковое значение плюсквамперфекта, образованного от претерита, и претерита с наречием *раньше*. Значение «неактуального прошедшего» имеет и плюсквамперфект, образованный от претерита, в других северных (архангельских и вологодских) говорах ([Пожарицкая 1991, 1996], см. также ниже, 3.4.3)

Похожее распределение двух плюсквамперфектных форм в белуджском языке (иранская группа, Пакистан) осложнено модальным развитием той из них, которая ограничивается семантикой «неактуального прошедшего». Здесь имеются плюсквамперфект, формально аналогичный европейскому типу (причастие прошедшего времени на *-əg* + неотделяемый вспомогательный глагол в прошедшем времени, *šwtəgətwn* ‘я ушёл’) и соответствующий перфекту, который образуется при помощи презенса связки, совпадающего с лично-числовым окончанием претерита (*šwtəgwn* ‘я ушёл’) [Barker, Mengal 1969: 333—334, 336]. Эта форма употребительна и в собственно плюсквамперфектных (‘некоторое событие актуально в момент точки отсчёта’), и в антирезультативных контекстах («результаты или эффекты действия, выраженного Past Perfect, обычно ко времени последующего события в прошедшем прекращаются»): оба представлены в следующем примере:

тəу	теман	аht-əg-ət-ənt,
наши гости		прийти-ПРЧ-быть.ПРШ-3.МН
bəle	ma	bazara šwt-əg-ət-ən
но	мы	на.базар уйти-ПРЧ-быть.ПРШ-1.МН

‘К нам пришли (было) гости, но мы (уже) ушли на базар’ [ibid.:336]

Вторая форма плюсквамперфекта соответствует «комплетиву», или «пунктуальному времени», означающему единичное завершённое событие в прошлом без результативности или актуальности в момент точки отсчёта [ibid.: 338 ff]. От перфекта и первого плюсквамперфекта они формально отличаются тем, что в них вместо причастного суффикса *-əg-* к глагольной основе

присоединяется основа связки в прошедшем времени *-ət-* (комплетив *šwtətwn*, плюсквамперфект комплетива *šwtətətwn*). Оказывается, что эта последняя форма (образованная при помощи сочетания двух одинаковых показателей претеритной семантики, как плюсквамперфекты в корейском, дьола или адыгейском — см. выше, 3.2., или образованный от претерита плюсквамперфект в турецком — см. предыдущий пункт, 3.3.3) не демонстрирует ограничений, характерных для комплетива (который сочетается только с точечными, единичными событиями), и в то же время не употребляется в таксисных контекстах, а представляет собой далеко продвинутое по пути грамматикализации «неактуальное прошедшее», сочетающееся в том числе и с хабитуальными ситуациями, состояниями и т. п. [ibid. : 341]. Действительно, эта форма имеет два значения, характерных для семантической «зоны сверхпрошлого»: давнопрошедшее и модальное.

ai drwst kəwm rokəpti Synda šwt-ət-ət-Ø

его всё племя восточный в.Синд идти-быть.ПРШ-быть.ПРШ-3.ЕД

‘Всё его племя ушло в восточный Синд’ (комментарий авторов: «Либо действие произошло давно, либо рассматривается как вероятное» [т. е. ‘давно ушло’/‘возможно, ушло’])

Таким образом, мы выявили прототипическую конфигурацию системы с несколькими плюсквамперфектами, соответствующими граммемам из ряда «результатив-перфект-перфективное прошедшее» и обнаружили два возможных пути диахронического развития: первый — в сторону уподобления двух плюсквамперфектов друг другу, что ведёт к ограничению функционирования одного из них, а именно образованного от «старой» формы, второй — в сторону расподобления, а именно противопоставлению плюсквамперфекта, образованного от «новой» формы, и неактуального прошедшего, которое выступает как претеритный коррелят «старой» формы.

3.4. Сверхсложные прошедшие времена и «регулярный» плюсквамперфект в одной системе

3.4.1. Сверхсложные формы как ретроспективизированные

В данном разделе мы рассмотрим синонимию плюсквамперфектов, образованных при помощи одной из «классических европейских» морфологических техник (сочетание показателей перфекта/результатива и прошедшего времени либо синтетический показатель), с одной стороны, и при помощи ретроспективного сдвига — добавления специального аддитивного показателя, привносящего семантику переноса в план прошедшего (а также значения из зоны «неактуального прошедшего», характерные для плюсквамперфекта вообще). В «чистом виде» такая ситуация представлена только в аустроазиатском языке сантали (подробнее см. 3.4.5), однако, на наш взгляд, подобный анализ должен быть предложен для европейских т. н. «сверхсложных» форм (их структурные аналоги из языков Балкан и Азии будут рассмотрены чуть ниже, п. 3.4.4); в данном разделе мы приведём аргументы в пользу такого анализа. Речь идёт об аналитических формах с двумя причастиями (полнозначного и вспомогательного глаголов), давно (начиная с классической работы [Foulet 1925]) привлекающих внимание исследователей — в основном германистов и романистов, типологический интерес к ним начинает проявляться только в последнее время в немецкоязычной лингвистике ([Litvinov, Radčenko 1998], [Levin-Steinmann 2004: 100ff], [Ammann in press]). Такие времена во французской грамматической традиции называются сверхсложными⁴⁹ (*temps surcomposés*). Распространение их засвидетельствовано

⁴⁹ В русскоязычной литературе, например, в [Чельшева, Нарумов, Романова (ред.) 2001] термин *surcomposés* передаётся именно как *сверхсложные*; во всяком случае, очевидно, что русская лингвистическая терминология не знает такого разнообразия, который имеется в европейской (в [Holtus 1995] перечисляется 8 французских терминов, 7 немецких, 6

на значительной части романской территории⁵⁰, в большинстве славянских, а также в немецком, идиш и нидерландском языках; есть сверхсложные формы и в гегских говорах албанского [Hewson, Vubenik 1997: 110]. Сверхсложный плюсквамперфект развился также в баскском языке [Haase 1994: 282], степень романского влияния, учитывая то, что в Иберии подобные формы практически не засвидетельствованы, здесь неясна.

Формы обсуждаемого типа появляются (по крайней мере в Европе), как правило, в тех языках, где синтетический претерит утрачен (или на пути к утрате), а аналитические перфектные формы приобрели значение претерита (об этом переходе см. в Главе второй, 2.4.1). Формально они всегда могут быть проанализированы как сочетание формы претерита с аддитивным показателем, совпадающим с причастием вспомогательного глагола:

французский язык:

претерит *j'ai lu* – плюсквамперфект *j'ai eu lu* 'Я прочел', так называемое «сверхсложное прошедшее» (*passé surcomposé*);

южные «диалекты» немецкого языка, включая швейцарско-немецкий «диалект» :

претерит *er isch cho* – плюсквамперфект *er isch cho gsii* 'Он пришёл', так называемый *Perfekt II* (соотв. лит. нем. *er ist gekommen - er ist gekommen gewesen*) [Squartini 1999: 60-61]

итальянских — и даже этот список, как мы впоследствии убедились, неполон). Мы следуем этому употреблению, калькирующему наиболее распространённый термин, — фр. *formes surcomposées* — принятый к тому же в работе Люсьена Фуле, до сих пор, на наш взгляд, непревзойдённой. Кроме того, мы употребляем термин «ретроспективизированный (перфект / прошедшее время / плюсквамперфект)», который, разумеется, гораздо шире: он относится и к языкам с совсем другой техникой образования ретроспективизирующего показателя (от акан до корейского).

⁵⁰ Кроме Иберии и южной Италии, где сохраняется синтетический аорист (а в португальском и плюсквамперфект).

идиш:

претерит *ix hob geholfn* – плюсквамперфект *ix hob gehat geholfn* ‘Я помог’
[Чернин, Хакина 2000: 159]

баскский:

претерит *irakurtu dut* – плюсквамперфект *irakurtu izan dut* ‘Я написал’
[Lafitte 1979: 386]

древнерусский:

претерит *ходила* (3 л.), *есмь ходилъ* (1 л.) – плюсквамперфект *быль*
ходила (3 л.), *есмь быль ходилъ* (1 л.) [Петрухин, Сичинава 2005];

польский:

претерит *czytałem* – плюсквамперфект *czytałem był* ‘я читал’ [Молошная
1996:566]

словацкий:

претерит *doniesli* – плюсквамперфект *boli doniesli* ‘принесли’ [там же]

украинский:

претерит *почав* – плюсквамперфект *почав був* ‘начал было’ [Chinkarouk
1998]

Стоит остановиться на морфологических особенностях способа образования этих форм в романских (южнофранцузские диалекты, ретороманский) и в германских (идиш) языках.

В то время как большинство глаголов во французском языке образует аналитические формы при помощи вспомогательного глагола *avoir* ‘иметь’, а меньшинство, как правило, непереходные глаголы-события – при помощи глагола *être* ‘быть’, при образовании форм *passé surcomposé* от этих последних, вместо ожидаемой (и действительно наличествующей в литературном языке) последовательности:

j’ai été tombé ‘Я упал’ (при формах *passé composé* от глагола *tomber* – *je suis tombé*, от глагола *être* – *j’ai été*),

южнофранцузские говоры дают единообразный показатель-«инфикс» ретроспективного сдвига *eu* (причастие от глагола *avoir*), который вставляется между вспомогательным глаголом и причастием:

Si vu savez, vu, al e u tombe 'Вы знаете, он падал' (т.е. il est **eu** tombé; запись М. Менье, цит. по [Foulet 1925: 236])

Ça m'est eu arrivé 'Со мной такое случалось' (ibid.)

Даже в литературном французском языке подобная стратегия применяется при образовании (достаточно редких) форм passé surcomposé от рефлексивов (требующих спряжения с глаголом *être*). Согласно [Delattre 1950] (цит. по [Hill 1984: 94]), следующее предложение из студенческого сочинения:

*Quand on s'a été assis, l'évêque a fait la prière

'Когда все сели, епископ прочёл молитву'

несмотря на логически безупречный способ образования, неприемлемо; требуется вставка показателя *eu* – *Quand on s'est eu assis*. П. Делаттр объясняет это аналогией с более частотной аналитической моделью *il a eu fait*; в таком случае неясно, почему эта аналогия не затрагивает аналитических форм с одним вспомогательным глаголом. Согласно [Cognu 1953: 165], подобный эффект объясняется требованием нормативной грамматики, согласно которому вспомогательный глагол *être* располагается непосредственно после местоименного дополнения; но это правило не действует для случаев вроде *il est eu tombé*, не говоря уже о том, что апелляция к «нормативной грамматике» имеет мало отношения к южным патуа. А. Абейе и Д. Годар [Abeillé, Godard 2002: 447] считают, что форма *eu* — в отличие от «стандартных» случаев типа *il a eu fait* — воплощает здесь синтаксически возвратный глагол (содержащий в аргументной структуре «анафорический аффикс»), который (как и все возвратные глаголы во французском) требует вспомогательного *être*; пример Делаттра недопустим, так как сочетание *s'a* не существует «на морфологическом уровне»; впрочем, как они сами же и отмечают, правильная модель содержит последовательность *est eu*, которая в иных случаях во французских аналитических формах тоже нигде не представлена.

С нашей точки зрения, это изменение устанавливает единообразный аддитивный показатель ретроспективного сдвига, который прибавляется к

форме аналитического прошедшего и некоторым образом модифицирует его семантику. Дополнительным аргументом в пользу такого вывода служит исследование Р. Жоливе [Jolivet 1984], который на материале употребления этих форм в романской Швейцарии показал, что с точки зрения просодии, а также допустимости вставки наречия эта форма членится не как *a / eu // parlé*, но как *a // eu / parlé*; происходит «автономизация монемы *eu*, которая служит показателем семантического оттенка, свойственного региональному употреблению» (о различии «литературного» vs. «регионального» употребления данной формы см. ниже, 3.4.2) [Jolivet 1984: 171–172].

Как отмечается в «Практическом руководстве по ретороманскому языку...», выбор вспомогательного глагола при образовании сверхсложных форм не случаен: «дополнительным вспомогательным глаголом должен быть глагол *esser* или *haver*, причастие которых имеет единственную функцию – маркировать сдвиг (*décalage*) во времени (выделено нами – Д.С.), а не вспомогательный глагол, подобный *vegnir* ‘приходить’, обладающий совсем иной функцией» [Liver 1982: 288, цит. по Holtus 1995: 101].

С морфологической точки зрения в точности такая же ситуация, как и в южнофранцузских диалектах, наблюдается и в германском языке идиш. В то время как большинство глаголов в идиш образуют аналитическую форму прошедшего со вспомогательным глаголом *hobn* ‘иметь’, а некоторые непереходные глаголы – с глаголом *zaun* ‘быть’, плюсквамперфект от всех глаголов образуется неизменно при помощи *gehat*, причастия глагола *hobn*: «Можно было бы ожидать форму *geven*, причастие прошедшего времени от *zaun*, в плюсквамперфекте глаголов, которые спрягаются с *zaun*, например *geun* ‘ходить’, однако... это неграмматично, и *gehat* присутствует в плюсквамперфекте всех глаголов:

ix hob *gehat* gezogt

‘Я сказал’

ix bin *gehat* gegangen

‘Я ушёл’

*ix bin *geven* gegangen».

[Gold 1998: 228]

Подобная унификация в идиш, как и в южнофранцузских диалектах, представляет собой новое явление; формы с *geven* еще отмечаются как архаичный нестандартный вариант [ibid.: 236]. Заметим, что в швейцарско-немецком диалекте такой унификации (пока?) не произошло, и в качестве показателей плюсквамперфекта выступают причастия обоих вспомогательных глаголов: *ghaa* и *gsii* ([Squartini 1999:60-61]).

В статье Э. Голд предлагается, на основании синтаксических тестов, анализировать *gehat* как «наречный адьюнкт к глагольной группе причастия прошедшего времени»; исследовательница предполагает, что «это слово функционирует как наречие, сдвигая точку отсчёта в прошедшее»; «прошедшее и плюсквамперфект в сущности имеют одну и ту же структуру, за исключением того, что плюсквамперфект содержит наречный элемент, *gehat*, сдвигающий точку отсчёта дискурса в прошедшее» [Gold 1998: 232].

В немецком языке дополнительное причастие вспомогательного глагола (*gehat, gewesen*) также автономно просодически и может выступать как особая синтагма, добавляющая антирезультативный компонент значения:

Mein nächster Gast hat auch schon einmal ihre Liebe gefunden ...gehabt, und hat sie dann aber wieder verloren. ([Hennig 2000: 95], из ток-шоу, представление участника)

‘Моя следующая гостя тоже однажды нашла ... было свою любовь, и снова ее потеряла’

Хенниг дает такое пояснение этому примеру: «Ведущая после слова *gefunden* сделала паузу и добавила *gehabt*, подчеркнув голосом».

Аналогичное обособление восходящей к показателю плюсквамперфекта частицы *было* возможно и в современном литературном русском языке; в ряде севернорусских говоров отмечена сильная просодическая автономизация как согласуемого *был* (-а, -о, -и), так и (чаще) несогласуемого *было* [Пожарицкая 1991, 1996].

Итак, во всех перечисленных формах причастие вспомогательного глагола (*eu, ghaa / gsii, gehat, былъ, byl, boli*) представляет собой, по определению, показатель ретроспективного сдвига, переводящий претеритное

значение в «предпрошедшее» или в другие значения «зоны сверхпрошлого» (от результирующего состояния в прошедшем, как в швейцарско-немецком диалекте [Squartini 1999], до аннулированного результата, как в древнерусском [Горшкова, Хабургаев 1997/1981: 361]).

Для нашей работы особый интерес представляет то, что «регулярный» плюсквамперфект может сочетаться в пределах одной системы как с ретроспективизированным прошедшим временем (так обстоит дело во многих европейских языках), так и с ретроспективизированным плюсквамперфектом (формами вроде франц. *il avait eu fait*, нем. *er hatte getan gehabt* 'он сделал' или сантали *sen-le-n-tahēkan-a* 'он пошёл').

Показатель ретроспективного сдвига, восходящий к причастию глагола 'иметь' и/или 'быть', имеет достаточно широкую сферу действия; исследования [Cornu 1953] и [Holtus 1995] показывают, что в романских языках он сочетается с большинством времён индикатива⁵¹ и конъюнктива, прибавляя как значение 'исчерпанности ситуации', так и значение смягчения категоричности требования (последнее уже с XV века — см. [Foulet 1925: 208—209]).

⁵¹ Замечено ([Cornu 1953: 124, Bleton 1982: 35, Holtus 1995: 89]), что плюсквамперфект, образованный при помощи аориста вспомогательного глагола, не ретроспективизируется (т.е. форма **il eut eu fait* нигде не засвидетельствована). Однако исходная форма *il eut fait* утрачена в разговорной речи вслед за синтетическим аористом; что же касается литературного языка, то это явление можно объяснить семантикой формы *il eut fait*, которая (см. 3.5.1) ограничивается значением 'непосредственное предпрошедшее'; увеличение разрыва между двумя ситуациями в прошедшем вступило бы в противоречие с компонентом 'непосредственность'. В системах, где аорист и resp. аористный плюсквамперфект сохранены, такие формы отмечены (например, в окситанском); к сожалению, семантика их по существующим описаниям не совсем ясна (ср. [Stefanini 1970: 292]: «добавляет оттенок полного завершения»; это значит, что окситанскому плюсквамперфекту, образованному от аориста, не свойственно — в отличие от французского, итальянского и испанского, см. 3.5.1 — «предельное» значение).

Нас интересует соотношение трёх форм: ретроспективизированного перфекта, ретроспективизированного плюсквамперфекта и «регулярного» плюсквамперфекта (напр., фр. *avait eu*) в пределах глагольной системы.

3.4.2. Плюсквамперфект и ретроспективизированное прошедшее

Во французском языке начиная с XV столетия, то есть с того времени, когда аналитическое прошедшее теряет перфектную составляющую и становится простым прошедшим временем (аористом), сверхсложная форма начинает использоваться в функции предпрошедшего (причем предшествование другому событию в прошлом здесь, как правило, непосредственное):

Quand on a eu fini nos études nous sommes revenus à St. Etienne. [Carruthers 1993, цит. по Squartini 1998: 204]

‘Когда (как только) мы закончили учиться, мы вернулись в Сент-Этьен’.

и просто как перфективное прошедшее, с семантическим компонентом «быстро»:

Il a eu vite terminé son travail [Vet 1980, цит. по Squartini 1998: 204]

‘Он быстро закончил работу’.

В обоих этих базовых употреблениях сверхсложное прошедшее синонимично французскому плюсквамперфекту, образованному при помощи аориста — *passé antérieur* (подробнее см. об этом времени в разделе 3.5.1), и противопоставляется ему только как регистровый вариант (относясь к *temps de discours*, к временам, связанным с дейктическим центром, согласно известной дихотомии Бенвениста, см. Главу первую, 1.7.3), возможно, добавляя только некоторый оттенок результативности ([Hill 1984: 107]). Аналогичная замена отмечена и в северных диалектах итальянского языка, утерявших синтетический аорист:

генуэзский диалект

Quand'ò avùo finito de cenà son sciortìo. [Чельшева 2001: 110]

‘Когда я закончил ужинать, я вышел [из дому]’

Подобная эволюция связана с вытеснением синтетического аориста аналитическим, которое распространилось и на вспомогательный глагол; перед нами, таким образом, картина синонимии глагольных форм с дополнительным регистрово-стилистическим распределением. Для французского языка это значение сверхсложной формы признаётся нормативными грамматиками и засвидетельствовано в литературном языке (Вольтер, Лафонтен, Бальзак) [подробнее см. Foulet 1925]. В системе литературного языка (и вообще недиалектной разговорной речи) эта форма противопоставлена также «регулярному» плюсквамперфекту, образованному при помощи имперфекта вспомогательного глагола и, разумеется, полностью наследует оппозицию между этим последним и своим предшественником — формой *passé antérieur*; подробно об истории формирования и свойствах этой оппозиции см. раздел 3.5.1.

Однако еще начиная с XIV века формально идентичная сверхсложная форма начинает употребляться во французском языке, помимо плюсквамперфектного, и с иными значениями, входящими в плюсквамперфектную «зону сверхпрошлого», а именно «прекращенной ситуации» и «аннулированного результата»:

G'ai ehut trouueit tribulacion et meschief et dolour et i'ai lou nom de nostre signour [Лотарингская псалтирь, XIV век, Пс. 114,3, цит. по Stefanini 1970: 291]

‘Я встретил тесноту и скорбь, тогда призвал я имя Господне’.

(«теснота и скорбь» отступили в прошлое, Господне присутствие и помощь вместе с псалмопевцем; в тексте Вульгаты в обоих случаях формы Perfectum — tribulationem et dolorem inveni, et nomen Domini invocavi);

Se Lietart t'a eü pené, Il le t'a bien guerredoné [«Роман о Лисе», ветвь X, начало XII века] (ibid.)

‘Если Льетар и причинил тебе зло, он возместил тебе страдания’

Эти же значения сохранялись и в современных говорах юга Франции (Марсель, Сент-Этьен)⁵², а также в других романских идиомах до самого XX столетия (при том, что французской литературной нормой они, начиная с её становления — XVI-XVII вв., подробнее см. [Foulet 1925, Cornu 1953] — не допускаются).

Значение прекращения ситуации:

Il a eu couré, se couteau [Foulet 1925: 232]

‘Он резал, нож-то’ [а теперь не режет]

Il a eu fait plus chaud [Bleton 1982: 35]

‘Было теплее’ [а сейчас холодно]

(Согласно М. Блетону, прагматическая интерпретация подобных форм связана с утверждением отсутствия ситуации в настоящем: «это ироническое иносказательное указание на то, что погода изменилась»).

Значение аннулированного результата:

Il nous l'a bien eu dit, mais on a oublié [Bleton 1982 : 35]

‘Конечно, он нам это говорил, но мы это забыли’.

В баскском языке⁵³ аналитические формы прошедшего времени при соединении с причастиями вспомогательных глаголов *izan* ‘быть’ или *ukan*

⁵² Для этих областей они описаны лучше всего; отмечены они также в романской Швейцарии (об этом см. [Jolivet 1984]), а также на северо-востоке — в Валлонии, Пикардии, Шампани, Лотарингии [Cornu 1953].

⁵³ Согласно [Haase 1994], сверхсложные формы появились в баскском языке под романским влиянием; заметим, в то же время, что для тех романских

‘иметь’ также развивают значение “non-resultative anterior” [Haase 1994: 282]; они «часто относят действие и его осуществление в истекший отрезок времени в прошлом (*passé revolu*), в отдалённое и неопределённое прошлое» [Lafitte 1979: 386]:

irakurtu dut

‘Я читал это’ (перфект)

irakurtu **izan** dut

‘Я читал это’ (некогда, где-то мне случилось читать)

В немецком языке одним из значений ретроспективизированного перфекта (для которого В. Литвинов [Litvinov 1969] предложил название Perfekt II) является значение «аннулированного результата»⁵⁴:

Ich schob ihm die Medaille hin. “Hier hast du deine Hundemarke wieder. Hab sie ganz vergessen gehabt” (Remarque) [Thieroff 1992: 214, пример ранее приводился в Sherebkow 1971: 28].

‘Я придвинул ему медальон. «Возьми свой собачий жетон. Я совсем о нём забыл». [«медальон был некогда забыт, а теперь уже нет»]

Ich habe damals viele Begriffe nicht richtig definiert gehabt. [Vater 1991: 57]

‘В тот раз я много понятий определил неправильно’ [а теперь понимаю, как правильно]

и «прекращённой» (неактуальной) ситуации:

A: Als das Kind dann geboren war – euer Verhältnis?

идиомов, которые являются непосредственными соседями баскского — гасконского, испанского — развитие сверхсложных форм не характерно.

⁵⁴ Мы пользовались также неопубликованной работой [Машенко 2004], содержащей, в частности, корпусное исследование сверхсложных форм в разговорной немецкой речи.

B: War, also bis zu dem Zeitpunkt, sagen wir mal ganz gut in Anführungsstrichen, ich hab gedacht gehabt, das wär wirklich die wahre Liebe, aber dann mittlerweile, hat es ist dann rausgekommen, dass es 'не Urlaubsiebe war und dass es doch nicht so war. ([Hennig 2000: 93], из ток-шоу)

'A: Когда родился ребёнок – какой была ваша реакция?

B: Была до определенного момента, в кавычках, как говорится, я полагал, то была настоящая любовь, но между тем выяснилось, что это был всего-навсего курортный роман'

Отметим, что в литературном немецком языке это значение выражается также и перфектом, и плюсквамперфектом, то есть переводом предложения из анкеты Э. Даля [Dahl 1985: 149]:

You OPEN the window (and then closed it again)?

как отмечает Р. Тирофф [Thieroff 1992: 198—199] могут служить, в зависимости от ситуационного контекста, еще два варианта:

K: окно закрыто, никакой информации о действиях слушающего говорящий не имеет.

Hast du das Fenster geöffnet? (перфект)

Hattest du das Fenster geöffnet? (плюсквамперфект)

K: говорящий полагает (на основании косвенных свидетельств — например, он слышал), что слушающий сам закрыл окно.

Hattest du das Fenster geöffnet?

*Hast du das Fenster geöffnet? [при выборе перфекта в вопросе прагматически более естественным был бы ответ Nein, ich habe das Fenster geschlossen (с просодическим выделительным акцентом на последнем слове) 'Нет, я закрыл окно']

В некоторых немецких диалектах «регулярный» плюсквамперфект выражает также и значение прекращенной ситуации, например, в Гессене:

wo waren Sie auf dem Gymnasium? — Ich war in Mainz auf dem Gymnasium gewesen [Behagel 1924: 302]

‘Где вы учились (претерит) в гимназии? — Я учился в гимназии в Майнце (плюсквамперфект),

а в современном языке, согласно [Weinrich/Thurmair et al. 1993: 230], он выступает как «окказиональное фоновое время (Hintergrundtempus = англ. background time)»: которое, судя по примерам, иногда более естественно трактовать также как значение прекращенной ситуации:

Hier ist ja alles ganz anders, als ich früher immer gedacht hatte

‘Теперь всё по-другому, как я всегда раньше и думал’ [произошло некоторое «подтверждение», и ситуация «думания» закончилась; сравни с французским примером из Главы 1].

Ich hatte dich gestern überall gesucht [Vater 1983: 209]

‘Я тебя вчера везде искал’ [но в некоторый момент перестал искать, и сейчас это неактуально — ср. полностью аналогичный пример из швейцарско-немецкого диалекта]

Собственно «фоновое» значение плюсквамперфекта характерно скорее для литературного языка: из двух одновременных действий то, которое является «фоном» для второго, передаётся плюсквамперфектом «для подчёркивания их разобщённости» [Шендельс 1970: 108].

Кроме того, немецкий «регулярный» плюсквамперфект имеет и функцию «сдвига начальной точки», отмеченную, например, в [Шендельс 1970: 106—107]. «При непосредственном соседстве двух форм предшествующий плюсквамперфект „заряжает“ своими семами претерит. Давая экспозицию, автор может избрать любой вариант: передать все события в плюсквамперфекте или только начать с плюсквамперфекта, предоставив остальное влиянию цепной реакции». «Предшествующий плюсквамперфект в препозиции производит впечатление смысловой паузы. Он отрезает, вычленяет какой-то временной отрезок, представляя его в виде пролога, после которого начинается собственно повествование»:

Einst war ich auf dieser Bank ingeschlafen und träumte von Glück und Liebe (Г. Гейне).

‘Когда-то я заснул на этой скамье и грезил о счастье и любви’

Как видим, ретроспективизированный перфект вступает в данном случае в отношении полной синонимии с плюсквамперфектом и с точки зрения нормативной грамматики предстаёт как «избыточная» форма; это определяет маргинализацию первого в глагольной системе литературного немецкого языка⁵⁵.

Впрочем, в современном разговорном немецком — а именно в устном модусе — сверхсложная форма обнаруживает и ряд других значений, нехарактерных для «регулярного» плюсквамперфекта; таковы, прежде всего, эвиденциальные употребления: пересказывательные [Levin-Steinmann 2004] и адмиративные («неожиданность для говорящего», [Hennig 2000], [Ammann in press]). Нетипична для литературного немецкого также употребительность сверхсложных форм в нарративе, особенно в отступлениях от основной линии повествования, где чередуются с перфектом и претеритом.

Материал сардинского языка (где также сохраняется «регулярный» аналитический плюсквамперфект) показывает, что ретроспективное аналитическое прошедшее ограничивается еще одним значением из «зоны

⁵⁵ Противопоставления между плюсквамперфектом и ретроспективизированным перфектом, согласно [Thiel 1964], входит в аналогичное обнаруженному Э. Бенвенистом для французского языка противопоставление между временами «нарратива» и «сообщения» (Erzähltempora vs. Mitteilungstempora), в первый ряд входят претерит, плюсквамперфект и ретроспективизированный плюсквамперфект, во второй ряд — перфект и ретроспективизированный перфект. Таким образом, этот последний оказывается «функциональным аналогом» «регулярного» плюсквамперфекта (этот же вывод делается и в [Eroms 1984], и в [Abraham 1999]).

сверхпрошлого» — контрфактическим условием (употребление в аподосисе факультативно) [Jones 1993]:

нуорский диалект:

Si los afo áppitos kérfitos, los afo (áppitos) comporatos [Нарумов 2001: 174]

‘Если бы я (их) захотел, я бы их купил’

Это употребление отмечено и для сверхсложных форм в средневековых нидерландских памятниках:

Daer soude meerre verdriet of comen hebben ghewesen; hadden si geweest daer ghegaen. ([Миронов и др. 2000: 241]).

‘Там возникло бы много неприятностей (осложнений, раздражений), если бы они туда направились’

Широко распространено в романских идиомах значение экспериенциального прошедшего:

южнофранцузские диалекты:

J’ai eu chanté avec mes enfants. [Carruthers 1993; цит. по Squartini 1998: 205]

‘Я [как-то] пела со своими детьми’

фриульский:

o aĵ bu:t vĵodu’:t il pape [Benincà 1989: 578, цит. по Squartini 1998: 322]

‘Я [однажды] видел Папу’

окситанский:

m’es agu arriba de ié vèire li prince Vitour e Louis, mai que d’uno fes.

[Foulet 1925: 245]

‘Мне случалось видеть принцев Виктора и Людовика, и не один раз’

Это значение не всегда можно отделить от значения прекращенного действия («ностальгия», по определению Фуле):

J'ai eu vendu des cartes à 5 sous la douzaine [Foulet 1925: 231]

‘Я [бывало,] продавал открытки по 5 су за дюжину’

Ils ne font pas de bon café, il a eu été meilleur [Foulet 1925: 244]

‘[Сейчас] не делают хорошего кофе, [раньше] кофе был лучше’

Здесь мы видим пример образования формы с подобным значением путём отнесения всей ситуации, вместе с её результатом, в план прошлого. Вряд ли справедливо мнение, изложенное в [Schlieben-Lange 1971], согласно которому удвоение перфектного показателя (в окситанском языке) соответствует удвоению «результативного значения»; один показатель отвечает здесь за отнесение ситуации в план прошедшего с полным её исчерпанием (включая её результат), другой же соответствует актуальности некоторого последствия (но не результата) ситуации в настоящем.

Именно к этим типам употребления (прекращенная ситуация, аннулированный результат, экспериенциальное значение) и относятся морфологические особенности, подчёркивающие автономность второго вспомогательного глагола, которые отмечались большинством исследователей для южных диалектов французского языка (см. выше, п. 3.4.1). Таким образом, формальная особенность здесь находится в прямой связи с семантической; если для сверхсложных форм с таксисным значением предшествования (генетически связанным с исторически предшествовавшей формой *passé antérieur*) возможна трактовка, связанная с изменением времени вспомогательного глагола (вместо аориста аналитический перфект)⁵⁶, то для форм со значениями, соответствующими «зоне сверхпрошлого», напрашиваются именно те выводы, к которым фактически и приходят исследователи — а именно, что второй вспомогательный глагол представляет собой особый показатель.

Заметим вслед за М. Сквартини [Squartini 1998], что французский, окситанский и ретороманский ретроспективизированный перфект в «региональном» (абсолютном) употреблении не имеет никаких ограничений на

⁵⁶ Её предлагал, в частности, Л. Теньер [Tesnière 1935].

семантический тип предиката, в то время как он же, замещая в литературном французском языке *passé antérieur*, наследует его ограничения.

Наряду с этим в некоторых европейских языках развивается значение, близкое к семантике перфективного прошедшего (перфективность и отсутствие связи с настоящим), однако с акцентом на «единичном» событии в прошедшем. В итальянских диалектах, согласно [Marcato 1986] (цит. по [Holtus 1995: 100]), перевод ситуаций при помощи ретроспективизированного плюсквамперфекта в «события» даёт любопытный результат: «событие» представляется как случайное, неконтролируемое «происшествие» (в терминологии Е. В. Падучевой [1996: 107]), тем самым добавляется компонент эпистемической «неожиданности» (*occasionalità*). Такой же эффект отмечен и для сверхсложных форм в баскском языке: при наличии эксплицитного указания на время осуществления ситуации эти формы интерпретируются как «подчеркивающие случайность действия»:

igandean ikusi izan dut [Lafitte 1979: 387]

‘Я [случайно] увидел его в воскресенье’

В связи со всем вышесказанным едва ли справедливым кажется мнение Э. Бенвениста [1959], согласно которому сверхсложная форма во французском языке — это новый перфект, замещающий старый перфект (с одним вспомогательным глаголом), который, в свою очередь, вытеснен в семантическую область аориста («по функции *j'ai eu fait* представляет собой новый перфект к *j'ai fait*, ставшему аористом... Система таким образом восстанавливается, и обе пары оппозиций снова становятся симметричными» [Бенвенист 1959: 284]). Действительно, сверхсложные формы в языках Европы не обнаруживают никаких свойств, характерных именно для перфекта; это скорее, если угодно, «новый плюсквамперфект», находящийся по пути к неактуальному прошедшему (его употребления из «зоны сверхпрошлого» преобладают над контекстами, допускающими таксисную трактовку). Скорее прав Л. Фуле [Foulet 1925: 252]: «Претерит умер, да здравствует претерит! Но перфекта — уже несколько веков — нет».

Нерезультативное значение и акциональные ограничения совмещаются в ретроспективизированном перфекте в румынских диалектах (в литературном языке используется синтетический плюсквамперфект, о котором см. ниже, 3.6.3). Так, форме *a fost plecat* 'он уехал' (при простом прошедшем *a / este plecat*) не присуще значение «повторной актуализации» действия в прошедшем, кроме того, она сочетается только с глаголами-событиями (лексическими пунктивами, *verbes momentanés*) [Marin 1985: 463]. Интересно, что румынский язык морфологически «разнёс» ретроспективизированный перфект в абсолютном и таксисном употреблении: последний образуется при помощи несогласованного причастия (в отличие от первого, образующегося при помощи согласованного причастия) [Marin 1985: 466].

Это формальное разделение поможет уяснить разграничение между плюсквамперфектом и ретроспективизированным перфектом в системе, к которому мы сейчас и переходим.

Системные взаимоотношения между сверхсложными формами и «регулярным» плюсквамперфектом могут быть представлены следующим образом. Обе формы первоначально выражали предшествование в прошедшем (т. е. находились в отношении синонимии). Во французском, кроме того, достаточно рано обнаружилось распределение, связанное с временами, используемыми в основном предложении — для сверхсложной формы это аналитическое прошедшее (бывший перфект), для регулярного плюсквамперфекта — «простые прошедшие времена» (аориста и имперфекта). Последний сохранил в рамках этой системы значение предшествования в прошедшем (старофранцузский язык, марсельский и сент-этьенский диалекты, окситанский, румынский, немецкий, баскский), в то время как второй достаточно рано утратил таксисное значение «прошедшее в прошедшем» (или даже «выделил» его в отдельную форму — как в румынском) и приобрёл семантику, связанную с «зоной сверхпрошлого» — прекращенная ситуация, аннулированный результат, контрфактивное условие (сардинский, нидерландский), а также экспериенциальное значение — южнофранцузские диалекты, окситанский, фриульский.

«Регулярный» плюсквамперфект, образованный при помощи имперфекта вспомогательного глагола (*avait fait*) во французском языке первоначально был связан со значением «результатирующее состояние в прошедшем». В дальнейшем он стал нейтральным способом выражением таксиса, развив также (к XX веку) фактически все значения «зоны сверхпрошлого», вплоть до вежливой просьбы, не говоря уже об антирезультативном (подробнее см. ниже, 3.5.1). Эта эволюция и стала, видимо, одной из причин того, что надежды на великое будущее сверхсложных форм, высказанные в [Foulet 1925] и [Cornu 1953], — этим формам предстояло якобы стать неотъемлемой частью литературного языка, образовав «новый претерит», — не оправдались; на большей части франкоязычной территории значения ‘исчерпание ситуации’, ‘прекращение ситуации’ и ‘аннулированный результат’ стали выражаться «обычным» плюсквамперфектом. Такое же развитие претерпел регулярный плюсквамперфект в итальянском и испанском (см. там же, 3.5.1), а также в варианте окситанского — лимузенском [Dahl 1985: 147]. Это же верно, как мы видели выше, и для литературного немецкого языка.

Таким образом, наиболее типичным результатом сосуществования сверхсложной формы ретроспективизированного прошедшего и «регулярного» плюсквамперфекта в глагольной системе является их квазисинонимия, с более богатым набором дополнительных значений у сверхсложной формы (зачастую выходящими за пределы плюсквамперфектной зоны значений).

3.4.3. Остаточные системы: сверхсложные формы как показатели неактуального прошедшего и антирезультатива

В данном разделе речь пойдет о системах с одной формой, восходящей к сверхсложному плюсквамперфекту, где вторая форма подвергается утрате.

Обратим внимание, что языки, утратившие форму «регулярного» плюсквамперфекта (это происходит, как правило, с утратой формы неперфектного прошедшего), ограничивают сверхсложные формы (которые, тем самым, становятся единственными формами плюсквамперфекта в языке) не-таксисными употреблениями. Естественное последствие для глагольной системы — понижение роли таксиса как категории.

Это верно для цюрихского варианта швейцарско-немецкого диалекта [данные и примеры по Squartini 1999: 63—68], где ретроспективизированный перфект, образованный при помощи причастий прошедшего времени от глаголов ‘быть’ или ‘иметь’ (*ghaa* и *gsii*, соответствующих литературным немецким *gehabt* и *gewesen*), обязателен в значении ‘результатирующее состояние в прошлом’ (с обстоятельством времени, указывающим на точку отсчёта):

Won ich en bi go sueche, hät er scho züglet ghaa

‘Когда я стал его искать, он уже уехал’

и имеет значение ‘аннулированного результата’:

К: Говорящая перепутала имена в списке и исправляет ошибку:

Ich ha s verwächslet ghaa.

‘Я перепутала это [а теперь понимаю ошибку и исправилась]’

К: Две служащие магазина ищут покупку, забытую покупателем в магазине. Одна говорит, что не может найти её. Другая возражает:

Ich ha s gsee ghaa!

‘Я видела это [а теперь не могу найти]’

К: Сообщается о телефонном звонке, происшедшем, когда адресата не было дома.

S Ursi hät dich gsuecht ghaa.

‘Урси искала тебя’ [тебя не было, так что «прагматические последствия звонка отсутствуют»]

в то время как в значении «прошедшее в прошлом» (с обстоятельством времени, указывающим на время совершение действия) недопустим:

Im 1990 bin ich en go sueche, aber es isch z spaat gsii. Er hät nämlich zwäi Jaar voorheer... uf Bern züglet (*ghaa).

‘В 1990 году я стал искать его, но было слишком поздно. Действительно, он за два года до того... уехал в Берн’.

Сравни антирезультативное употребление ретроспективизированного перфекта (в данном случае в форме «пересказывательного» конъюнктива) в газете Passauer Neue Presse (Пассау, Бавария, у самой границы с Австрией):

‘Wir waren einfach in Not’, berichtete die 37jährige Veronika Rahm. Aus gesundheitlichen Gründen habe sie den Pachtvertrag für eine Gastwirtschaft gekündigt gehabt und mit ihrer Familie auf der Straße gestanden [Eroms 1984: 348]

‘«Мы были просто-напросто в нищете», сказала 37-летняя Вероника Рам. По состоянию здоровья она разорвала арендный договор с гостиницей и оказалась на улице вместе с семьёй’.

Здесь антирезультативное значение («исчерпанность ситуации к моменту речи», [ibid.:349]) сочетается с таксисным, которое свойственно ретроспективизированным формам конъюнктива в немецком языке (см. ниже, 3.4.5).

Похожую эволюцию претерпевает и ретроспективизированное прошедшее (*был* + л-форма)⁵⁷ в славянских языках. Эволюцию системы плюсквамперфекта «ретроспективизированный vs. „регулярный”» в сторону сохранения единственной (как правило, антирезультативной) формы можно проследить на примере сербохорватского языка, в котором она разворачивается как раз в данный период, на глазах исследователей. Современный сербохорватский язык утрачивает как аорист, так и имперфект; различия между

⁵⁷ В македонском и болгарском языках подобную форму нельзя рассматривать как ретроспективизированную; она развивает там эвиденциальное значение, свойственное сложному прошедшему в этих языках (см. главу 2).

ними с одной стороны и л-прошедшим (обоих видов) с другой стороны носят регистровый, стилистический характер [Thomas 2000: 119]; впрочем, аорист имеет ряд дополнительных значений [Кречмер, Невекловский 2005: 164, см. также выше, 2.4.1]. Поэтому «регулярный» плюсквамперфект, образованный при помощи имперфекта вспомогательного глагола (*on beše napisao*) и перфект *je napisao / napisala*, ретроспективизируемый при помощи согласуемого причастия глагола (*je bio / bila napisao / napisala*) также функционируют как стилистические варианты, однако несравненно более частотен второй (первый служит для «архаизации текста» [Thomas 2000: 119]; «может встречаться в беллетристике и поэзии как характеристика индивидуального авторского языка» [Кречмер, Невекловский 2005: 164]). Оказывается, что этот последний не может встречаться в контексте, характерном для западноевропейской «последовательности времён» (так, пример из романа Ф. Мориака «Тереза Дескейру»

Il me demanda si j'avais lu *La Vie du Père de Foucauld* [Thomas 2000: 120]

‘Он спросил меня, читала ли я «Житие отца де Фуко»’

переводится на сербохорватский при помощи аналитического прошедшего времени:

Upita me da li sam čitala ‘Život oca Fukoa’).

Употребление в значении ‘результатирующее состояние в прошедшем’ факультативно, как показывают два перевода⁵⁸ предложения из романа А. Камю «Посторонний»:

⁵⁸ Первый из них сделан белградским, второй — загребским переводчиком; однако это несущественно, т.к. П.-Л. Тома не удалось обнаружить различий между употреблениями плюсквамперфекта в сербском и хорватском вариантах языка.

J'ai voulu fumer une cigarette à la fenêtre, mais l'air avait fraichi (PQP) et j'ai eu un peu froid.

Hteo sam da popušim cigaretu na prozoru, ali vazduh je postao (P) svežiji i bilo mi je pomalo hladno.

Htjedoh popušiti cigaretu na prozoru, ali je bilo zahladnjeto (PQP) pa mi je bilo malo hladno.

‘Мне захотелось покурить у окна, но воздух [уже] сделался свежее, и мне стало чуть-чуть прохладно’.

Ретроспективизируемый перфект употребляется в результативных контекстах вроде ‘Когда мы приехали, они ушли’ для снятия двусмысленности; однако и в этом случае грамматикализуется употребление наречия *već* ‘уже’, которое позволяет «сэкономить» на этой форме⁵⁹.

Обязательным же является употребление этой формы в значении ‘аннулированного результата’:

Ja сам га била oprala. Otkud sad na njemu ove mrlje?

‘Я мыла / стирала эту вещь. Откуда же на ней взялись эти пятна?’

Согласно описанию Тома, эта форма сохраняет ограничения, близкие к тем, которые свойственны французскому *passé surcomposé* (в «литературном» употреблении) и соответствующей румынской форме: её принимают (почти исключительно) только глаголы совершенного вида.

Подобная схема эволюции свойственна и паре «регулярный — ретроспективизированный плюсквамперфект» на пути от древнерусского к современным восточнославянским языкам.

⁵⁹ В русском языке употребление такого «плюсквамперфектного наречного компонента» вроде *уже, раньше, до этого* также фактически грамматикализовано [Comrie 1985: 70]: ср. ?*Ваня сидел на том месте, где лежала шляпа Пети*; подобные неестественные предложения часто возникают при непрофессиональных переводах с английского.

Известно, что уже в старейших восточнославянских памятниках засвидетельствована, помимо «регулярной» (со вспомогательным глаголом *быти* в имперфекте или аористе; о возможных различиях между этими формами речь пойдёт ниже, 3.5.3.) также и сверхсложная форма, чаще без вспомогательного глагола настоящего времени, типа *ходилъ былъ* [van Schooneveld 1959: 134-140; Горшкова и Хабургаев 1997: 326]. Преобладание усечённой формы в памятниках связано с тем, что обычно она встречается в третьем лице, где в древнерусском перфекте связка отсутствует по общему правилу (см. выше, 2.3.6.). В тех редких случаях, когда сверхсложный плюсквамперфект встречается в первом или во втором лице, употребляются два вспомогательных глагола.

Так как она не отмечена в старославянском, её нередко называют «русским плюсквамперфектом»; данное название означает, что в книжных древнерусских памятниках она является бесспорным отражением живой русской речи того времени, но, конечно, никак не эндемичность конструкции в славянском мире. Этой форме и типологическим её свойствам посвящена наша совместная с П. В. Петрухиным статья [Петрухин, Сичинава 2005].

Соотношение между двумя плюсквамперфектами в древнерусских памятниках достаточно близко к западноевропейскому распределению данных форм. «Регулярный» плюсквамперфект засвидетельствован в основном в летописях, и там он «почти всегда функционирует как относительное время, а именно, передаёт действие, предшествующее другому действию в прошлом (иначе говоря, имеет нормальное „плюсквамперфектное“ значение)» [Зализняк 1995/2004: 175]. Действительно, за исключением немногочисленных примеров, где можно предполагать семантическое влияние несомненно присутствовавшей в живой речи сверхсложной формы (о них см. ниже), круг употреблений этой формы именно таков:

А кто баше вѣбегль въ каманья божнице съ товары, а тоу изгорѣша и сами съ товары [Синодальный список Новгородской первой летописи, 1134]

‘Те же, кто со своим товаром укрылся в каменных церквях, так там и сгорели вместе с товаром’.

Сверхсложная форма в берестяных грамотах лишь один раз встрети­лась в таксисном значении — в грамоте № 366 XIV века:

С<е> уряд<и> са Йков<е> съ Гюрьг<е>м<ъ> и съ Хар<и>тоном<ъ> по б<е>судьной грамотѣ, цто быль в<ъ>заль Гюрьг<и> грамоту в ызьѣж<е>ной пыш<е>н<и>цѣ...

‘Вот расчелся Яков с Гюргиём и с Харитоном по бессудной грамоте, которую Гюргий взял [в суде] по поводу вытопанной при езде пшеницы’.

В остальных случаях функция данной формы менее тривиальна. Г. А. Хабургаев [1978: 51] пишет, что «русский плюсквамперфект» указывает на «действие или состояние, впоследствии (не обязательно в прошлом!) «отмененное» или нереализованное, прерванное и т. п.». А. А. Зализняк описывает её так: «Она состоит в обозначении события в прошлом как такового, без подчёркивания его связи с настоящим. Речь может идти, в частности, о событии, которое произошло вчера (а не сегодня), в прошлом году (а не в нынешнем), давно (а не только что) и т. п. Семантический элемент предшествования другому событию в прошлом при этом отсутствует. Как правило это те ситуации, где в книжном языке был бы употреблён аорист» [1995/2004: 175].

Одна из самых интересных семантических особенностей сверхсложного плюсквамперфекта — это дискурсивный «сдвиг начальной точки». «В ряде случаев фраза с плюсквамперфектом стоит в самом начале рассказа... Далее могут описываться какие-то другие события... но первая фраза уже относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого. В книжном тексте сказуемое такой фразы должно было бы стоять в аористе» [там же]. Наиболее яркий пример — длинный нарратив из грамоты № 724 (вероятно, 1161—1167 г., судя по содержанию), начинающийся так:

Оставили ма были людье, да остатъ дани исправити было имъ досени, а по первому пути послати и отъбыти проче. И заславъ, Захарья въ в<ѣ>рѣ урокль...

‘Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первоупутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав человека, клятвенно заявил...’

Кроме того, отмечены и употребления с семантикой ‘отменённого результата’; А. А. Зализняк интерпретирует их просто как «аористическое значение», «прошедшее, не связанное с настоящим моментом» [оба примера — Зализняк 1995/2004: 176].

Хочю искати Новагорода . и добромъ и лихомъ . а хрѣтъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, како имѣти мене княземъ собѣ [Ипатьевская летопись, запись 1161 г., л. 182]

‘Хочу добиваться Новгород и добром, и лихом, а вы целовали мне крест, что желаете иметь меня князем’

Но обращение к контексту позволяет серьёзно конкретизировать это верное наблюдение. Здесь речь идет о претензиях Андрея Юрьевича Боголюбского на власть над Новгородом. Речь Андрея обращена как раз к новгородцам, которые его сейчас не признают князем. Таким образом, результат их присяги аннулирован; они, если воспользоваться выражением из грамоты № 724, уже «высягнули» и вышли из повиновения. Совершенно аналогичный пример Зализняк приводит из позднерусской московской грамоты:

Что и^х села в Радонѣжи... и газь кня^з велики велѣль бы^л своаму волостелю радонѣжскому... хрестья^н и^х судити. И нонича есми их пожаловаль... хрестья^н и^х в те^х ихъ селехъ... судити не велѣль (из грамоты Василия II Тёмного, 1455—1462 г.)

‘Что касается их сёл в Радонеже, то я, великий князь, (раньше) велел крестьян этих сёл судить своему радонежскому наместнику. А ныне я их

пожаловал (дал привилегию), а именно не велел судить крестьян этих сёл в их сёлах’

Чрезвычайно характерно для семантики этой формы, что в том единственном случае, когда «русский плюсквамперфект» встретился в памятниках с глаголом необратимого результата (*умьрѣти*), речь идёт о смерти, за которой последовало чудесное воскресение из мертвых:

И влѣзучи есть во врата градка того, на деснѣй руцѣ есть пещера, и въ той пещерѣ есть гробъ сватаго Лазаря; и въ той келии Лазарь болѣлъ, туже и умерль былъ. (Хождение игумена Даниила)

‘И, если войти в ворота того городка (Вифании), то по правую руку там есть пещера, в которой находится гробница святого Лазаря; а в той келии Лазарь болел, там же и умер’.

Имеется в виду «ретроспекция со времени второй жизни Лазаря на тот период, когда он был мёртв» [van Schooneveld 1959: 136]; форма *умерль былъ* говорит о хорошо известной читателям Даниила первой смерти Лазаря, после которой Иисус воскресил его; просто *умерль* означало бы, что воскресения не было.

В книжных памятниках (особенно в тех, которые и по другим параметрам достаточно близко стоят к разговорной древнерусской речи, например, в «Вопрошании Кирикове» XII в.) отмечены и немногочисленные примеры употребления регулярного плюсквамперфекта в значениях, свойственных сверхсложному. Можно предполагать, что данные типы употреблений проникали в памятники под влиянием семантики сверхсложного плюсквамперфекта, присутствовавшего в разговорной речи древнерусских писцов. Аналогичная гипотеза выдвинута и П. В. Петрухиным в его диссертации [Петрухин 2004]: «Вероятно, разговорная форма, которую летописец мог также встречать (и использовать) в деловой и бытовой письменности, каким-то образом влияла на интерпретацию и употребление им книжного плюсквамперфекта. Неясно, однако, насколько сильным было это влияние. Понятно лишь, что две формы отнюдь не тождественны: так, „русский

плюсквамперфект“ мог выполнять функцию „сдвига начальной точки“ <...>, с другой стороны, книжная форма свободно образовывалась от глаголов типа *умьръти*, *убити* и т. п., причем в контекстах, не оставляющих сомнения в результативности соответствующих событий». Характерно, что практически все эти примеры представлены в прямой речи, где книжные формы, по-видимому, если реально и употреблялись, то ограниченно; скорее всего, мы имеем дело с результатом «пересчёта» сверхсложной формы в более привычную для книжного текста регулярную:

ω еретиче...! Помнишь ли, жидовине, въ которыхъ порьтѣхъ пришелъ башеть? Ты нынѣ в оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ (Ипатьевская летопись, запись 1175 г., л. 208 об.) [Зализняк 1995/2004: 176]

‘О еретик! Помнишь ли, иудей, в каких ты одеждах (сюда) (некогда) пришѣл? Теперь ты стоишь в оксамите (дорогой ткани), а князь лежит нагой’

Согласно Зализняку, здесь «плюсквамперфект просто показывает значительное отстояние во времени от настоящего момента»; с нашей точки зрения, здесь еще и дополнительно маркируется разрыв плана прошедшего и настоящего — раньше ключник Анбал, убийца князя, носил бедную одежду, а теперь носит богатую. К этому же классу случаев следует отнести значение ‘аннулированного результата’ или ‘прерванного действия’ [там же: 177]:

И самъ баше пошелъ, но вороти и Аркадъ еп^спъ новгородский (Ипатьевская летопись, запись 1159 г., л. 177 об)

‘И сам он отправился было, но епископ новгородский Аркадий велел ему вернуться’

А Йрославъ нача полкы копити на Новьгородъ, и бѣ послалъ къ ц^срю татарську Ратибора, помочи проса на Новьгородъ. И се учювь кнзь Василии Йрослави^ч <...> поѣха в татары, поима съ собою Петрила Рычага и Михаила Пинещинича, и възврати татарскую рать. Тако рекъ ц^срви: «Новгородци прави, а Йрославъ виновать», — уже бо баше ц^срь

отпустиль рать на Новъгородъ по Ратиборову лживому слову (Новгородская первая летопись, запись 1270 г., л. 148 об.-149)

‘А Ярослав начал собирать войско против Новгорода, и послал было к татарскому царю Ратибора, прося помощи против Новгорода. Князь Василий Ярославич, услышав это, отправился к татарам, взяв с собой Петрила Рычага и Михайла Пинешкинича, и вернул татарское войско. Он сказал царю: «Новгородцы правы, а Ярослав виноват», — потому что уже царь отправил было войско на Новгород по лживому слову Ратибора’.

Комментируя последний пример, П. В. Петрухин отмечает: «Если вторая форма плюсквамперфекта указывает на предшествование ранее упомянутому действию (*възврати*), то первая вовсе не обязательно подразумевает, что Ярослав сначала послал к «царю» за подмогой, а затем уже начал *полкы копити*: здесь скорее существенно то, что эта затея в конечном счете провалилась» [Петрухин 2004].

Особый интерес представляют употребления плюсквамперфекта в «Вопрошании Кирикове». Скорее всего, здесь представлено нечастое у данной формы экспериенциальное значение (отмеченное у сверхсложного плюсквамперфекта, например, в южнофранцузских говорах и окситанском языке).

А еже пьянь моужь попхноули бахоу, запенше ногою, и оумреть?
(Ильино 17)

‘А если пьяного человека толкнули, задев ногой, и он умрёт?’

Ходили бахоу ротъ, хотяче въ Иероусалимъ (Ильино 22)

‘Приносили роту (клятвенное обещание), желая отправиться (в паломничество) в Иерусалим’

А. А. Зализняк указывает, что «в обоих случаях перед нами полное высказывание (описывающее ситуацию, которая требует комментариев епископа)» [1995/2004: 176]. Однако здесь едва ли можно усмотреть «аористическое» значение, заключающееся «в обозначении события в прошлом как такового, без подчёркивания его связи с настоящим»: наоборот, сообщение о событии носит явно прагматическую цель, оно (с точки зрения канонических

последствий)⁶⁰ актуально для спрашивающего, от комментариев епископа зависит его оценка. Перфект здесь не употреблён именно потому, что перед нами не (обязательно) передача конкретного единичного события, а обозначение некоторого (абстрагированного) «опыта», ссылки на то, что «бывало». Практически наверное в данном случае мы имеем дело с пересчётом употребления сверхсложного плюсквамперфекта (**попыхнули были, *ходили были*) в более привычный для церковного текста морфологический облик.

Итак, в языке древнерусских летописей представлено соотношение, практически аналогичное соотношению регулярного и ретроспективизированного плюсквамперфекта в европейских языках. «Книжные» формы плюсквамперфекта, образуемые при помощи синтетической формы вспомогательного глагола, в нормальном случае сохраняют таксисное значение; значение аннулированного результата и прекращённой ситуации, судя по контекстам, связаны с влиянием «русского» сверхсложного плюсквамперфекта. Кроме того, книжные формы могут выражать значение результирующей ситуации в прошедшем. Сверхсложные формы выражают значения, связанные с зоной неактуального прошедшего: прекращённая ситуация, аннулированный результат, а также дискурсивная функция «сдвига начальной точки».

В современном русском языке сверхсложная форма в лице своего «потомка» — конструкции с частицей *было* — ограничивается теперь значениями «прекращённой ситуации» (с ограниченным числом глаголов несовершенного вида) и антирезультативными значениями. [см. подробнее Barentsen 1986, Шоштайшвили 1998, 1998б и Князев 2004].

Представляется вполне вероятным, что эта форма испытала влияние финно-угорского субстрата: во-первых, заслуживает внимания гипотеза Д. Вайса о том, что формы вроде *жили-были* не связаны с исконным плюсквамперфектом, но представляют собой кальку с финно-угорских «двойных глаголов» [Ткаченко 1979], [Вайс 2003]. Во-вторых, русское *было* со значением «прерванного действия» и «аннулированного результата» также

⁶⁰ Известно, что церковь на Руси вела борьбу и с ротой как языческим обычаем, и с массовым (после взятия крестоносцами Иерусалима в 1099 г.) увлечением паломничествами, принявшим форму показного благочестия.

может быть объяснено влиянием финно-угорских форм вроде удмуртского показателя *вал* (исторически также 'быть:ПРОШ'). (Подобную гипотезу выдвигает И. А. Шоштайшвили [1998: 78]: «В тех волжских и пермских языках, в которых антирезультативное значение зафиксировано Б. А. Серебренниковым, оно выражается через значимый глагол в настоящем, прошедшем или перфекте и застывшую форму 3Sg глагола БЫТЬ. Эта конструкция достаточно похожа на русскую конструкцию с БЫЛО... что может свидетельствовать о заимствовании с той или другой стороны, однако эта гипотеза требует более тщательной проверки»). Вместе с тем полностью аналогичное развитие плюсквамперфекта в украинском языке, без какого бы то ни было финно-угорского влияния, показывает, что это последнее, хотя, вполне возможно, и внесло вклад в формальную структуру русской конструкции с *было* (автономизация *было* как «частицы», утрата согласования), не явилось определяющим для его семантики.

Действительно, соответствующая украинская глагольная форма (*почав був*, в традиционных грамматиках — «плюсквамперфект» или «давнопрошедшее»), как показано в [Chinkarouk 1998], также ограничивается значениями «аннулированного результата» (как правило, с глаголами совершенного вида) и «прекращенной ситуации» (как правило, с глаголами несовершенного вида):

Тільки зібралась була в кіно, прибігають з викликом до Чередниченка, — треба ставити банки голові. [Гончар, «Берег любви», цит. по Chinkarouk 1998: 50]

‘Только она собралась в кино, как прибегают с вызовом к Чередниченко, — нужно ставить банки [сельскому] голове’.

Я пам’ятаю, відкривався тоді ще географічний інститут. Я й туди хотів був вступити, та перешкодили якісь події. [Довженко, цит. по *ibid.*:47]

‘Я помню, тогда открыли еще географический институт. Я и туда хотел было поступать, но [мне] помешали какие-то обстоятельства’.

Согласование сохраняется также в части западных ([Рыко 2002: 183], см. также выше) и северных русских говоров. Формам плюсквамперфекта в последних (архангельских и вологодских) посвящены статьи [Пожарицкая 1991,

1996]; анализ этих форм в типологическом освещении и сопоставление их с древнерусским материалом см. также в [Петрухин, Сичинава 2005]. Здесь для этой формы таксисные значения также не характерны, однако значение отменённого результата — далеко не единственное. Представлены следующие значения из «зоны сверхпрошлого»: значение неактуального прошедшего («основное значение этой глагольной формы — разрыв с настоящим, отдалённость от настоящего, которое не является прямым результатом действия или события, обозначенного плюсквамперфектной формой» [Пожарицкая 1991: 792], «показ разрыва с настоящим, отдалённости от настоящего, неактуальность результата действия для момента речи» [Пожарицкая 1996: 273]):

В Мосеево вся деревня была сгорела.

Всё комсомольцы были разорили.

Сколько-то тоже был он ведь сидел, а потом-то всю жизнь председателем работал.

Кудряшка была пела ходила⁶¹ померла уж.

Я тоже на Татьяну-ту ругалась-то была.

Что же касается значения аннулированного результата, характерного для конструкции с частицей *было* в литературном языке, то оно, согласно Пожарицкой, в обсуждаемых говорах представлено в меньшинстве (хотя и значительном) случаев:

Сын-от женился был на учительнице, да запил — она его выгнала.

Така бывалошна чистенка-та стара была, вся заросла была, дак вот дед-от подчистил.

⁶¹ Перед нами так называемый «двойной глагол», от которого целиком (а не от какого-то одного из двух) образуется рассматриваемая диалектная конструкция. Явление «сериализации», или «двойных глаголов» (типологически хорошо известное), в русском языке связывается с финно-угорским субстратом (ср. применительно к русскому материалу [Вайс 2003]).

Не исключено, судя по указанию на «большую дейктическую самостоятельность *было*, которое как бы вводит ситуацию прошедшего времени, о котором ведётся рассказ» [Пожарицкая 1991: 790]), что значение «сдвига начальной точки» также представлено в анализируемом материале. К сожалению, в обсуждаемых статьях не приводятся фрагменты текстов (только отдельные предложения), а диагностировать дискурсивные функции той или иной глагольной формы можно, только располагая полным текстом или, по крайней мере, достаточно широким контекстом примера. В цитируемых С. К. Пожарицкой примерах «введение ситуации прошедшего времени» совмещено с семантикой ‘прекращённой ситуации’:

У меня мама-то было была.

Было у нас еропорт был воде.

Таким образом, в языках, переживших разрушение системы с двумя плюсквамперфектами (утрата старшего, «регулярного», плюсквамперфекта и сохранение нового, сверхсложного) эта последняя форма специализируется на значениях из области «неактуального прошедшего» — вполне аналогично одному из возможных диахронических путей развития системы с плюсквамперфектными соответствиями аориста и перфекта (см. выше, 3.3.3).

3.4.4. Эвиденциализация сверхсложных форм

Как уже говорилось в связи с обсуждением путей эволюции перфекта (Глава вторая, 2.3.2), в значительной части языков перфект принимает, через посредство инферентивных контекстов, эвиденциальные значения, связанные с непрямой засвидетельствованностью ситуации. Такое изменение происходит, прежде всего, в языках «эвиденциального пояса Старого Света» (термин из [DeLancey 1997]), в языках балканского языкового союза, большинстве тюркских, иранских, прибалтийско-финских и финно-волжских языков ([Guentchéva 1996b : 12]); однако это явление не является ареальным, будучи отмеченным еще, например, в гренландском эскимосском [см. также Mennescier, Robbe 1996] и тукано (Боливия) [Bybee et al. 1994: 95]. В связи с тесной связью способов выражения перфекта и плюсквамперфекта практически во всех этих

языках встаёт вопрос об отражении этой эволюции также и в плане предпрошедшего.

Оказывается, что во всех этих языках эвиденциальное развитие затрагивает не «регулярный» плюсквамперфект (вспомогательный глагол в простом претерите + причастие вспомогательного глагола), а форму, структурно аналогичную европейским сверхсложным формам (вспомогательный глагол в перфекте + причастие вспомогательного глагола); рассмотрение такого типа сверхсложных форм имеется в [Litvinov, Radčenko 1998].

Так, в современном персидском языке перфект (образующийся при помощи глагольного причастия на *-e* и связки в форме настоящего времени, которая, впрочем, в разговорном языке может опускаться [Lazard 1996: 22]) передает как эвиденциальные и близкие к ним (напр., адмиративное, ‘противоречие ожиданиям говорящего’), так и неэвиденциальные значения; в частности, «высказывания с перфектом, которые можно принять за примеры миратива, всегда можно интерпретировать как результативный перфект»:

ajab bârân qat’ šode-ast!

‘Глянь-ка, дождь кончился!’

В то же время персидский плюсквамперфект, образованный также от причастия на *-e*, не имеет эвиденциальных употреблений, а ограничивается типологически известной для плюсквамперфекта семантикой:

‘результатирующее состояние в прошедшем’:

[К: X: Вчера мой брат пролетел по лестнице с котлом супа через шесть ступенек. Y:

Наверное, суп разлился. X: Нет,]

âxe mohkam dar dahaneš gerefte bud [Хадарцев 2001: 131]

‘...ведь он крепко держал его во рту (букв. «взял его в рот»)’

‘аннулированный результат’:

dorost karde budam vali sage xord keiko [Jahani 2000: 194]

‘Я испек [=сделал готовым] кекс, но собака его съела’

Форма эвиденциального плюсквамперфекта образуется, как и все прочие формы «второго ряда», при помощи причастия глагола на *-e* и связки ‘быть’ в форме перфекта; Ж. Лазар прямо именует их *passé surcomposé*, «сверхсложное прошедшее».

Семантика их – сочетание элементов канонической полисемии плюсквамперфекта и эвиденциальных значений:

Предпрошедшее пересказывательное:

xodeš barâye man goft ke in kâro dar baččegi karde bude [Jahani 2000: 200]

‘Он сам говорил мне, что делал это в детстве’

Предпрошедшее инферентивное:

az suxanoni modaraš mo fahmidem ki u kayho ba šahr kūčida buda-ast [ibid.: 200]

‘Со слов его матери мы поняли, что он давно уже переехал в город’

Прекращенная ситуация + пересказывательное:

sâbeqan rânandegi karde bude vali al’ân nemitune rânandegi bokome [ibid.:200]

‘Раньше он, [дескать], водил машину, теперь он не может водить её’.

Параллелизм двух рядов прошедшего времени – незвиденциального и эвиденциального – наличествует и в близкородственном персидскому таджикском языке [Lazard 2000: 222]; соответствующие формы плюсквамперфекта – *karda-bud* vs. *karda buda-ast* (в диалектах стяжение – *kardud, kardudas*).

Согласно современным описаниям другого иранского языка – курдского (диалект курманджи) (см. работу [Bulut 2000: 174]), в курдском языке также образуется параллельная форма; к форме плюсквамперфекта (образованной при помощи прошедшего времени и глагола *bûn* ‘быть’) добавляется *e* – связка ‘быть’ в настоящем времени. Значения этой формы также соответствуют различным комбинациям эвиденциальных и плюсквамперфектных значений:

Давнопрошедшее пересказывательное:

Wi du sal berê dibistan xelas kırîbûye [Bulut 2000 : 174]

‘[Говорят, что] он окончил школу два года назад’

Предпрошедшее инферентивное:

Gava ku tu hatiyî, ez çû bûme [ibid.]

‘[Насколько я понимаю], я уже ушёл, когда ты пришёл’.

«Простой» же плюсквамперфект (*hatibûn* ‘я погулял’) входит в курдском языке, в отличие от перфекта, в ряд индикативных, а не «индирективных» (эвиденциальных) форм. [ibid.: 175, 183–184].

В багвалинском языке (андийская подгруппа аваро-андо-цезской группы дагестанских языков) перфект (образованный при помощи аналитической конструкции «претеритное деепричастие на *-o* + глагол *ek'a* ‘быть (наст.вр.)’)⁶² имеет четыре значения («употребления» или «интерпретации»): результативное, собственно перфектное, адмиративное и заглазное (включающее два подзначения: пересказывательное и инферентивное) [Татевосов 2001: 295—296, Майсак, Татевосов 2001: 349—353, там же примеры]; «адмиративная интерпретация, как правило, присутствует в сочетании с заглазной» [Майсак, Татевосов 2001а: 353]; возможность той или иной интерпретации определяется лексическими ограничениями [там же: 350].

Багвалинский плюсквамперфект, образующийся при помощи претеритного деепричастия на *-o* и прошедшего времени вспомогательного глагола ‘быть’, выступает как «аналог перфекта» [там же: 356], обладая результативным употреблением:

⁶² В багвалинском языке есть ещё один плюсквамперфект, без показателя деепричастия *-bo* (и могущий быть проанализирован как «претерит + вспомогательный глагол *buk'a*»). Возможно, для него менее характерны антирезультативные употребления; но в целом различие употреблений этой формы и обычного плюсквамперфекта остаётся неясным; оно чётко выражается лишь в разной степени сочетаемости с некоторыми глагольными лексемами. (Неопубликованные экспедиционные материалы сообщены нам Т. А. Майсаком).

guriŋ č'ihī Xindi t'erērōb bežun buk'a t'erēbo [там же: 356]

‘Рубашка была застегнута булавкой’ (букв. «сверху на рубашке была воткнута втыкаемая игла»)

Багвалинский плюсквамперфект развивает и значения, характерные для «зоны сверхпрошлого»:

аннулированный результат:

den hungar guhano ruk'a [там же: 355]

‘Я открывал окно’

давнопрошедшее:

šešerda aramur q.ajq.aj urRiribo buk'a [там же: 355]

‘Давным-давно люди изобрели письменность’

дискурсивная функция «сдвиг начальной точки» – плюсквамперфект «вводит точечное событие, которое служит отправным пунктом для дальнейшего повествования»:

šaha dē s'ajlā jeŋjo juk'a

‘В прошлом году я ездила [поступать] учиться’ [первая фраза нарратива; там же: 366].

Плюсквамперфект, в отличие от перфекта, «не имеет заглазных употреблений» [там же: 356]; багвалинский язык располагает зато, как и иранские (эту параллель приводит и С. Г. Татевосов [2001: 294]), рядом аналитических форм «перфектной серии», образующихся при помощи перфекта вспомогательного глагола ‘быть’, которые и выражают значение косвенной засвидетельствованности. Этот ряд включает и форму «заглазного плюсквамперфекта»:

ebeb han ebeb tuXumlaš Xindi sanilibo buk'abo ek'a [там же: 297]

‘Каждое селение образовалось из каждого тухума’.

Несомненную близость по рассматриваемому параметру с иранскими и дагестанскими языками проявляют некоторые тюркские языки — чувашский, башкирский и узбекский; правда, здесь соответствующие конструкции лишь частично аналогичны европейским сверхсложным с формальной точки зрения. Чувашский перфект (образующийся при помощи причастия на *-нӑ*) имеет как пересказывательные, так и собственно перфектные значения [Егоров 1957: 196]; соответствующая форма, ретроспективизированная при помощи показателя — *ччӗ*, лишена эвиденциальных значений (ограничиваясь, судя по примерам, семантикой ‘прекращенной ситуации’ и ‘аннулированного результата’):

Сӗреке Ваҫки ҫинчен мана Макҫам пичче ҫакна каласа кӑтартнӑччӗ [там же: 199]

‘Вот что некогда рассказывал мне дядя Максим о Ваське Сергееве’.

Для передачи косвенной засвидетельствованности необходимо использование вместо *-ччӗ* показателя *пулнӑ*, исторически представляющего собой перфектное причастие на *-нӑ*; таким образом, структурно такая форма аналогична бывшим сверхсложным формам, утратившим вспомогательный глагол в настоящем времени (например, в славянских языках). «Глагол *пулнӑ* вместо *-ччӗ* употребляется в тех случаях, когда рассказчик сам не был очевидцем тех событий, о которых он рассказывает...

Ку хире ҫулсерен тӗштырӑ акса тӑнӑ пулнӑ, кӑҫал кок-сагыз акас тетпӗр
‘В прежние годы это поле засевалось обыкновенно зерновыми культурами, а в нынешнем году мы предполагаем засеять его кок-сагызом’.

В этом примере *акса тӑнӑ пулнӑ* указывает на то, что говорящий раньше не интересовался этим участком, он только констатирует, что в прежние годы жители использовали его так, а теперь они и сам говорящий заинтересованы в его использовании иначе. Если бы в этом предложении стояла форма с *-ччӗ*: *акса тӑнӑччӗ*, то это означало бы то, что говорящий и сам вместе с другими

всегда участвовал в использовании этого участка» [пример и комментарий: Егоров 1957: 200].

В башкирском языке также имеется «прошедшее неопределённое время» (финитная форма на *-ған*) с пересказывательной, адмиративной и инферентивной семантикой [Юлдашев (ред.) 1981: 274–275]. Морфологически соответствующая ему форма (на *-ғайны/-ғәйне* < *-ған+ине* ‘быть (прош.вр.)’ [Дмитриев 1948: 160]) носит уже название «предпрошедшего определенного» и соответствует «очевидному действию в прошлом, которое произошло раньше другого действия» [Юлдашев (ред.) 1981: 276]; все приводимые примеры соответствуют значению ‘результатирующее состояние в прошедшем’ (семантика этимологически тождественных форм прочих тюркских языков — на *-ған эди* — подробно обсуждается в [Юлдашев 1965: 167—184]):

Заһит ревкомдан сыҡ' җанда, буран көндөзгөгә җарағанда
ла көсәйгәйне

‘Когда Загит вышел из ревкома, уже шёл [=начался] сильный буран’

Эвиденциальный плюсквамперфект (употребляющийся, в частности, при перфектной нарративной стратегии, при рассказе «о событиях давно минувших времён, очевидцем которых говорящий не мог быть») образуется, как и в чувашском языке, при помощи перфекта вспомогательного глагола *бул-*: *алған булған* ‘он уже (оказывается) взял’⁶³:

Емештәр өйгә җайтып ингәндә, эңер төшөп, киске аш
вакыты еткән булған.

‘Когда Емеш и её подруги пришли домой, уже наступил вечер, пора было ужинать’.

Такая же особенность отмечена для плюсквамперфекта, образованного от имеющего заглазные и инферентивные употребления *-ған*-перфекта, и в узбекском языке. Д. М. Насилов [1999: 367–368] отмечает, что «модальный

⁶³ Эвиденциальная семантика у этой формы представлена также в татарском и кумыкском языках ([Юлдашев 1965: 202—203]).

показатель» *экан* (перфект от глагола «быть») «в контексте относительных времён входит в состав аналитической формы времени, которая противостоит такой же аналитической форме с *эди* (претериту вспомогательного глагола – Д. С.) по признаку наличия значения эвиденциальности:

у кел-ган эди ‘он пришел’ (плюсквамперфект)

у кел-ган экан ‘он, оказывается, пришёл тогда’ (плюсквамперфект с пересказывательной семой)».

В связи с наблюдаемыми фактами встаёт такой вопрос: нельзя ли рассматривать «сверхсложные» формы эвиденциального плюсквамперфекта как изначально носящие эвиденциальную семантику и возникшие с целью «заполнить лауну» в системе (о теории «заполнения лаун» и её критике см. также подробно в Главе первой, 1.4.1, 1.4.3)? Действительно, после прращения перфекта в эвиденциальный претерит возникает оппозиция в плане прошедшего «эвиденциальность vs. неэвиденциальность», которой в плане предпрошедшего — т. е. среди форм плюсквамперфекта — ничего не соответствует; вторая форма призвана, таким образом, продлить эту оппозицию и на контексты, связанные с таксисом предшествования и «неактуальным прошедшим».

Мы считаем более вероятным, что «сверхсложные» формы первоначально носят собственно плюсквамперфектную семантику и затем эвиденциализируются. Во-первых, что касается теории «заполнения лаун», то среди языков «эвиденциального пояса Старого Света» есть немало таких, в которых лауна не заполняется — нет сверхсложной формы, но регулярный плюсквамперфект между тем не принимает никаких специально эвиденциальных значений: так обстоит дело в турецком (форма *-mişti*, по происхождению ретроспективизированный перфект на *-miş*, «лишён инферентивных *miş*-оттенков» [Johanson 1994: 262], «никогда не служит для выражения эвиденциальных значений» [Csató 2000: 40], см. о её значениях также выше, 3.3.1; это же верно, по-видимому, и для аналогичных форм типа *-мыш эди* и в тех прочих тюркских языках, где они представлены, [Юлдашев 1965: 184—188]), в узбекском (форма *-иб эди*, от эвиденциального перфекта на *-иб*: [Кононов 1960: 222], [Джураева 1968: 85]), в казахском (аналогичная форма

на *-n eđi* [СКЯ 1962: 342–346]), в грузинском [Boeder 2000: 296–298, 313] и в западноармянском (плюсквамперфект, образованный при помощи причастия на *-er* [Donabédian 1996 : 97–100]; перфект на *-er < -eal* в западноармянском имеет эвиденциальные употребления).

Во-вторых, в некоторых языках данного региона, например, в иранских, включая и средневековый персидский, отмечен сверхсложный плюсквамперфект (например, в диалектах дари: [Иоаннесян 1999: 73]) с неэвиденциальными («преждепрошедший перфект» и «давнопрошедшее») значениями; ср. аналогичную сверхсложную форму с результативной семантикой в хинди ([Липеровский 1976], см. также выше, Глава вторая, 2.2.3.1). Сверхсложная форма на *-ган полган* в хакасском, полностью этимологически тождественная разбиравшейся выше башкирской форме, имеет плюсквамперфектное (не эвиденциальное) значение, так как характерные для прочих тюркских языков плюсквамперфекты со вспомогательным *эди* в хакасском отсутствуют ([Юлдашев 1965: 203]).

В-третьих, развитие эвиденциальной семантики отмечено у сверхсложной формы в немецком языке (*habe gelesen gehabt*, она выражает пересказ форм плюсквамперфекта в чужой речи). Пример плюсквамперфекта конъюнктива в пересказывательной функции:

Sie sagte mir, als er Herrn Meier angerufen habe, habe er, Meier, seinen Artikel gerade gelesen gehabt [Thieroff 1992: 249]

‘Она сказала мне, что когда господин Майер позвонил ей, он, Майер, уже прочёл её статью’

В недавней работе [Levin-Steinmann 2004: 100ff, 249ff] с ней типологически сопоставляется болгарская сверхсложная форма, имеющая эвиденциальные, в том числе пересказывательные (но не всегда плюсквамперфектные) употребления. В болгарском имеется целый ряд эвиденциальных форм (с *-л*-причастием), и в нём перфекту и плюсквамперфекту соответствует форма, образованная при помощи *л*-формы вспомогательного глагола и *л*-причастия от совершенного вида смыслового глагола:

Станкевич не бил ходил в Пловдив. [Friedman 2000: 341]

‘Станкевич, [как говорят], никогда не посещал Пловдив’.

Образование этой формы вполне соответствует славянскому «новому» сверхсложному плюсквамперфекту (см. выше, 3.4.3). По схеме ‘бил+л-причастие’ образуются и формы «эмфатического» ряда (в болгарской традиции «формы за по-силно преизказване» [Фридман 1983: 118]), передающие значения ‘недостоверность информации’ и ‘ирония’; эти формы лишены специфически перфектного или плюсквамперфектного значения и «связаны... с серьёзными сомнениями по поводу этой информации и возможностью её оспорить» (см. также [Маслов 1956: 255])

Клинтон бил убедил американците за мисията в Босна [Guentchéva 1996 : 53; вышеприведённая трактовка примера принадлежит З. Генчевой]

‘Клинтон [якобы] убедил американцев в [необходимости военной] миссии в Боснии’ («эмфатический» аорист).

Война няма. Аз не съм чувал да има война. – Нямало било война!⁶⁴

Вземи вестника и ще видиш... [Фридман 1983: 121]

‘Войны нет. Я не слышал, чтоб была война. – [Ну да, как же], нет войны! Возьми газету и увидишь!...’ («эмфатический» презенс)

Заметим, впрочем, что перфекту и плюсквамперфекту в «эмфатическом» ряду никакая форма не соответствует, что связано с формальными причинами (невозможность сочетания **бил бил*).

Соответствующая форма со вспомогательным глаголом *e* ‘есть’ (о его факультативности в болгарском эвиденциальном перфекте см. выше, 2.3.6) носит инферентивное (‘умозаключение’) значение:

⁶⁴ И. А. Мельчук [1998: 200] рассматривает этот пример как употребление «цитатива для выражения недоверности» и даёт перевод ‘Говорят, что войны нет’ или ‘я сомневаюсь, что войны нет’. Согласно З. Генчевой, эта форма морфологически противопоставлена цитативу (*нямало война*); носитель болгарского (Е. Валчанова), с которой мы консультировались, подтверждает трактовку Генчевой.

(4.46) Защо не се е явил да разкаже всичко, каквото е знаел?.. Може би не е бил изяснил докрай някой обстоятелства. [Feuillet 1996: 84]

‘Но почему он не явился рассказать всё, что знал?.. Может быть, он [тогда еще] не выяснил досконально некоторых обстоятельств’.

А. Левин-Штайнман полагает [Levin-Steinmann 2004: 249ff], исходя из типологических соответствий и генетически идентичных форм в других славянских языках, что исходным у *бил*-форм является именно временное значение. Противопоставление болгарскому *беше*-плюсквамперфекта, не несущих значения ирреальности ситуации, таким образом, является вторичным.

Итак, в глагольных системах с эвиденциализацией перфекта эвиденциализируется не плюсквамперфект, образованный при помощи претерита, а «сверхсложная» форма (если таковая имеется в системе). Мы считаем, что эта последняя изначально имеет иную (не эвиденциальную) семантику, а не создаётся для «заполнения лакуны» в системе.

Однако именно объяснение, прибегающее к теории «заполнения лакун», напротив, вполне вероятно для систем, где имеется сверхсложная форма, образованная от регулярного плюсквамперфекта. Эти системы мы рассмотрим в следующем разделе.

3.4.5. Экскурс: дополнительно ретроспективизированный и «регулярный» плюсквамперфекты

В ряде языков со сверхсложными формами вышеописанного типа (французский, немецкий, баскский) имеется также особая форма, которую можно обозначить как «ретроспективизированный плюсквамперфект». Морфологически она представляет собой «регулярный» плюсквамперфект, к которому добавлено ретроспективизирующее причастие вспомогательного глагола.

Данная тема прямо не относится к проблематике диссертации. Действительно, такая форма уже морфологически не может считаться собственно синонимичной формой плюсквамперфекта, возникший в результате

параллельного пути грамматикализации. Основное значение её также противопоставляется регулярному плюсквамперфекту: это предшествование по отношению к ситуации, выраженной регулярным плюсквамперфектом. Весьма сомнительно также, можно ли относить данную форму к «базовым» элементам парадигмы (она обычно игнорируется нормативными грамматиками, употребление её является редким и факультативным). Тем не менее в некоторых своих употреблениях эта форма достаточно тесно переплетается с семантикой «регулярного» плюсквамперфекта, особенно абсолютными его употреблениями, поэтому данный экскурс представляется важным для общей картины «спутников» плюсквамперфекта в глагольной системе.

В рамках рейхенбаховской теории глагольного времени значение этой группы форм описывают так: «глагол в [зависимой] клаузе расположен на один шаг назад, чем плюсквамперфект, то есть представляет собой прошедшее в прошедшем в прошедшем, выражающее ситуацию, предшествующую по отношению к ситуации в главной клаузе, которая сама находится в плюсквамперфекте» [Comrie 1985: 76]. Это устойчивое (хотя и встречающееся, по понятным причинам, исключительно редко, в длинных периодах в литературном языке) значение, которое отмечается во французском языке еще в XV столетии:

...et avoit icelle ducesse Jaqueline espousé le duc Jehan de Brebant, cousin germain au duc Phelipe, et enparavant avoit eu espousé le conte de Pontieu, filz au roy Charles le bien Amé... mais... fut elle fourtraite du païs de Haineau... et menée en Angleterre, et là espousa ladite dame Jaqueline le duc de Clocestre. Et par ainsi eut la ducesse Jaqueline deux maris vivans. [Филипп де Коммин, «Мемуары», XV стол., Foulet 1925: 214].

‘и вышла помянутая герцогиня Жаклина замуж (=была замужем за ним) за герцога Иоанна Брабантского, двоюродного брата герцога Филиппа [Бургундского], а ранее она выходила замуж за графа Пуатье, сына короля Карла [VI] Возлюбленного... но... её похитили из земли Геннегау... и привезли в Англию, и там эта дама Жаклина вышла замуж за герцога Глостерского. Таким образом, оказалось у герцогини Жаклины два живых мужа’.

Однако уже в этом примере на таксисное соотношение налагается и результативное; плюсквамперфект *avait épousé* означает, что брак Жаклины с Иоанном не был расторгнут к моменту брака её с герцогом Глостерским; ретроспективизированная же форма *avait eu épousé* означает, что до момента второго брака этой «*vaillante dame*» ([Foulet 1925: 214]) первый брак уже стал достоянием истории. Засвидетельствована эта форма и в литературном языке XIX века:

[M. Valenod] *régnait*, pour ainsi dire, à Verrières... M. Valenod *avait dit* en quelque sort aux épiciers du pays : Donnez-moi les deux plus sots d'entre vous; aux gens de loi : Indiquez-moi les deux plus ignares; aux officiers de santé : Désignez-moi les deux plus charlatans. Quand il *avait eu rassemblé* les plus effrontés de chaque métier, il leur *avait dit* : «*Régnons ensemble*» (Стендаль, «Красное и чёрное», цит. по *ibid.*; пример приводится многими исследователями, в т. ч. в [Comrie 1985: 76])

‘[Г-н Вально], можно сказать, *царствовал* (имперфект) в Верьере... казалось, что он *сказал* (плюсквамперфект) местным лавочникам: выберите мне двух самых глупых из своей среды; юристам: укажите мне самых круглых невежд; врачам: укажите мне двух самых отчаянных шарлатанов. А когда он *собрал* (ретроспективизированный плюсквамперфект) самых бесстыдных представителей каждого ремесла, он *сказал* (плюсквамперфект) им: «Давайте царствовать вместе»’.

И в данном случае, однако, употребление ретроспективизированного плюсквамперфекта *il avait eu rassemblé* не только воспроизводит семантику *passé antérieur* ‘непосредственное предшествование’, но и подчёркивает временную последовательность событий (ср. таксисное значение имперфекта ‘одновременность’) и препятствует итеративному пониманию ситуации ‘каждый раз, когда он собирал, он говорил’ (ср. в простых прошедших временах *quand il rassemblait, il leur disait* с итеративным значением и *quand il rassembla, il leur dit* с семельфактивным значением; плюсквамперфект снимает это противопоставление).

Такую же роль — эксплицитное указание на последовательность между временными планами (*Zeiträumen*) и между ситуациями, принадлежащими этим планам, играет, согласно [Egoms 1984], ретроспективизированный («двойной») плюсквамперфект и в немецком языке:

In dem Augenblick fühlte er sich am linken Arm ergriffen und zugleich einen sehr heftigen Schmerz. Mignon hatte sich versteckt gehabt, hatte ihn angefaßt und ihn in den Arm gebissen.

‘В эту секунду он почувствовал, что кто-то схватил его за левую руку и тотчас же ощутил сильную боль. [Это] Миньона спряталась (ретроспективизированный плюсквамперфект), схватила и укусила его (плюсквамперфект) в руку’. (Гёте, «Годы учения Вильгельма Мейстера», 1796, цит. по [Egoms 1984: 346]).

Ретроспективизация плюсквамперфекта в «абсолютном», дейктическом значении (которое иногда можно проинтерпретировать и как «пропуск» промежуточного звена в ретроспективизированном плюсквамперфекте) приводит к еще одному дополнительному значению — ‘давнопрошедшее в прошедшем’:

Das Ganze war denn doch etwas seltsam. Aber die Sache mit den noch nicht “eingeworteten” Teilen des großmütterlichen Erbes hatte der Doctor Preindl dem Baron gegenüber schon früher einmal erwähnt gehabt (X. фон Додерер, «Меровинги», 1962, цит. по [Squartini 1999]).

‘Итак, всё дело представляло собой нечто особенное. Однако доктор Прайндль ранее уже затронул в присутствии барона вопрос о еще не «завещанных» частях наследства бабушки’.

Здесь употребление ретроспективизированного плюсквамперфекта поддерживается указывающими на временную дистанцию наречиями *schon früher* ‘уже ранее’. В меньшей степени контекстно зависимым является значение «разрыва» между двумя прошедшими событиями в баскском языке:

haren hitza irakurtu izan nuenean, ihardetsi nion

‘Когда я прочёл его записку, я ему ответил’ (комментарий П. Лафитта [Lafitte 1979: 386]: [форма] выражает определённый момент раздумья, паузу между действиями, выраженными в придаточном и зависимом предложениях’)

Нетривиальным образом в этих формах взаимодействует ретроспективный сдвиг с ирреальными значениями плюсквамперфекта. В южных диалектах французского языка в аподосисе условных предложений (где плюсквамперфект употребляется начиная с XVII столетия) показатель ретроспективного сдвига *ei* служил для эмфатического подчёркивания контрфактивности посылки (ср. рус. *стоило бы им только захотеть...*):

Si les Turcs avaient eu voulu, ils n’auraient laissé partir personne des Dardanelles [Foulet 1925 : 225]

‘Если бы турки хотели этого, они бы никого не выпустили из Дарданелл’ [но тем не менее турки позволили «тому, кому не надо» пройти через проливы]

В немецком языке в подобном значении ретроспективизируется плюсквамперфект не индикатива, а конъюнктива. В работе [Thieroff 1992: 272—273] анализируются немногочисленные примеры подобных конструкций из языка прессы, для которых предлагается чисто таксисное объяснение. Согласно Тироффу, в следующих примерах:

Wenn Kai geschlafen hätte, wären wir gekommen.

Wenn Kai geschlafen gehabt hätte, wären wir gekommen.

‘Если бы Кай спал, мы бы пришли’

первое предложение означает, что приход состоялся бы, пока Кай спал, а второе — что после его пробуждения (в обоих случаях в действительности Кай бодрствовал).

Подобное употребление ретроспективизации, согласно Тироффу, связано с тем, что в немецком языке плюсквамперфект конъюнктива ранее потерял таксисное значение — в силу типологической тенденции к сокращению

видо-временных различий. Ретроспективизированная форма (Plusquamperfekt II), таким образом, восполнила относительно-временную лакуну, образовавшуюся в системе форм конъюнктива.

Столь же системно значима ретроспективизация аналогичной формы и в баскском языке. «Что касается сверхсложного прошедшего предположительного (eventuel) времени, то оно очень важно: это нормальный способ выразить предшествование условия: *ikusi balu* ‘если бы он видел’ может означать действие, одновременное с [действием, выраженном в] главном предложении, *ikusi izan balu* ‘если бы он до этого увидел’ обычно означает предварительное условие» [Lafitte 1979: 383].

Для снятия подобной же неоднозначности в разговорном английском языке отмечен, в контрфактических предложениях, особый плюсквамперфект типа *had've done*, с «лишним» 've (восходящим к *have*), что также напоминает сверхсложную форму — правда, с иным порядком элементов (*had have done* вместо **have had done*), возможно, под влиянием выступающей в условных предложениях конструкции с модальным *would*: *would've (would have) done* [Fennell 2002]:

If we had've known that, we would've told you.

‘Если бы мы знали это (раньше), мы бы сказали вам’

Любопытную типологическую параллель к разобранным ранее примерам ретроспективизированного в европейских языках представляет уже разбиравшийся выше австроазиатский язык сантали. Для синтетического плюсквамперфекта (*-le-*), сочетающегося с показателем ретроспективного сдвига (*-tahēkan-*), характерны следующие значения:

аннулированный результат, отнесённый в план прошедшего:

ape auri-pe hejuk' regi-e unum-le-n-tahēkan-a

‘Он упал в воду до того, как вы пришли [и его уже успели вытащить]’

прошедшим»), то ретроспективизация плюсквамперфекта играет, напротив, в основном таксисную роль. Для объяснения этого механизма подходит теория «заполнения лакун».

3.5. Плюсквамперфекты, образованные при помощи аориста и имперфекта вспомогательного глагола

Сосуществование в глагольной системе форм плюсквамперфекта, образованных при помощи аориста и имперфекта вспомогательного глагола, хорошо прослеживается на романском (французский, испанский и итальянский)⁶⁵ и славянском (книжный древнерусский, сербохорватский, верхнелужицкий) материале, а также в албанском языке. Во всех этих языках характер дополнительной дифференциации квазисинонимичных форм носит достаточно сложный и нетривиальный характер, связанный с категориями вида (старофранцузский), временной дистанции (романские), модальности и эвиденциальности (славянские и албанский).

3.5.1. Романские языки: аспектуальная «рокировка» двух плюсквамперфектов

Семантика старофранцузских форм, восходящих к латинским *habui factum* и *habebam factum*, в эпоху, засвидетельствованную средневековыми памятниками (XII-XIII столетия), еще вполне сохраняла связь с семантикой аориста и имперфекта соответственно. Плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола, выступал для обозначения действия, не исчерпанного к моменту точки отсчёта (значение, близкое к ‘результатирующему состоянию в прошедшем’), в то время как плюсквамперфект со вспомогательным глаголом в простом прошедшем типа *ot amé* соответствовал

⁶⁵ В португальском языке данная форма (*houve dito* ‘я сказал’) существовала лишь в галисийско-португальский период (XIII в.), уже со значением непосредственно предпрошедшего. Она исчезла достаточно рано [Вольф 1988: 56].

действию, представленному в виде точки или отрезка и «уже исчерпанному (pleinement révolue)» [Raynaud de Lage 1975: 123] до точки отсчёта:

Li cuenz Guilelmes reperoit de berser / d'une forest ou ot grant piece esté.
[Price 1971, цит. по Salkie 1989: 22]

‘Граф Вильгельм возвращался с охоты / из леса, где он долго пробыл.’

Cil qui devant erent alé / avoient ja le cerf levé

‘Те, кто раньше прошли, уже подняли оленя’ [Кретьен де Труа, XII век, цит. по Raynaud de Lage 1975: 123; комментарий: «те, кто прошли раньше, не вернулись; вспугнутый же олень еще не убит; охота продолжается»]

В пределах одного предложения две эти формы выражали и относительно-временные отношения между ситуациями, вероятно, благодаря таксисному значению имперфекта ‘одновременность’:

Galehos sist au castel que il avoit assis et ot amenei une grant gent... [Foulet 1925: 204]

‘Галахад сел у замка, который он осаждал и к которому привёл много [своих] людей’ (комментарий: «Галахад осадил замок и всё ещё осаждал его, в то время как своих людей он привёл в определённый день, в известный час и всех одновременно»)

Соответствующая испанская форма достаточно рано развила абсолютно-временное, дейктическое значение, которое в современном языке не сохранилось:

...et una espada a que dizen Joyosa que me ovo dado en donas aquel Bramant.

‘и шпага, которую называют Жойоза [Драгоценная], которую мне дал в подарок этот Брамант’ [Хроника Альфонса Мудрого, XIII стол.]

Allí habló Arias Gonzalo, / bien oiréis lo que hubo dicho.

‘И стал говорить (there spoke) Ариас Гонсало, / сейчас вы услышите, что он сказал’ [Романсеро, XV-XVI стол.; обе цит. по Squartini 1998: 202].

Возможно также анализировать эту форму в связи с модальным значением, свойственным уже тогда испанской глагольной форме на *-ra*, восходящей к латинскому плюсквамперфекту индикатива. Согласно [Lunn, Cravens 1991], эта последняя форма имела в эпоху «Сида» модальные значения, связанные как с ирреальностью, так и с «общеизвестностью» ситуации в прошедшем (нечто вроде категории определённости, но не именной, а глагольной); они могли сочетаться и с плюсквамперфектом [с. 154—155]; см. также [Петрухин 2004а]. В приведённых примерах речь идёт о событиях, уже известных, по мнению автора, читателю / слушателю: в первом случае *Bramant*, агенс ситуации ‘дать’, также сопровождается определённым местоимением *aquel* ‘тот’; во втором случае ситуация вводится в дискурс буквально в предыдущей предикации. Это значение можно проинтерпретировать как естественное развитие основного значения плюсквамперфекта, как следствие исключения ситуации из нарративной цепи.

Начиная с XIII века письменные памятники отражают экспансию плюсквамперфекта с имперфектом вспомогательного глагола за пределы зоны «результатива в прошедшем». Это приводит к периоду близкой синонимии и конкуренции обеих указанных форм. Интересный пример колебания между двумя формами в практически идентичных контекстах в одном и том же тексте (*Смерть Артура*, XIII стол.) приводит Л. Фуле:

Or dist li contes que tant demora Lanselos chies l’iermite de la forest k’il fu auques garis de la plaie ke li veneres li ot faite.

‘Так говорит повесть, что Ланселот столько провёл времени у тшельника в лесу, что совершенно выздоровел от раны, которую охотник нанёс ему’.

Si demorerent ensamble laiens .Viiij. jors entiers tant que Lanselos fu tos garis de sa plaie ke li veneres li avoit faite.

‘Они провели там вместе целых 8 дней, так что Ланселот совершенно выздоровел от раны, которую охотник нанёс ему’.

Мы видим, что во втором примере употреблена форма с имперфектом вспомогательного глагола, в то время как ситуация ‘Ланселот ранен охотником’ не наличествует в момент точки отсчёта, напротив, к этому моменту она полностью исчерпывается. Таким образом, уже достаточно рано форма-предок нынешней французской *avait fait* развивает значение аннулированного результата, выйдя за пределы собственно результативной зоны⁶⁶.

Состояние, при котором эти формы полностью синонимичны, сохраняется в окситанском языке ([Гурычева, Катагощина 1964: 155—156], со ссылкой на [Ronjat 1930—1941: III : 202], где сказано, что они употребляются с «одинаковыми оттенками значения»); пример на плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола:

Adounc, quand aguère mena lou Vibre au large sus un à-plan, ié faguère faire quâqui pas e pièi, en lou clugant, intrère moun pèd dins l’estréu pèr me bouta dins la sello (Arbaud) [там же]

‘Итак, когда я вывел Бобра [коня] на широкую открытую местность, я заставил пройти его несколько шагов и, зашорив его, поставил ногу в стремя, чтобы сесть в седло’.

Семантика же формы с аористом вспомогательного глагола — бывшего *habui factum* — сужается до очень специфической области. Действительно, эта форма последовательно сохраняется во всех текстах, начиная с XIII столетия, в тех случаях, когда речь идёт о действии, недалеко отстоящем от точки отсчёта. С XIV же века она ограничивается этим значением (не считая значения пунктива — о чём ниже), более того, её употребление начинает обуславливаться вхождением в зависимую предикацию с союзами вроде ‘когда’, ‘после того как’, ‘как только’. Уже в XV веке, по констатации Фуле [Foulet 1925 : 207] форма современного французского «предшествующего прошедшего» — *passé antérieur* — носила ту же семантику и употреблялась в тех же условиях, что и ныне.

⁶⁶ Замечено, что форма с имперфектом вспомогательного глагола может встречаться в контекстах, ранее свойственных таковой с аористом, но не наоборот [Raynaud de Lage 1975: 123]

Подробное описание семантики этой формы в современных французском и итальянском (где она называется *trapassato remoto*) языках проведено в работе [Bertinetto 1987]; дополнительные замечания (в том числе и в связи с испанским языком) высказаны в [Squartini 1998: 197—202]. Во всех этих языках главным значением формы служит *завершение* действия в момент, *непосредственно* предшествующий точке отсчёта; именно поэтому П.-М. Бертинетто предлагает для этих форм ярлык «*passé immédiatement antérieur*» и характеризует их аспектуальное значение как «*terminativity*». Характерно, что они не сочетаются в итальянском языке с наречиями вроде *già* ‘уже’, сигнализирующими некоторую дистанцию между точкой отсчёта и моментом осуществления действия (ср. несочетаемость русского *уже* с *только что*). Кроме того, во всех трёх разбираемых романских языках эта форма стала указывать только на предшествование по отношению к ситуации, выраженной глаголом в аористе (а не в имперфекте) — это можно рассматривать как естественное следствие семантики «непосредственного предшествования» (имперфект имеет таксисное значение «одновременность» и не может означать начало действия). Ограничимся примерами из этих двух языков, а также из испанского:

Enfin, quand il eut assez savouré ce spectacle, il dispersa précipitamment des parfums exotiques...

‘Наконец, едва он вполне насладился этим зрелищем, он начал с поспешностью рассеивать в воздухе экзотические ароматы... [Гюисманс, «Наоборот»]

Quando il professore se ne fu andato, tutti tirarono un sospiro di sollievo. [Bertinetto 1987: 344]

‘Как только профессор ушел, все вздохнули с облегчением’.

Apenas hubo oído eso el moro, cuando con una increíble presteza se arrojó de cabeza en la mar. [Сервантес, «Дон Кихот», Gramática 1931: 270]

‘Стоило мавру это услышать (букв. «едва услышал это мавр»), и он с невероятной быстротою бросился вниз головой в море’ (пер. Н. Любимова)

Cuando hubo preparado la comida, llamó la madre a sus hijos

‘Как только мать приготовила еду, она позвала детей’ («в современном языке это значение может быть выражено через Cuando terminó de

preparar 'когда она закончила готовить') — как видим, терминативная семантика наличествует и в испанском языке)⁶⁷

Бертинетто также отмечает ограничения на семантический тип предиката, налагаемые этими формами в итальянском языке; по его данным, плюсквамперфект, образованный при помощи аориста вспомогательного глагола, сочетается только с предельными ситуациями или с деятельностями, представленными как предельные при помощи ограничивающих временных обстоятельств (вроде *abbastanza* 'достаточно'):

Dopo che ebbe praticata la ragazza *per qualche semana*, decise che proprio non era amore quello che sentiva per lei.

'После того, как он *в продолжение нескольких недель посещал* эту девушку (общался с этой девушкой), он решил, что то, что он чувствовал к ней, не было любовью' [Squartini 1998: 200]

(Несмотря на перевод Сквартини «he had known», вряд ли здесь можно усмотреть состояние; перед нами пример перфективного представления деятельности).

Форма типа *habui factum* в романских языках, однако, не всегда сохраняет таксисную семантику. Закрепляется также чисто видо-временное значение, не связанное с точкой отсчёта, а именно комплетив, указывающий на исчерпание действия и получение результата; при абсолютном употреблении формы на представление ситуации ложится уже «двойной» аспектуальный груз; она изображается «точечно», как осуществляющаяся предельно быстро, причём здесь также распространено (хотя и не обязательно) употребление «ограничивающих» наречий (фр. *en un tournemain* 'в один момент', *en un clin d'œil* 'в мгновение ока'). Это значение (и это ограничение) также относятся к весьма раннему времени; так, уже в конце XII столетия в «Истории священной войны» Амбруаза читаем:

⁶⁷ За этот и некоторые другие примеры из испанского языка, а также за консультацию, мы благодарим Э. Оливан Гарсиа и К. Уитли (Барселона).

Plus tost eurent il pris Meschines

C'uns prestres n'ad dit ses matines.

‘Они похватили девиц быстрее, чем священник читает заутреню’. [Foulet 1925: 207]

а у Бокаччо в «Декамероне» (XIV стол.):

Alzata alquanto la lanterna, ebbero veduto il cattivel d'Andreuccio.

‘Слегка приподняв фонарь, они [мгновенно] заметили несчастного Андреуччо’ [Squartini 1998: 198]

Можно сказать, что сочетание с плюсквамперфектом усиливает до логически мыслимого предела перфективную семантику романского аориста (the P[assé] A[ntérieur] is a *fortiori* perfective tense, как замечает Бертинетто [1987: 381], не рассматривающий, впрочем, абсолютного употребления этой формы, которое теперь свойственно только французскому языку); происходит «сжатие в точку» либо самого действия (при употреблении в независимых предложениях), либо *временной дистанции* между действием и точкой отсчёта. Это влечет два последствия: во-первых, при абсолютном употреблении романский перфектив в системе плюсквамперфекта предстаёт уже фактически не как ограничивающий, а как «событийный», близкий к славянскому совершенному виду (который, по наблюдению Э. Даля, часто препятствует сочетанию с обстоятельством *медленно* — см. подробнее [Плунгян 1998]); во-вторых, в некоторый момент благодаря таксисной составляющей плюсквамперфекта происходит грамматикализация значения временной дистанции.

Заметим, что такое развитие плюсквамперфекта — в сторону значения ‘быстроты’ и ‘завершённости’ — не является уникальной особенностью обсуждаемых романских систем, а отмечено также и для плюсквамперфекта в немецком языке. Е. И. Шендельс отмечает, что немецкий плюсквамперфект, выступая на месте более обычного претерита, «вызывает эффект неожиданного и быстрого завершения действия» [1970: 102]. Он чаще употребляется с моментальными глаголами вроде *verschwinden* ‘исчезнуть, скрыться’, *springen* ‘прыгнуть’, а также подчёркивается обстоятельствами *plötzlich* ‘мгновенно’,

sofort ‘тотчас, сию минуту’, *im Nu* ‘в мгновение ока’. Заметим, что он — точно так же как и во второй группе романских примеров — не выражает в этом случае предшествования, напротив, предшествующее действие выступает в претерите, а последующее в плюсквамперфекте:

Sobald der Kardinal des Vorgangs inne wurde, war er aus der Karosse gesprungen (Г. Манн, «Итальянские новеллы»)

‘Едва кардинал узнал об этом событии, он выпрыгнул из кареты’

Так же как и в случае с французским *Passé Antérieur*, плюсквамперфект в сложносочинённых предложениях подобного рода «интенсифицирует сему» [там же: 103] завершённого действия; в тех случаях, когда необходимости в подчеркивании завершённости нет, употребляется претерит.

Вряд ли можно в данном случае говорить о том, что этот переход был обусловлен эволюцией перфекта⁶⁸. Рафаэл Салки [Salkie 1989: 22], утверждающий обратное, подменяет понятие «перфект» (романский аналитический) понятием «перфекта латинского», то есть романского аориста. По-видимому, такому изменению значения поспособствовало изменение семантики последнего в сторону собственно перфективности; он утратил возможность означать состояния в прошедшем, не «ограниченные» эксплицитно при помощи наречий: в то время как по-французски и теперь можно сказать *Ils vécutent longtemps* ‘Они прожили долго’, а контексты, подобные приводимому в [Salkie 1989: 22] *airs out les oulz* ‘у него были бельма на глазах’, начали в некоторый момент требовать во французском языке имперфекта — заметим, впрочем, что этот процесс, согласно Фуле, закончился веком позже по сравнению с перерождением аористного плюсквамперфекта — и то, и то в письменном языке [Foulet 1925: 206]. Вытеснение же аориста перфектом (с семантической точки зрения — утрата перфекта) произошло во французском, по всем свидетельствам, также несколько позже, завершившись к XVI столетию [Foulet 1925]. Мы видели, что такая же эволюция постигла

⁶⁸ Обратной, на наш взгляд, ошибочной точки зрения придерживается и Й. Кларе [Klare 1964: 117].

видовую плюсквамперфектную пару и в испанском языке, где синтетический аорист функционирует до сих пор.

По мнению Бертинетто, подобная эволюция аористного плюсквамперфекта связана с семантикой его «составных частей» — действительно, простое прошедшее стивных глаголов (в том числе вспомогательных глаголов ‘быть’ и ‘иметь’) в романских языках имеет инхоативное значение:

французский:

Et ils se turent [Сент-Экзюпери, «Маленький принц»]

‘И они замолчали’

в то время как причастие прошедшего времени несёт, напротив, комплетивную семантику (которая «склеена» в большинстве языков, не исключая и итальянский, со значением «завершения ситуации»). В результате одна форма совмещает «концы и начала», ситуация «сжимается», что вызывает ограничения на семантический тип предиката. Тем не менее такое объяснение не кажется вполне достаточным для наблюдаемого «сжатия» не самой ситуации, а временной дистанции.

Кажется конкурентноспособным и такое объяснение данной ситуации. Плюсквамперфект, как форма, сигнализирующая о разрыве временных планов и нарушении «естественного хода событий» [Шендельс 1970: 107], выступает как знак «неестественных» темпоральных характеристик либо самого события, либо временного промежутка между ним и другим событием. Это помогает также объяснить, почему аналогичная функция наблюдается у плюсквамперфекта в немецком языке, где нет оппозиции «аорист/имперфект» и, в общем, видовые значения практически не грамматикализованы.

Рассматриваемая форма находится на периферии романских глагольных систем. Во французском языке она вытесняется образованной при помощи двух вспомогательных глаголов формой *passé surcomposé* (недиалектное, закрепленное в нормативных грамматиках употребление; подробнее см. выше, 3.4.2.). В итальянском она, по свидетельству Бертинетто, «принадлежит исключительно письменному языку», отсутствует в языке прессы, и даже

примеры из художественной литературы XX века звучат как архаизмы [Bertinetto 1987: 343]. В обоих случаях самое естественное объяснение, которое приводит еще Л. Фуле — это изменение стилистического регистра соответствующих простых времен. Действительно, французский и итальянский (литературный) аористы в настоящее время свойственны только письменному стилю, где употребляются только в «отстранённом» нарративе, «историческом дискурсе» по [Бенвенист 1959] (см. подробнее во Главе второй, 2.4.1): «Сложные времена, независимо от того, обозначают ли они совершенство или предшествование, распределяются по двум планам сообщения так же, как простые времена: одни из них принадлежат плану речи, другие — плану повествования... *quand il eut fini... il rentra* ‘когда он кончил... он вернулся’ относится к историческому плану — из-за наличия аориста и предшествования к аористу [там же: 282]). Однако, на наш взгляд, сужение семантики и установление лексических ограничений, описанное выше, вполне достаточно для маргинализации этой формы; примером этому может служить испанский язык, где «это время употребляется мало» [Gramática 1931: 270], в то время как синтетический аорист аналитическим не вытесняется. Кроме того, данные [Engel 1994, 1996] показывают, что в контекстах, типичных для *passé antérieur*, при подстановочном тесте в 55,8% случаев возникает аорист, *passé simple* — форма, в сочетании с временным союзом вроде ‘как только’, однозначно указывающая на близкое предшествование. Это отмечается и в итальянском языке, где различие между плюсквамперфектом с аористом вспомогательного глагола, с одной стороны, и собственно аористом, с другой стороны, релевантно фактически только при некоторых глаголах, относящихся к классу предельных процессов (*accomplishments*), когда аорист может получить инхоативную (а не завершающую) интерпретацию, как в примере :

Non appena ebbe lavato la macchina, lesse il giornale.

‘Как только он помыл машину, он прочёл (стал читать) газету’.

Non appena lavò la macchina, si accorse delle macchie di ruggine.

‘Как только он начал мыть машину, он заметил пятна ржавчины’.

[Bertinetto 1987: 357—358]

В португальском языке, где плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола утрачен очень рано, функцию «непосредственного предпрошедшего» также выполняет аорист; при переводе следующего предложения из романа Дж. Стейнбека «Жемчужина» английский плюсквамперфект со значением «результатив в прошедшем» заменяется на аорист:

...and when the day had come, in the offices of the pearl buyers, each man sat alone...

Mal rompeu a manhã, cada um dos compradores sentou-se sozinho na sua loja [Santos 1999: 288]

‘Как только⁶⁹ рассвело, скупщики [жемчуга] уселись каждый в своей лавочке...’

Это объясняется тем, что достаточно архаичная португальская глагольная система сохраняет здесь обычное для латинского языка употребление Perfectum в подобных контекстах:

Legiones ubi *primum* planitiem attigerunt, infestis contra hostes signis constituerunt [Цезарь, «О галльской войне», цит. по Mellet 2000: 100]

‘Как только (солдаты) легиона достигли долины, они выстроились лицом к лицу с неприятелем, готовые атаковать’.

Заметим на первый взгляд парадоксальное развитие таксисного значения плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола. Мы говорили, что речь здесь идёт о предельной ситуации, результат которой достигнут в момент, сколь возможно близкий к точке отсчёта. Иными словами, о действии, результат которого наличествует в этой точке. Известно, что в языках мира отражается

⁶⁹Наречие, эксплицитно указывающее на непосредственное предшествование, переводчик привнёс от себя; согласно Д. Сантуш, это связано с тем, что английский плюсквамперфект в придаточных с союзом *when* совмещает результативное значение со значением непосредственного предшествования.

нечто вроде «прагматической презумпции» достижения результата в конечной точке предельного процесса, препятствующей грамматикализации «антирезультативных» значений типа ‘предельное действие исчерпано, но результата нет’ [Плунгян 2001: 53]. Что же касается временных относительных предложений с союзом, указывающим на одновременность (when-clauses), то употребление плюсквамперфекта в таких придаточных предложениях сигнализирует одновременность результата ситуации, выраженной в придаточном предложении, и времени осуществления ситуации в главном; согласно [Squartini 1999: 63], это употребление относится к «prominent instances of perfect-in-the-past».

Таким образом, несколько огрубляя ситуацию (но не искажая её), можно сказать, что в романских глагольных системах между показателями плюсквамперфекта произошла своего рода «рокировка» значений; «прошедшее в прошедшем» приобрело значение ‘достижение результата непосредственно перед точкой отсчёта (и — как наиболее вероятное следствие — сохранение его к этой точке)’. Это отразилось в ставшем парадоксальным итальянском термине *trapassato remoto*, буквально ‘предпрошедшее отдалённое’; такое название (симметричное названию аориста *passato remoto*) зафиксировало начальный этап развития этой романской формы (‘отдалённость’ как наиболее частая прагматическая причина неактуальности в момент точки отсчёта). Происходит семантическая эволюция, обратная той, которая считается основной (см., напр., [Bybee, Dahl 1989, Bybee et al. 1994]) при эволюции прошедших времён; а именно, претерит приобретает значение ближайшего, фактически результативного прошедшего⁷⁰. Одновременно эта эволюция затрагивает

⁷⁰ С этой точки зрения представляет интерес употребление современного разговорного аналога *passé antérieur* — *passé surcomposé* в его современном литературном значении (см. о нём подробнее в главе 3). Эта форма образуется от аналитического претерита (*passé composé*), сохраняющего и перфектное значение; согласно [Hill 1984], в контекстах вроде

Lorsqu’il a fini son travail, il est rentré chez lui

‘Когда он закончил-РС свою работу, он вернулся-РС домой

таксисную составляющую значения семантики плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола, которая фактически выражается уже синтаксическими средствами. Это приводит к тому, что в большинстве случаев эта форма может быть свободно замещена аористом.

Между тем плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола из «перфекта в прошедшем» также становится во французском, испанском и итальянском «сверхпрошлым» временем (*superpassé*) ([Arnavielle 1978: 620]), развивающим весь спектр (или значительную часть спектра) канонической полисемии плюсквамперфекта.

Помимо стандартных значений, описанных в нормативных грамматиках, а именно результативности в прошедшем:

Hier, à 5 heures, j'avais fini mon travail

‘Вчера к пяти часам я [уже] закончил мою работу’

и предшествования в прошедшем:

Je m'aperçus que le temps avait changé

‘Я заметил, что погода изменилась’ [оба примера из Arnavielle 1978: 615], —

французскому «регулярному» плюсквамперфекту свойственны и абсолютные, нетаксисные значения, соответствующие «зоне сверхпрошлого» (давнопрошедшее время, прекращенная ситуация, значение аннулированного результата). На то, что не все эти употребления допускают объяснение при помощи введения «подразумеваемой» ситуации в одном из простых прошедших времён, обратил внимание Т. Арнавьер. С его точки зрения, плюсквамперфект функционирует как простое прошедшее время (*tiroir simple du passé*), отличающийся от аналитического прошедшего (бывшего перфекта) более чёткой локализацией («закреплением», *ancrage*) событий в неактуальном временном плане, без какой бы то ни было связи с настоящим моментом.

употребление двух прошедших времён делает акцент на последовательности действий, в то время как *passé surcomposé* в первом предложении несёт результативный оттенок [Hill 1984: 107]

Согласно [Majumdar, Morris 1980], подобное развитие функций плюсквамперфекта связано с утратой во французском языке аориста (*passé simple*), роль которого занимает плюсквамперфект, в то время как аналитическая форма прошедшего времени (*passé composé*) сохраняет перфектное значение. Однако, как нам представляется, новое значение плюсквамперфекта не может быть сведено к простому «воспроизведению» старого прошедшего времени.

Употребления его, как видим, соответствуют различным значениям канонической полисемии плюсквамперфекта; это прежде всего абсолютно-временное значение ‘давнопрошедшее время’:

французский:

Quand j'étais petit, mon grand-père m'avait donné des conseils de morale
[Arnavielle 1978: 617]

‘Когда я был маленьким, дедушка давал мне нравоучительные советы’.
(=‘это было очень давно’)

итальянский

Quel disegno lo avevo fatto io il primo giorno che lavoravo all'istituto
‘Этот рисунок я сделал в первый день моей работы в институте’
(употребление плюсквамперфекта не подразумевает, что рисунка более не существует) [Squartini 1999: 58]

значение ‘прекращенной ситуации’:

французский:

Le roi Fayçal avait toujours pensé, en effet, que seuls les Etats-Unis pouvaient obliger Israël à se retirer des territoires occupés (*Midi Libre*, 26 mars 1975, цит. по [Arnavielle 1978: 621])

‘Действительно, король Фейсал всегда полагал, что лишь Соединённые Штаты могут заставить Израиль уйти с оккупированных территорий’

Речь идёт о только что почившем короле; подобное употребление плюсквамперфекта при описании поступков недавно умерших, — относящихся, естественно, к закончившемуся и неактуальному временному интервалу, —

согласно Т. Арнавьялю, является частотным; к этим же выводам приходит и Д. Энджел [Engel 1994: 231]). Это не самостоятельное значение, но следствие сочетания претерита с неактуальной семантикой и «предиката индивидуального уровня» (описывающего стабильное свойство индивида; термин введён в [Carlson 1977], подробнее см. [Гатевосов 2004: 233—235]), а именно так называемый «эффект срока жизни» (lifetime effect).

Je l'avais bien prévu, que pour un tel ouvrage / Cinna saurait choisir des hommes de courage (Корнель, «Цинна», цит. по [Arnavielle 1978: 615]).

‘Я предвидел, что для такого дела Цинна сможет подобрать отважных людей’ (=‘я предвидел, но теперь состояние «предвидения» кончилось — «такое дело» осуществлено’)

Значение аннулированного результата :

Il nous est impossible d'aller te voir à l'Ascension. Maman avait posé des jours. Mais, justement le jour de l'Ascension nous sommes invitées... [Majumdar, Morris 1980 : 7]

‘Мы не можем приехать к тебе на Вознесение. Мама уже назначила (было) время поездки, но на самое Вознесение мы приглашены...’ (комментарий авторов статьи: «отделение события в прошедшем от авторского настоящего времени (the writer's present)... привносится, по крайней мере частично, благодаря тому, что ситуация, в которой находится автор, между прошедшим событием и настоящим временем изменилась»).

Подобное же употребление наличествует и в испанском языке:

Había nacido en 1910

‘Он / она родился (родилась) в 1910 году’ [«подразумевается, что этого человека больше нет в живых»]

Более чётко грамматикализованное значение аннулированного (или недостигнутого) результата носит соответствующая форма в итальянском

языке; анализу этого значения в сопоставлении с русской конструкцией посвящена статья [Fici 2003]:

Mi ero comprata delle scarpe rosse, ma mi è toccato riportarle indietro perché mi stavano piccole.

‘Я [было] купила себе красные туфли, но мне пришлось отнести их обратно, потому что оказались малы’.

Для итальянского плюсквамперфекта характерно (см. также Введение) экспериенциальное употребление:

Non aveva mai visto il libro che le fai vedere adesso [Maiden&Robustelli 2000: 293]

‘Она никогда не видала книгу, которую ты ей сейчас показываешь’

Начиная с XVII века во французском языке грамматикализуется модальное значение контрфактического условия; до этого и в аподосисе, и в протасисе условной конструкции употреблялся конъюнктив:

Si j'avais eu le temps, je t'aurais écrit [Fleischman 1989:5]

‘Если бы у меня было время, я бы тебе написал’.

Сравни соответствующий испанский пример, где употребляется плюсквамперфект конъюнктива:

Si hubiera tenido tiempo, te habría escrito [ibid.]

Наряду с временным, французский плюсквамперфект развивает и значение «вежливой просьбы» (точнее — «смягчения категоричности»), которая, как мы знаем, типологически свойственна этой форме:

J'étais venu vous demander mes honoraires [Warthburg, Zumthor 1967], цит. по [Majumdar, Morris 1980: 7]

‘Я пришёл попросить Вас о вознаграждении’

Развитие значение аннулированного (или недостигнутого) результата у «регулярного» плюсквамперфекта Ф. Фичи [Fici 2003] связывает с тем, что на комплетивную семантику причастия накладывается значение «неактуальности», выразителем которого (такой взгляд восходит к [Coseriu 1976]) имперфект в романских языках является по преимуществу; таким образом, это объяснение параллельно тому, которое Бертинетто предлагает для эволюции плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола. Как нам представляется, такая трактовка не всегда справедлива для романских языков: на примере южнофранцузских и итальянских говоров (см. выше, 3.4.2.) мы видим, что имперфектный плюсквамперфект вполне может ограничиваться таксисными значениями, в то время как антирезультативные значения выражаются ретроспективизированными (сверхсложными) формами.

Итак, плюсквамперфект со вспомогательным глаголом в имперфекте приобретает дополнительные «абсолютные» значения, связанные с «отключением» от актуального плана дискурса; эти функции становятся практически равноправными с таксисной функцией, так что та уже более не может считаться единственной базовой. Тем самым семантическая дифференциация двух первоначально синонимичных форм принимает двусторонний характер: обе формы не только приобретают дополнительные значения, но и модифицируют набор базовых. С точки зрения дифференциации некогда (квази)синонимичных форм весьма показательны результаты работы [Engel 1996]. В ходе исследования информантам предлагалось заменить инфинитив в тестовых предложениях нужной глагольной формой. В контекстах, характерных для форм, выражающих непосредственное предшествование (*passé antérieur* и *passé surcomposé*), лишь в 2—3% случаев возникает плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола; в большинстве случаев, как мы уже замечали, эти формы вытесняются соответствующими простыми глагольными временами (*passé simple* и *passé composé*), которые не могут маркировать одновременности с аналогичными формами в главном предложении и тем самым при употреблении в придаточных предложениях времени маркируют предшествование. Таким образом, развитие французского плюсквамперфекта в сторону «сверхпрошлого» или даже «простого

прошедшего» привело к тому, что оно не вытесняет формы плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола (*passé antérieur*) в типичных для последнего контекстах, несмотря на маргинализацию этой формы. Итак, синонимию двух плюсквамперфектов по крайней мере в современном французском языке можно считать уже полностью разрушенной.

Таким образом, в романских языках таксисное значение плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола ограничивается значением 'непосредственное предшествование', а развившееся абсолютное — значением 'пунктив' с дополнительным компонентом 'быстрота'; эти значения остаются для данной формы устойчивыми; в то же время плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола захватывает всю «зону сверхпрошлого», кроме, по-видимому, тех (диалектных) систем, где значения этой зоны принимает сверхсложная аналитическая форма — ретроспективизированное аналитическое прошедшее / перфект (см. подробнее выше, 3.4.2.).

3.5.2. Славянские языки: ранняя модальная специализация одной из плюсквамперфектных форм

В истории славянских языков, помимо противопоставления между старым аналитическим и новым «сверхсложным» плюсквамперфектами, о которых речь уже шла выше, присутствовало и более древнее противопоставление форм плюсквамперфекта, образованных при помощи различных видо-временных форм вспомогательного глагола **byti*. Исследование этого вопроса осложняется проблемой отнесения засвидетельствованных в древнейших памятниках форм вспомогательного глагола к тому или иному времени и виду (учитывая особый семантический статус этого глагола также и в невспомогательном употреблении). Мы принимаем точку зрения, изложенную в работе К. ван Схоневелда [van Schooneveld 1951], который аргументированно устанавливает на материале старославянского и книжного древнерусского (языка «Повести временных лет») следующее распределение видо-временных форм:

	Несовершенный вид	совершенный вид
презенс	есѣ / есѣ	бѣдетѣ / бѣдетѣ
имперфект	бѣаше / бѣаше	бѣдѣаше / бѣдѣаше
аорист	бѣ / бѣ	бы(сѣ) / бы(сѣ)

(формы 3 л. ед.ч., слева от дробы — старославянская, справа — книжная древнерусская форма, [van Schooneveld 1951: 103], см. также [van Schooneveld 1959: 85]).

В дальнейшем в славянских языках формы аориста и имперфекта несовершенного вида глагола **byti* (**bĕaše* и **bĕ*) слились, образовав единую форму имперфекта, либо в виде *beše* (болгарский (см. также [Фридман 1983]), македонский, сербохорватский), либо в виде *bě* (верхнелужицкий).

Плюсквамперфект в старославянских и книжных славянских памятниках образуется⁷¹ при помощи *-л*-причастия и вспомогательного глагола в форме несовершенного вида, либо в имперфекте (бѣаше *дѣаш*), либо в аористе (бѣ *дѣаш*), причем семантических различий между этими формами обычно не усматривается (см., напр. [Вайан 1952]). О возможных различиях в функционировании этих двух форм речь пойдет ниже (п. 3.5.3.), сейчас же мы разберем третью форму славянского плюсквамперфекта, в которой вспомогательный глагол стоит в аористе совершенного вида. Хотя сама эта форма хорошо известна в подавляющем большинстве славянских языков — в качестве условного, или сослагательного, наклонения — плюсквамперфектная её функция до недавнего времени в славистике была практически не изученной. Подробно происхождение славянского сослагательного наклонения разобрано в нашей специальной работе [Сичинава 2004], здесь мы кратко изложим результаты этого исследования, особо подчеркнув те его аспекты, которые имеют прямое отношение к синонимии глагольных форм с типологической точки зрения.

В старославянских памятниках представлены две серии форм сослагательного наклонения: с основой вспомогательного наклонения *бн-*,

⁷¹ Здесь не идёт речь о более поздних сверхсложных формах славянского плюсквамперфекта (типа *читаль (есть) былъ*), обсуждение которых см. в разделе о сверхсложных формах.

этимологизируемой как наследство индоевропейского оптатива (реликтовые оптативные формы других глаголов также изредка встречаются в старославянском), и с основой вспомогательного глагола *бы-*, причём вспомогательный глагол совпадает с формой глагола *быти*, обозначенной выше как аорист совершенного вида (*быхъ* и т. д.). Формы первого ряда во многих памятниках обнаруживают следы формальной контаминации с формами второго ряда. В современных славянских языках представлены как рефлексy первого ряда форм (македонский, чакавские диалекты сербохорватского), так и рефлексy второго ряда форм (во всех остальных языках; вспомогательный глагол может утратить спряжение и превратиться в частицу, как в русском сослагательном наклонении *я бы хотел* и в кашубском *jô bë usekl* ‘я бы убежал’ [Stone 1993: 778], или спрягаться, как в чешском *čítal bych* ‘я бы читал’).

Традиционно первые формы рассматриваются как исконные праславянские, родственные индоевропейским формам оптатива («оптатив прошедшего времени», по К. Бругману), а вторые — как поздний результат контаминации вспомогательного глагола с более распространённой формой аориста; предпринимались также (Вондрак, Мейе) попытки объяснить эту контаминацию семантически и морфологически (подробнее см. в указанной выше нашей работе). Однако в следующем поколении славистики эти попытки отменяются. Автор монографического исследования славянского кондиционала, Б. Панцер, отказывается «смешивать вслед за младограмматиками форму и функцию» и признаёт формальные особенности структуры старославянского условного наклонения нерелевантными для своей задачи ([Panzer 1967: 43—44]). Ученик Мейе А. Вайан в своей «Сравнительной грамматике славянских языков» [Vaillant 1966: 90], перечисляя славянские аналитические формы, образующиеся при помощи *-л*-причастия, замечает, что «не существует сложной формы с аористом *быхъ*, потому что между перфектом и аористом имеется противоречие», и что «в кондициональной конструкции «форма *быхъ* похожа на аорист, но это не аорист». Между тем такая форма с плюсквамперфектным значением хорошо засвидетельствована в старочешском и рассматривается, в частности, в работе В. Вондрака, которая называется так же, как и труд Вайана [Vondrák 1928: 150]; там же др. примеры):

jakož mu by přikázal Hospodin

[и фараон не послушал их], как и говорил⁷² ему Господь (Оломоуцкая Библия, начало XV в., Исх. 7: 13).

Так как, во-первых, развитие значений «плюсквамперфект => ирреальное наклонение» хорошо известно, в то время как аналогов обратной семантической эволюции не имеется, а, во-вторых, форма вида «аорист вспомогательного глагола + причастие прошедшего времени» во всех известных нам языках имеет плюсквамперфектное значение, то, скорее всего, эта форма в старочешском является не инновацией, а прямым продолжением одной из форм праславянского плюсквамперфекта с *бы*-формой вспомогательного глагола. По-видимому, эта форма существовала в большинстве диалектов (в то время как существование *би*-формы вспомогательного глагола в славянских диалектах за пределами Балканского полуострова нередко ставится под сомнение — ср, в частности, [Хабургаев 1991]) и во всех (в том числе и в чешском) достаточно быстро приобрела ирреальное значение, вытеснившее первоначальное.

Дополнительные данные в пользу этой гипотезы предоставляют два современных славянских языка: сербохорватский и верхнелужицкий. В них отмечены особые значения указанной формы (наряду с собственно кондициональными), обнаруживающие связь с типологически известной полисемией плюсквамперфекта. Есть все основания предполагать древность этих особенностей ввиду формальной архаичности данного участка глагольной системы в обоих языках: во-первых, сохраняется аористное спряжение вспомогательного глагола, а во-вторых, в глагольной системе сохраняется аорист (хотя бы как стилистический реликт). Те же формальные признаки характерны и для чешского, где, как мы видели, интересующее нас значение этой формы сохранялось до XV века.

В сербохорватском языке, наряду с плюсквамперфектом, образующимся при помощи имперфекта вспомогательного глагола⁷³:

⁷² В Вульгате здесь латинский *plusquamperfectum*: *praeseperat*.

⁷³ Существует синонимичная ему форма, образующаяся при помощи ретроспективного сдвига; о семантике сербохорватского плюсквамперфекта подробнее см. выше, в разделе 3.4.3.

Hteo sam ga zapitati na čemu zasniva svoju sumnju, no on već beše ustao i gurao se napolje iz reda, mašući nekom svom poznaniku na izlazu. [Thomas 2000: 125]

‘Я хотел его спросить, на чём основывались его подозрения, но он уже встал и выбирался из ряда, подавая знаки какому-то своему товарищу, стоявшему у выхода’,

имеется форма так называемого «фреквентативного кондиционалиса», который является единственным средством передать предшествование в итеративных контекстах, так как форма плюсквамперфекта в сербохорватском языке сочетается только с совершенным видом:

Kad bi Sofija završila sa pranjem posuđa, ona je gledala televiziju [Thomas 2000: 128]

‘[Всякий раз,] когда София заканчивала мыть посуду, она смотрела телевизор’.

В верхнелужицком языке имеется плюсквамперфект, образующийся так же, как и в сербохорватском:

Hdyž sym ja wčera domoj přišoł, bě moja sotra runje dwaj listaj napisała [Tommoła 2000: 450]

‘Когда я вчера пришёл домой, моя сестра только что написала два письма’

а также сложная форма — так называемый «итеративный претерит» (термин из [Faßke 1981]), образующийся при помощи аориста вспомогательного глагола и -л-причастия:

Přeco hdyž bychmoj so tehdy zetkałoj, by mi wón wo filmje powědał, kotryž bě runje widźał [ibid.]

‘Всякий раз, когда мы с ним тогда встречались (ИТ.ПРЕТ), он мне рассказывал (ИТ.ПРЕТ) о фильме, который он только что видел’

Эта форма похожа по своему функционированию на соответствующую сербохорватскую, однако употребляется как в главном, так и в зависимом предложении; следовательно, она не имеет значения 'предшествования в прошлом' и выражает только итеративность. Она «используется также и как кондиционал» [ibid.].

Указанные верхнелужицкая и сербохорватская аналитические конструкции обнаруживают, как отмечает и П.-Л. Тома [Thomas 2000: 128], типологическое сходство с английской конструкцией *would*+Infinitive, которая употребляется и как форма ирреального наклонения, и со значением 'хабитуалис в прошлом', правда, без семы 'предшествование':

He would tell me about the film he had just watched

'Он [, бывало,] рассказывал мне о фильме, который он только что посмотрел'.

Верхнелужицкая глагольная форма, к сожалению, не столь надежна как пример, свидетельствующий о сохранении плюсквамперфектной семантики. Её семантическая близость с сербохорватской формой очевидна, но этот эффект вполне может быть результатом независимого от плюсквамперфекта развития условного наклонения, такого же, как например, в английском языке. Но в то же время вполне естественна и подобная семантическая эволюция плюсквамперфекта: теряя собственно таксисное значение, плюсквамперфект сохраняет семантику, связанную с закрытыми временными интервалами в прошлом (в терминологии Э. Даля — «past temporal frames»). Такая форма означает неактуальную ситуацию, и в частности — регулярное повторение некоторой ситуации на неактуальном временном отрезке. Для проблематики нашего исследования особенно важно то, что подобная эволюция одной из первоначально (квази)синонимичных плюсквамперфектных форм, как мы уже видели, свойственна целому ряду языков (см. 3.3.3, 3.4.2).

Таким образом, согласно нашей гипотезе, в праславянском языке сосуществовали три синонимичных плюсквамперфектных формы с тремя видо-временными основами вспомогательного глагола. Формы с имперфектом и аористом несовершенного времени сохранили плюсквамперфектную семантику

и просуществовали как синонимичные (по крайней мере в книжной письменности) достаточно долго; о том, происходила ли (и каким образом) их дополнительная дифференциация, см. следующий раздел (3.5.3). Форма же с аористом вспомогательного глагола чрезвычайно рано развила кондициональное значение и утратила плюсквамперфектное, следы которого сохранились лишь в некоторых языках. Таким образом, перед нами пример «специализации» одной из форм на дополнительных значениях и раннего разрушения квазисинонимии. Катализаторами этого процесса послужило наличие сразу двух конкурирующих плюсквамперфектных форм, а также, по крайней мере в части праславянских диалектов (например, в тех, которые отражены в старославянских памятниках болгарского происхождения), формальная и семантическая контаминация с *бимь*-формой сослагательного наклонения.

3.5.3. Книжный древнерусский «Повести временных лет» и албанский: возможные эвиденциальные противопоставления

Как мы уже указали выше, в процессе исторического развития формы аориста и имперфекта несовершенного вида глагола **byti* (*běaše* и *bě*) в славянских языках сливаются; исчезает формальное различие и между соответствующими формами плюсквамперфекта (*běaše ходилъ* и *bě ходилъ*). При анализе древних памятников, где оба формальных противопоставления сохраняются, традиционно полагалось, что они не соответствуют какому-либо семантическому различию (именно такой подход свойственен трудам А. Мейе, А. Вайана, Н. ван Вейка, [van Schooneveld 1951: 97]).

Единственный современный славянский язык, где сохраняются обе формы плюсквамперфекта такого типа (хотя и как стилистические архаизмы) — сербохорватский; здесь они имеют несколько фонетических вариантов каждая. Синхронно они уже не анализируются как образованные при помощи различных видо-временных форм глагола ‘быть’; формы вспомогательного глагола считаются вариантами имперфекта. Плюсквамперфект с формой, восходящей к имперфекту вспомогательного глагола, выглядит как *bejah* (*bijah*) *čitaо* ‘я читал’, с формой, восходящей к аористу совершенного вида — как *beh*

(bjeŋ) čitaо. Семантического различия между ними нет: они «являются свободными вариантами» [Кречмер, Невекловский 2005: 182].

Вопрос о сущности различия между двумя плюсквамперфектами, образованного при помощи имперфекта и аориста вспомогательного глагола (баше ходиш и бѣ ходиш соответственно) в книжном древнерусском языке — и даже о том, существует ли это различие вообще — очень сложен и насчитывает более чем вековую историю изучения. Им занимался ещё А. А. Потебня, предположивший ([1874/1958: 262]), что имперфект вспомогательного глагола «захватывает момент, далее отстоящий от настоящего, чем момент, обозначаемый аористом». В. И. Чернов [1961: 5], приведя ряд контрпримеров, опровергающих это мнение, утверждает, что различие между этими конструкциями — синтаксическое: вспомогательный глагол в форме аориста, с его точки зрения, употребляется в начале зависимого предложения после союза, с которым сочетается в единый проклитический комплекс (вроде *уже бѣ заложилъ, зане бѣ почаль, бѣ бо алыся*). К. ван Схоневелд [van Schooneveld 1959: 122—134], для работы которого характерен жёстко структуралистский подход к древнерусским глагольным временам, связывает употребление плюсквамперфекта, образованного при помощи имперфекта вспомогательного глагола, с «фоновой» («синхронизирующей») семантикой имперфекта. Так как имперфект маркирует одновременность некоторых ситуаций, то и плюсквамперфект со вспомогательным глаголом в имперфекте означает «ретроспекцию со стороны некоторого момента в прошедшем на предшествующий момент, которая синхронизирована с другим происшествием в более поздний момент времени в прошедшем» [ibid.: 128]. Наиболее подробным опытом решения вопроса о семантическом различии на материале одного памятника книжного древнерусского языка — «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку — является интересная, хотя во многом спорная работа [Goetinger 1995].

72% плюсквамперфектов в тексте «Повести» образовано при помощи аориста вспомогательного глагола *быти*; согласно К. Гёрингеру, именно эту форму можно считать нейтральным способом выражения предшествования в прошедшем в книжном древнерусском («аорист — немаркированная форма

вспомогательного глагола», стр. 321). Однако это наблюдение верно только для данного памятника; в Новгородской первой летописи, по данным [Петрухин 2004:100], картина почти строго обратная: формы с имперфектной связкой, напротив, составляют 75%.

В «Повести временных лет», по данным Гёрингера, употребления плюсквамперфекта типа *баше ходиш*, образованного с помощью имперфекта глагола *быти*, распадаются на три группы:

(I) «Изменение статуса действия или события», сюда входят знакомые нам значения ‘прекращенная ситуация’ и ‘аннулированный результат’:

*оу ярополка же жена гречини бѣ • и баше была черницею • бѣ бо привелъ ю шць его свѣславъ •
и вѣд ю за ярополка красоты ради лица ея*

‘У Ярополка же была жена гречанка, а [перед тем] была она монахиней, [в свое время] привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее’ (здесь и далее перевод Д. С. Лихачева, слова, добавленные переводчиком, мы заключили в скобки).

В первом случае употреблён имперфектный плюсквамперфект, подчёркивавший, что к моменту точки отсчёта (повествование идёт о войне сыновей Святослава в 977 году) жена Ярополка монахиней *не была*; во втором случае употребляется аористный плюсквамперфект, подчёркивающий, что результат ситуации ‘Святослав привёз пленную монахиню из Византии на Русь’ не аннулирован.

*рече же имъ феодосии • се азъ по божью повелѣнью назвахъ иакова • се же бы своимъ воли
хощете [ibid.: 326]*

‘Феодосий же сказал им: «Вот я по Божию повелению назвал [вам] Иакова, а вы на своей воле настаиваете»’ [по требованию монастырской братии печерский игумен Феодосий уже изменил своё решение и нарек своим преемником другого монаха, Стефана].

(II) «формульные» употребления с сочетанием *еще бо не*, указывающем на то, что некоторая ситуация к моменту точки отсчёта еще не произошла, но между

точкой отсчёта и моментом речи всё-таки осуществилась («контрфактив-будущее», по Гёрингеру):

БЛЕКОМУ ЖЕ ЕМУ ПО РУЧЬЮ КЪ ДНѢПРУ • ПЛАКАХУСА ЕГО НЕВѢРНИИ ЛЮДЕ • ЕЩЕ БО НЕ БАХУ
ПРИИЛИ СЪАГО КРѢЩЕНА [ibid.: 323]

‘Когда влекли [Перуна] по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения’

(III) «Эвиденциальные употребления» — контексты, в которых «субъекты... реагируют на события, о которых у них нет сведений из первых рук, но о которых они узнали из других источников»:

ОЛЬГА ЖЕ УСТРЕМИСА СЪ СЫМЪ СВОИМЪ НА ИКОРОСТѢНЬ ГРА • ЯКО ТѢ БАХУ УБИЛИ МУЖА ЕЯ • И
СТА ОКОЛО ГРА СЪ СЫМЪ СВОИМЪ • А ДРЕВЛЯНЕ ЗАТВОРИШАСЯ ВЪ ГРАДѢ

‘Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как те убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе’

И ПОЗВА КЪ СЕБѢ НАРОЧНЫѢ МУЖИ • НИЖЕ БАХУ ИСѢВКАИ ВАРЯГИ • И ШЕЛЪСТНИВЪ И НИЧЕ

‘И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил’

«Согласно Повести временных лет, Ольга была в Киеве, когда древляне убили её мужа Игоря, но она узнала об обстоятельствах его гибели от древлянских послов. Аналогично, Ярослав отсутствовал, когда новгородцы убили варягов, но узнал об этом позже» [ibid.: 328, там же третий пример].

Все три типа значений древнерусского книжного имперфектного плюсквамперфекта не являются типологически неожиданными. Антирезультативное значение развивается и у французского имперфектного плюсквамперфекта еще тогда, когда нейтральным способом выражения предшествования в прошедшем был аористный плюсквамперфект (см. выше, п.1.1.). Семантика неначавшегося действия (для этого фазового значения, грамматикализованного в языках банту, в [Плунгян 2000: 306] предлагается термин *кунктатив*) выражается плюсквамперфектом в языке сантали [Сичинава

2001: 97]. Наконец, параллель последнего употребления — эвиденциальные значения именно у имперфектного (но не аористного) имперфекта — обнаруживается, согласно работе [Friedman 1981], в албанской глагольной системе.

Соответствующие формы неадмиративного ряда (глагол ‘работать’, форма 1 л. ед.ч.) выглядят как *kisha punuar* (вспомогательный глагол в имперфекте+конверб) и *pata punuar* (вспомогательный глагол в аористе+конверб). Некоторые информанты, с которыми работал исследователь, утверждают, что употребление высказываний:

Shabani ua pati blerë biletat n’orën dy
Shabani ua kishte blerë biletat n’orën dy
‘Шабан купил им билеты к двум часам’

связано с прямой и косвенной засвидетельствованностью: предполагает личное свидетельство говорящего, в то время как указывает на то, что говорящий не присутствовал при покупке билетов. В. Фридман отмечает также, что аористный плюсквамперфект не может употребляться в типично пересказывательных контекстах с оборотами *kam dëgjuar, dëgjova* ‘я слышал’, *tha se...* ‘он сказал, что...’

В то же время другие исследователи албанской глагольной системы усматривают здесь распределение, аналогичное раннестарофранцузскому и связанное с результативностью. В [Buchholz, Fiedler, Uhlisch 1977: 693] утверждается, что плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола означает события, связанные с точкой отсчёта (или продолжающиеся в этот момент), в то время как плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола означает события, предшествующие моменту в прошлом, которые, как правило, никак не связаны с этим моментом (см. также классификацию «ретроспективных» форм в албанском в [Hewson, Bubenik 1997: 109—110]; авторы проводят также типологическую параллель с формальным устройством старославянского плюсквамперфекта).

В обоих рассматриваемых случаях нет полной уверенности в том, что мы имеем дело именно с эвиденциальностью. Трактовка К. Гёрингером этого понятия достаточно необычна: как правило, эвиденциальность подразумевает засвидетельствованность / незасвидетельствованность того или иного события говорящим, а не третьим лицом. Кроме того, в любом случае такое распределение выявлено только в одном памятнике, причём в текстуально родственной «Повести временных лет» Новгородской первой летописи (обе они, как известно, до конца XI века восходят к Начальному своду) количественное распределение этих форм, как показывают подсчёты П. В. Петрухина, практически строго обратное. В работе В. Фридмана также нет полной уверенности в том, что выражение такой семантики налицо; оно отмечается «некоторыми информантами». Сложно сказать, что́ перед нами: реальные зачатки эвиденциальной или родственной ей дифференциации или пример параллельного функционирования полностью синонимичных форм, образуемых при помощи аориста и имперфекта, подобный старофранцузским в текстах вроде «Смерть Артура». В этом последнем случае достаточно тонкие, но каждый раз совершенно разные типы противопоставления двух древнерусских форм, выявленные Потембной, Черновым, Схоневелдом и Гёрингером, могут носить в значительной степени иллюзорный характер.

Видовое противопоставление между перфективом и имперфективом вспомогательного глагола оказывает влияние на семантику плюсквамперфекта. Во всех случаях (романские, книжный древнерусский, албанский) плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола ограничивается таксисным значением, не развивая дополнительных, связанных с «зоной сверхпрошлого». Отклонения от этого связаны с особенностями видо-временных систем конкретных языков, но не с полисемией, свойственной собственно плюсквамперфекту. В романских языках засвидетельствовано — для плюсквамперфекта типологически уникальное — значение комплетивности с семантическим оттенком 'быстро', что объясняется спецификой аориста в этих языках; кондициональное значение славянского аористного плюсквамперфекта типа *быхъ ходиль* возникает вследствие контаминации с морфологически независимым кондиционалом. Форма, образованная при помощи имперфекта вспомогательного глагола, напротив, всюду развивает

значения, относящиеся к типологически характерной для плюсквамперфекта семантике.

3.6. От противопоставления плюсквамперфектов по модальности к синонимии: casus latinus

Особый интерес для типологических исследований синонимии плюсквамперфекта представляет латинский язык, в котором имелись две формы плюсквамперфекта — *Plusquamperfectum Indicativi* и *Plusquamperfectum Coniunctivi* — выражавшие семантику двух наклонений, индикатива и конъюнктива соответственно. Строго говоря, *изначально* это соотношение само по себе не относится к проблематике синонимии глагольных категорий; перед нами так называемая «многомерная парадигма», в терминах [Сумбатова 2002], обе эти формы регулярно выражают, помимо собственно плюсквамперфектного, также граммему другой категории, в данном случае модальности. Однако диахроническая судьба этой пары демонстрирует сильнейшее сближение этих форм и стирание различия по признаку наклонения, что, несомненно, связано с тенденцией плюсквамперфекта к эволюции в сторону ирреальных значений (о которой см. выше, 3.1), таким образом, грамматическая синонимия возникает в ходе изменения глагольной системы.

Лучшие описания семантики глагола в латинском языке (прежде всего [Hofmann, Szantyr 1965], [Ernout, Thomas 1972] и, особенно, работы С. Мелле [Mellet 1988, 1994, 2000]) обращают внимание на особенности семантики форм латинского плюсквамперфекта, которые не могут быть сведены к традиционным семантическим ярлыкам ‘предшествование в прошедшем’ и ‘давнопрошедшее’. Многие наблюдения и трактовки, предлагаемые этими исследователями, мы используем в настоящей работе.

3.6.1. Плюсквамперфект индикатива и его модальные значения

Основным значением латинского *Plusquamperfectum Indicativi* традиционно считается таксисное, то есть ‘прошедшее в прошедшем’. Вместе с тем таксисное употребление *Plusquamperfectum*, как показывает анализ ([Ernout,

Thomas 1972, Mellet 1994, 2000]) даже классических текстов, не говоря о памятниках доклассических (Плавт) или более позднего времени, но также отражающих народную речь («Сатирикон» Петрония, надписи), не было обязательным. В контекстах, где в английском или французском обязательно относительное время, широко употреблялся латинский Perfectum:

Dedi equidem quod mecum egisti (Плавт, *As.* I,3,19; [Mellet 2000: 101])⁷⁴

‘Я дал столько, сколько мы с тобой условились (букв. «ты со мной условились»)’

Ab iis Caesar haec facta cognovit, qui sermoni interfuerunt ([Цезарь, *Bell. C.*, III, 18, 5; Ernout, Thomas 1972: 225])

‘Цезарь узнал это от тех, кто присутствовал на переговорах’.

Плюсквамперфект же, согласно [Väänänen 1967], в «простонародном и позднем языке» (*dans la langue populaire et tardive*) употреблялся абсолютно, «со значением имперфекта»; примеры, приводимые исследователями, соответствуют различным значениям канонической полисемии; так, «значению имперфекта» соответствует значение прекращенной ситуации:

Non sum ego qui fueram: mutat via longa puellas [Проперций, I, XII, 12]

‘Я не тот, что был [раньше]: и юные девы меняются в разлуке’⁷⁵.

Incipiunt odisse quod fuerant et profiteri quod oderant [Тертуллиан, *Apol.*, I, 6]

‘[Новокрещённые] начинают ненавидеть то, чем они были, и исповедовать то, что они ненавидели’; комментарий С. Мелле [Mellet

⁷⁴ Примеры из классических авторов выверены по электронному корпусу латинских текстов «Perseus» (<http://www.perseus.tufts.edu/>), материалы которого опираются на авторитетные издания. Названия произведений записаны с использованием сокращений, принятых в классической филологии. Примеры из христианских авторов (Тертуллиан, Григорий Турский) также сверены по электронным изданиям.

⁷⁵ Ср. также: Quod fueram, non sum ‘Чем был – не есмь’ (надпись-эпитафия, [Väänänen 1967: 140]).

1994: 120] к подобным контекстам, частотным у христианских авторов: «точка отсчёта здесь выводится из контекста, и легко можно восстановить что-то вроде «до их обращения», оправдывающее выражение предшествования; кроме того, употребление плюсквамперфекта, как кажется, подчёркивает разрыв [выделение наше — Д. С.] между двумя периодами».

очень частотно и уже известное нам значение аннулированного результата:

Repudio quod concilium primum intenderam (Теренций, *Andr.* 733; [Mellet 1994:111])

‘Отказываюсь от плана, который раньше составил’.

Плюсквамперфект в латинском языке употребляется и в антирезультативных конструкциях другого типа; причина, воспрепятствовавшая достижению результата, вводится в придаточном предложении с темпоральным союзом *cum*, который традиционно называется *cum inversum*, букв. «обратное, противоположное *cum*». В конструкциях с *cum inversum* возможен как имперфект, так и плюсквамперфект; если имперфект в главном предложении носит чисто *конативный* характер (‘результат ситуации не был достигнут’, подробнее о латинском *imperfectum de conatu* см. [Mellet 1988: 288–292]), не указывая на стадию, на которой вмешалось непредвиденное обстоятельство, то плюсквамперфект подчёркивает прерывание нормально развивающейся ситуации на этапе, очень близком к достижению результата, принося *проксимативное* значение «чуть не»⁷⁶:

Moderatione plura quam vi composuerat, cum redire in Syriam iubetur (Тацит, *Ann.*, XII, 49, 2; [Mellet 1994: 113])

⁷⁶ В языке сантали [Сичинава 2001] дуратив прошедшего времени (семантически близкий европейскому имперфекту) также передаёт конативное, а одна из плюсквамперфектных форм – проксимативное значение.

‘Он уже почти утихомирил [провинцию], скорее с помощью умеренности, нежели силы, когда получил (букв. получает) приказ возвращаться в Сирию’.

У классических авторов распространено употребление плюсквамперфекта с дискурсивным значением ‘сдвиг начальной точки’, относящим всё дальнейшее повествование в закрытый интервал прошедшего [Mellet 1994: 112, 1988: 294, где этот феномен называется «плюсквамперфектом начала», *le plus-que-parfait d'ouverture*]:

Bello Punico secundo (...), Masinissa rex Numidarum (...) multa et praeclara rei militaris facinora fecerat (Саллюстий, *B. Jug.*, 5, 4, [Mellet 1994: 112])⁷⁷

‘Во время второй пунической войны (...) Масинисса, царь нумидийцев, (...) совершил немало славных воинских подвигов’ [и далее идёт рассказ о подвигах Масиниссы с употреблением форм Perfectum].

Развиваются и оба модальные значения, характерные для «зоны сверхпрошлого»: уже с достаточно раннего периода засвидетельствовано значение ‘смягчение категоричности утверждения’:

Negio, hoc te monitum, nisi forte ipse non vis, volueram (Плавт, *Capt.*, 309, [Mellet 1994: 117])

‘Регион, мне бы хотелось, если ты не против, обратить твоё внимание на это’.

и становится характерным употребление плюсквамперфекта в аподосисе (главном предложении) ирреальной условной конструкции. Первоначально плюсквамперфект индикатива в таких конструкциях употреблялся «с целью выразительности» [Ernout, Thomas 1972: 380]), недостигнутый результат тем

⁷⁷ Для этого примера (в контексте произведения Саллюстия) возможна также интерпретация ретроспективного «отступления» от основной линии событий (за это, а также некоторые другие уточнения к нашей трактовке латинского материала, благодарим Ю. В. Баранова).

самым (благодаря семантике индикатива) представлялся как достигнутый; согласно С. Мелле ([1994: 117]), «для логики рассказа важнее сама квази-завершённость действия, чем досадное обстоятельство (*grain de sable*, букв. «песчинка»), которое помешало действию»; таким образом, перед нами не только модальное, но также и одно из антирезультативных, а именно проксимативное, употребление плюсквамперфекта:

Praeclare viceramus, nisi... fugientem Lepidus recepisset Antonium (Цицерон, *ad Fam.*, XII, 10, 3, [Ernout, Thomas 1972: 380–381]).

‘Мы одержали бы славную победу, если бы [только] Лепид не принял у себя бежавшего [с поля боя] Антония’.

В раннесредневековой латыни плюсквамперфект индикатива в ирреальных контекстах становится [Ernout, Thomas 1972: 383] еще более распространённым, нейтральным способом выражения:

Si fas fuisset, angelum de caelo evocaveram [Григорий Турский, *Hist. Fr.*, V, 18]

‘Если б было это дозволено, я бы призвал ангела с небес’.

В романских языках она, как увидим, станет основной (и – кроме Иберии – единственной) функцией формы-наследницы латинской *cantaveram*.

3.6.2. Плюсквамперфект конъюнктива и его экспансия в модальной зоне значений

Латинский конъюнктив (как и современные французский и немецкий), как известно, сильно грамматикализован и носит в значительной степени синтаксический характер, маркируя определённые типы зависимых предложений вне зависимости от *референциального статуса* (то есть параметра «реальность / гипотетичность / ирреальность») соответствующих ситуаций. Это верно и для плюсквамперфекта конъюнктива; в нижеприведённых примерах выбор склонения ничем – кроме типа соответствующей предикации, чаще

всего связанного с употреблённым союзом – не обусловлен, а значения соответствуют рассматривавшимся выше для плюсквамперфекта индикатива:

Nuper cum morte superioris uxoris novus nuptiis domum vacuefecisses, nonne etiam alio incredibili scelere hoc scelus cumulavisti? [Цицерон, *Cat. 1*, 14; Mellet 1994: 240]

‘Некогда, после того, как ты смертью прежней своей жены освободил дом для нового брака, не добавил ли ты к этому преступлению новое невероятное преступление?’ (таксисное значение)⁷⁸

Itaque in intimis est meis, cum antea mihi notus non fuisset [Цицерон, *Att. IV*, 16, 1; Mellet 1994: 241]

‘И вот он в числе моих близких друзей, а раньше был мне незнаком’ (значение прекращенной ситуации).

Собственно модальные употребления латинского конъюнктива связаны с употреблением как в независимых (оптатив: Fiat lux! ‘Да будет свет’), так и в некоторых типах зависимых предикаций (прежде всего условных периодах: Si sim Iuppiter, iam hercle ego uxorem ducam ‘Если б я был Юпитером, то тотчас бы, клянусь, взял её в жёны’).

Парадигма конъюнктива в латинском языке включает четыре формы: Praesens, Perfectum, Imperfectum и Plusquamperfectum; формы будущего времени оказываются вне модальной оппозиции, и таким образом, формы презенса конъюнктива получают и футуральную интерпретацию. Данные [Ernout, Thomas 1972] и [Väänänen 1967] позволяют построить нам таблицу

⁷⁸ С. Мелле выводит и это употребление из постулируемого ей семантического инварианта конъюнктива; согласно её трактовке, здесь вводится в рассмотрение некоторое множество альтернативных ситуаций, в данном случае {убить жену и раскаяться / убить жену и быть осужденным / убить жену и совершить новое преступление}, и употребление конъюнктива подчеркивает, что Катилина сделал наименее ожидаемый для честного человека выбор. Нам не кажется целесообразным рассматривать для всех без исключения латинских конструкций с конъюнктивом в зависимой предикации (по крайней мере, для подобных примеров) какой-либо модальный механизм выбора наклонения.

«распределения» этих форм в собственно модальном значении для трёх периодов развития латинского языка (полужирным выделены преобладающие формы):

	Гипотетический статус, настоящее	Ирреальный статус, настоящее	Гипотетический статус, прошедшее	Ирреальный статус, прошедшее
Доклассическая эпоха	Praesens	Praesens, Perfectum	Imperfectum	Plusquamperfectum
Классическая эпоха	Praesens, Perfectum	Imperfectum, Praesens, Perfectum, Plusquamperfectum	Imperfectum, Praesens, Perfectum, Imperfectum, Plusquamperfectum	Plusquamperfectum
Позднелатинская / раннероманская	Praesens, Perfectum, Imperfectum	Plusquamperfectum (переход в письменном языке закончился в VIII веке)		

Форма плюсквамперфекта конъюнктива в доклассическую эпоху сравнительно редка [Mellet 1994]; в доклассическую и классическую эпоху наиболее частотным её значением является ирреальная ситуация, относящаяся к прошедшему:

Si quiessem, nihil evenisset mali (Теренций, *Andr.* III, 4, 25; [Ernout, Thomas 1980: 378])

‘Если б я был спокоен, ничего дурного бы не произошло’ [но спокоен я не был].

Utinam ille omnes secum suas copias eduxisset! (Цицерон, *Cat.* II, 4, [Mellet 1994: 242])

‘О, если бы он только увёл свои войска вслед за собой!’ [но он не увёл].

Плюсквамперфект конъюнктива употреблялся и для выражения не ирреальной, но гипотетической модальности (событие относится к будущему), с добавлением идеи «смягчения», «осторожного выражения гипотезы»; таким образом, перед нами и здесь не что иное, как параллель к индикативному употреблению этой формы:

Quid, tu, Brute? possesne dicere, si te, ut Curionem quondam, contio reliquisset? [Цицерон; *Br.*, 192; Ernout, Thomas 1972: 379]

‘Что, Брут? смог бы ты говорить, если бы тебя, как некогда Куриона, покинуло собрание?’ (комментарий Эрну и Тома: «гипотеза представлена как ирреальная из учтивости к лицу, которому задаётся вопрос»).

Достаточно рано (первые примеры [Väänänen 1967] еще у Витрувия, II стол. до Р.Х.) плюсквамперфект конъюнктива начинает захватывать вышеозначенную сферу имперфекта конъюнктива, вплоть до ирреалиса настоящего; процесс этот завершается в письменном языке, однако, не раньше VIII столетия [Mellet 1994]. Согласно [Ernout, Thomas 1972: 383], этот процесс связан с «общей тенденцией плюсквамперфекта замещать имперфект» – то есть с постоянно присутствовавшей, а к концу латинской эпохи ставшей преобладающей тенденцией плюсквамперфекта индикатива употребляться в контекстах, связанных с неактуальными замкнутыми временными интервалами. Свидетельством экспансии форм плюсквамперфекта в ущерб другим формам конъюнктива может служить грамматика «*Ars Minor*» Доната, созданная в IV веке; этот автор не выделяет особых форм Perfectum конъюнктива в «оптативной» функции, считая, что они совпадают с формами плюсквамперфекта: «*Lego verbum activum... quod declinabitur sic: ...optativo modo... praeterito perfecto et plusquamperfecto utinam legissem, legisses, legisset*» (в переводе М. С. Петровой: *Lego* – действительный глагол... будет спрягаться так:...в желательном наклонении... в предшествующем законченном времени и предшествующем предпрошедшем *utinam legissem, legisses, legisset*) [Donatus 1999]; но в собственно «конъюнктиве» перфект и плюсквамперфект разграничиваются [ibid.]

Семантически плюсквамперфект конъюнктива распространяется на всю модально-временную семантическую зону, отделённую от «здесь и сейчас» говорящего или во временном (прошедшее), или в модальном (ирреалис) отношении, или в обоих. Подобная эволюция этой формы получила, помимо семантической, и морфологическую поддержку; как отмечается в [Togebuy 1966: 177] и [Väänänen 1967: 142], формы Perfectum конъюнктива *cantaverim-cantaverit*, имперфекта конъюнктива *cantarem-cantaret* и предбудущего (имевшего и модальные значения, в значительной степени пересекающиеся с Perfectum конъюнктива; о них см. подробнее, напр., в [Hofmann, Szantyr 1965 : 322], [Mellet 1994: 162-167]) *cantavero-cantaverit*, на значительной части латинской территории в силу фонетических процессов контаминируются, образуя единую парадигму т. н. потенциалиса.

Таким образом, плюсквамперфект индикатива в поздней латыни призван выражать ситуации с реальным референциальным статусом, несомненно, с точки зрения говорящего, имевшие место в прошлом, но отнесённые в неактуальный временной интервал; плюсквамперфект конъюнктива объединяет все ирреальные и гипотетические модально-временные сочетания, кроме гипотетического настоящего. Итак, обе эти формы образуют парадигму неактуальной «зоны сверхпрошлого»; однако нельзя постулировать между ними чёткую оппозицию «гипотетичность vs. ирреальность»; из прагматических соображений и форма конъюнктива «вторгается» в гипотетический контекст, и форма индикатива – в ярко ирреальный (см. примеры (20) и (14)), причём это последнее употребление грамматикализуется и становится основным для данной формы.

3.6.3. Конвергенция двух плюсквамперфектов на периферии Романии

Появление и развитие нового, аналитического плюсквамперфекта, опирающегося на новый, также аналитический перфект, а также, по мнению К. Тогебю [Togebuy 1966: 179] некоторые фонетические изменения, способствующие контаминации с парадигмой романского аориста (бывшего Perfectum), привели к тому, что в языках-потомках латыни форма плюсквамперфекта индикатива почти повсеместно ограничивается значением

условного наклонения, таким образом, генерализуется употребление этой формы в аподосисе условной конструкции, отмечавшееся еще у Цицерона (пример (14)). К идиомам, где прослеживается такая эволюция, относятся далматинский, южноитальянские говоры, франко-провансальский⁷⁹, окситанский, гасконский и каталанский [Togeby 1966: 177–180]. В настоящее время все эти формы вымерли, уступив место новому кондиционалису, образовавшемуся из аналитической конструкции «инфинитив + имперфект глагола ‘иметь’» (фр. *devrait < debere habebat*).

Наследник латинского *cantavissem* во всех романских языках (кроме сардинского, где сохраняется старый имперфект конъюнктива) ограничивается развившимся в позднелатинский период значением претерита косвенного наклонения, однако ‘отнесённость к прошлому’ становится преобладающей составляющей его значения; эта форма распространяется на целевую («проспективную», по С. Мелле) модальность в прошедшем (уже начиная с позднелатинской эпохи, например, у бл. Августина):

Saint Hildegarde, l'abbé, voulut [...] que les prieurs la racontassent dans les couvents réguliers. [Гюго, «Легенда о монахине»]

‘Святому Ильдегарду, аббату, было угодно, чтобы начётчики рассказали [эту историю] во всех монастырях регулярного устава’

Y habiendo mandado el duque que delante de la plaza del castillo se hiciese un espacioso cadahalso... [Сервантес, «Дон Кихот», часть II, гл. 56]

‘И когда герцог приказал, чтобы на площади перед замком был построен просторный помост...’

и на чисто синтаксические употребления конъюнктива:

Bien qu'il fût aveugle, aucun ne l'égalait dans la connaissance des écritures.

[Флобер, «Искушение св. Антония»]

⁷⁹ В литературных франко-провансальских текстах деграмматикализованная и лексикализовавшаяся форма глагола ‘долженствовать’ *doire < debuerat* встречается вплоть до XVII века – подробнее см. [Duraffour 1934]).

‘Хотя он и был слеп, но в знании писаний ему не было равных’.

в то время как ирреалис в настоящем начинает передаваться уже имперфектом индикатива:

Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait

‘Если б молодость знала, если б старость могла’

(В современном итальянском языке имперфектом могут кодироваться и ирреальные ситуации, относящиеся к прошедшему:

Si venivi, ti divertivi

‘Если бы ты пришёл, ты бы обрадовался’ [Bertinetto 1994a]).

Таким образом, обе формы-наследницы латинского плюсквамперфекта являются формами различных косвенных наклонений, причём если для *cantaveram* при выборе формы преобладает модальная, то для *cantavissem* – темпоральная составляющая семантики.

На этом фоне выделяется судьба латинского плюсквамперфекта в двух окраинных языках романской зоны – в испанском⁸⁰ и в румынском.

Испанская форма на *-ra*, ставшая предметом обширной литературы (библиографию см. в [Togebly 1966], [Lunn, Cravens 1991], [Klein-Andreu 1991]), засвидетельствована на протяжении многих веков как в темпоральных, так и в

⁸⁰ В португальском языке ситуация, по-видимому, была близка к испанской, т. е. долго сосуществовали оба употребления; в языке XVI в., а затем в бразильском португальском, форма на *-ra* употреблялась и в ирреальном значении (*eu o fizera se pudera* ‘я сделал бы, если бы смог’ [Вольф 1988: 127]), и такое употребление сохраняется в бразильском португальском, в то время как в европейском варианте эта форма употребительна только в функции плюсквамперфекта индикатива (см. о португальском синтетическом плюсквамперфекте также выше, 3.3.2).

модальных значениях. В староиспанских памятниках («Сиде» и романсах) форма на *-ra* носит в основном таксисный:

Demando por Alfonso, do lo podrie fallar; // Fuera el rey a San Fagunt aun poso ha. («Поэма о моём Сиде», [Lunn, Cravens 1991])

‘Он спросил, где он мог бы найти Альфонса; // Король незадолго до этого удалился в Сан-Фагунт’

но и антирезультативный характер:

Firme estido Pero Vermudez, por esso nos encamo; // Un golpe reçibiera, mas otro firio («Поэма о моём Сиде», *ibid.*)

‘Храбро держался Педро Бермудес, он не дрогнул; // Один удар получил [было], но ответил на него своим (букв. еще одним)’

а формы с модальным (кондициональным) значением находятся в меньшинстве ([Togebu 1966: 180] с ссылкой на результаты [Becker 1928]).

Развитие аналитического плюсквамперфекта отгеснило испанский синтетический плюсквамперфект дальше в план прошедшего; ср. вывод Ф. Клейн-Андреу, исследовавшей текст XIV века: «форма индикатива на *-ra* становится всё более и более связанной с «низкофокусной» референцией (то есть с фоновыми событиями), в то время как новый аналитический плюсквамперфект предпочитается для событий переднего плана (*foregrounding*)» [Klein-Andreu 1991: 173]. Синтетическая форма стала, в частности, выражать предшествование во времени по отношению к ситуации, выраженной аналитическим плюсквамперфектом:

Enrique III, al subir al trono a los catorce años para dar fin a la anarquía, que en el Estado alimentaran sus poderosos tutores, había ratificado las ligas hechas por su padre.

‘Генрих III, вступив на престол в возрасте четырнадцати лет, чтобы положить конец анархии, которую развели в государстве его могущественные опекуны, подтвердил договоры, заключенные ранее его отцом’ (де Ларра, XIX век, [Lunn, Cravens 1991: 156]).

Заметим, что мнение, согласно которому темпоральное значение формы на *-ra* «искусственно восстановлено романтиками в XIX веке» (ср. указания на это в [Squartini 1999] и [Togebu 1966]), нуждается в корректировке; во всяком случае, академическая грамматика даёт два примера на таксисное значение этой формы уже для XVIII столетия – один из них связан именно со «второй степенью предшествования»:

A la mitad del siglo, la paz había ya restituído al cultivo el sosiego que no conociera jamás, y a cuyo influjo empezó a crecer y prosperar [Ховельянос, «Доклад об аграрной реформе», Gramática 1931: 273]

‘К середине века мирная жизнь уже вернула сельскому хозяйству спокойствие, которого оно никогда не знало [ранее] и благодаря влиянию которого оно начало расти и процветать’

в то же время как начиная с XVII столетия преобладает модальная, ирреальная трактовка:

También podieran callarlos por equidad [Сервантес, «Дон Кихот», ч. II, гл. 3, *ibid.*]

‘И все же они могли бы умолчать об этом из чувства справедливости’ (пер. Н. Любимова),

и наконец, начиная с Кальдерона (XVII век; [Togebu 1966: 180] с ссылкой на результаты [Becker 1928]) господствует употребление в аподосисе (спорадически отмечаемое, повторим, на протяжении всей истории испанского языка) и протасисе ирреальных условных предложений. В первом случае форма конкурирует с «новым» романским кондиционалисом (от *amare habebat*), во втором – с ирреальным имперфектом конъюнктива (произошедшем, как мы знаем, в испанском от плюсквамперфекта конъюнктива):

Yo amara / amaría las riquezas, si mi dieran / diesen la salud que mi falta

‘Я (по)любил бы богатства, если они бы дали мне здоровье, которого мне недостаёт’ [Gramática 1931].

В дальнейшем форма на *-se* повсюду становится заменимой на форму на *-ra*, в частности, в «подчинённых предложениях, содержащих глагол в конъюнктиве» [Gramática 1931: 274], иными словами, в случае синтаксического употребления косвенного наклонения.

Между тем в современном языке⁸¹ сохраняется и значение формы на *-ra*, как представляется, не связанное с модальностью; это, во-первых, контексты, где она получает таксисную интерпретацию («прошедшее в прошедшем»):

La petición de suspender la cotización fue presentada por el Banco Central después de que a las diez se iniciara la sesión de la bolsa [Squartini 1999: 83, модифицированный пример из Hermerén 1992]

‘Предложение остановить котировки было внесено Центральным банком после того, как в десять часов началась биржевая сессия’.

во-вторых, значения «неактуального прошедшего»:

Naciera en Barcelona en 1910

‘Он / она родился (родилась) в Барселоне в 1910 году’
[«подразумевается, что этого человека больше нет в живых»]⁸²

в-третьих, некоторые употребления (как форм на *-ra*, так и на *-se*), модальный характер которых сомнителен:

La pareja, que se hiciera famosa por interpretar el papel de marido y mujer en «El pájaro espino», es en la vida real un matrimonio feliz. [Журнал «¡Hola!», 6.7.1985, Lunn, Cravens 1991: 149]

⁸¹ Такое употребление характерно не только для кастильского, но также и для латиноамериканского испанского, и рассматривалось некоторыми авторами как грамматический «американизм»; см. сводку указаний различных исследователей в [Степанов 1963: 168—169].

⁸² За этот пример, а также за консультацию, мы благодарим Э. Оливан Гарсиа и К. Уитли (Барселона).

‘Супруги, которые прославились исполнением роли мужа и жены в «Поющих в терновнике», в действительности представляют собой счастливую пару’

Al día siguiente de que Isabel Preysler... iniciase en un chalet de Marbella su veraneo, según informamos en la página 44 de este número... [Журнал «¡Hola!», 17.8.1985; Lunn, Cravens 1991: 150]

‘На другой день после того, как Исабель Прейслер начала свой летний отпуск в коттедже в Марбелье, о чём мы писали на стр. 44 этого номера...’

В исследовании [Lunn, Cravens 1991] эти последние отнесены к «модальным»; конъюнктив, согласно авторам, в испанском языке объединяет как гипотетические и ирреальные, так и «хорошо известные читателю» ситуации; но в таком случае аналогичное употребление ожидалось бы и для презенса испанского конъюктива. На наш взгляд, вряд ли эти примеры из «жёлтого» журнала могут говорить о некоторой специфической модальной функции конъюктива; пока корпус примеров не будет расширен, правомерно говорить о десемантизовавшемся наклонении, которое автоматически вызывается союзом *que* и сложными союзами, его содержащими. В таком случае подобный анализ может быть распространён и на пример (32), хотя мы всё-таки вправе рассматривать форму в этом примере как несущую и таксисную семантику, потому что в нём употреблена синтетическая *ra*-форма, а не «новый» аналитический плюсквамперфект конъюктива (*hubiera / hubiese iniciado*).

Не столь долгую историю имело расхождение форм, восходящих к *cantaverat* и *cantavisset*, в румынском языке (о румынском плюсквамперфекте см. также [Marin 1985]; о характерных для него в дискурсе «ретроспективных» употреблениях, маркирующих отступление от основной линии повествования, см. [Сикацкая 1984а]). В этом языке форма *cântase*⁸³ «сохраняет значение плюсквамперфекта *cantavisset*, в то же время приобретая модальное значение формы *cantaverat*» [Togebuy 1966: 175], иными словами, меняет свою

⁸³ В принятой в 1950–90-х годах орфографии: *cîntase*.

принадлежность к наклонению; это связано, согласно К. Тогебю [183–184], с тем, что балканские языки обладают ограниченным набором форм наклонения, поэтому румынский, потеряв имперфект конъюнктива и плюсквамперфект индикатива, воспользовался формой на *-se* для заполнения второй лакуны, а не первой (другую попытку объяснения этого перехода, с опорой на фонетические факторы и даже славянский субстрат, см. [Elson 1997]). С нашей точки зрения, это также было обусловлено семантической близостью плюсквамперфекта и ирреалиса, но к сожалению, плохая документированность румынского языка вплоть до позднего Средневековья затрудняет детальное изучение этого феномена.

Итак, в испанском языке два потомка двух латинских плюсквамперфектов, один из которых продолжает сохранять плюсквамперфектные значения, а другой прошёл через их утрату и ограничение чисто модально-временными функциями, становятся в значительной степени (хотя и не целиком) взаимозаменяемыми выразителями значений «зоны сверхпрошлого» (предпрошедшее, антирезультатив, ирреалис); в румынском языке одна из этих форм – изначально форма конъюнктива *↵* становится плюсквамперфектом индикатива. Возможность возникновения обоих распределений была уже заложена в распределении этих форм, имевшемся в латинском языке накануне распада.

Таким образом, модальные значения, развиваемые латинским плюсквамперфектом индикатива (среди употреблений которого велик удельный вес употреблений, соответствующих типологически устойчивой «зоне сверхпрошлого»), «наложились» на десемантизированный, синтаксический характер конъюнктива в этом языке; это привело к частичному стиранию семантической границы между обеими формами и к тому, что в двух языках-потомках латыни, относящихся к двум перифериям романского мира, форма-наследник одного из двух латинских плюсквамперфектов «дрейфует» из одного наклонения в другое.

3.7. Перфект в плюсквамперфектной функции и собственно плюсквамперфект

Таксисное значение предшествования по отношению к общей цепи повествования — и, шире, изложение событий, развивающихся вне основной линии нарратива — в языках мира нередко выражается формой перфекта. Следующее описание этой функции, предложенное в работе [Недялков, Инэнликей, Рахтилин 1983: 106—107] для чукотского перфекта, применимо и ко многим другим языкам:

«...Временной формой, описывающей развёртывание событий, цепь последовательных действий, является аорист. <...> Перфект же выделяет отдельные действия в такой цепи. Его основное значение — прошедшее законченное ненарративное. Поэтому он часто используется при выражении изолированных событий, в частности, при уходе в более далёкое прошлое по отношению к основной линии повествования (плюсквамперфектное значение)».

Данное значение действительно представляет собой, по-видимому, ослабленный вариант базового значения перфекта, «текущей релевантности» (ср. [Anderson L. 1982]); в трактовках перфекта, восходящих к анализу Х. Рейхенбаха, таксисное значение нередко абсолютизируется (см. также выше, 2.3.1).

Для целей нашего исследования особое значение имеет тот факт, что перфект в плюсквамперфектной функции употребляется не только в языках, не имеющих специальной формы плюсквамперфекта (к таким как раз и относится чукотский), но и в языках, где есть отдельная форма плюсквамперфекта. Этот феномен указан, например, в [Bertinetto 1986: 421—422], где приводятся примеры из итальянского и французского; П.-М. Бертинетто утверждает, что формы плюсквамперфекта и перфекта в романских языках синонимичны и вступают в положение конкуренции.

В разговорном немецком языке перфект (наряду со сверхсложными формами, обсуждавшимися выше) также выступает в плюсквамперфектной функции. «Желанием придать налёт разговорности, непринужденности, снизить стиль объясняется употребление вместо плюсквамперфекта формы перфекта у Г. Гейне:

Der verzweifelnde Republikaner, der sich wie ein Brutus das Messer ins Herz stieß, hat vielleicht zuvor daran gerochen, ob auch kein Hering damit geschnitten worden» [Шендельс 1970: 41]

‘Отчаявшийся республиканец, который, подобно Бруту, всадил себе в сердце нож, может быть, предварительно понюхал, не разрезали ли этим ножом селедки’

Кроме знака социолингвистического регистра, перфект является и прагматическим знаком «субъективной окрашенности», апеллирующим к речевой ситуации: «автор может... комментировать события, размышлять, обращаться к читателю. Он может сливаться с одним из персонажей и передавать события с точки зрения персонажа» [там же: 99]

В нарративе немецкий перфект выступает и в особой дискурсивной функции, которая имеет общую черту с плюсквамперфектным «сдвигом начальной точки» (а именно, выступает в первом предложении нарратива, так называемый «озаглавливающий» *Überschriftsperfekt*), но противоположна ему по принципу отношения к плану настоящего — она указывает на соотнесённость с планом настоящего. «Временная форма в первом предложении имеет значимость сигнала. Если это перфект, то он устанавливает связь с моментом речи, с речевой ситуацией и сигнализирует о ретроспективном видении событий» [там же: 98]. В контекстах, типичных для «сдвига начальной точки», используется претерит; зачины типа *Er war einmal...* ‘Жил-был...’ представляют ситуацию «без всякой связи с настоящим. Рассказчик переносит своих слушателей сразу в прошлое. Претерит создаёт впечатление временной дистанции» [там же].

Использование перфекта в плюсквамперфектной функции — явление, давно отмеченное и неоднократно обсуждавшееся в книжном древнерусском языке, особенно в языке летописей. А. А. Зализняк замечает (его формулировки местами практически совпадают с формулировками Бертинетто относительно романских языков): «В летописях в авторской речи (т. е. в системе, где полностью актуальны аорист и имперфект) перфект фактически весьма редко употребляется в <...> исходном значении. Чаще всего он выступает в значении, которое в принципе должно принадлежать плюсквамперфекту, а именно,

обозначает действие, предшествующее тому, которое передано аористом (иначе говоря, перфект здесь передаёт состояние, существующее не в момент речи, а в момент некоторого действия в прошлом). <...> Тем самым в летописях плюсквамперфект и перфект в значительной части случаев выступают как грамматические синонимы» [Зализняк 1995/2004: 175].

Соотношение перфекта в плюсквамперфектной функции и собственно плюсквамперфекта (под собственно плюсквамперфектом здесь подразумеваются все три древнерусских конструкции — с аористом и имперфектом вспомогательного глагола, а также сверхсложная, см. выше, 3.4.3, 3.5.3.) подробно исследованы в типологическом освещении П. В. Петрухиным [2004] на материале Новгородской первой летописи. Многими исследователями (начиная с Е. С. Истриной [1923]) отмечалась «ретроспективная функция» древнерусского перфекта в нарративе, «причем явление, обозначенное им, не входит в последовательную цепь событий, но стоит особняком, относясь к предшествующему времени» [Истрина 1923: 199]; особо следует выделить формулировку Р. О. Якобсона: «Перфект в древнерусском языке выражает возвращение назад, т. е. ретроспективу со стороны говорящего: он пользуется перфектом, чтобы составить краткое обозрение прошедшего... или же перфект означает просто процесс, предшествующий тому, который обозначен в непосредственном контексте» [Jakobson 1948: 29]. Ср. приводимый Э. Кленин пример из Лаврентьевской летописи, где перфект употреблён в плюсквамперфектном значении:

Ини же не свѣдуше рекоша, како Кии есть перевозникъ быль
'Иные же, не зная, говорили (сказали), что Кий был перевозчиком'

Тем не менее различие между плюсквамперфектом и перфектом в данной функции долго оставалось малоизученным [Klenin 1993: 331], ср. также [Tomtola 2000: 460].

Согласно данным Петрухина, плюсквамперфект и перфект в Новгородской первой летописи противопоставлены по целому ряду параметров, из которых ключевым является дискурсивно-прагматический: «перфект передает известную информацию, плюсквамперфект — новую; соответственно, первый обозначает события „заднего плана“ повествования, выполняя в том

числе „анафорическую“ функцию, а второй используется для событий „переднего плана“» [2004: 93].

Приведем лишь один пример из статьи П. В. Петрухина, где перфект и плюсквамперфект непосредственно представлены в соседних контекстах (причём в составе тождественных синтаксических конструкций):

И седѣша новгородци бес княа • ѿ • мсць, и призваша и-Суждала Судилу, Нежату, Страшка, оже бѣху бѣжали из Новагорода Стосла^в дѣла и Якуна, и даша посадничество Судилу Новѣгородѣ. И послаша по Гюрга по княа Суждалю, и не иде, нѣ посла снѣ свои Ростисла^в, оже то и пре^ж бѣль (запись 1141 г., л. 22)

‘И пробыли новгородцы без князя 9 месяцев, и призвали из Суздаля Судилу, Нежату и Страшка, которые (раньше) бѣжали из Новгорода из-за Святослава и Якуна, и поставили Судилу посадником в Новгороде. И послали за князем Юрием в Суздаль, но тот не явился, а послал сына своего Ростислава, который бѣл (в Новгороде князем) и раньше’.

«Перфект здесь отсылает к событиям двухлетней давности, довольно подробно изложенным в летописи, а следовательно, известным читателю; напротив, о Судиле, Нежате и Страшке ничего не говорилось в предыдущем тексте, равно как и об их побеге из Новгорода. Вероятно, если бы летописец рассчитывал, что читатель располагает внетекстовой информацией об этих персонажах и, что особенно важно, об их побеге, он скорее употребил бы перфект» [там же: 92]. В терминах прагматики, «сведения, описываемые с помощью перфекта, составляют прагматическую пресуппозицию (презумпцию), т. е. суждение, которое говорящий/пишущий считает само собой разумеющимся, в частности, известным слушателю/читателю» [там же: 86]. Таким образом, соотношение «перфект—плюсквамперфект» используется для грамматикализации «фоновой» (backgrounding) дискурсивной функции, свойственной, например, модальной форме на –га (восходящей к плюсквамперфекту индикатива) в современном испанском [Lunn, Cravens 1991]; распределение этой формы, напоминающее представленное в древнерусском летописании, отмечено уже в средневековых испанских текстах [Klein-Andreu 1991; Петрухин 2004а].

Данное явление прагматически легко объяснимо: «событие, о котором сообщается впервые, должно получить четкую таксисно-временную локализацию, и для этого используется плюсквамперфект. Напротив, событие, о котором читатель (слушатель) уже знает, тем самым, уже локализовано во времени, и поэтому здесь вполне достаточно употребить немаркированную в плане таксиса форму – например, простое прошедшее». [Петрухин 2004: 98—99].

Кроме того, данная квазисинонимическая пара разграничена и по признаку результативности: «плюсквамперфект почти всегда имеет результативное значение, перфект же не маркирован по признаку „результативность“, хотя в большинстве примеров он имеет нерезультативное значение; кроме того, событие, обозначенное перфектом, как правило, характеризуется большей временной дистанцией относительно „точки отсчета“ в повествовании, чем событие, обозначенное плюсквамперфектом» [Петрухин 2004: 93, 83]; на аналогичное — «не-результативное» и «не-актуальное» значение перфекта в другом древнерусском памятнике — Лаврентьевской летописи обратила внимание Э. Кленин [Klenin 1993].

Результативность плюсквамперфекта в Новгородской первой летописи доказывается и его употребительность только с обстоятельствами времени, относящиеся к периоду сохранения результата (*reference time*), но не с обстоятельством, указывающими на время самого события (*event time*). Характерна сочетаемость с наречием *уже*:

Трасе са земля въ паткъ по Велиць дни :ѣ: не^д въ обѣдъ, а инии уже баху отобѣдали (запись 1230 г., л. 109об.)

‘Произошло землетрясение в пятницу на пятой неделе по Пасхе, в обеденное время, а некоторые уже и отобедали’.

В отвлечении от прагматической функции сходное соотношение перфекта в плюсквамперфектном употреблении и плюсквамперфекта имеется в пермских языках (коми-зырянском и удмуртском). В этих языках в нарративе для передачи действий, предшествующих основной линии повествования, употребляется форма перфекта, имеющая также эвиденциальные употребления [Leinonen, Vilkuna 2000: 499] и влекущая «разрыв» (*break*) в основной линии

повествования [ibid. 499, 500]. Б. А. Серебренников [1960] именует такое употребление «перфектом впечатления» и указывает, что в некоторых других языках ему соответствует плюсквамперфект.

Формы же плюсквамперфекта (неэвиденциального; о выражении эвиденциальности в коми-зырянском плюсквамперфекте см. особую работу одной из соавторов только что цитированной статьи [Leinonen 2000]) указывают на результирующее состояние в прошедшем («интерпретация чисто результирующая, но отнесённая к прошедшему»):

коми

Kor sijö loktis, me yöli sad'möma [ibid: 511, Leinonen 2000: 434]

‘Когда он/она пришёл/пришла, я [уже] проснулся’.

Мы видим, что употребительность перфекта в плюсквамперфектной функции в генетически не связанных глагольных системах обнаруживает нетривиальные черты, попарно «связывающие» древнерусский и немецкий (перфект — «субъективная» форма, апеллирующая к знаниям читателя), а также древнерусский и пермские языки (плюсквамперфект обнаруживает свойства, характерные для «результатива в прошедшем», в то время как перфект не столь жёстко привязан к точке отсчёта, а сигнализирует разрыв в нарративной цепи вообще; последнее свойство перфекта, вообще говоря, присутствует и в немецком). Эти свойства показывают, что перфект в плюсквамперфектных употреблениях сохраняет в значительной мере свою прагматическую семантику ‘текущей релевантности’ (о ней см. подробнее выше, 2.3.1). В то же время плюсквамперфект в системах, где перфект допускает подобные употребления, грамматикализован как собственно таксисный показатель и показатель разрыва нарративной цепи ещё недостаточно. Специфические для него употребления — по крайней мере, на первоначальном этапе, так как обсуждаемый Бертинетто романский и обсуждаемый Шендельс немецкий плюсквамперфекты имеют ряд вторичных употреблений, связанных с «зоной сверхпрошлого», см. подробнее о полисемии немецкого плюсквамперфекта 3.4.2, о полисемии романских 3.5.1, — связаны с семантикой результирующего состояния в прошедшем.

3.8. Выводы

Плюсквамперфекты, образованные из сходного морфологического материала, обладают достаточно нетривиальным семантическим сходством, которое имеет типологический характер и проявляется в рамках системы. Например, в тех языках, в которых имеется и перфект, и простое прошедшее время (претерит), плюсквамперфекты, образованные от основы претерита, развивают больше дополнительных значений, чем образованные от основы перфекта (причём часто эти последние дополнительных значений не развивают вовсе; 3.3.1). Имеются типологически устойчивые диахронические тенденции развития систем с синонимией и квазисинонимией плюсквамперфектных форм. Так, в языках Европы плюсквамперфект, образованный при помощи сочетания показателя ретроспективного сдвига с аналитическим прошедшим временем (т. н. «сверхсложные формы»), утрачивает таксисные значения (3.4.2—3.4.3) либо эвиденциализируется (3.4.4); в системах с несколькими плюсквамперфектами, образованными от форм ряда «результатив–перфект–перфективное прошедшее», форма, соответствующая перфективному прошедшему, имеет тенденцию либо к ограничению значениями, связанными с неактуальным временным интервалом, либо к утрате (3.3.2—3).

Морфологические значения в плане предпрошедшего, с точки зрения языка, обладают различной степенью «важности». Например, противопоставление по результативности («перфект в прошедшем – прошедшее в прошедшем», по М. Сквартини) оказывается неустойчивым, и язык его утрачивает (3.3), противопоставление по эвиденциальности – настолько существенным, что в большинстве языков «эвиденциального пояса Старого Света», имеющих плюсквамперфект, имеются параллельные формы эвиденциального и неэвиденциального плюсквамперфекта (3.4.3).

В целом обсуждаемые системы неустойчивы как *полностью синонимичные*: дополнительная семантическая дифференциация — через этап квазисинонимии — для этих пар является постоянным явлением. Это естественно связывать с двумя факторами. С одной стороны, это «двойственность» плюсквамперфекта — сосуществование у него более ранних таксисных и более поздних функций, связанных с «зоной сверхпрошлого», которые могут быть преимущественно усвоены одной из форм; так обстоит

дело со сверхсложными формами (3.4.2) и с некоторыми конструкциями, образованными от старых форм прошедшего (3.3.3). С другой стороны, это семантическое богатство «зоны сверхпрошлого» и наличие в ней целого ряда значений (антирезультативного — 3.4.3, эвиденциального — 3.4.4. или модального — 3.5.2), на котором специализируется одна из форм.

Но в то же время плюсквамперфект как множество значений обладает значительной типологической устойчивостью, что определяет обратный феномен: две формы, изначально дифференцировавшиеся (по результативности, как аналитические формы в ранних романских языках — 3.5.1 или по модальности, как синтетические формы в латыни по сравнению с формами-континуантами в иберо-романских языках и в румынском — 3.6.), нейтрализуют эти различия.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ГЛАГОЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ С СИНОНИМИЕЙ ФОРМ ПРОГРЕССИВА

4.1. Семантика и полисемия прогрессива

Последним в нашей диссертации будет рассмотрен видовой показатель прогрессива, для которого многообразие синонимических средств крайне характерно. Это обусловлено не только (и не столько) тем, что прогрессив — с диахронической точки зрения «молодая» форма, тесно связанная с лексическими и синтаксическими параметрами, что мы видели на примере результата (хотя и это, как увидим, имеет место). Данный феномен поддерживается также существованием типологически устойчивого множества дополнительных значений прогрессива, которые могут быть в различной степени свойственны различным синонимичным формам, имеющим общее базовое значение. В этом картина синонимии прогрессива скорее напоминает ситуацию с перфектом или особенно плюсквамперфектом. Наряду с этим, синонимия прогрессива в глагольной системе имеет и собственную специфику. Кроме того, мы также будем привлекать материал форм, утрачивающих значение прогрессива и приобретающих семантику имперфектива или хабитуалиса (подробнее см. ниже).

Прогрессив, как и перфект, с 1970-х годов интенсивно изучается типологически (начиная с [Blansitt 1975] и [Comrie 1976]); как и в случае с перфектом, «отправной точкой» здесь нередко служит соответствующая английская конструкция (Progressive, или Continuous, глагол *be* + форма на *-ing*), впрочем, она по ряду параметров нетипична по сравнению с соответствующими формами языков мира (ср. [Bertinetto 1994, 2000]). Прототипические употребления прогрессива, согласно [Dahl 1985: 91], описывают «протекающую деятельность» (on-going activity), или то, что в русской аспектологической терминологии обычно называется «актуально-длительным» значением (один из фундаментальных классов употреблений славянского несовершенного вида, напр. [Гловинская 1982]; ср. также термины «конкретно-процессный вид / значение» [Маслов 1984/2004 : 40, 42, 99]), «актуально-процессное значение»

[Петрухина 2000: 61]). Это «протекание», как правило, представлено как «отношение между динамической ситуацией и точкой во времени» (примеры с излюбленной в типологической анкете Даля ситуацией 'писать письмо': *Пожалуйста, не мешай мне, я пишу письмо; Что твой брат делает [прямо] сейчас? — Он пишет письмо; Я говорил со своим братом по телефону вчера. — Что он [в этот момент] делал? — Писал письма*). Такое отношение между точкой отсчёта и развёртывающейся во времени деятельностью названо уже в [Pollak 1960: 129] «схемой попадания в точку» или «схемой инцидентности» (Inzidenzschema), а в работе [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000] именуется «сфокусированным» (focalized) употреблением прогрессива (термин “focal uses” употребляется и в [Dahl 1985]). В этом случае событие рассматривается как происходящее в единичный момент времени, в т. н. «точке фокусирования»; при этом подразумевается, что оно, вообще говоря, протекает и до, и после этой точки, но в поле зрения говорящего находится только этот фрагмент (*Когда лампа упала на стол, он ел овсянку*).

Здесь, как и в случае с результативом, имеет значение аспектуальный (акциональный) класс предиката; прогрессив (как показано для английского языка в [Vendler 1967], а на типологическом материале в [Comrie 1976], [Bybee et al. 1994: 126 ff], [Bertinetto 1994]) в нормальном случае сочетается только с глаголами, означающими процесс, или деятельность (activity), или динамическую ситуацию, требующую энергии («постоянного притока энергии», [Bybee et al. 1994: 126]) для своего осуществления; аспектуальный признак динамичности связывается не только с проблемой приложения энергии, но и с неомогенностью, «протеканием во времени и членимостью на фазы» [Петрухина 2000: 13]. «Состояния», на всём своём протяжении тождественные самим себе, и точечные «события» (accomplishments) обычно не сочетаются с прогрессивом вовсе. Например, в английском языке (и ни в одном из вошедших в выборку Даля в [Dahl 1985: 93]) прогрессив не употребляется с глаголом состояния *know* 'знать': **I am knowing*. Если такая конструкция и встречается с этими классами глаголов, то обычно имеет иное значение, нежели просто неопределённая стадия протекания процесса; события принимают проспективную интерпретацию (см. ниже), в то время как «глаголы состояния, появляющиеся в предложениях с прогрессивом, в нормальном случае принимают не-стативное значение» [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 537]: *John is*

being clever 'Джон (сейчас, в данной ситуации) ведёт себя сообразительно' vs. *John is clever* 'Джон сообразителен, хитёр'⁸⁴.

В некоторых работах 1970—1980-х годов прогрессив отождествлялся с имперфективом (показателем «несовершенного вида», или действия, не представленного как законченное или ограниченное), — что, видимо, связано с преимущественным вниманием к английскому прогрессиву, который, действительно, является единственным подобным видовым показателем в этом языке, — или с понятием «состояния» (которое относится не столько к аспекту, сколько к аспектуальному, или акциональному, классу предикатов). Эта точка зрения отводится в работах [Dahl 1985] и отчасти [Vertinetto 1994], где показано, что прогрессив отличается от имперфектива целым «пучком» диагностических признаков, таких, как:

- упомянутая зависимость от акционального класса (неупотребительность с предикатами состояния), отмеченная уже в [Comrie 1976: 35]
- отсутствие временной референции по умолчанию (в отличие от членов оппозиции перфектив:имперфектив); действительно, прогрессив обычно употребляется как с референцией к настоящему, так и к прошлому; употребление его с референцией к будущему обычно ограничено ([Dahl 1985], [Ebert 2000])
- неупотребительность в хабитуальном значении (\approx 'обычно делать что-л. '; различию между хабитуалисом и прогрессивом посвящен раздел статьи Бертинетто).

Впрочем, прогрессив, как уже говорилось, характеризуется не столько этими «отрицательными признаками», сколько рядом «положительных», таких, как требующая активности деятельность, определённая точка отсчёта и т. п. (подробнее см. в [Yubee et al. 1994: 133—139], впрочем, на наш взгляд, авторы

⁸⁴ Ср. аналогичный анализ с эксплицитным разграничением вида и акциональности (Aktionsart) в [Vlach 1981: 274] (в понятийном аппарате формальной семантики, с обзором предлагавшихся другими авторами «условий истинности» для прогрессива) и в [Goossens 1994: 167] (в понятийном аппарате функциональной грамматики С. Дика).

преувеличивают роль локативной составляющей в семантике этой формы). Ср. обобщающее эти черты (с участием фазовой составляющей значения) толкование прогрессива в [Майсак 2005: 132]: 'в момент наблюдения динамическая ситуация проходит срединную фазу своего развития' (точнее сказать, на наш взгляд — «внутреннюю фазу», не начальную и не конечную, но не непременно срединную).

Материал, привлекаемый в настоящей главе, однако, не ограничивается глагольными формами, для которых в принципе исключена возможность употребления в контекстах, нетипичных для прогрессива. Для ряда обсуждаемых здесь форм вопрос о том, следует относить ли их к прогрессиву, или же к дуративу, или к имперфективу, спорен и решается разными исследователями по-разному, причём статус этимологически тождественных форм различен даже в достаточно близко родственных языках (например, конструкции, восходящие к латинскому *STARE* + герундий в итальянском, где мы безусловно имеем прогрессив в чистом виде, и испанском, где сочетания с состояниями и хабитуальные значения не редкость, во всяком случае, в разговорном языке; см. ниже, п. 4.5.). Кроме того, синонимия различных конструкций, используемых для образования прогрессива и его смежных значений, во многом продолжается уже на имперфективной стадии их эволюции, и резкого «скачка» здесь нет; чётко на основании диагностических контекстов разделить различные граммы (как это мы делали в Главе второй со значениями «результатив/перфект/претерит») — значило бы говорить о параллельной грамматикализации одних и тех же конструкций несколько раз. В работах по грамматикализации совместное рассмотрение связанных с прогрессивом показателей уже хорошо известно. Ср.: «наши собственные данные содержат некоторые случаи, которые, как кажется, имеют промежуточный статус между более специфическим прогрессивным и более общими имперфективным или презентным значениями» [Bybee et al. 1994: 129], обобщающие ярлыки (имеющие несколько различное содержание) «continuous» в [Heine, Kuteva 2002] и «имперфективные конструкции» (с постоянным обсуждением и более подробных нюансов семантики) в [Майсак 2005]. Тем не менее в центре нашего внимания находится именно прогрессив в его прототипическом, обсуждавшемся выше значении, а также формы, у которых такие употребления отмечаются исследователями как базовые или одни из

таковых. Специальной задачи исследовать синонимию показателей со значениями, в ряде языков восходящими к прогрессиву (хабитуалиса, настоящего времени, фреквентатива, континуатива) мы не ставили; важные наблюдения по этому поводу имеются в [Bybee et al. 1994], особенно что касается двух граммем презентной семантики в одной системе [ibid.: 144—150].

В работе [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 527] на материале европейских языков выделяется два основных подтипа прогрессива (не считая «абсентива», который к собственно видовой семантике не относится; о нём речь пойдёт несколько ниже): это «сфокусированный» прогрессив, связанный с вышеуказанной «точной» перспективой (действие рассматривается как разворачивающееся в определённый момент времени, «прямо сейчас», «когда произошло нечто» или «в пять часов вечера»; соответствующее обстоятельство может и не присутствовать в предложении), а также «дуративный» прогрессив, который, помимо такой же схемы, может концептуализировать ситуацию как разворачивающуюся (частично) в некоторый период времени, отличный от точки. Ср. употребление «дуративного» прогрессива в финском языке (там же: 529):

Viime tiistaina Nina oli pitämässä esitelmän Helsingissä

‘В прошлый вторник Нина выступала с речью в Хельсинки’

Последняя форма типологически отличается от собственно дуратива (‘ситуация длится в некоторый момент времени’), который сочетается с состояниями, а не только с действиями, и не всегда допускает «сфокусированные» употребления; ср. определения дуратива и прогрессива в [Плунгян 2000: 300] или отграничение дуратива в калмыцком языке от прогрессива в цитировавшейся работе Бертинетто, Эберт и де Гроота [2000: 546]⁸⁵;

⁸⁵ Данная терминология не является общепринятой: например, в [Heine, Kuteva 2002] прогрессив и дуратив объединены под названием «продолженного» аспекта, continuous (такой анализ восходит к [Comrie 1976: 33—35]), а в [Майсак 2005: 133] дуративом называется то, что в [Dahl 2000 (ed.)] и в нашей работе обозначено как «дуративный прогрессив»: «Дуратив

выраженные разными показателями дуратив и прогрессив представлены, например, в китайском — *zhe* и *zài* соответственно, [Xiao, McEnergy 2004] (в [Dahl 1985: 180] китайский дуратив отмечен как форма, близкая по распределению к прогрессиву). С другой стороны, она отличается и от «ограничивающего» ситуацию перфектива; ситуация, представленная «дуративным» прогрессивом, в принципе может продолжаться и до, и после периода наблюдения (о разнице между прогрессивной и ограничивающе-перфективной интерпретацией см., в частности, [Bertinetto 1994: 395]). Эти положения подтверждаются принципиальной сочетаемостью прогрессива как с дуративом (вышеупомнутый калмыцкий язык, где дуратив не допускает «сфокусированных» употреблений), так и с перфективом (о сочетаемости этих показателей в некоторых романских языках см., напр., [Маслов 1984/2004: 47—48]; например, испанский язык:

Est-uv-o	ley-endo	todo	el	día
быть-АОР-ЗЕД	читать-ГЕР	весь	ОПР	день

‘Он(а) провел(а) весь день в чтении’)

«Сфокусированный» прогрессив отличается от «дуративного» по целому ряду дополнительных параметров, так, «сфокусированная» форма не сочетается с наречиями вроде *два часа*, задающим периоду наблюдения временной предел, и очень ограниченно сочетается с рядом других граммем, таких, как императив, пассив, инфинитив, деонтическая модальность, — и вовсе не сочетается с перфективными временами и перфектом. Дуративному прогрессиву все эти ограничения не свойственны, однако он куда сильнее ограничен акционально, не сочетаясь с глаголами «точечных» событий; кроме того, он нередко имеет локативную семантику (не просто ‘делает что-то’, а, например, ‘сидит и делает’

является своего рода обобщённым прогрессивом — он указывает на то, что процесс или состояние длится, но не обязательно относительно точечного «момента наблюдения» (‘как раз сейчас’; ср. понятие «focalization point»), а относительно более протяженного периода (ср. сочетаемость с обстоятельствами типа *весь вечер, уже два часа* и т. п.)».

либо ‘находится в определённом месте, где обычно это делают’) (подробнее см. таблицу из [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 533]).

Так как совмещение этих употреблений очень распространено («оппозиция сфокусированный vs. дуративный прогрессив не всегда соответствует морфологическому различию, и одни и те же конструкции могут выражать оба значения» [ibid.: 530]), а стопроцентным разграничение между двумя прогрессивными формами по этому параметру не бывает, мы рассматриваем «сфокусированный» и «дуративный» прогрессивы как два квазисинонимичных грамматических показателя (где «сфокусированные» употребления, наличествующие у обоих, являются базовыми, а «дуративные» — дополнительными). Ср., между прочим, характеристику прогрессива у Ю. С. Маслова: «его категориальное значение должно быть определено как процессность, соединённая со специфической конкретностью, «сиюминутностью» действия, с его приуроченностью к определённому моменту или отрезку времени (выделение наше — Д. С.), чётко выделяемому среди ряда других моментов или отрезков» [Маслов 1984/2004: 42]; эта характеристика уже учитывает (причём равноправно!) как «сфокусированный прогрессив» (приуроченность к «моменту времени»), так и «дуративный прогрессив» (приуроченность к «отрезку времени»): то и другое выступает как часть понятия прогрессива (что не означает, что прогрессив должен непременно включать обе).

Прогрессив имеет ряд типологически устойчивых вторичных употреблений. К ним относится, в частности, употребление прогрессива в проспективных⁸⁶ контекстах (‘положение вещей таково, что [скоро] произойдёт нечто’, ср. англ. *the train is leaving* ‘поезд отходит’), отсюда уже возможны и употребления с указанием точного времени в будущем: *I am leaving tomorrow* ‘Я уезжаю завтра’. Такие употребления отмечены, кроме английского, также в исландском и финском языках, а кроме того, в некоторых вариантах испанского (в Латинской Америке) и итальянского [Bertinetto 2000: 588]. Глаголы, употребляемые в таких контекстах, с точки зрения семантического типа обычно

⁸⁶ В [Dahl 2000 (ed.)] употребляется термин *imminential*; более принятый в типологии термин *prospective* — в [Goossens 1994].

относятся к событиям (achievements), и прогрессив, имеющий подобный класс употреблений, склонен скорее выражать «сфокусированные», а не «дуративные» значения; действительно, как отмечено в [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 534], дуративный прогрессив в испанском (*andar* + герундий) не употребителен в проспективной функции.

То, что прогрессив фиксирует положение вещей в какой-то ограниченный момент, ведёт к идее временной, преходящей ситуации, а такое развитие значения влечёт и снятие ограничений на сочетаемость с состоянием. Таково достаточно редкое употребление прогрессива в значении «преходящего состояния», отмеченное в английском языке ([Comrie 1976: 37], [Маслов 1984/2004: 45], contingent state или «провизорность»: *I am living in London* ‘Я (сейчас, не постоянно) проживаю в Лондоне’, *The house is still standing* ‘Дом всё ещё стоит’, т. е. не снесён); в большинстве языков мира, однако, в этом контексте прогрессив не употребителен.

С обоими классами употреблений — проспективными и «преходящего состояния» — по-видимому, связано функционирование прогрессива в прошедшем в качестве показателя с проксимативной семантикой — частный случай антирезультативной (см. об антирезультативе подробнее предыдущую главу) — при предельных глаголах; такое употребление прогрессива отмечено во многих германских языках. Так, в немецком примере ([Ebert 2000: 614]) прогрессив обязателен, если люди впоследствии спаслись от голода:

Sie waren am Verhungern, sie hatten Wochen nichts Rechtes gegessen.

‘Они умирали от голода, у них не было нормальной пищи несколько недель’,

и такую же семантику несёт один из прогрессивов в шведском ([Tommla 2000a: 682], подробнее см. ниже, 4.4.2).

В нескольких европейских языках отмечено «гиперболизированное», «эмфатическое» [Маслов 1984/2004: 45] употребление прогрессива по отношению к хабитуальным ситуациям, либо со значением особой интенсивности действия («интенсивный дуратив», [Blansitt 1975 : 4], ср. особую конструкцию, связанную с прогрессивом, в английском: *He is reading away* ‘Он весь/постоянно в чтении’, в русском и испанском языках в этом значении

употребляется редупликация: *Он всё читает и читает, Está lee y lee*), либо коннотацией неодобрительности (присушим также и только что упомянутой русской конструкции вроде *всё X-ить и X-ить*: ср. англ. *he is always smoking* ‘он вечно курит [и это мне неприятно]’, исп. *está siempre fumando*; ит. *ti stai sempre a lamentare* ‘ты вечно жалуешься’, ср. [Bertinetto 2000: 569]). Такое употребление может быть начальным этапом развития прогрессива в сторону обобщённого имперфектива, допускающего и хабитуальные употребления (об итеративных и хабитуальных — «размножающих» ситуацию — непрототипичных употреблениях английского прогрессива см. [Goossens 1994: 170 ff]); об исследованиях, показывающих расширение сферы употреблений английского прогрессива с течением времени, см. [Маслов 1984/2004: 45—46].

Выделяется также *абсентив* — особое дополнительное значение формы прогрессива, связанное с локативной семантикой этой конструкции, а именно, «событие происходит в месте (особенно в предназначенном для определённой цели), расположенном вне дейктического центра» [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000:527]; абсентиву, который может выражаться и морфологическими средствами, не связанными с прогрессивом, посвящена особая статья [de Groot 2000]. Абсентив близок к эвиденциальности (так как связан с косвенно засвидетельствованной ситуацией и задействует «общие» знания о картине мира); такое употребление прогрессива засвидетельствовано, например, в финском и фарерском ([Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 530, 542]). В финском это единственный контекст, в котором соответствующая конструкция полностью грамматикализована (т. е. обязательна):

Jouko oli lippuja myymässä

‘Йоуко [не было дома, он] продавал билеты’

В английском языке прогрессив употребляется в контекстах «пересказывания настоящего», «точечных» событий, видных говорящему, но не видных слушающему, что как будто бы также можно расценивать как (частичное) отделение от дейктического центра (*Рассказываю тебе, что́ я прямо сейчас вижу в окно. Мальчик и девочка играют на улице. Сейчас мальчик берёт мяч и бросает его девочке. Девочка бросает его обратно мальчику*). С точки зрения отмечающего этот факт Э. Даля [1985: 94], такое маркирование

«возможно, несколько неожиданно», хотя скорее всего, это просто частный случай базового употребления прогрессива ('процесс, происходящий сейчас'), распространяющегося в подобных контекстах «репортажа» и на недлительные ситуации (так что здесь выступает не просто «настоящее историческое»). Ср. в [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 534]: «Другая типичная дискурсивная ситуация, требующая «сфокусированной» интерпретации [прогрессива] — это репортажный дискурс, т. е. тот тип описания, которым радио- и телекомментаторы передают текущие события. В таких случаях точка фокуса совпадает (эксплицитно или имплицитно) с моментом речи»; как видим, эти употребления охватывают и случаи, когда слушающий видит происходящее (телевидение), так и когда не видит их (радио).

4.2. Формальное выражение, лексические источники

Э. Далем [Dahl 1985] отмечено, что в большинстве (примерно в 85%) языков его выборки, которая обнаруживает некоторый «крен» в сторону языков Европы, прогрессив выражается аналитически; но к такому же результату (хотя и с несколько меньшим процентным показателем, 73%) приходит и обследование сбалансированной выборки GRAMCATS в [Bybee et al. 1994: 128—129]. А по поводу этих аналитических конструкций в появившейся в то же время работе Ю. С. Маслова указывается: «Бросается в глаза большое многообразие внешней структуры и раскрывающейся в ней «внутренней формы» аналитических образований с прогрессивным значением в разных языках» [Маслов 1984/2004: 44—45]. В [Blansitt 1975] выделены следующие средства выражения семантики прогрессива, причём в эту классификацию введены и сведения о лексических источниках грамматикализованных показателей:

- 1) аффиксальный показатель прогрессива
- 2) аналитические показатели:
 - a) связка
 - b) глагол движения или положения
 - c) глагол 'делать'
 - d) специальный вспомогательный глагол — показатель прогрессива

В [Heine 1994] выделено шесть характерных для грамматикализации прогрессива «ситуационных схем» или «исходных схем», т. е. некоторых условных пропозиций, в терминах которых осмысливается ситуация (об этом подходе см. также [Майсак 2005: 76 и след.]; X — подлежащее, P — предикат): «локативная» (X находится в P), «активная» (X делает P), «схема приравнивания» (X есть P), «схема образа действия» (X остаётся (stays) так, что P), «сопровождающая» (X вместе с P) и «сериальная» (X остаётся и делает P). Согласно появившемуся в тот же год исследованию [Bybee et al. 1994: 127—133], наиболее частотными лексическими источниками прогрессива являются глаголы положения ('лежать', 'сидеть', 'стоять', 'быть у', 'оставаться') и иные показатели с локативным значением — падежные и предлоги (о грамматикализации вообще глаголов движения см. прежде всего [Kuteva 1999] и [Майсак 2005: 205 и след.]; ср. также [Heine, Reh 1984] об этой «схеме» в африканских языках и [Heine, Kuteva 2002: 97, 178, 202—203, 276—278, 280—282], где даны дополнительные типологические иллюстрации такого источника прогрессива). Глаголы движения ('идти', 'приходить' и другие, [Heine, Kuteva 2002: 69, 157—159], об их грамматикализации вообще см. [Майсак 2005: 120—204]), сочетания связки с нефинитными формами и не отмеченная Блэнситтом редупликация встречаются заметно реже, хотя каждый из этих источников и засвидетельствован в нескольких языковых семьях. К локативным показателям восходят и находящиеся в меньшинстве аффиксальные показатели прогрессива в тех случаях, когда их этимология ясна. В [Heine, Kuteva 2002: 83—84] приведён материал ещё по одному диахроническому источнику прогрессива (учтённому в [Blansitt 1975], но не отнесённому там к числу главных) — комитативным конструкциям ('быть (совместно) с'), которые нередко приобретают такое значение в языках Африки; Б. Хайне и Т. Кутева сближают комитативный источник прогрессива с локативом («этот вид грамматикализации, как кажется, представляет собой частный случай процесса, при котором функции грамматического аспекта концептуализируются и выражаются при помощи локативных или комитативных конструкций», [op. cit.: 84]).

Байби и соавторы [Bybee et al. 1994: 132] полагают, что сочетания нефинитной формы со связкой могут быть практически всегда диахронически

возведены к конструкциям с локативным значением, так, некоторые бытийные связки (как исп. *estar* 'быть (временно), находиться' от лат. *stare* 'стоять') восходят к глаголам положения (о грамматикализации глаголов положения как связок см. [Kuteva 1999], [Майсак 2005: 206—210]), а, с другой стороны, некоторые перифразы указанного типа утрачивают локативный предлог, как это, по-видимому, имело место в среднеанглийском, где засвидетельствованы локативные обороты вида *He is a-hunting / on hunting* 'Он на охоте', ср. совр. *He is hunting* 'Он охотится'. Такой же подход к происхождению прогрессива, в частности, английского, что и у Байби (связывающий при этом форму с семантикой, но не апеллирующий к понятийному аппарату грамматикализации) уже предлагался в статье [Vlach 1981: 286]. На наш взгляд, важным признаком источников показателя прогрессива следует считать не только локативные конструкции, но также динамические глаголы: к ним относятся глаголы движения (которые гипотеза Байби не учитывает), конструкции типа «находиться в процессе» (см. непосредственно ниже), а также, согласно ряду теорий, также и глаголы положения — ведь нахождение человека в том или ином положении требует энергии для поддержания его; этой точки зрения придерживаются Б. Комри [Comrie 1976: 49] и Е. В. Петрухина ([2000: 23]).

Некоторые языки используют близкие к грамматикализованному 'делать' (примеры этой стратегии см. [Heine, Kuteva 2002: 118]) обороты с эксплицированной видовой семантикой 'находиться в процессе' (фр. *être en train de*), 'быть занятым' (нид. *zijn bezig te*) и др. Наконец, в качестве вспомогательных глаголов при прогрессиве выступают конструкции с глаголами 'иметь' и 'держат' [ibid.: 184—185]; так, глагол *hålla* 'держат' грамматикализовался в функции прогрессива в шведском (в [Ebert 2000] эта конструкция сближается с предложно-локативной; ср. также английские конструкции с семантикой «продолжения» ситуации (континуатива) *keep V-ing*, *keep on V-ing*), а глагол *dāstan* 'иметь' — в персидском [Панова 2001].

Прозрачность лексических источников прогрессива, выражение его в основном аналитическими конструкциями, а также — чему и посвящена настоящая глава — наличие в языках мира нескольких конструкций с соответствующей семантикой, согласно [Bybee et al.:1994: 129], свидетельствует о том, что прогрессив относится к «молодым», недавно грамматикализовавшимся видо-временным показателям.

4.3. Семантическое развитие

С семантической точки зрения прогрессив, образованный при помощи локативных показателей, происходит из конструкций, означающих состояние (это ещё не аспектуальный, а дополнительный акциональный параметр) и сохраняющих локативную семантику; изначальным здесь является выражение двух одновременных ситуаций — пребывания в состоянии и деятельности ([Squartini 1998], [Kuteva 1999: 206—210], [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 539—540], [Bertinetto 2000, 572, 575], [Майсак 2005: 218—222]). Во многих языках мира прогрессив формально совмещён с другой формой, указывающей на состояние — результатом (например, в кечуа, [Dahl 1985: 93]). По-видимому, часто распределение семантики этих форм (результативное или прогрессивное/имперфективное) связано с аспектуальным классом соответствующего глагола; это отмечалось для некоторых тюркских языков [Недялков В., Недялков И. 1987]; подробно эти условия исследовались для карачаево-балкарского материала в [Шлуинский 2003]: с предельными глаголами одна из карачаево-балкарских конструкций интерпретируется как результатив, с прочими аспектуальными классами — как актуально-длительное настоящее или хабитуалис; подробнее см. ниже, п. 4.4.2.

Что касается диахронического соотношения двух основных типов собственно прогрессива — дуративного и сфокусированного — то решению этого вопроса пока мешает недостаточная степень исследованности обоих прогрессивов в типологическом освещении. Итальянский язык, на материале которого П.-М. Бертинетто и провёл впервые это различие, демонстрирует определённое направление развития в сторону второго типа: конструкция *stare* + герундий ныне имеет только сфокусированные употребления, но в XIX веке встречалась также и в сочетании с обстоятельствами, ограничивающими интервал наблюдения, перфективом и т. д. В работе [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000] утверждается, что данный путь грамматикализации типологически устойчив: так, латинские и древнеанглийские конструкции, начинавшие своё диахроническое развитие с чисто дуративного или даже стативного значения, но впоследствии приобрели семантику, более близкую сфокусированной. В

германских языках, где прогрессив грамматикализовался недавно, большинство его форм имеет преимущественно дуративную интерпретацию [Ebert 2000].

Однако ряд конструкций из иных, нелокативных источников, по-видимому, изначально приобретает сфокусированную интерпретацию: такова французская конструкция *être en train de* букв. 'быть в связи/цепочке', первоначально имевшая проспективное значение [Bertinetto 2000: 576—577]) или албанская конструкция с частицей *po* ([Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 539]).

С другой стороны, и чисто сфокусированный прогрессив — необязательный диахронический этап для обсуждаемой граммы. С течением времени прогрессив, как хорошо известно, эволюционирует в сторону «чистого» имперфектива, хабиуталиса или настоящего времени, утрачивая акциональную специфику; такой процесс засвидетельствован в тюркских, дравидийских и кельтских языках, а также в диалектах языка йоруба ([Bybee et al. 1994: 127]); о специфических направлениях развития имперфектива и хабиуталиса, затрагивающих семантическую зону будущего и/или модальности, см. [Haspelmath 1998], [Татевосов 2004], дополнительный материал в [Heine, Kuteva 2002: 93—94]). Такое развитие, по-видимому, может начаться и на «сфокусированном», и на более раннем «дуративном» этапе эволюции прогрессива (таким образом, первый из этих этапов не является обязательным). Действительно, в [Bertinetto 2000] сфокусированный прогрессив обозначен как стадия грамматикализации, непосредственно предшествующая утрате специфике прогрессива и превращению его в общий имперфектив или хабиуталис. Тем не менее известно (в том числе из этой же работы), что испанский прогрессив (по крайней мере его основные формы со вспомогательными *estar* и *andar*) в некоторых разговорных разновидностях (как в Европе, так особенно и в Латинской Америке) уже фактически превращается в имперфектив, не проходя при этом, насколько можно судить, стадии ограничения чисто «сфокусированными» контекстами (подробнее [Torres Casoulllos 1999, 2001]). Таким образом, пока преждевременно говорить об устойчивом пути грамматикализации «дуративный прогрессив — сфокусированный прогрессив»; даже западноевропейские языки, на материале которых впервые исследовано данное противопоставление, демонстрируют, что факультативным может быть и первое, и второе звено.

Как уже говорилось, для прогрессива чрезвычайно характерно сосуществование двух и более синонимичных или близких форм в одном языке; этому способствует как многообразие формальных средств, конкурирующих как источники этой конструкции, так и полисемия прогрессива. Это уже отмечалось и в типологических исследованиях: «там, где образования с прогрессивным значением ещё не полностью перешли в разряд аналитических глагольных форм, встречаются параллельные, конкурирующие способы выражения» [Маслов 1984/2004: 44]; «конструкции прогрессива имеют конкурентов в данной специфической функции, не только со стороны простых имперфективов, но также и в связи с тем, что в одном и том же языке существует более одного показателя прогрессива» [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 527]).

Много типологически ценной информации о синонимии прогрессивных конструкций в языках Европы (а практически во всех европейских языках, где имеется специальная форма прогрессива, таких форм более одной — исключениями являются, кажется, только английский и идиш) изложено в цикле работ, включенных в [Dahl 2000 (ed.)]: [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000] — общий типологический очерк прогрессива в Европе, [Bertinetto 2000] — о романских языках в сопоставлении с английским, [Ebert 2000] — о германских языках за исключением английского, [Tomola 2000a] — о финском и эстонском. Здесь, однако, типологические обобщения между формами различных языковых групп проводятся не всегда и, как правило, с семантической, а не с формальной точки зрения. Сведения о языках с несколькими прогрессивами за пределами Европы содержатся также в [Dahl 1985] и [Bybee et al. 1994]; значительный типологический материал имеется в монографии [Майсак 2005], посвящённой глаголам движения и положения (о последних см. также [Kuteva 1999]) — основным источникам грамматикализации прогрессива. Существует также ряд специальных работ, посвящённых «двум прогрессивам в языке X»: особо следует назвать работы [Torres Casoullós 1999, 2001] об испанском языке, выполненные с учётом теоретической проблематики «наслаивания» в рамках теории грамматикализации.

В этой главе мы рассмотрим следующие типы сосуществования конструкций прогрессива:

- Сосуществование нескольких локативных конструкций (в это понятие мы включаем и глаголы положения, и предложные, и падежные локативные показатели); в обширном классе случаев эти конструкции различаются по степени грамматикализации и соответственно по семантике;
- Сосуществование локативной конструкции и конструкции с глаголом движения;
- Синонимия внутри конструкций с глаголами движения;
- Сосуществование локативной конструкции и конструкций со значением 'делать', 'быть занятым', 'быть в процессе' (эта группа лексических источников обозначена в работах о прогрессиве в составе [Dahl (ed.) 2000] как «маргинальные типы»)
- Синонимия с участием связки нелокативного происхождения.

4.4. Различные локативные конструкции

Наиболее частотный источник прогрессивов, как мы видели — конструкции с локативным значением, и неудивительно, что именно они чаще всего вступают в отношение грамматической синонимии. Локативные конструкции, служащие показателем прогрессива, достаточно чётко отличаются друг от друга по степени обобщённости выражаемого ими значения. Это отмечено, например, в [Bybee et al. 1994: 130]: «В некоторых языках понятия положения или движения, входящие в прогрессив, кажутся крайне специфическими, например, в языке нгамбай 'сидеть' контрастирует со 'стоять', но оба этих глагола дают прогрессивный смысл. В других языках в качестве вспомогательных глаголов выступают более обобщённые 'находиться' или 'быть где-либо', а локативные элементы обобщаются до значения 'место' или просто 'локатив'». В связи с этим Байби и соавторы задаются вопросом: «если для этих прогрессивных конструкций необходим некоторый локативный смысл, насколько специфическими они могут быть, будучи в то же время грамматичными, и насколько обобщёнными они могут быть, привнося в то же

время достаточный оттенок локативности, чтобы передавать прогрессивную семантику?» [там же]. Таким образом, выделяются конструкции с более специфическими локативными признаками (например, глаголы конкретного положения), менее специфическими (локативные предлоги) и максимально обобщённые (например, там, где глагол положения переходит просто в связку, например, из примеров, разбирающихся Байби — в испанском языке или тибето-бирманском языке нунг; об этом пути грамматикализации связки см. также [Майсак 2005: 205 и след.]).

Оказывается, что в пределах одной системы локативные прогрессивы, отражающие различные степени грамматикализации, в определённой степени отражают и противопоставления в собственно видовой семантике, связанные с переходом от обозначения состояния через этап «дуративного прогрессива» к прогрессиву «фокализованному». Прежде чем перейти к обсуждению этого случая, рассмотрим использование различных (по-видимому, грамматикализирующихся одновременно и параллельно) глаголов положения в качестве показателя прогрессива.

4.4.1. Различные глаголы положения

Конкуренция нескольких грамматикализовавшихся (семантически предельно обобщённых) глаголов положения, означающих разные типы позиций, существует в языке и независимо от грамматикализации их именно как показателей прогрессива. Действительно, чрезвычайно распространена в языках мира ситуация «расширенного» использования нескольких глаголов конкретной позиции для обозначения ещё реально локативного смысла — нахождения того или иного объекта в определённой точке пространства, причём значение исходной позиции уже в значительной степени стирается. Этот феномен детально разобран в [Рахилина 1998/2000] (применительно к русскому языку), [Kuteva 1999] и [Майсак 2005: 205—213]. Так, в русском языке «глагол позиции фактически выполняет функцию бытийного глагола, при том что выбор конкретного глагола зависит от типа фигуры» [Майсак 2005: 206]: *стул стоит в углу, книга лежит на столе, картина висит на стене*, где всем трём глаголам положения в менее «позиционно-ориентированном» языке, например, английском, соответствует один и тот же глагол *to be* 'быть'. В терминологии

Т. Кутевой такой выбор, связанный с «типовым» представлением о положении данного объекта в пространстве назван «немаркированным/каноническим кодированием»; такое явление очень распространено, а в некоторых языках мира (например, папуасских) достигает очень дробной степени классификации соответствующих объектов (до семи бытийных глаголов: [там же: 209]). Характерно выделение одного из этих глаголов как немаркированного и наиболее обобщённого (в разных языках в этой функции выступает и ‘сидеть’, и ‘стоять’, и — реже — ‘лежать’ [там же: 210—211]).

Сосуществование различных глаголов положения как показателей маркирования прогрессива засвидетельствовано в нескольких неродственных языках. В германской языковой группе такая ситуация представлена достаточно интенсивно, например, в норвежском, где как показатели прогрессива выступают глаголы *stå* ‘сидеть’ и *ligge* ‘лежать’ [Ebert 2000: 634]. Хотя в качестве «основной» конструкции, образованной от глагола положения, в обобщающей таблице [ibid.: 607] указано по одному глаголу для каждого языка (‘сидеть’ либо ‘стоять’), выбор глагола положения, судя по данным анализируемой в этой статье типологической анкеты, в каждом языке достаточно гибок и связан с лексической семантикой глагола. Так, с ситуацией ‘чистить ружьё’ различные информанты, представляющие различные германские языки, выбирают то глагол ‘сидеть’, то глагол ‘стоять’, но с ситуацией ‘играть в карты’ — только ‘сидеть’ [ibid.: 619]. «Люди обычно видят сны (dream) лёжа и, хотя можно мечтать (to dream)⁸⁷ стоя, сидя или на ходу, в ответах на анкету [в следующем предложении] употреблялся только глагол ‘лежать’» [ibid.: 620]:

датский Han ligger og drømmer om sin pige.

с.-фризский Hi lâit ân driimt fûon sin fründin.

з.-фризский Ny leut fan syn faam te dreamen.

нидерланд. Hij ligt van zijn vriendin te dromen.

‘Он [лежит] мечтает о своей подруге (girlfriend) / видит её во сне’

⁸⁷ Эти значения выражаются одним и тем же словом не только в английском языке (на котором написана использованная в [Dahl 2000 (ed.)] анкета), но и во всех германских языках, где наблюдается данный эффект.

В [Майсак 2005: 215—218] собрано большое число аналогичных примеров из славянских (ср. русские конструкции вроде *стоит курит, сидит пишет*, в ряде говоров распространённые сильнее, чем в литературном языке), тюркских, нило-сахарских языков, языков Америки; весьма характерно, что во многих случаях обсуждаемые конструкции сохраняют такой тип синонимии уже на новой, чисто имперфективной стадии развития, легко допускающей хабикулярные употребления; таким образом, этот тип достаточно устойчив и «переживает» расширение семантики прогрессива в сторону других имперфективных значений (ср. особенно употребление всех трёх глаголов положения как показателей настоящего времени в уйгурском, тувинском и хакасском [там же: 184]). Указанный тип синонимии прогрессивов представлен в трёх языках, входящих в используемую в [Bybee et al. 1994] типологическую выборку GRAMCATS: это австралийский язык альяварра (где в качестве показателей прогрессива выступают глаголы, переведённые как ‘сидеть, оставаться, быть’ и ‘лежать, быть’), уже упоминавшийся в цитате из этой работы язык нгамбай (Чад), а также язык дакота (семья сиу, Северная Америка); в обоих этих языках, как и, например, в германских, грамматикализовались глаголы со значением ‘стоять’ и ‘сидеть’. Пример альяварра показывает, что подобная синонимия может сохраняться и после семантического перехода глаголов положения, задействованных в ней, в связки.

Другим диахроническим путём развития такого типа синонимии является специализация одного из глаголов положения (как правило, наиболее сильно обобщённого семантически и вне данной конструкции) как показателя прогрессива; так, в татарском языке [Schönig 1984: 277; Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 549—550] большинство глаголов положения употребляются как показатели «дуративной совершаемости» (с точки зрения авторов последней работы — это показатель не вида, а акционального типа), но как показатель прогрессива специализуется только сочетание конверба одновременности на *-а* и глагола *tor-* ‘быть, стоять’.. Ср. ситуацию в иберо-романских языках, где наряду с безусловно господствующим вспомогательным глаголом от *stare* одно время отмечался (не только в прогрессиве, но также в результативных формах и в бытийном значении) глагол *sidere*, особенно в средневековом португальском [Вольф 1988], но довольно быстро вышел из употребления,

контаминировавшись со связкой от глагола *esse*. С другой стороны, в качестве «наиболее общего» глагола, использующегося как показатель прогрессива, может выступать, напротив, и глагол ‘сидеть’ (в частности, он сочетается с ситуациями, исключаящими сидение, такими, как ‘идти’): так обстоит дело в языке мбай (Чад), родственном уже упоминавшемуся языку нгамбай [Майсак 2005: 230] и в диегеньо (семья хока, Мексика) [там же: 233, Heine et al. 1993: 205]

В германских языках, по данным [Ebert 2000: 649], эта стадия пока не достигнута, однако знаменательно, что в нидерландском языке в различных идиолектах отмечается тенденция обобщать глагол *liggen* ‘лежать’ либо *zitten* ‘сидеть’ по крайней мере в тех случаях, когда в семантике полнозначного глагола не имеется чётких условий для предпочтения какого-либо иного вспомогательного глагола положения [ibid.], причём последний из них употребляется уже и в полностью десемантизовавшихся контекстах *Ik heb zitten rondlopen* ‘я ходил вокруг’ (букв. «я сидел ходить») [Lemmens 2002]. Параллельно с этим сильнее грамматикализовавшиеся конструкции с *liggen* и *zitten* свободнее допускают «нетипичные» для прогрессива контексты и некоторыми авторами рассматриваются как показатели уже не прогрессива, а хабитуалиса [Heine et al. 1993: 139, 201; Heine, Kuteva 2002: 194, 278], в то время как глагол *staan* ‘стоять’ сохраняет ограничения, свойственные прогрессиву. Такая картина напоминает татарские вспомогательные глаголы (‘стоять’ резервируется для прогрессива, а ‘лежать’ и ‘сидеть’ — для других имперфективных значений), но, в отличие от ситуации в татарском, ни один из нидерландских глаголов положения не развивается в сторону связки (хотя «обобщённо-локативные» употребления в экзистенциальных контекстах вроде русского *стол стоит* характерны для всех трёх в одинаковой степени [Kuteva 1999]).

В [Майсак 2005: 220—221] утверждается, что функционирование глаголов положения в «обобщённо-локативном» значении и их грамматикализация — параметры в принципе независимые. Отмечены языки, где глаголы положения, допускающие такие употребления, не грамматикализуются, а не употребительные в обобщённо-локативных контекстах, напротив, становятся показателями прогрессивного и близких к

нему значений (так в корейском и в тибето-бирманском языке чантал в Непале). Данные систем с несколькими формами прогрессива подтверждают это наблюдение, точнее, показывают необязательность соответствия *степени* грамматикализации глагола положения в составе конструкции прогрессива и вне её. Действительно, специализация тех или иных глаголов, параллельно грамматикализовавшихся как показатели прогрессива (или, далее, его диахронических наследников) не проявляет явной корреляции со статусом этих глаголов на шкале 'глагол конкретного положения' — 'чистая связка'; так, в иберо-романских языках *sedere* превратилось в чистую связку, смешавшись с *esse*, но победу в конкурентной борьбе одержал *stare*, сохраняющий определённую локативную семантику до сих пор; в нидерландском языке глагол 'стоять' также специализовался в качестве прогрессива, при том что вне прогрессивной конструкции не обнаруживает признаков какой-то преимущественной грамматикализации сравнительно с прочими глаголами положения.

Итак, альтернативные конструкции прогрессива, образованные при помощи различных глаголов позиции — очень распространённый в языках мира тип синонимии. Важной особенностью этого типа является то, что он в целом ряде языков продолжается уже и на последующих стадиях (дуратив, хабитуалис, общий имперфектив и даже настоящее время). Наряду с этим имеется и тенденция вырабатывать для прогрессива единый, наиболее обобщённый показатель от глаголов позиции (им может быть как 'стоять', так и 'сидеть'), причём в двух языках — татарском и нидерландском — один глагол положения (в первом случае 'стоять', во втором 'сидеть') специализируется на выражении собственно прогрессивных функций, а остальные — 'сидеть' и 'лежать' — переходят на следующий, имперфективный этап. Всё это не слишком напоминает типичную «специализацию» по Бреалу или «сужение ниши» по [Dahl 2004]: «лишние» конструкции не отсеиваются, а сохраняются на новом уровне; семантически более специфический прогрессив с течением времени оказывается менее «терпящей» синонимию формой, чем его преемники — в этом отношении напоминая, например, перфект (см. выше, Глава вторая). Такое явление (как и в случае перфекта) можно связать со «зрелостью» (в

понимании [Dahl 2004]) прогрессива, его семантической «кристаллизацией» и отграничением от конструкций с более широкой семантикой.

4.4.2. Локативные конструкции различного типа

Другой тип синонимии средств локативного обозначения прогрессива — сосуществование слабее грамматикализованных, стоящих ближе к лексическим единицам, показателей (например, глаголов положения) и сильнее грамматикализованных средств (например, локативных предлогов и падежей)⁸⁸.

Так, в германских языках представлено значительное количество недавно грамматикализовавшихся конструкций локативного происхождения (в [Bybee et al 1994: 132] они названы рождающимися, *nascent*, в существующих грамматиках описаны слабо [Ebert 2000: 605]; несмотря на синтаксические признаки произошедшей грамматикализации, они далеко не во всех языках являются обязательными показателями соответствующих значений [ibid.:629]). По степени десемантизации (удалённости от лексических единиц с локативным значением) их можно выстроить так (неупорядоченный инвентарь конструкций — [Ebert 2000: 607], ареальная их дистрибуция указана в [ibid.: 636—637]):

- уже разбивавшиеся глаголы положения, в частности, сериализованная конструкция ‘X сидит/стоит и делает что-то’ (так в скандинавских языках) и инфинитивная ‘X сидит, (чтобы) делать что-то’ (так в нидерландском и фризских); сериальная конструкция, очевидно, отражает более раннюю стадию грамматикализации (в нидерландском

⁸⁸ Речь идёт о большей степени грамматикализации предлогов и т. п. по сравнению с глаголами положения в собственно локативном значении; вопрос о степени грамматикализации соответствующих конструкций со значением прогрессива в принципе независим от этого параметра. По-видимому, именно из-за большой вариативности конструкций с локативными предлогами (*bei, an, dabei, auf*) в немецком языке Ю. С. Маслов как раз утверждает [1984/2004: 44], что эти обороты «совсем далеки от грамматикализации», видит в них «слабые ростки прогрессива» [1978/2004: 335].

языке исторически это старший вариант данной конструкции: [Миронов и др. 2000: 245])

- глагол 'держать', представленный только в шведском, норвежском и идиш (в идиш это единственная форма прогрессива), причём в шведском имеется дополнительное различие между сериализованной и инфинитивной конструкцией;
- сочетание глагола-связки 'быть' и предлогов с локативным значением;
- десемантизированный предлог с изначальным локативным значением 'у' (нем. *bei*)

По данным К. Эберт, по крайней мере два прогрессива, образованные из двух различных источников, перечисленных выше, имеются во всех германских языках, кроме английского, идиш и швейцарско-немецкого диалекта (кроме того, в первых двух прогрессив вообще один, так что наличие синонимии прогрессивов вообще сильнейшим образом коррелирует в германских языках с синонимией в пределах этих форм локативного происхождения).

В обсуждаемой работе выделяются различия в употреблении двух основных групп конструкций — POS (глаголы положения) и PREP (конструкции с локативными предлогами). Оба типа конструкций допустимы в качестве ответа на вопрос «Что делает X прямо сейчас?» [ibid.:608—609] и представляют собой квазисинонимы. Оказывается, что по своей сочетаемости и семантическим признакам вторая группа близка к тому, чтобы ограничиваться прототипическим («сфокусированным») значению прогрессива, в то время как конструкции, основанные на глаголах положения, носят двоякий характер — с одной стороны, они соответствуют более раннему «дуративному прогрессиву», с другой стороны, демонстрируют уже утрату прогрессивной семантики, сочетаемость с состояниями и хабитуальные употребления. В целом выбор между этими конструкциями подвержен большому количеству факторов разного характера, и ни в одном германском языке они не находятся в отношении дополнительного распределения; наблюдаются очень значительные колебания между идиолектами («второй датский информант перевёл практически все агентивные глаголы при помощи как конструкций с глаголами положения, так и предложных конструкций; двое же других датчан не использовали ни одной или только одну конструкцию POS... один

нидерландский информант употребил почти все конструкции POS с агентивными, другой — только с неагентивными глаголами» [ibid.:619]).

Тем не менее можно выделить некоторые устойчивые свойства этих типов прогрессива. Так, конструкции, образуемые при помощи предлога, не сочетаются с «ограничивающими» временными обстоятельствами, в то время как конструкции, восходящие к глаголам положения, здесь употребительны [ibid.:625]:

датский:	Anne	sad	to	timer	og	legede	helt	alene
	Анна	сидела	два	часа	и	играла	совсем	одна
севернофризский:	Anne	seed	tau	stûnj	alian	tu	spelin	
нидерландский:	Anne	zat	twee	uur	alleen	te	spleen	
	Анна	сидела	два	часа	одна	ИНФ	играть	
	‘Два часа Анна играла одна (by herself)’							

Действительно, «предложные конструкции обычно подразумевают сфокусированную перспективу: в определённый момент времени разворачивается такая-то и такая-то ситуация. Это объясняет, почему они не сочетаются с наречиями, означающими временной предел. В случае конструкций положения такая перспектива не имеется в виду, и здесь событие локализуется по отношению к временному интервалу с определённой длительностью или точкой завершения» [ibid.]

В работе Эберт выделен «пучок» параметров, разграничивающих эти два типа германских конструкций; таких факторов выделяется шесть [ibid.: 623]. Так, конструкции со значением прогрессива, восходящие к глаголам положения, удерживают локативную семантику (сочетаются с деятелями, предполагающими сохранение положения в пространстве: ‘читать’, ‘чистить картошку’, ‘играть в карты’, [ibid.: 619]). С предложными конструкциями чаще встречаются агентивные, предельные и контролируемые ситуации (‘строить сарай’, ‘дарить подарок’), со вспомогательными глаголами положения — неагентивные (‘гнить’, ‘идти (о дожде)’, ‘кипеть’), непредельные (‘работать’, ‘читать’, ‘танцевать’) и неконтролируемые (‘проговориться’, ‘обидеть’ в соответствующем контексте); впрочем, подчеркнём ещё раз, что эти правила носят далеко не жёсткий характер (особенно в том, что касается предельных

глаголов). Более строгие ограничения на агентивность свойственны конструкции с немецким предлогом *bei* и его этимологическими соответствиями (севернофризское *bai, bi*, нижненемецкое *bii*). С этими параметрами коррелирует прагматический, а именно «целеполагание и важность события для говорящего»; при положительном значении этого параметра выбирается предложная конструкция, при отрицательном — конструкция с глаголом положения. Кроме того, «сфокусированность» и «дуративность» выступают как параметры не только концептуализации соответствующих ситуаций, но и как параметры самих объективно наблюдаемых процессов: так, с рядом глаголов в севернофризском употребление конструкции со значением положения возможно только в случае, если ситуация происходит на протяжении некоторого значительного отрезка времени [ibid.: 622—623]. Эти два типа конструкций по-разному сочетаются с глагольными временами и показателями модальности: так, в нидерландском языке футурум более естествен с предложной конструкцией, чем со вспомогательным глаголом положения, которая, напротив, предпочтительна при сочетании с перфектом; в севернофризском с некоторыми модальными глаголами исключена предложная конструкция [ibid.: 613].

Конструкция с глаголом ‘держать’, представленная в шведском и норвежском языках, демонстрирует признаки, сближающие её с предложной конструкцией: «PREP- и HOLD- конструкции используются примерно одинаково, и во всех языках представлена или та, или другая» [ibid.: 607]; от себя добавим, что это распределение строго дополнительное (т. е. «either... or» у Эберт надо понимать как «либо... либо») — ни в одном германском языке не засвидетельствованы обе. Действительно, конструкция с глаголом ‘держать’, в отличие от конструкции с глаголом положения, не употребительна в контекстах обстоятельств, ограничивающих временной интервал [ibid.: 609], шведское *hålla på* чаще используется применительно к предельным глаголам и целенаправленным деятельности ([ibid. 620], со ссылкой на мнение Э. Даля).

В пределах конструкции с глаголом ‘держать’ в шведском языке выделяются два квазисинонимичных подтипа, один из которых образуется при помощи сериализации (*hålla på och* + финитная форма, букв. ‘держит и делает’), а другой при помощи зависимого инфинитива с предлогом (*hålla på att* + нефинитная форма, букв. ‘держит, чтобы делать’) [ibid.: 615, 647]; в

действительности роль здесь играет лишь финитность/нефинитность знаменательного глагола, ибо *att* и *och* [ɔ] различаются только орфографически. Оказывается, что и здесь сильнее грамматикализованный с формальной точки зрения прогрессив (с нефинитной формой) проявляет свойства, характерные скорее для «сфокусированного» прогрессива, а именно, имеет проспективное значение:

Tåget håller på att gå

‘Поезд отправляется’ [=вот-вот отправится].

Данное различие с предельными глаголами приближается к антирезультативному [Tommla 2000a: 682]:

Den gamle mannen höll på och dog

‘Старик умирал [и умер]’

Den gamle mannen höll på att do

‘Старик умирал [было; но ему нашли нужное лекарство]’

Следующая стадия эволюции подобной синонимии конструкций с грамматикализовавшимся глаголом ‘держать’, на наш взгляд, представлена в идиш [Ebert 2000: 633], где имеются образующиеся при помощи различных предлогов конструкции с чисто прогрессивным и чисто проспективным значениями:

ikh halt in shraybn⁸⁹

я держу в писать

‘Я пишу’

ikh halt baym shraybn

я держу у писать

‘Я намереваюсь писать’

⁸⁹ Другой, фонетически ориентированный, вариант транслитерации: shraybm.

Близкое к германскому соотношение между новой и старой формой локативного происхождения отмечено и в романском ареале, особенно ярко в итальянском языке. Здесь, как уже мы говорили (4.2.), засвидетельствовано диахроническое развитие от изначально «дуративно-прогрессивного» значения (свойственное всем конструкциям с глаголами положения в романских языках) в сторону чисто «сфокусированного» значения и связанных с ним ограничений.

До XIX века итальянский прогрессив *stare* + герундий, где вспомогательный глагол восходит к глаголу положения ‘стоять’ (грамматикализовавшемуся как связка) имел круг употреблений, характерных именно для «дуративного прогрессива» (с ограниченным множеством глаголов, таких как *guardare* ‘смотреть’ и *aspettare* ‘ждать’). Очень характерен следующий пример, наглядно отражающий ещё далеко не кончившийся процесс грамматикализации этой конструкции (первое её вхождение в цитируемом предложении — форма прогрессива, второе — в значительной степени свободное сочетание, на что указывает и сохранение семантики глагола ‘стоять’, и позиция дополнения *sulla piazza* ‘на площади’ непосредственно после него):

Renzo lo stava guardando con un' attenzione estatica, come un materialone sta sulla piazza guardando al giocatore di bussolotti

‘Ренцо смотрел на него с возбуждённым вниманием, как смотрит простой парень на игрока в кости на площади’ (букв. «стоит на площади, глядя на игрока в кости») [Мандзони, XIX в., Bertinetto 2000: 564]

а, кроме того, сочетался с показателем перфективного прошедшего и аналитического перфекта, что в современном итальянском совершенно утрачено [Bertinetto 1986]; ныне «легко показать, что итальянский прогрессив *stare* + герундий употребляется (за очень немногими исключениями) лишь в случаях строгого фокусирования, как в типичной «схеме инциденции», где говорящий интересуется лишь тем, что происходит в определенный момент времени» [Bertinetto 2000: *ibid.*]:

Quando Gianni è arrivato, Anna stava ancora lavorando

‘Когда Джанни пришёл, Анна ещё работала’

Кроме того, у этой формы утратилась сочетаемость с глаголами, означающими состояния, и расширилась употребительность с предельными глаголами [ibid.: 567]; после периода «функциональной перестройки» прогрессива в середине XX века резко повысилась его частотность, как в устном, так и в письменном языке.

В то же время в итальянском языке существует, помимо прогрессива, образованного при помощи глаголов движения (о нём см. ниже, п. 4.5.), также и прогрессив с дополнительным локативным (предложным) показателем — *stare a* + инфинитив. Эта форма употребляется в «сфокусированных» контекстах, однако не утратилась в дуративных; в настоящее время она употребляется в разговорной речи центральной Италии, особенно в Риме [ibid.: 561], но практически не проникает в литературный язык. Сохранение старых употреблений может объясняться как меньшей диахронической историей формы, так и наличием дополнительного локативного «якоря» — предлога *a*, «связывающего» эту форму со старшими, «статальной» и «дуративной» интерпретациями. Этимологически тождественные конструкции *estar a* + инфинитив и *estar* + герундий имеются и в португальском языке; здесь между ними семантического различия нет, а граница пролегает между, с одной стороны, устным и письменным регистрами (форма с инфинитивом преобладает в разговорном языке Португалии, с герундием — в письменном), а, с другой стороны, между европейским и бразильским вариантами португальского (в последнем преобладает вариант с герундием); полностью аналогичные синонимичные формы прогрессива имеются также в галисийском [ibid.: 577]. Полная синонимия и разграничения в регистровой сфере, очевидно, представляет собой более старый диахронический этап этой пары форм (ситуация в итальянском XIX века была примерно такой же, как в современном португальском) [ibid.: 570].

Структурно близкая синонимическая пара имеется в уже обсуждавшемся языке нгамбай [Heine, Reh 1984: 126; Heine, Kuteva 2002: 281]; этот пример сопоставляет с европейскими (германскими) конструкциями и Т. А. Майсак [2005: 223]. Здесь одна форма прогрессива образуется при помощи сериализованной конструкции с глаголом ‘стоять’, а другая — при помощи сочетания ‘стоять’ с предлогом ‘для’ и номинализованной формой (к

сожалению, неясно, имеет ли этот предлог локативную этимологию — выше рассматриваемые романские потомки латинского предлога *ad* [как, собственно, уже и сам он] совмещают локативное и целевое значение):

m-	ár	m-	úsā	dā	
1.ЕД-	стоять	1.ЕД-	есть	мясо	
m-	ár	mbā	k-	ùsā	dā
1.ЕД-	стоять	для	СУБСТ-есть	мясо	
'Я ем мясо'					

Несмотря на одинаковый перевод, который дают Хайне и соавторы, распределение этих конструкций может быть и не тождественным, тем не менее и в случае полной синонимии, и в случае квазисинонимии такое распределение не является неожиданным.

В работе [Tommola 2000a: 660—663] (таблица [ibid.: 666]) альтернативные прогрессивы в прибалтийско-финских языках (финском и эстонском) рассматриваются как синонимы (*semantically equivalent*). Тем не менее и среди них можно выделить конструкции, представляющие различные этапы грамматикализации и соответственно семантической эволюции от «дуративного» прогрессива к сфокусированному. Конструкция «связка + нефинитная форма с показателем инессива» (фин. *olla V-mA-ssA*; эст. *olema V-ma-s*) в финском языке не употребляется с предикатами состояния (предпочитается с процессами и предельными глаголами). Как в финском, так и в эстонском она имеет и «сфокусированные», и «дуративно-прогрессивные» употребления (см. пример выше), но обязательна (т. е. вполне грамматикализовалась) только во вторичной абсентивной функции.

В то же время более новая «именная конструкция» с участием отглагольного имени, оформленного локативным падежом (инессив в финском: *olla N-ssA*; адессив в эстонском: *olema N-l*) в обоих этих языках не употребляется как показатель абсентива [ibid.: 661—662]. В финском языке эта конструкция, помимо указанного ограничения, находится в дополнительном распределении с инфинитивной, употребляясь только с некоторыми глаголами движения (*tulla* 'приходить', *lähteä* 'уходить [куда-л.]') и глаголами

постепенного изменения состояния (*laskea* ‘падать, уменьшаться’); такое дополнительное распределение и параметры, по которым оно происходит, напоминает дополнительное распределение перфектных конструкций и их наследниц в ряде языков (см. Главу вторую, 2.3.3.). В эстонском языке эти два прогрессива независимы, причём эстонская именная конструкция встречается только в «сфокусированных» контекстах:

Toit on just serveerimise-l
еда СВЯЗ сейчас подавание-АДЕСС
‘[Входите, пожалуйста!] Обед прямо сейчас подают’

Таким образом, в прибалтийско-финских языках, как и в романских, две сосуществующие локативные конструкции проходят этап полной синонимии (отразившийся в финском языке), а затем (в эстонском) размежьюваются в связи с различием «сфокусированной» и «дуративно-прогрессивной» функций; в финском они распределились дополнительно по различным семантическим типам глаголов.

Сосуществование синонимичных конструкций прогрессива с совпадающим локативным показателем, но различными формами полнозначного глагола отмечено во многих языках и диалектах западных манде языков, например, в бамакском говоре бамана [Идиатов 2003: 274 и след.], [Tröbs 2004: 137, 142—143]; см. также о грамматикализации аспекта в языках манде [Kastenholz 2003]:

Конструкция с отглагольным именем⁹⁰:

mùso bε finiko la. [Bailleul 2000: 82]

⁹⁰ Помимо именного варианта данной конструкции существует также аналогичный вариант с глагольной основой [интерпретация зависит от наличия в соответствующей словоформе (зд. *finiko*) тонового показателя определённости (т. н. «тонального артикля»)]; Д. И. Идиатов связывает это явление с «динамичным характером системы и влиянием диалектной гетерогенности» [там же: 276].

женщина:ОПР находится стирка:ОПР ЛОК

Конструкция с инфинитивом:

mùso be kà finì kò.[ibid.: 182]

женщина:ОПР находится ИНФ одежда:ОПР стирать

‘Женщина стирает (одежду)’

Обе эти конструкции не сочетаются с наречиями, ограничивающими ситуацию во времени, что является признаком именно «сфокусированного», а не «дуративного» прогрессива; так, в контексте **Он возделывал своё поле во время сезона дождей* они невозможны ([Идиатов 2003: 277]); для них также свойственны значения «репортажного настоящего» (об этих употреблениях см. выше, 4.1) и градативное («собственно-процессное», указывающее на качественное развитие ситуации, ‘всё более и более’/‘всё менее и менее’) [там же: 277—279].

В некоторых языках этой группы наблюдается варьирование и локативного показателя (‘у’, ‘в’, ‘на’; например, в ваи [Tröbs 2004: 139]), формально соответствующее таковому в германских языках. Сочетание обоих параметров варьирования наличествует, например, в языке мандинка, где различаются четыре синонимичные конструкции прогрессива [ibid.: 140—142] или в диалекте бамана Сегу, где их количество достигает шести [ibid.: 145 ff.]; причём в мандинка одна из них демонстрирует семантико-синтаксические предпочтения, будучи обязательной с употреблёнными без дополнения переходными глаголами; приводимый Трёбсом пример можно интерпретировать и как лишённый предельности («детелисизированный») предикат:

mùsoo-lu be tabi-ro la.
женщина:ОПР-МН находится готовить-НОМ:ОПР ЛОК

‘Женщины готовят’

Ряд синхронных различий между конструкциями *be kà* и *be ... la* в бамакском бамана отмечен Д. И. Идиатовым [2003: 274—276]: вторая из них (именная) не сочетается со значением «континуалиса» (продолжающегося действия), а первая предпочитается при сказуемом во множественном числе

(*писать письма*); это может быть первым шагом к тенденции «множественного» представления ситуации и дальнейшего развития в сторону итеративных и хабитуальных значений. Действительно, для диахронической судьбы этих рядов конструкций характерно начавшееся в большинстве языков развитие одной из них, сильнее грамматикализованной, в сторону чисто имперфективного значения и даже показателя будущего времени [Tröbs 2004: 133—137, 145—146, Идиатов 2003: 261—274], [Kastenholz 2003: 39—40, 49] (о типологически известном развитии «хабитуалис — будущее» см., например, [Haspelmath 1998], [Татевосов 2004]). В таблице [Tröbs 2004: 148] сопоставлены два основных диахронических «слоя» (автор прибегает к теории грамматикализации и понятию синхронного «наслаивания», *layering*) средств выражения прогрессивного значения в западных манде языках — «старые прогрессивы» (устроенные как чисто глагольные конструкции) и «новые прогрессивы» (включающие отглагольные имена и синтаксически близкие к именным конструкциям). Здесь можно обнаружить некоторую аналогию с прибалтийско-финскими языками: конструкции прогрессива, основанные на отглагольных существительных, в тех языках манде, где они противопоставлены формам без показателей номинализации, также выступают как специфические средства выражения семантики прогрессива, в то время как чисто глагольные формы проявляют тенденцию к тому, чтобы развивать другие значения и утрачивать эту специфику (в различных диалектах бамана значение прогрессива у этих старых форм практически полностью вытеснено хабитуальным значением).

Характерно, что в отличие от языков с несколькими равноправными глаголами положения (т. е. конструкциями, равными по степени грамматикализации), синонимия прогрессивных конструкций, отражающих различные слои грамматикализации, на стадии показателя хабитуалиса уже «не выживает»: во всех специально рассматриваемых в работе Трёбса хабитуальных конструкциях языков манде имеется одно и только одно средство выражение хабитуального значения — восходящее к финитному, сильнее всего грамматикализованному показателю прогрессива.

Особый случай сосуществования двух квазисинонимичных конструкций с глаголами положения и различными нефинитными формами глагола неоднократно описан [Недялков В., Недялков И. 1987, Bertinetto, Ebert, de Groot

2000: 546—549, Шлуинский 2003] в карачаево-балкарском языке (похожая ситуация представлена и в целом ряде других тюркских языков, см. в особенности статью Недеялковых). Здесь с глаголом *tur-* ‘стоять’ сочетаются одновременный конверб на *-a* и конверб предшествования (имеющий также в тюркских языках целый ряд других функций) *-p*: первая конструкция названа в [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000] «прогрессивом», вторая — «результативом II». Оказывается (согласно наиболее полному исследованию А. Б. Шлуинского), что первая конструкция в большинстве случаев имеет актуально-длительную интерпретацию, а с обстоятельствами, указывающими на повторяемость события (но не при любом глаголе) — хабитуальную, в то время как вторая конструкция с предельными глаголами всегда означает результирующее состояние, а с процессами и состояниями — соответствующую ситуацию в момент наблюдения. Такая конструкция («результатив с имперфективной интерпретацией»), сильно зависящая от акционального параметра, по-видимому, представляет более раннюю стадию грамматикализации, чем собственно прогрессив на *-a tur-*. Практически аналогичная ситуация с точки зрения вида и акциональности имеется в языке мапудунгу (Чили и Аргентина), с той разницей, что сильнее грамматикализованный прогрессив там передаётся не предикатом положения, а глаголом со значением ‘заниматься к.-л. деятельностью’, что также типологически ожидаемо; подробнее см. раздел 4.7.

Имеющийся материал по сосуществованию различных локативных конструкций (глагол положения vs локативный предлог, конкретный vs абстрактный локативный предлог, различные показатели локативных падежей и конвербов) демонстрирует значительную пестроту. Такие пары, однако, в большинстве случаев обнаруживают различные стадии семантической эволюции прогрессива (локативно-стативная конструкция → дуративный прогрессив → [сфокусированный прогрессив, необязательный этап] → имперфектив → хабитуалис), иногда проявляют различия, связанные с сочетаемостью с аспектуальными классами глаголов. Отмечена квазисинонимия, связанная с наличием или отсутствием тех или иных дополнительных значений прогрессива (проспективных — в германских, абсентивных — в прибалтийско-финских), что также находится в известной связи с этапами грамматикализации. В отличие от ранее разбиравшегося случая

параллельной грамматикализации различных глаголов положения, синонимия разных типов локативных конструкций имеет тенденцию перерасти в оппозицию «собственно прогрессив vs. имперфектив»: так обстоит дело в германских языках или языках манде (близкая ситуация и в эстонском).

4.5. Локативные конструкции и конструкции с глаголами движения в одной системе

В языках со слабо грамматикализованным прогрессивом (например, в германских) выбор между глаголом движения и глаголом положения (либо иной локативной конструкцией) часто, как и в случае выбора между несколькими глаголами движения, обусловлен семантикой полнозначного глагола, а именно, предполагает ли соответствующая деятельность пребывание в неподвижном или подвижном состоянии. Например, в таких языках, как датский, нидерландский и все варианты фризского, глагол 'гулять, ходить вокруг' употребителен с деятельностями, в нормальном случае требующими движения объекта, такими, как 'танцевать', или, например:

нид. Marie loopt bloemen uit te venten [Ebert 2000 : 616]

'Мария торгует вразнос цветами' (букв. 'ходит/гуляет торговать вразнос')

По своей семантике подобные германские конструкции сложно отделить от аналогичных конструкций с глаголами положения, т. е. к ним относится всё то, что выше сказано о последних; они воплощают «дуративный» тип прогрессива (хотя употребляются и в «сфокусированных» контекстах) и противопоставляются предложным локативным конструкциям, более близким к чисто «сфокусированному» типу. В работе К. Эберт [ibid.: 617, 619] глаголы движения и глаголы положения объединены в один тип конструкций (POS), вплоть до того, что норвежский глагол *gå* 'идти' отнесён ею к глаголам положения или позы (postural verbs) [ibid.: 634]. У конструкций с глаголами движения в германских языках также имеется дополнительная семантическая черта: в тех случаях, когда допустим выбор между глаголом положения и глаголом движения, последний получает отрицательную коннотацию

(≈ ‘носится как угорелый’, ‘ходит и надоедает’) [ibid. 616]; такую же функцию имеет и наречие со значением ‘вокруг’ (нем. *herum*) в немецком, севернофризском и датском.

Аналогичная ситуация (мы имеем в виду не дополнительные коннотации, а распределение конструкций в соответствии с лексическим значением) имеется в калмыцком языке, где в сочетании с глаголами, предполагающими движение, употребительна конструкция «конверб на *-j̄ + jov-* ‘двигаться’», а не аналогичная аналитическая форма с *bää-* ‘быть’ [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000 : 544]:

Ora-d	kür-č	jov-na
вершина-ЛОК	достигать-ПРОГР	идти-ИМПФ
‘[Альпинист] достигает вершины’		

и особенно в карачаево-балкарском, где в таких случаях употребляется конструкция с *bar-* ‘идти’ как альтернатива прогрессиву с *tur-* ‘стоять’ > ‘быть’, употребляющемуся в прочих случаях [ibid.: 547]:

Čig-a	tura-dī /	bara-dī
выходить-ОДНОВР	делать-ЗЕД /	идти-ЗЕД
‘[Он(а) прямо сейчас] выходит’		

Сильнее грамматикализованные различия между прогрессивами от глаголов движения, с одной стороны, и глаголов положения, с другой, представлены в романских языках.

В иберо-романских языках и в итальянском представлено синхронное сосуществование прогрессивов, образованных от глаголов движения и положения; если в итальянском языке, где, как мы видели выше, прогрессив от глагола ‘стоять’ развился в сторону чисто «сфокусированных» употреблений, различие между этими формами связано именно с разграничением между «сфокусированным» и «дуративным» прогрессивами, то в иберо-романских (каталанском, испанском и португальском) синонимия носит более тонкий характер [Bertinetto 1996, 2000].

Прогрессив, образованный при помощи глаголов движения (*andare* ‘идти’ или *venire* ‘приходить’ + герундий), в отличие от уже рассматривавшегося прогрессива от глагола положения (*stare* ‘стоять, быть’ + герундий), ограничен «дуративно-прогрессивными» контекстами, зато практически обязателен в них; «итальянский прогрессив от глагола положения всё более и более становится дополнительно распределён с прогрессивом от глагола движения в соответствии с признаком ‘сфокусированный’ vs. ‘дуративный’» [Bertinetto 2000: 567]. С другим итальянским прогрессивом от глагола положения — *stare a* + инфинитив, о котором см. выше (4.4.2), прогрессив с *andare/venire*, как кажется, находится в положении полной синонимии (их «сходство... в дуративных контекстах примечательно, особенно учитывая то, что обе конструкции, в отличие от прогрессива *stare* + герундий, употребляются с перфективными временами» [ibid.: 567]). Различие между конструкциями лежит в регистрационной сфере: прогрессив с *andare/venire* является признаком письменной речи и редко отмечен в корпусе разговорных текстов [ibid.], в то время как *stare a* + инфинитив, как уже говорилось, напротив, носит ярко разговорный (отчасти даже диалектный) характер и практически не проникает в литературный язык.

Но, кроме этих различий, итальянский прогрессив с глаголом движения имеет и собственные акциональные и семантические свойства, отличающие его от прогрессива с глаголом положения [ibid.: 578—580]. Прежде всего, он сочетается с предельными предикатами и наречиями, указывающими на градативное (постепенное) развитие ситуации [Squartini 1998: ch. 5] (градативная семантика — наряду с собственно прогрессивной — чрезвычайно характерна для грамматикализации глаголов ‘идти’ и ‘приходить’: ср. [Майсак 2005: 132 и след.] об аналогичной семантике этих конструкций в алтайских, индоарийских, дравидийских, тибето-бирманских, эфиосемитских и других языках; Т. А. Майсак предполагает [там же: 297], что градативные конструкции могут развиваться и в обычный прогрессив):

La situazione andava peggiorando. [Squartini 1998: 210]

‘Ситуация всё ухудшалась и ухудшалась’

Кроме того, характерна сочетаемость с предикатами интенсивного действия (по терминологии Бертинетто, «ингерентно интенсифицируемые глаголы»), такими, как *scrutare* ‘разглядывать’, *salterellare* ‘подпрыгивать’, *meditare* ‘размышлять’: «‘размышлять’ указывает более, чем просто на факт мысли, поскольку означает что-то вроде ‘усиленно думать’ (think over and over)» [Bertinetto 2000: 579]:

Luca andava gradualmente (a poco a poco) scorpendo la verità

‘Лука постепенно (мало-помалу) обнаруживал истину’

Teresa andava scrutando l’orizzonte

‘Тереза пристально всматривалась в горизонт’

Похожую эволюцию претерпел [ibid.: 581] и прогрессив с глаголом движения во французском (*aller* + герундий), каталанском и окситанском языках, где в настоящее время он встречается очень редко (а во французском практически утрачен), но на завершающих этапах активного употребления был ограничен контекстами с предельными глаголами, как и в итальянском.

Прогрессивы от глаголов движения и положения в иберо-романских языках в ранних текстах (XIII—XV вв.) еще не полностью грамматикализованы (что доказывают некоторые синтаксические признаки) и означают именно ‘стоять делая что-л.’ или ‘идти/ходить делая что-л.’ [Torres Casouillos 1999: 80—89, 2001: 445]; с первыми очень частотны обстоятельства места с предлогом *en* ‘в’, со вторыми указания на траекторию с предлогом *por* ‘по’; следы лексического значения глаголов движения и положения ещё сохраняются в мексиканском испанском (см. ниже).

Прогрессив от глаголов положения в современном испанском сохраняет ранее характерную и для итальянского языка дуративную функцию: так, он сочетается с ограничивающими период осуществления действия перфективным видом (аористом) и обстоятельствами вроде ‘весь день’, ‘с трёх до пяти’ (см. выше пример, п. 4.1). При этом с ним не сочетаются предельные предикаты, или, по крайней мере, они утрачивают предельность («детелисизируются»). Обстоятельства, указывающие на достижение предела, недопустимы (в таком случае требуется обычный перфектив, без показателя прогрессива):

En Mérida estuvieron reconstruyendo el puente *en/durante dos años
[Bertinetto 2000 : 570]

‘В Мериде перестраивали мост два года’ (*за два года)

Отметим, что такое же ограничение характерно и для русского несовершенного вида (можно сказать только *перестроили мост за два года; перестраивали мост за два года* если и возможно, то, по-видимому, только с экспериенциальным значением и с определённым подлежащим).

Испанский прогрессив от глагола ‘стоять’, по-видимому, избрал несколько иной путь грамматикализации, чем в итальянском; вместо ограничения «сфокусированными» контекстами он непосредственно эволюционирует в сторону общего имперфектива, имеющего хабикулярные употребления (так, в разговорной речи допустимы контексты вроде *Estoy yendo al centro cada tres días* ‘Я езжу в центр каждые три дня’, а прогрессив и имперфект обнаруживают очень близкое распределение; [Маслов 1984/2004: 46], И. В. Сушкова, устное сообщение); в некоторых нестандартных вариантах латиноамериканского испанского собственно прогрессивная семантика уже утрачена ([Bertinetto 2000: 576]; см. также ниже о мексиканском варианте). В прочих иберо-романских языках обнаруживается более классическое распределение значений «дуративного прогрессива» [ibid.: 571—575]. Что касается обратных случаев — употребления презенса и имперфекта в контекстах, свойственных прогрессиву — то они известны в испанском уже давно и ещё в 1960—1970-е годы вызвали дискуссию о факультативности прогрессива в испанском языке (см. [Маслов 1984/2004: 43], здесь же и соответствующая библиография).

Что касается прогрессива от глаголов движения, то в иберо-романских языках — так же, как и в германских — он имеет только дуративную, а не «сфокусированную» интерпретацию. Таким образом, отношение между прогрессивами типа *estar* + герундий и *andar/ir* + герундий близко к полной синонимии, но и здесь обнаруживается следующее тонкое различие: прогрессив от глаголов движения «плюрализирует» ситуацию, делит её на несколько идентичных элементов, так, испанское предложение

Juan fue colocando libros de 3 a 5 [Bertinetto 2000: 578]

‘Хуан переставлял книги с третьей полки на пятую’

означает не просто продолжающуюся ситуацию, а то, что событие рассматривается как последовательность перестановок книг («идентичных жестов»), следующих одна за другой; это, по Бертинетто, «множественная фокусировка» (plurifocalization) ситуации.

В мексиканском варианте испанского языка распределение синонимичных конструкций с *estar* и *andar* носит иной характер, чем в европейском испанском. Ему посвящена статья [Torres Casoulllos 2001], основанная на диссертации того же автора [Torres Casoulllos 1999]; эти работы одни из немногих, где ставится теоретическая проблема грамматической синонимии, «вариативности» на уровне выше фонологического (above and beyond phonology) в рамках теории грамматикализации и связанного с ней принципа «наслаивания» (см. подробнее выше, Глава первая, 1.4.4.). Согласно этому автору, распределение обсуждаемых конструкций скорее близко к тому, что мы выше видели в германских и алтайских языках, а именно связано с лексическим значением полнозначного глагола: *estar* употребляется с действиями, предполагающими сохранение первоначальной позиции, в то время как *andar* чаще сочетается с глаголами ненаправленного движения (для этого класса глагол *andar* выбирает 87% от всех прогрессивов) и с глаголами, обозначающими деятельность, предполагающую передвижение, например, *buscar* ‘искать’ или *bailar* ‘танцевать’:

¡Ay! Ando buscando unas tijeras, porque se me rompió una uña. [Torres Casoulllos 2001: 444]

‘Ой! Ищу (букв. ‘хожу ища’) ножницы, потому что у меня сломался ноготь’

а также деятельность, предпринимаемую вне постоянного фиксированного места, в частности, вне помещения (out-of-door-activities), что не следует путать с «абсентивным» употреблением, диагностируемым у прогрессивов в некоторых языках (см. выше). Задействовано и социолингвистическое измерение: так, конструкции с *estar* чаще встречаются в

языке образованных мексиканцев (*habla culta*), в то время как формы с *andar* принадлежат скорее сельскому и простонародному языку (*habla popular*), причём автор предлагает смелую гипотезу, согласно которой подобные различия связаны именно с тем, что *andar*-прогрессив кодирует типичные для сельской местности виды деятельности. Отметим, что по крайней мере в том, что касается простонародного испанского Мексики, речь идёт уже о синонимии не прогрессивов, а имперфективов, для которых хабитуальные (и даже квалификативные, т. е. характеризующие субъект действия) значения уже вполне обыкновены:

Son de los que están trabajando y tomando, trabajando y —. [ibid. : 460]

‘Они из тех, которые работают и пьют (спиртное), работают и...’

Конструкция *vete* ‘идти’ + герундий засвидетельствована и в нескольких вариантах албанского языка в Италии, где «она, по-видимому, имеет те же функции, что и аналогичные конструкции в некоторых романских языках» [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 551]; контактное влияние со стороны итальянского можно предполагать в связи с выбором конкретного вспомогательного глагола, так как в албанском языке на Балканах существует прогрессивная конструкция с яркой градативной семантикой, образуемая при помощи *vij* ‘приходить’. Здесь она сосуществует с формами «дуративного» прогрессива с глаголом ‘быть’ и «сфокусированного» прогрессива с эмфатической частицей *po* (о них см. несколько ниже, п. 4.7.):

që vjen vazhdimisht duke u ngushtuar.

который приходит:ПРЕЗ:3:ЕД постепенно КОНВ МЕД сужаться

‘[Средний род в современном албанском языке составляет категорию,] которая всё более сужается’. [цит. по Майсак 2005: 160—161]

Мы видим, что в системах, рассматриваемых в настоящем разделе, прогрессив, образованный от глагола движения, содержит дополнительный семантический компонент, связанный с тем или иным подчёркиванием количественного аспекта процесса: представлением его как нарастающего, градативного (что является, по-видимому, исходным значением этих

конструкций: итальянский, албанский), разделённого на несколько последовательных ситуаций (испанский), осуществляющегося интенсивно (итальянский), вплоть до отрицательных «гиперболических» коннотаций этой интенсивности (испанский, германские).

С последним вариантом развития конструкций с глаголами движения, возможно, связано приобретение им хабитуальных значений (через контексты вроде *He is always smoking*, см. выше, п. 4.1 и 4.2). В австралийском языке нганьгитьемерри [Reid 2002, цит. по Майсак 2005: 231] аналитическая конструкция с глаголом ‘сидеть’ означает прогрессив, противопоставленный конструкции с ‘идти’, означающей хабитуалис: *Ngirim-fifi* ‘я (сейчас) курю’ (букв. «сижу-курить») и *Ngaganim-fifi* ‘я курю (имею такую привычку) (букв. «иду-курить)’: подобное распределение может быть результатом дальнейшего обобщения семантики одной из прогрессивных конструкций. Если это так, то данный тип синонимии, как и ранее рассматривавшийся в п. 4.5., является диахроническим предшественником оппозиции «прогрессив vs. имперфектив/хабитуалис»; но, например, в испанском языке обе конструкции — и с глаголом положения, и с глаголом движения — утрачивают прогрессивную специфику, и синонимия сохраняется уже на имперфективном этапе, что напоминает ситуацию с сосуществованием нескольких глаголов положения (п. 4.4). Таким образом, соотношение, разобранный в настоящем пункте, в этом смысле является промежуточным между частотными типами, которые мы рассматривали в пп. 4.4 и 4.5.

4.6. Синонимия среди конструкций с глаголами движения

Тип синонимии, в котором участвуют различные глаголы движения, также засвидетельствован в языках разных частей света. В Европе он представлен в романских языках — испанском, португальском и итальянском [Bertinetto 2000: 561, 577, 580—581]. Речь идёт о конструкциях с герундием, сочетающемся с глаголами ‘приходить’ (исп. *venir*, ит. *venire*, порт. *vir*), ‘идти’ (исп. и порт. *ir*) и ‘ходить’ (исп. и порт. *andar*, ит. *andare*). Данное разграничение восходит еще к ранней стадии развития соответствующих языков [ibid.: 577] и несёт сильный отпечаток лексического значения этих глаголов. Так, сравнительно более редкая конструкция с ‘приходить’, представленная во

всех этих трёх языках, в итальянском «по-прежнему подразумевает некоторого рода дейктическую ориентацию, по крайней мере, на метафорическом уровне» [ibid.].

В испанском и португальском языках, как показано в [Squartini 1998], конструкции с *ir* и *andar* обнаруживают различные акциональные признаки. Так, *ir*-прогрессив предпочтительно сочетается с предельными глаголами и при сочетании с деятельностями или состояниями предполагает инхоативную (начинательную) и градативную интерпретацию (близкую к таковой у *andare*-прогрессива в итальянском, см. подробнее п. 4.5); особенно характерно устойчивая («рутинизированная») сочетаемость с глаголом *crecer* ‘расти’ (*ir creciendo*) [Torres Casouillos 1999]. В то же время *andar*-прогрессив в испанском языке сочетается в основном с непредельными деятельностями и даже состояниями (то есть фактически приближается к *estar*-форме и утрачивает специфику прогрессива, становясь имперфективом; об этом сближении и о разграничении этой пары в латиноамериканском испанском также см. 4.5). Контексты, в которых *ir* и *andar*-прогрессивы взаимозаменяемы в испанском — итеративные. В португальском языке, в отличие от испанского, *andar*-прогрессив носит универсальный (немаркированный) характер и не имеет акциональных ограничений; П.-М. Бертинетто отмечает в связи с этим наблюдением Сквартини, что «португальская конструкция *andar* + герундий более продвинута в процессе грамматикализации, чем какой бы то ни было из её прямых конкурентов» [Bertinetto 2000: 581]. Действительно, для этой формы весьма характерны хабитуальные употребления (ср. подробный анализ в [Майсак 2005: 182]).

Подобные факты очевидным образом связаны с лексическим значением этих показателей: *ir* ‘идти’ — глагол направленного движения (имеющего естественный предел), в то время как *andar* ‘ходить’ — глагол ненаправленного движения (непредельная деятельность).

Особую роль играет противопоставление между конструкциями, образованными при помощи вспомогательных глаголов ‘приходить’ и ‘идти/уходить’ (последнее значение во многих языках мира выражается одним и тем же глаголом, ср. англ. *go*, или близкими средствами, но другими, чем ‘приходить’, ср. фр. *aller* : *s'en aller*). Такое противопоставление отмечено в [Bertinetto 2000: 577] для романских языков: «Вероятно, слишком смело делать

какие-либо общие выводы о различии между этими двумя вспомогательными глаголами; я ограничусь указанием на то, что в итальянском языке есть ясные свидетельства того, что 'приходить' по-прежнему подразумевает дейктическую ориентацию некоторого рода, возможно, на метафорическом уровне». Глаголы 'приходить' и 'уходить' грамматикализовались, например, в гуайми (чибчанская семья, Панама; [Vubee et al. 1994: 128]). В работе [Майсак 2005] это явление разбирается на значительном типологическом материале (включая данные тюркских, индоарийских, дравидийских и океанийских языков); общий вывод здесь таков: «Ситуация в обоих случаях представляется как длительная: при этом в случае с глаголом ИДТИ/УХОДИТЬ акцент делается на то, что она имеет место в точке отсчета и будет длиться еще некоторое время после точки отсчета; в случае же с глаголом ПРИХОДИТЬ утверждается, что ситуация, о которой идет речь, развивалась на протяжении значительного периода времени до точки отсчета, включая последнюю... Нетрудно заметить, что интерпретация временных отношений происходит в данном случае в соответствии с той моделью времени, согласно которой субъект движется вдоль временной оси, «приходя» из прошлого и «уходя» в будущее» [там же: 162]. В используемой Майсаком работе [Рудин 1975] о тамильском языке конструкция с 'приходить' называется «ретроспективным прогрессивом»: *avan tamil patittu vantān* (букв. «он тамильский изучая приходил») означает 'он все время изучал / продолжал изучать / изучал и изучал / всё больше и больше учил тамильский язык' [там же: 68]; а конструкция с 'идти/уходить' — «проспективным прогрессивом», она означает продолжение длительного действия после точки отсчета, т. е. совмещение прогрессивной семантики с инхоативной (так, *vēlai ceytu pōnān* букв. 'он работу делая уходил' означает 'он стал работать («работу делать») дальше / он продолжил работать') [там же: 68]. Аналогичные наблюдения по поводу метафоризации вышеуказанных романских конструкций с этими глаголами см. в [Squartini 1998: 293].

Сильнее продвинутая по степени грамматикализации ситуация развития прогрессивных показателей со значением движения, по-видимому, сравнительно редка, она представлена в языке мане (юго-восточные языки мане, Либерия); здесь показателями прогрессива служат частицы со значением

«направления» ('to', 'direction'), вероятно, происходящие из соответствующих глаголов [Bybee et al. 1994: 128].

Тип синонимии, связанный с грамматикализацией, по-видимому, обусловлен прежде всего семантикой лексических источников, а не системными отношениями; действительно, именно такие значения принимают эти показатели в тех языках, где они представлены поодиночке (ср. материал из указанной работы Т. А. Майсака). С другой стороны, семантика «ретроспективного» и «проспективного», «направленного» и «ненаправленного» прогрессивов наиболее чётко проявляется именно при противопоставлении в системе.

4.7. Синонимия с участием конструкций-источников «сфокусированного прогрессива»

В ряде языков в отношении синонимии вступают конструкции, не связанные с локативной семантикой и семантикой движения, а с такими значениями, как 'быть занятым', 'находиться в процессе' и т. п. Уже по самому своему происхождению они подчёркивают «точечный» взгляд на ситуацию, и действительно, в системах с синонимичными прогрессивами такие конструкции передают исключительно «сфокусированный» прогрессив, встречаясь обычно в контекстах 'Когда была ситуация *P*, произошло *Q*' или подобных. В отличие от прогрессивов, восходящим к локативным показателям, они, по-видимому, сразу дают такое ограничение, не проходя стадию дуративности.

Во французском языке таковы свойства конструкции *être en train de* 'быть в процессе делания чего-л.' [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 539]. Несмотря на то, что «во французском прогрессиве легко восстановить локативное значение» [Bertinetto 2000: 577]⁹¹, по всей видимости, эта конструкция никогда не имела значения «деятельности в определённом

⁹¹От себя заметим, что и значение движения тоже: *train* вообще значит всё, что движется в соединении друг с другом, и этот семантический элемент может опознаваться, так как, например, нельзя сказать **Le train est en train de partir* 'Поезд отправляется' [Bertinetto 2000: 595]. *Train* 'поезд' и элемент аналитической конструкции в чём-то ещё ощущаются как «одно и то же слово».

положении» или «дуративного прогрессива»: вплоть до начала XIX в. имела значение ‘намерения’, ‘расположения’ делать что-л. [Gougenheim 1929], а затем уже сразу засвидетельствована в «сфокусированных» употреблениях. В то же время в отношении синонимии с ней вступала ныне вышедшая из употребления конструкция с глаголом движения *aller* + герундий, представлявшая собой типичный для глаголов движения «дуративный прогрессив» [Bertinetto 2000: 581], приобретший к концу своей истории сочетаемость с предельными глаголами и «градативную» семантику:

Et elle alla, dans son coeur, montant toujours et s'en détachant, a la manière magnifique d'une apothéose qui s'envole (Флобер, «Госпожа Бовари»; глагольная форма без контекста приведена в [Bertinetto 2000: *ibid.*]).

‘В его представлении она всё больше и больше отрывалась от земли и, точно в апофеозе, с божественной лёгкостью уносились в вышину’ (перевод Н. Любимова).

Очень характерна здесь сочетаемость с аористом (*alla*), указывающая на дуративную семантику прогрессива, и особенно привнесённое русским переводчиком градативное обстоятельство *всё больше и больше*, которое у Флобера эксплицитно не выражено.

Конструкция прогрессива, полностью аналогичная французской *être en train de* — *eitre en tren de* — отмечена в лимузенском варианте окситанского языка ([Dahl 1985: 170]): здесь она конкурирует с гораздо более редкой синонимичной конструкцией *eitre a* + инфинитив (по происхождению эта последняя соответствует германским конструкциям типа *sein am* + инфинитив букв. ‘быть к/у’).

В германских языках «маргинальные конструкции» со значением ‘быть занятым’ (нид. *is bezig te*, нем. *ist dabei zu*, дат. *i gang med*) приближаются к предложным конструкциям в этих же языках: «это эксплицитные средства указания на то, что некоторое лицо находится в процессе делания чего-л.»; они сочетаются только с агентивными глаголами [Ebert 2000: 615]; к ним близка также грамматикализирующаяся (хотя показателем прогрессива не являющаяся) частица со значением ‘уже’, ‘прямо сейчас’ (нем. *gerade*, швед. *just*); она невозможна с длительными ситуациями и употребляется почти исключительно

в контекстах одновременности с некоторой точечной ситуацией [ibid.: 632]. Похоже устроен (формально и семантически) прогрессив в албанском, образующийся при помощи нелокативной эмфатической частицы *po* и строго ограниченный «сфокусированными» контекстами [Bertinetto, Ebert, de Groot, 2000: 524, 532, 551]; здесь он вступает в синонимию с конструкцией 'быть' + герундий [ibid.: 551], детали семантики которой не ясны, но (см. следующий раздел) от подобного формального устройства ожидаются дуративные употребления.

Акционально обусловленное распределение двух конструкций локативного и «деятельностного» происхождения имеется в языке мапудунгу (мапуче) в Чили и Аргентине [Zúñiga 2001]. Здесь в качестве суффиксов прогрессива грамматикализовались глаголы *meke-* 'заниматься к.-л. деятельностью' и *mule-* 'быть (временно), находиться (где-л.)', семантически тождественный испанскому *estar*. Оказывается, что *meke-* имеет «собственно прогрессивное» употребление и относится к ситуациям, не ограниченным во времени (возможно, это «сфокусированный прогрессив», не допускающий обстоятельств ограничения ситуации), в то время как локативный прогрессив - *(ku)le*, основанный на алломорфе глагола *mule-*, с предельными глаголами имеет результативную, а не прогрессивную семантику (что в точности соответствует уже упоминавшимся данным тюркских языков в [Недялков В., Недялков И. 1987] или особенно [Шлуинский 2003], где сопоставляются две конструкции; см. выше), т. е. не вполне еще порвал характерную для прогрессивов локативного происхождения связь с семантикой состояния (в том числе и результативного). И здесь локативный прогрессив отражает более ранний этап семантической эволюции, совмещённый с другими значениями, а форма, основанная на глаголе деятельности, представляет собой специализованный прогрессив.

Наконец, сосуществование этих двух диахронических источников прогрессива засвидетельствовано в диалекте бамана Сегу (манде, Мали), где с этой формой от глагола 'делать' (*ké*) сосуществуют ещё пять (!) прогрессивов локативного происхождения (один из которых эволюционировал в сторону общего имперфектива и будущего) [Tröbs 2004: 146].

Во всех рассматриваемых системах форма, произошедшая из источников «сфокусированного» прогрессива, сосуществует с «дуративным» прогрессивом

или с формой более широкой семантики; для неё характерны резкие акциональные ограничения.

4.8. Синонимия с участием связки нелокативного происхождения

Вопрос о том, может ли в образовании прогрессива принимать участие бытийная связка, не восходящая к глаголу 'стоять' (и без иных локативных, предложных или падежных, показателей), сложен. Б. Хайне [Heine 1990] считает примером прогрессива отождествительного типа 'X есть Y' романский прогрессив с *stare*; Дж. Байби отводит этот пример ввиду очевидного происхождения этой связки от глагола положения 'стоять', а английскую конструкцию прогрессива со связкой от глагола *be* 'быть' возводит к локативной конструкции *be at/on V-ing* или *be a-V-ing*, утратившей предлог (см. выше). Тем не менее конструкции с глаголом 'быть', не восходящим к глаголу положения (*esse*, от индоевропейского глагола с тем же значением), засвидетельствованы в поздней латыни и представлены в ряде романских языков [Bertinetto 1986, 2000: 562 ff.], причём и там, и там они вступают в конкуренцию с упомянутым прогрессивом, образующимся при помощи глагола *stare*.

В поздней латыни представлены конструкции с семантикой прогрессива, где в роли вспомогательных глаголов выступают как *esse*, так и *stare*, а в роли нефинитной формы глагола — как причастие настоящего времени, так и герундив в форме аблатива:

Gemens et tremens eris (Vetus Latina — совокупность латинских переводов Библии, появившихся до принятия Вульгаты блаж. Иеронима как стандартного текста, — Быт. 4: 12)

'Ты будешь стенать и дрожать' (синодальный перевод и Вульгата дают иное чтение: «Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле», *vagus et profugus eris super terram*)

Stetit dux diu cunctando (Vetus Latina)

'Вождь долго медлил (колебался)' (букв. «Стоял вождь долго медля»)

Конструкция со *stare*, как можно судить по примерам, сохраняла ещё в поздней латыни изначальное значение глагола положения (в одном из приводимых Бертинетто [2000: 562] примеров — *stabant etiam principes sacerdotum et scribae constanter accusantes Eum*, Вульгата, Лк. 23: 10 ‘Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его’ — можно, вообще говоря, усматривать не прогрессив, а именно смысл полнозначного глагола, коль скоро глагол εἰστήκεισαν ‘стояли’ (плюсquamперфект в результаивном значении) наличествует и в греческом оригинале Евангелия; не исключена и аспектуальная переинтерпретация этого глагола при переводе.

Архаичный прогрессив латинского типа (*essere* ‘быть’ + герундий) сохранился в сардинском языке [Loi Corvetto 1982]; здесь он сосуществует с локативным прогрессивом от глагола положения (*istare* ‘стоять’). «Две сардинские конструкции отражают различные этапы грамматикализации, ибо только вторая из них сочетается с состояниями» [Bertinetto 2000: 595]. Кроме того, *essere*-прогрессив выступает и в хабитуальных контекстах, что усиливает его семантическую нетипичность и приближает к имперфективу:

esti kreendi de essi no sciu kini

‘Он (она) считает себя невесть кем’

su mesi passau fiara proendi d’ognia dominigo

‘В прошлом месяце лил (≈ «поливал») дождь каждое воскресенье’

Прогрессив с *istare*, подобно соответствующей конструкции в иберо-романских языках, имеет свойства «дуративного» прогрессива и сочетается с показателем перфекта (как в английском):

so istatu travallande

‘Я работаю (с какого-то времени), я поработал’

В галисийском языке также существуют параллельные конструкции *estar a* + герундий и *ser a* + инфинитив [ibid.: 577], но обе они носят маргинальный характер по сравнению с преобладающей формой *estar* + герундий; обе они употребительны и в «сфокусированной», и в «дуративной» функциях. Впрочем,

конструкция, в которой участвует бытийный глагол *ser*, содержит в себе и локативный элемент (предлог *a*), так что эти конструкции не являются вполне структурно тождественными латинской и сардинской конструкциям с нелокативной связкой.

В калмыцком языке в качестве вспомогательного глагола при прогрессиве выступает, как уже упоминалось (п. 4.5) и *bää*- 'быть', и *joṽ*- 'идти', но последний употребляется только с глаголами движения (см. там же), а конструкция с первым практически вытеснена синтетической конструкцией на *-jǎ*, по происхождению предположительно стяжённым вариантом аналитической [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000: 543—544]. Вспомогательные глаголы 'сидеть' и 'лежать', употребляемые как показатели прогрессива при полнозначных глаголах с соответствующей семантикой (*umš-j̄ suuna* букв. 'читая сидит', *unt-j̄ kevtna* букв. 'спя лежит') «исключительно редки» [ibid.: 544].

Аналогичный тип синонимии вспомогательных глаголов при прогрессиве (в конструкции используется «один из ряда экзистенциальных глаголов или глаголов положения, действующий как вспомогательный» [Davies 1998: 177]) имеется в языке чоктав (мускогская семья). Автор статьи утверждает также, что в качестве показателя прогрессива грамматикализуется и наиболее общий глагол движения (*āua-h*, собственно, 'двигаться'), однако цитируемый им пример 'Собака движется, кусая кролика' сюда не относится; идея движения никак не подразумевается семантикой глагола.

Данный тип синонимии прогрессивов является, по-видимому, достаточно редким и информации о нём недостаточно для основательных выводов. Кроме того, необходимы подробные сведения о происхождении и семантике бытийного глагола в соответствующем языке: без этого сложно отграничить указанный тип от рассмотренного в пп. 4.4—6 (куда мы относим связки, грамматикализующиеся из глаголов положения).

4.9. Выводы

Синонимия показателей прогрессива — явление, наличествующее, как видно из рассмотренных в данной главе примеров, в языках всех пяти континентов. Можно выделить следующие характерные черты этого феномена:

- распределение синонимичных конструкций в значительной степени связано как с семантикой глагольной лексемы (это касается случаев с несколькими глаголами движения и положения), так и прежде всего аспектуального класса (акциональности) глагола;
- при сосуществовании нескольких конструкций имеется тенденция к противопоставлению «сфокусированного» и «дуративного» употреблений прогрессива по [Bertinetto, Ebert, de Groot 2000]; обычно оно носит квазисинонимичный характер (то есть «дуративная» форма имеет также и «сфокусированные» употребления);
- в ряде случаев, в основном при грамматикализации альтернативных локативных конструкций, отмечена квазисинонимия, связанная с дополнительными значениями прогрессива (проспективным, абсентивным);
- синонимия, вовлекающая формы прогрессива, которые образуются при помощи грамматикализовавшихся глаголов движения, ярко высвечивает собственную семантику данных конструкций (градативную, проспективную, ретроспективную), которая впоследствии обобщается до прогрессива;
- сосуществование нескольких форм прогрессива, отражающих различную степень грамматикализации, достаточно рано перерастает в оппозицию «прогрессив vs. обобщённый имперфектив/хабитуалис»;
- сосуществование параллельно грамматикализирующихся форм прогрессива в значительном количестве языков переходит (без какой-либо специализации либо с оставлением одной формы на стадии прогрессива) на более поздние стадии — имперфектива, хабитуалиса и даже показателя настоящего времени.

Кратко упомянем также другие факты синонимии в семантической зоне, диахронически связанной с прогрессивом. Здесь засвидетельствовано явление, аналогичное сосуществованию старого и нового претерита — а именно синонимичные *старый* и *новый* имперфектив (феномен «новой формы без нового значения», т. е. полная синонимия двух форм, в баскском, канури и древнеанглийском анализируется в [Bybee et al. 1994: 149—150]; имперфект и прогрессив сильно семантически сближены и в современном испанском, см. выше, 4.5). Особый случай синонимии имперфектов (с дополнительным элементом *-ть* и без него, вида *любяше* — *любяшетъ*) в книжном древнерусском давно привлекает внимание славистов; недавно он проанализирован А. Тимберлейком [Тимберлейк 1997], [Timberlake 1999], выявившим в распределении этих форм ряд параметров в основном синтаксического характера; автор апеллирует к понятию «наслаивания» (*linguistic layering*) в глагольной системе.

Сосуществование нескольких показателей настоящего времени, представляющих собой результат диахронического наслаивания, встречается, по-видимому, несколько реже (Байби и соавторы разбирают три таких языка: тигре, альяварра и ягария, [Bybee et al.: 160—166]; всюду одно из настоящих времен обнаруживает «родимые пятна» семантики прогрессива). В этой же работе отмечены синонимичные хабитуалисы в эскимосском (инуит) и языке слейв, а также синонимичные итеративы («повторяемость действия»; эскимосский, карок, ягария). Целый ряд синонимичных форм, выражающих хабитуальную семантику и будущее время (о совмещении этих значений уже говорилось, см. 4.2), имеется в агульском языке [Майсак, Мерданова 2003]; две общефактические агульские формы анализируются в [Вострикова 2005]. Таким образом, феномен синонимии форм представлен на всех этапах данного пути грамматикализации, как и в случае пути «результатив — перфект — претерит».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Заключении мы кратко изложим результаты, достигнутые в каждой из четырёх глав нашей диссертации, а затем предложим некоторые обобщения и объяснения наблюдаемых фактов.

В **Главе первой**, введя определение того, что понимается под синонимией (и квазисинонимией) глагольных показателей (1.1), мы рассмотрели (1.2.—1.4.) подходы к этой проблематике в лингвистике XX — начала XXI века (с некоторым заходом даже и в конец XIX). Показано (1.2), что господствовавший в лингвистике большую часть XX столетия структурализм имел понятийный аппарат для описания этой проблемы (в частности, именно в рамках пражского структурализма ставится вопрос об «асимметричном дуализме» грамматических показателей), однако зачастую данная проблематика просто «скрадывалась» перед лицом идеализированной системы, где все знаки так или иначе противопоставлены друг другу и о синонимии и вариативности можно говорить лишь как о маргинальном феномене. Такой подход к проблеме синонимии (во всяком случае, на уровне морфологии) унаследован во многом и генеративизмом (как классическим американским, 1.2.4, так и советским его «изводом» в виде теории Мельчука, 1.2.3.). Более тонкий и более адекватный подход к грамматической синонимии вырабатывается в лингвистике, не принадлежащей к магистральной линии структурализма (например, в работах Эмиля Бенвениста и в некоторых трудах отечественных авторов 1960-х—1980-х гг., о последних раздел 1.3.); вполне же эта проблематика начинает раскрываться в работах по грамматической типологии, опирающихся на теорию грамматикализации (1.4.). Во всех этих работах накоплен ряд общетеоретических суждений об интересующем нас явлении (1.5). В качестве основной рабочей гипотезы нами сформулированы следующие положения: во-первых, синхронный характер и диахроническая судьба синонимических пар зависит от их морфологического устройства; во-вторых, что для различных базовых элементов парадигмы (понятие, которое вводится и обсуждается в следующем разделе, 1.6.) характер и степень выраженности синхронной синонимии различны.

В Главе первой выделены также основные теоретические принципы изучения синонимичных глагольных форм (1.7): требование высокого качества источников лингвистической информации (1.7.1), учёт социолингвистического и диалектного варьирования (1.7.2), учёт дискурсивного употребления глагольных форм и прагматики — тех «тонкостей», не зависящих прямо от представленной ситуации, которые зачастую играют большую роль в синхронном соотношении грамматических синонимов (1.7.3). Мы особо разбираем проблему типологической выборки (1.7.4) и подчёркиваем, что в силу ряда объективных обстоятельств исследуемого явления априорное формирование типологической выборки языков представляется нерациональным; типология строится на основании тех языков, в которых исследуемое явление не только вообще отмечено, но и описано достаточно хорошо, причём исследование грамматической синонимии схожих форм в генетически родственных и ареально близких языках также вполне информативно.

В последующих трёх главах разбираются типы синонимии, свойственные для различных элементов глагольной парадигмы; каждый раз обсуждению данной проблематики предшествует изложение данных по семантике, лексическим источникам, диахронической судьбе и формальному устройству соответствующих показателей, задающее «пространство возможностей» для синхронного многообразия форм в системе и установления синонимических отношений между ними.

В Главе второй проанализирована синонимия, возникающая на различных этапах хорошо известного пути грамматикализации «результатив — перфект — аорист/претерит», анализ которого начинается даже несколько раньше (2.2.2), с рассмотрения синонимии наиболее частотного лексического источника результатива — посессивной конструкции. В 2.2.3 анализируются различные формальные типы синонимии **результативов**. Показано (2.2.4), что синонимия результативов обычно близка к полной, а наиболее характерной чертой систем с несколькими конструкциями является противопоставление между диатезными типами результатива, исследованное, в частности, в [Недялков (ред.) 1983]. Указанный тип синонимичных конструкций переходит и на следующую диахроническую стадию — **перфект**. Здесь нами выявлена следующая закономерность: с ходом диахронической эволюции перфект либо

ликвидирует различные диатезные конструкции (выбор которых уже во многом обусловлен лексической семантикой и аспектуальным классом предиката) и образует единую форму (2.3.4.), либо утрачивается в глагольной системе (вообще либо превращаясь в аорист/претерит, 2.3.3.). Существенно, что этот феномен, хотя и выявляется наиболее ярко на материале европейского материала языков, находит параллель в истории ряда языков за пределами этого ареала и носит типологический характер. Другим возможным путём развития синонимичных перфектов является специализация каждой из форм на одном из значений (экспериментальном, результативном, текущей релевантности): такой путь рассмотрен в разделе 2.3.5. В 2.3.6. анализируются синонимичные перфекты и результативы со связкой и без связки, обнаруживающие диахроническую тенденцию к формированию различных, связанных с эвиденциальностью; таким образом, такой тип синонимии перфектов также нестабилен. В 2.3.7 предложена попытка объяснения «плохой совместимости» перфекта с синонимией, которая связывает этот феномен с диахронической неустойчивостью и с прагматической спецификой перфекта как глагольного значения. Синонимия показателей на диахронической стадии «перфективного» и «простого» прошедшего, или, что то же, «аориста» и «претерита», разбирается в пункте 2.4. Рассмотрены соотношения между старым претеритом и бывшим перфектом, связанные, как правило, с прагматическими и дискурсивными, и реже — с полисемией в собственном смысле слова (2.4.1). Особо выделен феномен «обратного» распределения претерита и перфекта по признаку временной дистанции, засвидетельствованный в двух генетически не связанных языках (2.4.2); к осмыслению этого явления мы вернёмся в обобщающей части Заключения. Рассматривается практически не изучавшаяся проблема соотношения формально «длинной» и формально «краткой/неспрягаемой» формы претерита (2.4.3), стоящая в связи с проблематикой употребления нефинитных форм в предикативной функции [Калинина 2001]; в этом разделе значительное место уделено типологическому анализу самой малоизвестной и загадочной древнерусской глагольной формы — «безэлевого перфекта», объединяющего формальные и семантические признаки и перфекта, и аориста, и причастия.

Глава третья отдельно анализирует **плюсквамперфект** — тип грамматического показателя с нетривиальной полисемией и с широким

пространством возможностей для образования альтернативных конструкций, что делает синонимию плюсквамперфектов явлением, очень широко представленным в языках мира. Здесь отдельно рассматриваются синонимические пары, связанные с морфологическим и семантическим переносом в план прошедшего показателей, отражающих различные этапы рассмотренного в предыдущей главе этапа «результатив—перфект—претерит» (3.3). Выделены два основных диахронических пути развития такого рода систем (3.3.2.—3.3.3.), каждый из которых представлен в ряде генетически и ареально неродственных языков. Раздел 3.4. рассматривает так называемые «сверхсложные формы», лучше всего изученные в европейских языках (впрочем, последнее слово ещё не сказано, на наш взгляд, и о европейских формах), но представленные также и в ряде других языков Евразии и только в последнее время привлекающие внимание типологов. При анализе этих форм привлекается понятие «ретроспективного сдвига» [Плунгян 2001] как морфологической техники переноса форм в план прошедшего и добавления специфической семантики «неактуального прошедшего», характерной для плюсквамперфекта. Оказывается, что именно такая семантика со временем становится существенной чертой сверхсложных форм в языках Европы, отличая их от «регулярного» плюсквамперфекта. Мы рассматриваем также (3.4.4) сверхсложные формы, приобретающие (в языках Азии и Балкан) эвиденциальную семантику; мы показываем, что нет оснований считать их возникшими для заполнения «эвиденциальной лакуны» в системе, но скорее изначально возникшими как плюсквамперфект. В разделе 3.5. мы рассматриваем плюсквамперфекты, образованные при помощи различных видовых форм вспомогательного глагола; это не очень частая ситуация, представленная только в языках Европы, однако определённые типологические закономерности можно выявить и здесь; основная из них — та, что в роли «прототипического» плюсквамперфекта, развивающего характерные для него дополнительные значения и дольше сохраняющегося в системе, выступает плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола; форма же с аористом вспомогательного глагола приобретает более или менее маргинальный характер. Здесь же мы выдвигаем и обосновываем гипотезу о плюсквамперфектном происхождении славянского условного наклонения (такого, как *читал бы* < *читаль быхъ*), которая связана в том числе и с

проблематикой синхронного сосуществования нескольких плюсквамперфектов в системе. Раздел 3.6. посвящён подробному типологически ориентированному анализу конкретного случая (case study) — сближения и конвергенции первоначально противопоставленных по признаку наклонения плюсквамперфектов в латинском языке (и форм-преемниц в романских языках). Наконец, раздел 3.7. носит характер экскурса: в нём рассматриваются не синонимичные глагольные формы с одинаковым базовым значением, а характер соотношения перфекта в плюсквамперфектной функции и собственно плюсквамперфекта в генетически и ареально разобщённых языках.

Глава четвёртая обсуждает синонимию форм **прогрессива** (актуально-длительного вида) в языках мира. В разделах этой главы (4.4.—4.8) привлекаются различные типы пар конструкций, грамматикализирующихся как показатели прогрессива. Показано, что для параллельно грамматикализирующихся показателей прогрессива характерно сохранение синонимии показателей и на следующих диахронических стадиях — имперфектива и хабитуалиса; вместе с тем некоторые типы показателей этого значения «охотнее» расширяют свою семантику в сторону имперфектива. В качестве критериев, разграничивающих синонимичные формы прогрессива в языках мира, привлекается проведённое в [Bertinetto 2000] различие между «дуративным» и «сфокусированным» прогрессивами, а также различия в сочетаемости с различными аспектуальными и семантическими классами глаголов; в этом смысле синонимия прогрессивов близка к синонимии результатов.

Типологические обобщения относительно семантики и внутренней структуры форм, вступающих в отношение грамматической синонимии в языках мира, а также диахронической судьбы таких пар, насколько нам известно, ранее высказывались достаточно редко и на небольшом типологическом материале. Сведения, приведенные в [Bybee et al. 1994] и [Dahl 1985], впрочем, уже достаточны для формулировки некоторых обобщений такого рода; собранный же нами дополнительный материал по ряду типов грамматических показателей (особенно это касается перфекта и плюсквамперфекта) позволяет их сделать более эксплицитными, а в ряде случаев и существенно уточнить.

Семантические и морфологические свойства глагольных форм, вступающих в отношение синонимии, обнаруживают известную корреляцию со свойствами, выявленными, например, в [Bybee, Dahl 1989] и [Bybee et al. 1994] для недавно грамматикализовавшихся, или «молодых», глагольных форм. С формально-синтагматической точки зрения, как правило, по крайней мере одна из форм, вступающих в отношение синонимии, чаще всего является аналитической. Действительно, грамматическая синонимия представлена среди форм, которые в языках мира вообще чаще всего выражаются при помощи аналитических конструкций — а именно результативов, плюсквамперфектов и прогрессивов; к формам будущего времени (не разбираемым в настоящей работе) это, насколько можно судить, тоже относится; отмеченные в языках мира синонимичные пары футурумов включают в себя аналитические формы. Чаще попадают в синонимические отношения формы с ясным, легко опознаваемым лексическим источником грамматикализации.

Почему наблюдается корреляция между диахронической «молодостью» типа грамматических показателей и способностью к синонимии? Считать, что в этих фактах сказывается «прорыв» менее системной лексической семантики в область более системной семантики грамматической, было бы, конечно же, напрашивающимся и самым простым объяснением этих данных. Возможно, в общем виде этот вывод и верен, хотя представляется несомненным упрощением реальной картины. Известно, что грамматикализация вообще сопровождается обобщением, «выветриванием» лексических значений. Да и семантика полнозначных слов, являющихся источником различных «наслаивающихся» путей грамматикализации, далека от изначальной синонимии.

Как представляется, обсуждаемый эффект связан, в частности, с действием общеязыкового требования дифференциации (требования «изоморфизма языка и модели мира»; см. также выше), которое начинает действовать на более позднем этапе существования синонимичных форм. Это и обуславливает наблюдаемое распределение семантически «старых» перфектов или имперфективов — практически все они развивают свойственные только данным формам те или иные дополнительные употребления, условия сочетаемости (в частности, с различными таксономическими классами глаголов) и т. п. Дальнейшие направления грамматикализации таких форм, как правило, бывают различными и зависят от того, какие именно дополнительные

употребления развила каждая из них, таким образом, имеет место диахроническая «вилка» (например, два «старых» перфекта эволюционируют один в направлении простого прошедшего, другой в направлении показателя эвиденциальности). В результате сильно продвинувшиеся по пути грамматикализации глагольные категории, такие в пределах языковой системы имеют тенденцию к уникальности (например, перфект по сравнению с результативом, эвиденциальная форма по сравнению с перфектом, форма «неактуального прошедшего» по сравнению с плюсквамперфектом).

Такое соответствие, в общем, ожидаемо, исходя из теории грамматикализации: это «специализация» в терминах М. Бреалья, рассматриваемая как фактор грамматикализации в [Horper, Traugott 1993] (см. Главу первую, 1.4.1) или «сужение ниши» по [Dahl 2004] (см. там же, 1.4.3.).

Наряду с этой тенденцией, однако, отмечается и другая, которая на первый взгляд может показаться прямо противоположной, — в действительности же она ей не противоречит и дополняет её.

Так, перфект — форма, сильнее грамматикализованная, чем результатив, и слабее, чем претерит, однако материал Главы второй показывает, что синонимия перфектов, связанная с различными диатезными типами результатива — и восходящая к результативам, — при сохранении у этих форм именно перфектной семантики исчезает (две формы унифицируются), зато стабильно переходит на следующий этап — претерит, если перфектная семантика у этой формы относительно недолговечна. В Главе четвёртой отмечено (4.4.1), что в двух языках — татарском и нидерландском — как показатель прогрессива специализируется один глагол положения ('сидеть' в нидерландском и 'стоять' в татарском), в то время как остальные глаголы положения приобретают дуративную, имперфективную, хабитуальную интерпретацию — при том, что прогрессив является диахроническим предшественником всех этих значений. Как объяснить эти аналогичные явления, обнаруживающиеся на различных путях грамматикализации?

Выше мы связали эти свойства перфекта (Глава вторая, 2.3.7, 2.5), с диахронической «неустойчивостью» этой формы, отмеченной, в частности, в [Lindstedt 2000]. Форма, которая во многих языках долго сохраняет значительную часть семантики результатива и/или быстро переходит в

претерит, в тех случаях, когда она всё же остаётся длительное время в глагольной системе в оппозиции с претеритом (а часто, как мы видели, и с результатом) проявляет тенденцию к системной унификации, к однозначному соответствию между семантикой и формой; подобная «кристаллизация» показателя (не обязательно по признаку соотношения между планом выражения и планом содержания, но и по целому ряду других параметров) названа в [Dahl 2004] «созреванием», *maturation*. Схожее объяснение можно предложить и для прогрессива. Это диахронически молодая форма, моложе, чем перфект; с прогрессива данный путь грамматикализации начинается. Поэтому для него, как и для результата, очень характерна грамматическая синонимия. Вместе с тем он также рано и часто развивает употребление следующего этапа грамматикализации, например, имперфективные и хабитуальные, так что отграничить его от имперфективных форм с другим значением не всегда возможно; поэтому сосуществование в системе нескольких синонимичных форм, переходящих на следующую стадию, и одной, остановившейся и законсервировавшейся на предыдущей как специфический показатель именно и только прогрессива, не удивительно.

Может возникнуть вопрос: не зависят ли наблюдаемая «неустойчивость» грамматических показателей, с одной стороны, и диагностируемая нами грамматическая (квази)синонимия, с другой стороны, от произвольно предписанных типологических «ярлыков» — иными словами, не возникает ли здесь логического круга? Действительно, границы между приобретением полисемичной формой новых значений и переходом её на новый этап грамматикализации, проведены так, что перфект, употребляющийся в нарративных контекстах (но сохраняющий перфектные) — это «уже не перфект», а в экспериенциальных — «ещё перфект», и «синонимии перфекта» принадлежит только вторая форма, а не первая; между тем, на первый взгляд, ничто не мешает провести здесь границы иначе. Если бы, допустим, перфект, употребительный в контекстах точного времени, не считался уже перфектом, а иной формой, то и полисемия, и синонимия распределились бы тут по-другому; так же было бы, если отделить результатив от статива (ср. 2.1.1), или «таксисный» плюсквамперфект «европейского типа» (может быть, даже только

«английского») — от не столь жёстко связанного с временной последовательностью событий плюсквамперфекта в других языках и т. п.

Но именно здесь — в том, что касается приписывания показателям с определённым множеством значений межъязыковых грамматических типов, таких, как «результатив», «перфект», «претерит» и т. п. — в дело вступает уже типология не глагольных значений, а глагольных систем, того, какие значения (которые, в принципе, можно делить сколь угодно дробно; значения суть классы, выделяемые из континуума грамматически правильных употреблений, об этом см., например, во введении к [Dahl 1985]) в языках мира преимущественно выражаются одним показателем и в какие системы входят. Собственно, именно через такой подход определяются границы между грамматическими показателями и в указанной работе Даля, и в других выполненных в рамках этого подхода исследованиях. С этой точки зрения различие между «перфектом» и «результативом» или «прогрессивом» и «хабитуалисом» действительно системно существенно, а между прогрессивами, демонстрирующими различные акциональные ограничения (см. Главу четвёртую) или перфектом «расширенного настоящего» и «свежих новостей» (см. 2.2.1) — нет.

Характер семантических отношений между синонимами — недавно грамматикализовавшимися показателями (результатив и прогрессив), что естественно и ожидаемо, достаточно тесно связан с лексической семантикой. Сюда особенно интенсивно проникают различия между несколькими формами, отражающие акциональную специфику, определённый семантический (не аспектуальный) тип предиката, семантико-синтаксические особенности (последнее относится к результативу); на последующих этапах грамматикализации такие различия нередко сохраняются, но отступают на второй план по сравнению с собственно видо-временными различиями.

Постоянный ресурс для семантических различий между квазисинонимичными формами — а в дальнейшем и для их дифференциации и ликвидации квазисинонимии — это типологически устойчивая полисемия глагольных показателей. Показатели, для которых характерна полисемия (перфект, плюсквамперфект, в меньшей степени прогрессив), вступая в синонимические отношения, нередко (хотя и не всегда) специализируются на

одном из этих значений: ярким примером может служить намечающееся семантическое «растроение» перфекта, следующее за формальным (исландский и македонский, 2.3.5), формы с разнообразной семантикой («неактуального прошедшего», антитезуальтивной, модальной, эвиденциальной), восходящие к одному из плюсквамперфектов (Глава третья).

Системное противопоставление часто «высвечивает» составляющие семантики синонимичных показателей, связанные с их диахроническими (в том числе лексическими) источниками. Так, синонимичные прогрессивы, образованные при помощи различных глаголов движения и положения, сочетаются в некоторых системах преимущественно с глаголами, означающими деятельность, совместимую с таким типом позиции или движения (4.4.1). Пример на влияние нелексического источника: плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола в романских языках обнаруживает связь с семантикой аориста в этих же языках (3.5.1).

С другой стороны, период полной синонимии показателей может стать причиной для «забвения» ими внутренней формы и дифференциации по иным параметрам, чем можно было бы предсказать, исходя из их истории. Особый интерес представляет случай, когда формы, пройдя период синонимии, меняются функциями. Такая ситуация встречается, по всей вероятности, гораздо реже, чем сохранение «памяти» формы, но отмечена, например, дважды в румынском языке: плюсквамперфект, восходящий к одной из синонимичных позднелатинских форм, в литературном языке меняет принадлежность к наклонению (3.6.3), а в диалектах претерит, восходящий к аналитическому перфекту, становится давнопрошедшим — в противоположность старому перфекту (2.4.2). Аналогичная ситуация с последней парой форм отмечена в карачаево-балкарском (там же). Картина, близкая к аспектуальной «рокировке» двух плюсквамперфектов, различавшихся по признаку «‘результативность’/‘нерезультативность’», представлена в некоторых романских языках (3.5.1).

Исследование синонимии видо-временных показателей, относящихся к базовым формам глагольной парадигмы, является важным дополнением к типологии глагольных категорий. Скорее всего, привлечение большего

типологического материала и более детальные исследования отдельных показателей смогут значительно уточнить и дополнить выводы нашего исследования (как общие, так и касающиеся отдельных грамматических значений), но уже сейчас ясно, что грамматическую синонимию нельзя целиком относить к «беспорядку» в системе (по [Dahl 2004]), и считать, что она «не коррелирует со степенью грамматикализации и, вероятно, не коррелирует вообще ни с чем, поскольку в принципе несистемна» [Lehmann 1982/1995: 123]. Напротив, для синонимии глагольных категорий характерен целый ряд закономерностей, знание которых представляется достаточно важным — как с теоретической, так и с практической точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиев, У. Б., 1982. Наклонение и время глагола карачаево-балкарского языка // *Вопросы категории времени и наклонения глагола в тюркских языках*. Баку: ЭЛМ, 96—116.
- Алпатов, В. М., 1991. К вопросу о типологии оформления морфемных стыков // *Морфема и проблемы типологии*. М., «Наука», Ин-т востоковедения АН СССР, 136—176.
- Апресян, Ю. Д. 1974/1995. *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. М.: ЯРК (2-е изд.)
- Апресян, Ю. Д. 1995. Трактровка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // *Избранные труды, т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография*, М.: ЯРК, 102—113.
- Арутюнова, Н. Д., Кубрякова, Е. С. 1961. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов // Гухман М. М. (ред.). *Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике*. М.: АН СССР, 191—238.
- Бенвенист, Э. 1952. Пассивное оформление перфекта переходного глагола // Э. Бенвенист, *Общая лингвистика* / пер. с франц., М.: Прогресс, 1974, 192—202.
- Бенвенист, Э. 1959. Отношения времени во французском глаголе // Э. Бенвенист, *Общая лингвистика* / пер. с франц., М.: Прогресс, 1974, 270—284.
- Бенвенист, Э. 1960. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Э. Бенвенист, *Общая лингвистика* / пер. с франц., М.: Прогресс, 1974, 203—224.
- Берков, В. П. Результатив, пассив и перфект в норвежском языке // Недялков (ред.), 197—204.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. 1871. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. // Бодуэн де Куртенэ, И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*, М.: АН СССР, 1963, 47—77.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. 1886. Из патологии и эмбриологии языка. // Бодуэн де Куртенэ, И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*, М.: АН СССР, 1963, 142—145.
- Бубрих, Д. В. 1949. *Грамматика современного коми языка*. Л.
- Вайан, А. 1952. *Руководство по старославянскому языку* / Пер. с франц. В. В. Бородич. М.

- Вайс, Д. 2003. Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // *Русский язык в научном освещении*, № 2 (6), 37—59.
- Вайсс, Д. 2004. Евразийский облик посессора в современном русском языке // А.П. Володин (ред.) *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского*. М.: Знак, 99—118.
- Вахтин, Н. Б. 1983. Результатив в эскимосском языке. // Недялков (ред.), 96—101.
- Вахтин, Н. Б. 2004. Языковой сдвиг и изменение языка: догонит ли Ахиллес черепаху? // А.П. Володин (ред.) *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского*. М.: Знак, 119—130.
- Вольф, Е. М. 1988. *История португальского языка*. М.: Высшая школа.
- Вострикова, Н. В. 2005. *Типология средств выражения экспериенциального значения*. Дипломная работа: МГУ.
- Генюшене, Э. Ш., Недялков, В. П. 1983. Результатив, пассив и перфект в литовском языке // Недялков (ред.), 160—166.
- Гловинская, М. Я. 1982. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. М.: Наука.
- Горбачевич, К. С. 1978 *Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка)*. Л.: Наука.
- Городецкий, Б. Ю. 1969. *К проблеме семантической типологии*. М.
- Горшкова, К. В., Хабургаев, Г. А. 1997/1981. *Историческая грамматика русского языка*. М.: МГУ.
- Грамматика... 2000 — *Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля, написанная А. Арно и К. Лансло*. Перевод Н. Ю. Бокадоровой. М.: Прогресс, 2000.
- Грицкат, И., 1954. *О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама*. Београд: САНУ (Посебна издања, књ. XXIII).
- Громова, Н. В., 2005. Переструктуризация аспектно-темпоральной структуры суахили // *Безопасность Африки: внутренние и внешние аспекты. X конференция африканистов. Тезисы*. М.: Институт Африки РАН: 154.
- Гурычева, М. С., Катагощина, Н. А. 1964. *Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Галло-романская подгруппа*. М.: Наука.
- Гухман, М. М. 1964. *Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков*. М.: Наука.

- Джураева, Д. М. 1968. Времена глагола в узбекском языке // *Вопросы категории времени и наклонения глагола в тюркских языках*. Баку: ЭЛМ.
- Дмитриев, Н. К. 1948. *Грамматика башкирского языка*. М.-Л.: АН СССР
- Дмитриев, Н. К. 1960. *Турецкий язык*. М.: Издательство восточной литературы.
- Дугарова Г., Яхонтова Н. С. 1983. Результатив в монгольском языке. // Недялков (ред.), 90—96.
- Дуличенко А. Д. Кашубский язык // *Языки мира. Славянские языки*, М.: Academia, 383—404.
- Егоров, В. Г. 1957. Глагол // *Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть I: Морфология*. Чебоксары: Чувашиздат.
- Жирмунский, В. М. 1963/1976. Об аналитических конструкциях (1963) // Жирмунский В. М. *Общее и германское языкознание*. Л.: Наука, 1976.
- Зализняк, А. А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Зализняк, А. А. 1995. *Древненовгородский диалект*. М.: Языки русской культуры. (2-е изд. 2004).
- Захарьин, Б. А. 1981. *Строй и типология языка кашмири*. М.: МГУ.
- Иванова И. П. 1961 К вопросу о грамматической синонимии (на материале видо-временных форм английского глагола) // *Исследования по английской филологии*, Сб. II. Л.: ЛГУ, 27-36.
- Идиатов, Д. И. 2003. Семантика видо-временных показателей в языке бамана // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). *Основы африканского языкознания. Глагол*. М.: Восточная литература, 259—324.
- Иоаннесян, Ю. А. 1999. *Гератский диалект языка дари современного Афганистана*. М.: Восточная литература.
- Истрина, Е. С. 1923. Синтаксические явления Синодального списка Новгородской летописи // *Известия Отделения русского языка и словесности* 24. 2: 1—72, 26: 207—239. .
- Калинина, Е. Ю. 2001. *Нефинитные сказуемые в независимом предложении*. М.: ИМЛИ РАН.
- Калинина, Е. Ю. 2004. Выражение предикативных категорий и место связки в структуре именного предложения // Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (ред.). *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе*. М.: Знак, 129—144.

- Карцевский, С. И. 1929. Об ассиметричном дуализме языкового знака // С. И. Карцевский. *Из лингвистического наследия, II*. М.: Языки славянской культуры, 2004, 239—245.
- Касевич, В. Б. 1986. *Морфонология*. Л.: ЛГУ.
- Катагощина, Н. А., Вольф Е. М. *Сравнительно-историческая грамматика романских языков. Иберо-романская подгруппа*. М.: Наука.
- Кибрик, А. Е. 1977. *Опыт структурного описания арчинского языка*. М.: МГУ.
- Кибрик, А. Е. 1983. Результатив в арчинском языке // Недялков (ред.), 109-118.
- Кибрик, А. Е. 1992. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. М.: МГУ
- Кибрик, А. Е. 2003. *Константы и переменные языка*. СПб.: Алетейя.
- Князев, Ю. П. 2004. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // *Сокровенные смыслы: слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой*. М.: Языки славянской культуры, 296—304.
- Кобозева, И. М. 2000. *Лингвистическая семантика*. М.: Эдиториал УРСС.
- Коваль, А. И., Нялибули, Б. А. 1997. *Глагол фула в типологическом освещении*. М.: Русские словари.
- Козинцева, Н. А. 1983. Результатив, пассив и перфект в армянском языке // Недялков (ред.), 204—216.
- Козинцева, Н. А. 1998. Плюсquamперфект в армянском языке // *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры, 207-219.
- Кононов, А. Н. 1956. *Грамматика турецкого литературного языка*. М.-Л.: АН СССР.
- Кречмер, А. Г., Невекловский, Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // *Языки мира. Славянские языки*, М.: Academia, 139—198.
- Кронгауз, М. А. 1998. *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. М.: Языки русской культуры.
- Кубрякова, Е. С. 1991. Понятие морфемы в современных лингвистических исследованиях за рубежом // *Морфема и проблемы типологии*. М.: Наука, Ин-т востоковедения АН.
- Кузнецов, П. С. 1959. *Очерки исторической морфологии русского языка*. М.: АН СССР.
- Кузнецова, Ю. Л. 2005. Дистрибутивная конструкция с предлогом *по* в русском языке // Н. Д. Арутюнова (ред.). *Логический анализ языка: квантификативный аспект языка*. М.: Индрик, 616—637.

- Ландер, Ю. А. 2002. Перфект и обстоятельства конкретного времени. // А. Ю. Урманчиева, В. А. Плунгян (ред.), *Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания*, М.: Индрик, 300-312.
- Липеровский, В. П. 1964. *Категория наклонения в современном литературном хинди*. М.: Наука.
- Липеровский, В. П. 1976. Выражение значения результативного состояния в хинди. // *Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики*. М.: Наука, 100—114.
- Липеровский, В. П. 1997. *Очерк грамматики современного авадхи*. М.: Восточная литература.
- Локштанова Л. М. 1996. Парадигматические потенции и вариативность элементов глагольных систем (на материале датского языка) // Семенюк (ред.), 45—56.
- Лухт Л. И., Нарумов Б. П. 2001. Румынский язык // *Языки мира: Романские языки*. М.: Academia, 574—636.
- Майсак Т. А., Мерданова С. Р. 2003. Будущее время в агульском языке в типологической перспективе // *Вопросы языкознания*, №6.
- Майсак, Т. А., Татевосов, С. Г. 2001. Время // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). *Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари*. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 273—292.
- Майсак, Т. А., Татевосов, С. Г. 2001а. Ядерные формы глагольной парадигмы // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари*. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 345—366.
- Майсак, Т. А. 2005. *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. М.: Языки славянской культуры.
- Мартине, А. Структурные вариации в языке (1962) // *Новое в лингвистике*, вып. IV, М.: Прогресс, 450—464.
- Маслов, Ю. С. 1956. *Очерк болгарской грамматики*. М.: Издательство литературы на иностранных языках.
- Маслов, Ю. С. 1961. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // *Исследования по славянскому языкознанию*. М.:АН СССР, 165—195; переиздано в составе: Маслов Ю. С. *Избранные труды*. М.: Языки славянской культуры, 2004, 445—476.
- Маслов, Ю. С. 1978. К основаниям сопоставительной аспектологии // *Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 1. Вопросы сопоставительной аспектологии*. Л: ЛГУ, 53—80; переиздано в

- составе: Маслов Ю. С. *Избранные труды*. М.: Языки славянской культуры, 2004, 305—364.
- Маслов, Ю. С. 1983. Результатив, перфект и глагольный вид // Недялков (ред.), 41—54.
- Маслов, Ю. С. 1984. *Очерки по аспектологии*. Л.: ЛГУ; переиздано в составе: Маслов Ю. С. *Избранные труды*. М.: Языки славянской культуры, 2004, 21—302.
- Маслов, Ю. С. 1990. Перфект // Ярцева В. Н. (ред.) *Лингвистический энциклопедический словарь*, М.: Советская энциклопедия, с. 372.
- Мачавариани, М. В. 1983. Статив, результатив, пассив и перфект в грузинском языке // Недялков (ред.), 133—142.
- Машенко, М. А. 2004. *Сверхсложные формы в письменном и устном модусах немецкого языка*. Дипломная работа: МГУ.
- Мельчук, И. А. 1968. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // *Известия АН, серия литературы и языка*, № 5, с. 426—438.
- Мельчук, И. А. 1997, 1998, 2001. Курс общей морфологии. М.: ЯПК, Wien: WSA [Т. I: 1997, Т. II: 1998, Т. IV: 2001]
- Мельчук, И. А. 1998. Морфа и морфема // Н. А. Козинцева, А. К. Оглоблин (ред.) *Типология. Грамматика. Семантика. К 65-летию В. С. Храковского*. СПб., «Наука», 7—26.
- Мерданова, С. Р., Майсак, Т. А. (рукопись). Агульский язык (серия «Языки народов России»).
- Миллер, Дж. Э. 1998. Типология и варианты языка: английский перфект // Черткова М. Ю. (ред.), *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры, 304—315.
- Миронов, С. А., Зеленецкий, А. Л., Парамонова, Н. Г., Плоткин, В. Я. 2000. *Историческая грамматика нидерландского языка. Книга 1: Фонология, морфология*. М.: Эдиториал УРСС.
- Молошная, Т. Н. 1996. Плюсquamперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка*, М.: Индрик, 564-573.
- Нарумов, Б. П. 2001. Сардинский язык // Челышева, Наумов, Романова (ред.), 160-186
- Насилов, Д. М. 1983. Статив и перфект пассива в узбекском языке // Недялков (ред.), 118—124.

- Насилов, Д. М. 1999. Значение эвиденциальности в узбекском языке // М. Е. Алексеев и др. (ред.) *Res linguistica: сборник статей к 60-летию проф. В. П. Нерознака*. М.: Academia, 358—369.
- Недялков, В. П. (ред.) 1983. Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука.
- Недялков, В. П., 1981. Типология деривации результатов // *Проблемы дериватологии, вып. II*, Пермь, 161—164.
- Недялков, В. П. 1983. Результатив, пассив и перфект в немецком языке // Недялков (ред.), 184—197.
- Недялков, В. П., Инэнликей, П. И., Рахтилин В. Г. Результатив и перфект в чукотском языке // Недялков (ред.), 101—109.
- Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Недялков (ред.), 5—41.
- Недялков, И. В., Недялков, В. П. 1983. Статив, результатив, пассив и перфект в эвенкийском языке. // Недялков (ред.), 124—133.
- Недялков, И. В., Недялков, В. П. 1987. Карачаево-балкарская глагольная форма на *-б/-п тур-а-* со значением настоящего и прошедшего времени (в сравнении с формами на *-б тур-а/тур-иб-* в узбекском языке // *Функционально-семантические аспекты грамматики*. М.: Наука, 13—21.
- Падучева, Е. В. 1996. *Семантические исследования*. М.: Языки русской культуры.
- Панова, Ю. Н. 2001. Формы с глаголом *dâştan*: персидский прогрессив и его особенности // *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории*. М.: Русские словари, 28—49.
- Перельмутер, И. А. 1983. Статив, результатив, пассив и перфект в древнегреческом языке (язык Гомера) // Недялков (ред.), 142-148.
- Петрухин, П. В. 2004. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics* 28: 73—107.
- Петрухин, П. В. 2004а. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 313—329.
- Петрухин, П. В., Сичинава Д. В. 2005. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // *Сборник в честь В. М. Живова* (в печати).

- Петрухина, Е. В. 2000. *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М.: МГУ.
- Пешковский, А. М., 1930. Принципы и приёмы стилистического анализа и оценки художественной прозы // А. М. Пешковский. *Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики*. М.-Л.: ГИЗ, 133—161.
- Плунгян, В. А. 1998. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры, 207—219.
- Плунгян, В. А. 2000. *Общая морфология: введение в проблематику*. М.: Эдиториал УРСС.
- Плунгян, В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата // *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории*. М.: Русские словари, 50-88.
- Плунгян, В. А. 2004. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // А.П. Володин (ред.) *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского*. М.: Знак, 390—411.
- Плунгян, В. А. 2004а. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // *Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 273—291.
- Пожарицкая, С.К. 1991. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves* LXIII/4, 787—799.
- Пожарицкая, С. К. 1996. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991-1993*. М., 268—279.
- Потебня, А. А. 1874/1958. *Из записок по русской грамматике. Т. I—II*. М.: АН СССР.
- Рахилина, Е. В. 1998. Семантика русских «позиционных» предикатов: «стоять», «лежать», «сидеть» и «висеть» // *Вопросы языкознания*, № 6. Дополненная версия: Рахилина, Е. В. *Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари, 2000: 284—310.
- Розенталь, Д. Э. 1968. *Практическая стилистика русского языка*. М.: Высшая школа.
- Рудин, С. Г. 1975. Специализированные глагольные сочетания тамильского языка // *Вопросы языкознания*, №4.

- Рыко, А. И. 2002. Причастия на *ши-* в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона // *Русский язык в научном освещении*, № 2(4), 2002, 171—193.
- Семенюк, Н. Н. (ред.). 1996. *Вариативность в германских языках (функциональные аспекты)*. М.: Ин-т языкознания РАН.
- Серебренников, Б. А. 1960. *Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы*. М.: АН СССР.
- Сикацкая, Н. Ю., 1984. О некоторых прагматических аспектах использования простого и сложного перфекта в авторском тексте (на материале румынского языка) // *Семантико-синтаксическая организация предложения и текста в современном французском языке*. Горький: Гос. пед. ин-т иностранных языков, 84—89
- Сикацкая Н. Ю. 1984а. Давнопрошедшее время в структуре румынского художественного текста // *Функционально-семантические параметры слова и предложения*. Барнаул: АлтГУ, 184—191.
- Сикацкая Н. Ю. 1985. *Прошедшие времена глагола в структуре румынского художественного текста (сложный перфект, простой перфект, давнопрошедшее)*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Л.: ЛГУ.
- Сичинава, Д. В. 2001. Плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали // *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории*. М.: Русские словари, 89-114.
- Сичинава, Д. В. 2002. *Типология глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта*. Дипломная работа: МГУ.
- Сичинава, Д. В. 2003. К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: casus latinus // *Вопросы языкознания*, № 5: 40—52.
- Сичинава, Д. В. 2004. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // *Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 292—312.
- Скаличка, В. 1935. Асимметричный дуализм языковых единиц / Пер. с чеш. // *Пражский лингвистический кружок*, М.: Прогресс, 1967, 119—127.
- Скаличка, В. 1935а. О грамматике венгерского языка / Пер. с нем. // *Пражский лингвистический кружок*, М.: Прогресс, 1967.
- Скрелина, Л. М. 1987. *Грамматическая синонимия: учебное пособие к спецкурсу*. Л.: Гос. пед. институт им. А. И. Герцена.

- СКЯ 1962. *Современный казахский язык: фонетика и морфология*. Алма-Ата.
- Сорокина, Т. С. 2003. Функциональные основы теории грамматической синонимии // *Вопросы языкознания*, 2003, 3: 92—112.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1953. *История скандинавских языков*. М.—Л.: АН СССР.
- Степанов, Г. В. 1963. *Испанский язык в странах Латинской Америки*. М.: Изд-во литературы на иностранных языках.
- Сумбатова, Н. Р., 2002. Глагольная система и структура предложения (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // *Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания*. М.: Индрик, 355—380.
- Сухачёв Н. Л., Горенко Г. М. 2001. Ретороманский язык // *Языки мира: Романские языки*. М.: Academia, 574—636.
- Татевосов, С. Г. 2001. Эвиденциальность: косвенная засвидетельствованность // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари*. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 293—306.
- Татевосов, С. Г. 2002. *Семантика составляющих именной группы: кванторные слова*. М.: ИМЛИ РАН.
- Татевосов, С. Г. 2004. *Есть — бывает — будет: на пути грамматикализации*. // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 226—255.
- Татевосов, С. Г., Майсак, Т. А. 1999. Формы реального наклонения // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие, 206—247.
- Тестелец, Я. Г. 2001. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ.
- Тестелец, Я. Г., Халилов М. Ш. 2002. Выражение эвиденциальности в бежтинском языке. Доклад на XI коллоквиуме Европейского общества кавказоведов.
- Тимберлейк, А. 1997. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // *Вопросы языкознания*, № 5: 66—86.
- Ткаченко, О. Б. 1979. *Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков*. К.
- Трубинский, В. И. 1983. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Недялков (ред.), 216—226.
- Улуханов, И. С. 1977. *Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания*. М.: Наука

- Усикова, Р. П. 2005. Македонский язык. // *Языки мира. Славянские языки*, М.: Academia, 102—139.
- Успенский, Б. А. 1987 *История русского литературного языка (XI—XVII ст.)*. München: Sagner.
- Фридман, В. 1983. Значение на отдавна минало време за историята на българския език // *Исторически развой на българския език. Доклади. Т.1*. София: Българска академия на науките, 111-126.
- Фридман, В. 1996. О дифференциации темпоральности и аспектуальности в болгарском и македонском языках // *Вопросы языкознания*, 1: 116-124.
- Хабургаев Г.А. 1991. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Г. А. Хабургаев, А. Бартошевич (ред.). *Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола*. М.: Изд-во МГУ, 42–54.
- Хадарцев, О. А. 2001. Эвиденциальные значения перфекта в персидском языке // *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории*. М.: Русские словари, 115-135.
- Холодович А. А. 1979. *Проблемы грамматической теории*. Л.: Наука.
- Храковский, В. С. 1983. Результатив и пассив в арабском языке // Недялков (ред.), 166—172.
- Чельшева, И. И. 2001. Диалекты Италии // *Языки мира: Романские языки*. М.: Academia, 90—146.
- Чернин, В. Ю., Хакина, Е. И. 2000. Идиш язык // *Языки мира: Германские языки. Кельтские языки*. М.: Academia, 150-170.
- Чернов, В. И. 1961. *Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Л.: ЛГПИ им. Герцена.
- Шапиро, А. Б. 1955. Некоторые вопросы теории синонимов // *Доклады и сообщения ИЯ АН СССР*, № 8.
- Шарова, Е. Н. 1976. К вопросу об использовании глагольного префикса *-bi-* в классическом персидском/таджикском языке. // *Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики*. М.: Наука, 275—281.
- Шендельс, Е. И. 1959. Понятие грамматической синонимии // *Доклады высшей школы. Филологические науки*. № 1.

- Шендельс, Е. И. 1970. *Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка)*. М.: Высшая школа.
- Шлуинский, А. Б. 2003. Аспектуальный класс и аспектуальные значения: независимость и взаимодействие // *Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции*. СПб.
- Шошитайшвили, И. А. 1998. *Функции и статус плюсквамперфекта в глагольной системе*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. РГГУ.
- Шошитайшвили, И. А. 1998б. Русское «было»: пути грамматикализации // *Русистика сегодня*, 3/4, 59-78
- Эдельман Д. И. 2002. *Иранские и славянские языки: Исторические отношения*. М.: Восточная литература.
- Юлдашев, А. А. 1965. *Аналитические формы глагола в тюркских языках*. М.: Наука.
- Юлдашев, А. А. (ред.) 1981. *Грамматика современного башкирского языка*. М.: Наука.
- Юшманов, Н. В., 1928/1985. *Грамматика литературного арабского языка*. М., 1985 (1-е изд., Л., 1928).
- Якобсон, Р. О. 1932. О структуре русского глагола. / Пер. с нем. // Якобсон Р. О. *Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985, 210—221.
- Якобсон, Р. О. 1936. К общему учению о падеже / Пер. с нем. // Якобсон Р. О. *Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985, 133—175.
- Ярцева, В. Н. 1957. О грамматических синонимах // *Романо-германская филология*, вып. 1, Л.: ЛГУ.
- Ярцева В. Н. (ред.) 1979. *Семантическое и формальное варьирование*. М.: Наука.
- Ярцева В. Н. 1979. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка // Ярцева (ред.), 7—26.
- Abeillé, A., Godard, D. 2002. The syntactic structure of French auxiliaries // *Language*, 78, 3, 404—452.
- Abraham, W. 1992. Event structure accounting for the emerging periphrastic tenses and the passive voice in German // Davis, Garry W. and Gregory K. Iverson (eds.), *Explanation in Historical Linguistics*, Amsterdam: Benjamins, 1—16.
- Abraham, W. 1999. Preterite decay as a European areal phenomenon // *Folia linguistica* XXXIII/1, 1—18.

- Abraham, W. 2004. The European Emergence of the Periphrastic Perfect: An Autonomous, Parsing-Driven Development // *Теоретические проблемы языкознания: Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета*. СПб.: Филологический факультет, 224—247.
- Aksu-Koç, A. 1988. *The acquisition of aspect and modality : The case of past reference in Turkish*. Cambridge : CUP.
- Allan, R., Holmes, P., T. Lundskaer-Nielsen, 1995. *Danish: A Comprehensive Grammar*. Routledge. London and New York.
- Ameka, F. K. 1991. *Ewe: Its grammatical constructions and illocutionary devices*. PhD Thesis. Australian National University.
- Ammann, A. in press. Abbau und Anschwemmung: Doppelte Perfektformen und Grammatikalisierung im deutschen Tempussystem. // Mortelmans, T., Leuschner T. (eds.) *Grammatikalisierung im Deutschen*. Berlin—N.Y.: Mouton de Gruyter.
- Anderson, L. 1982. The 'perfect' as a universal and as a language-specific category // P. Hopper (ed.). *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Amsterdam: Benjamins, 227-264.
- Anderson, L. 1986. Evidentials, paths of change, and mental maps: Typologically regular asymmetries // W. Chafe, J. Nichols (eds.), *Evidentiality : the linguistic encoding of epistemology*, Norwood, N.J. : Ablex, 273-312.
- Anderson, S. 1979. Verb structure. In: L. Hyman (ed.). *Aghem grammatical structure*. Los Angeles: USC, 73-136 (SCOPI L 7).
- Aranovich, R. 2003. The semantics of auxiliary selection in Old Spanish / *Studies in language* 27:1, 1—37.
- Arnavielle, T. 1978. Remarques sur l'emploi du plus-que-parfait de l'indicatif en français moderne // *Mélanges de philologie romane offerts à Charles Camproux*, Montpellier : Centre d'études occitanes, vol. 2, 615-621.
- Aronoff, M. 1976. *Word formation in generative grammar*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Ashton, E.O. 1944. *Swahili grammar*. London: Longmans.
- van der Auwera, J., Plungian, V. 1998. Modality's semantic map // *Linguistic typology* 2(1): 79-124.
- Bailleul, Ch., 2000. *Cours Pratique de Bambara*. Bamako : Donniya.

- Barboza, J. S. 1862. *Grammatica philosophica da lingua portugueza ou principios da grammatica geral applicados à nossa linguagem*. 3 ed. Lisboa: Academia das Sciencias.
- Barentsen, A. A. 1986. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*, Amsterdam, vol. 8, 1-68.
- Barker, M. A., Mengal, A. K. 1969. *A course in Baluchi*. Vol. 1. Montreal: McGill University.
- Bastürk, M., Danon-Boileau, L., Morel, M.-A. 1996. Valeur de *-miş* en turc contemporain, analyse sur corpus // Guentchéva (ed.), 47-70.
- Becker, O. 1928. *Die Entwicklung des lateinischen Plusquamperfekt-Indikativs im Spanischen*. Leipzig: Universität Leipzig.
- Behagel, O. 1924. *Deutsche Syntax: eine geschichtliche Darstellung. B. II: Die Wortklassen und Wortformen*. Heidelberg: Winter.
- Benincà, P. 1989. Friaulisch; Interne Sprachgeschichte I. Grammatik // Holtus G. et al. (eds.), *Lexicon der Romanischen Linguistik*. Tübingen: Niemeyer, B. III, 563-585.
- Bentley, D.; Eythorsson, Th. 1999 Alternation according to Person in Italo-Romance // *Historical Linguistics 1999: Selected papers from the 14th International Conference on Historical Linguistics, Vancouver, 9-13 August 1999*. Amsterdam: Benjamins, 63-74.
- Bentley, D.; Eythorsson, Th. 2004 Auxiliary Selection and the Semantics of Unaccusativity / *Lingua*, 114, 4, Apr, 447-471
- Bergeton, U. 2004. *The Independence of Binding and Intensification* // PhD Thesis, University of South California, 2004 (www-scf.usc.edu/~bergeton/dissertation.htm).
- Bertinetto, P. M. 1986. *Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano*. Firenze : Accademia della Crusca.
- Bertinetto, P. M. 1987. Why the *passé antérieur* should be called *passé immédiatement antérieur* // *Linguistics* 25: 341-360.
- Bertinetto, P. M. 1994. Statives, progressives and habituais : Analogies and divergences. *Linguistics* 32 : 391—423.
- Bertinetto, P. M. 1994a. Temporal reference, aspect and actionality: their neutralization and interactions, mostly exemplified in Italian // C. Bachs, H. Basbøll, C.-E. Lindberg (eds.) *Tense, Aspect and Action: Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology*. B.

- Bertinetto, P. M. 2000. The progressive in Romance, as compared with English // Dahl (ed.), 559—604.
- Bertinetto, P. M., Ebert, K., de Groot, C. The progressive in Europe // Dahl (ed.), 516—558.
- Blansitt, E. L. 1975. Progressive aspect // *Working Papers on Language Universals* 18: 1—34.
- Bleton, P. 1982. La surcomposition dans le verbe français // *Canadian Journal of Linguistics*, 1982, 27.1, 31—70.
- Blevins, J. P. 2000. Markedness and agreement // *Transactions of the Philological Society* 98, 2: 233—262.
- Boeder, W. 2000. Evidentiality in Georgian // Johanson, Uta (eds.), 275—328.
- Buchholz, O., Fiedler, W., Uhlisch, G. 1977. *Wörterbuch Albanisch—Deutsch*. Leipzig: Enzyklopädie.
- Bulut, C. 2000. Indirectivity in Kurmanji // Johanson, Uta (eds.), 147—184.
- Burzio L. 1981. *Intransitive verbs and Italian Auxiliaries*. Dissertation: MIT.
- Burzio, L. 1986. *Italian syntax: a government-binding approach*. Dordrecht: Foris.
- Bybee, J. 1985. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam: Benjamins.
- Bybee, J. et al. 1994. *The Evolution of Grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. / J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca; Chicago and L.: University of Chicago Press.
- Bybee, J., Dahl, Ö. 1989. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies of language* 13-1, 1989.
- Caenepeel, M. 1995. Aspect and text structure // *Linguistics* 33, no. 2, 213-53.
- Calvano W. J., Saltarelli M. D. The morphological meaning of phonological rules. *Lingua*, 1979, 48, 1, 1—14.
- Carey, K. 1994. The Grammaticalization of the Perfect in Old English: An Account Based on Pragmatics and Metaphor. // William Pagliuca (ed.), *Perspectives on Grammaticalization*. Amsterdam: John Benjamins, 103—117.
- Carlson, G. 1977. *Reference to Kinds in English*. Ph. D. dissertation, University of Massachusetts, Amherst.
- Carruthers, J. 1993. *The formes surcomposées: the discourse function and linguistic status of a rare form in contemporary spoken French*. PhD dissertation: University of Cambridge.

- Cennamo, M. 2002. La selezione degli ausiliari perfettivi in napoletano antico: fenomeno sintattico o sintattico-semantic? // *Archivio Glottologico Italiano*, 87, 2, 175-222.
- Chinkarouk, O. 1998. Le Plus-que-parfait dans la phrase complexe (coordination et juxtaposition) en ukrainien moderne // *Le Langage et l'Homme* XXXIII, 1, 39-53.
- Cinque, G. 2002. A note on mood, modality, tense and aspect affixes in Turkish // E. Taylan (ed.) *Verb in Turkish: the core element of clause structure*, Amsterdam: Benjamins, 47—59.
- Chafe, W., Nichols, J. (eds.) 1986. *Evidentiality: the linguistic encoding of epistemology* Norwood, N.J.: Ablex.
- Comrie, B. 1976. *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: CUP.
- Comrie, B. 1981. *Language universals and linguistic typology: syntax and morphology*. Oxford: Blackwell.
- Comrie, B. 1985. *Tense*. Cambridge: CUP.
- Conradie, C. J. 1999. Preterite Loss in Early Afrikaans. *Folia Linguistica*, XXXIII/1, 19—38.
- Contini-Morava, E. 1989 *Discourse Pragmatics and Semantic Categorization. The Case of Negation and Tense-Aspect with Special Reference to Swahili*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Cornu, M. 1953. *Les formes surcomposées en français*. Bern: Francke.
- Coseriu, E. 1976. *Das romanische Verbalsystem* / Hrsg. und bearb. von H. Bertsch. Tübingen: Narr.
- Croft, William, 1990. *Typology and universals*. Cambridge: CUP.
- Croft, William, 2000. *Explaining language change: an evolutionary approach*. Harlow: Longman.
- Csató, É. Á. 2000. Turkish *miş-* and *imiş-*items. Dimensions of a functional analysis // Johanson, Uta (eds.), 29-44.
- Dahl, Ö. 1985. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- Dahl, Ö. 1987. Comrie's *Tense* // *Folia Linguistica*, 21:2—4, 489—502.
- Dahl Ö. 1997. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look. // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On Conditionals Again*. Amsterdam: Benjamins, 97—114.
- Dahl, Ö. (ed.) 2000. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. B., N.Y.: Mouton de Gruyter.

- Dahl, Ö. 2000. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Dahl (ed.), 3—25.
- Dahl, Ö. 2000b. The grammar of future time reference in European languages // Dahl (ed.), 309—328.
- Dahl, Ö., Hedin, E. 2000. Current relevance and event relevance // Dahl (ed.), 385-402.
- Dahl, Ö. 2004. *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam: Benjamins.
- Davies, W., 1998. Time, Switch-Reference, and the Choctaw Progressive // Hinton, L., Munro, P. (eds.) *Studies in American Indian Languages: Description and Theory*. Berkeley—L.A.—London: University of California, 173—179.
- DeLancey, S. 1997. Mirativity: the grammatical marking of unexpected information // *Linguistic typology* 1.1: 33-52.
- Delattre, P. 1950. Le surcomposé réfléchi en subordonnée temporelle // *Le français moderne* 18, 95-108.
- Detges, U. 2004. How cognitive is grammaticalization? The history of the Catalan *perfet perifràstic* // Fischer, O., Norde, M., Perridon, H. (eds.) *Up and down the Cline – The Nature of Grammaticalization*, Amsterdam: Benjamins, 211–227.
- Diedrichsen, E. 2002. Zu einer semantischen Klassifikation der intransitiven haben- und sein-Verben im Deutschen. Ms. Universität Düsseldorf. (<http://www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/sfb282/D3/Diedrichsen%20Perfekt.pdf>).
- Dik, S.C. 1997. *The Theory of Functional Grammar*. 2 Vols. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Donabédian, A. 1996. Pour une interprétation des différentes valeurs du médiatif en arménien occidental // Guentchéva, Z. (ed.), *L'énonciation médiatisée*. Louvain—P. : Peeters, 87-108.
- Donatus 1999. Donati de partibus orationis ars minor (с параллельным переводом М. С. Петровой: Донат. Краткая наука о частях речи) // *Диалог со временем* 1, М.: ИВИ РАН, 306-334 (электронная версия: <http://www.krotov.info/acts/04/1999petr.html>)
- Dowty, D. 1991. Thematic proto-roles and argument selection // *Language* 67 : 547—619.
- Drinka B. 2003. Areal Factors in the Development of the European Periphrastic Perfect // *Word* 54, 1: 102—124.
- Duchet, J.-L., Pěrnaska, R. 1996. L'admiratif albanais: recherche d'un invariant sémantique. // Guentchéva, Z. (ed.), 1996. *L'énonciation médiatisée*. Louvain—P. : Peeters, 31—46.

- Duraffour, A. 1934. La survivance du plus-que-parfait de l'indicatif latin en franco-provençal // *Romania* 60 : 145-152.
- Ebert, K. 2000. Progressive markers in Germanic languages // Dahl 2000 (ed.), 605—653.
- Elson, M. 1997. The Romanian Pluperfect Indicative in historical perspective // *Balkanistica*, 10, 126—143.
- Embick, D. 2000. Features, Syntax and Categories in the Latin Perfect // *Linguistic Inquiry* 31, 2, 185—230.
- Engel, D. M. 1994. Plus-que-parfait : Past anterior or Past punctual? // *Linguisticae Investigationes* 18: 223-242.
- Engel, D. M. 1996. Le passé du passé // *Word* 47.1, 41-62.
- Ernout, A., Thomas, Fr. 1972. *Syntaxe latine*. P.: Klincksieck.
- Eroms, H.-W. 1984. Die doppelten Perfekt- un Plusquamperfektformen im Deutschen // H.-W. Eroms et al. (eds.) *Studia Linguistica et Philologica: Festschrift für Klaus Matzel*. Heidelberg : Winter, 343-351.
- Faßke, H. 1981. *Grammatik der obersorbischen Sprache der Gegenwart. Morphologie*. Budyšin: Domowina.
- Fennell, T. 2002. The return of an English pluperfect subjunctive? // *Flinders University Languages Group Online Review* [Adelaide], Vol. 1, Issue 1, March 2002 (<http://www.ehlt.flinders.edu.au/deptlang/fulgor/>)
- Feuillet, J. 1996. Réflexions sur les valeurs du médiatif // Guentchéva (ed.), 71—86.
- Fici, F. 2001. Macedonian perfect and its modal strategies // *Македонски јазик* LI-LII, 61-88.
- Fici, F., 2003. Struttura semantica e sintattica dell'imperfetto composto in italiano e in russo // L. Bernardczuk (ed.), *Etudes linguistiques romano-slaves offertes à Stanisław Karolak*, Cracovie, Oficyna Wydawnicza "Edukacja": 157—166.
- Fleischman, S. 1989. Temporal distance: a basic linguistic metaphor // *Studies in language*, 13.1, 1—50.
- Fleischman, S. 2000. *Tense and Narrativity: from medieval performance to modern fiction*. Austin: University of Texas press.
- Foulet, L. 1925. Le développement des formes surcomposées // *Romania*, 51, 203-252.
- Friedman, V. A. 1981. The Pluperfect in Albanian and Macedonian // *Folia Slavica* (Columbus, OH) 4, 2-3, 273-282.
- Friedman, V. A. 2000. Confirmative/nonconfirmative in Balkan Slavic, Balkan Romance, and Albanian with additional observations on Turkish, Romani, Georgian, and Lak //

- Johanson, L., Utas, B. (eds.) 2000. *Evidentials: Turkic, Iran and Neighbouring Languages*. B., N.Y.: Mouton de Gruyter, 329-366.
- Garine, N. 2002. *Le plus-que-parfait: valeurs pragmatiques*. Mémoire de DEA: Université de Savoie.
- Gilbers, D., de Hoop, H., 1998. Conflicting constraints: An introduction to Optimality Theory // *Lingua* 104, 1–12.
- Giorgi, A., Pianesi F. 1997. *Tense and Aspect*, New York: OUP.
- Givón, T. 1982. «Tense-Aspect-Modality»: The Creole Prototype and Beyond // Hopper, J. (ed.) *Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics*, Amsterdam: Benjamins, 115-163.
- Goeringer, K. 1995. The Motivation of Pluperfect Auxiliary Tense in the Primary Chronicle // *Russian Linguistics*, vol. 19, no. 3, 319-332.
- Gold, E. 1998. Structural Differences: The Yiddish Pluperfect and Future Perfect // *Monatshefte für deutschsprachige Literatur und Kultur*, 90.2, 227-236.
- Goossens L. 1994. The English progressive tenses and the layered representation of Functional Grammar // Vet, C., Veters, C. (eds.). *Tense and Aspect in Discourse*. Berlin—N.Y.: Mouton de Gruyter, 161—177.
- Gordon, Raymond G., Jr. (ed.), 2005. *Ethnologue: Languages of the World, Fifteenth edition*. Dallas, Tex.: SIL International. Интернет-версия: <http://www.ethnologue.com/>.
- Gougenheim, G. 1929. *Étude sur les périphrases verbales de la langue française*. P. : Nizet.
- Gramática 1931. *Gramática de la lengua española*. Madrid : Academia Real.
- Graves, N. 2000. Macedonian — a language with three perfects? // Dahl, Ö. (ed.) 2000. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. B., N.Y.: Mouton de Gruyter, 479—494.
- Grierson, G. A., [ed.] 1966. *The Linguistic Survey of India*. Vol.IV. Delhi-Varanasi-Patna.
- de Groot, C. 2000. The absentive // Dahl (ed.), 693—719.
- Guentchéva, Z. 1996. Le médiatif en bulgare // Guentchéva (ed.), 47—70.
- Guentchéva, Z. (ed.) 1996. *L'énonciation médiatisée*. Louvain—P. : Peeters.
- Guiraud-Weber M. 1993. La méthode bisynchrone dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne. // *Revue des Etudes slaves* LXV/1, 81-95
- Haase, M. 1994. Tense and aspect in Basque // Thieroff, R., Ballweg, J. (eds.). *Tense Systems in European Languages* (Linguistische Arbeiten, 308). Tübingen: Niemeyer, 279—292.
- Haiman, J. 1985. *Natural syntax: Iconicity and erosion*. Cambridge: CUP.

- Harre, C. 1991. *Tener + Past Participle. A case study in linguistic description*. L, N.Y.: Routledge.
- Harris, Z. S. 1942. Morpheme alternants in linguistic analysis // *Language*. Vol. 18. No. 1: 169—180.
- Harris, M. 1982. The 'past simple' and the 'present perfect' in Romance // Vincent, N., Harris, M. (eds.), *Studies in the Romance verb*. London, Canberra: Croom Helm, 42—70.
- Haspelmath, M. 1993. *A grammar of Lezgian*. B.; N.Y.: Mouton de Gruyter.
- Haspelmath, M. 1994. The tense system of Lezgian // Thieroff, R., Ballweg, J. (eds.). *Tense Systems in European Languages* (Linguistische Arbeiten, 308). Tübingen: Niemeyer.
- Haspelmath, M. 1998. The semantic development of old presents: new futures and subjunctives without grammaticalization. // *Diachronica* XV (1), 29—62.
- Haspelmath, M. 2000. The relevance of extravagance: a reply to Bart Geurts // *Linguistics* 38.4, 789—798.
- Haspelmath, M. 2002. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). *The new psychology of language*, Vol. 2, Mahwah (NJ): Erlbaum, 211—242.
- Haspelmath, M. 2004. On directionality in language change with particular reference to grammaticalization. // Fischer, O., Norde, M., Perridon, H. (eds.) *Up and down the Cline – The Nature of Grammaticalization*, Amsterdam: Benjamins, 17—44.
- Heine, B. 1994. Grammaticalization as an explanatory parameter. In: Pagliuca, W. (Ed.), *Perspectives on Grammaticalization*. Amsterdam: Benjamins, pp. 255—287.
- Heine, B. 1997. *Possession: Cognitive sources, forces, and grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heine, B. Claudi, U., Hünnemeyer F. 1991. *Grammaticalization: a conceptual Framework*. Chicago: UChP.
- Heine, B., Kuteva, T. 2002. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heine, B., Reh, M. *Grammaticalization and reanalysis in African languages*. Hamburg: Helmut Buske, 1984.
- Helbig, G., Buscha, J. 1977. *Deutsche Grammatik*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie.
- Hennig, M. 2000. *Tempus und Temporalität in geschriebenen und gesprochenen Texten*. Tübingen: Niemeyer.

- Hermerén, I. 1992. *El uso de la forma en -ra con valor no-subjuntivo en el español moderno* (Études romanes de Lund, 49). Lund : Lund University press.
- Hewson, J., Bubenik, V. 1997. *Tense and Aspect in Indo-European Languages: Theory, Typology, Diachrony*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.
- Hill, J. K. 1984. 'A la recherche des temps perdus': the double-compound forms of the verb in present-day French // *Word*, 35.1, 89-112.
- Hockett, Ch. 1947. Problems of morphemic analysis // *Language*, 23, 3: 321—343.
- Hoekstra, T. 1998. Auxiliary selection in Dutch // *Natural language and linguistic theory*, 17: 67-89.
- Hoffman, J. B., Szantyr, A. 1965. *Lateinische Syntax und Stilistik*. München: Beck.
- Holtus, G. 1995. Zur Verbreitung der *formes surcomposées* in den romanischen Sprachen // W. Dahmen et al. (Hrsgb.), *Konvergenz und Divergenz in den romanischen Sprachen (Romanistisches Kolloquium VIII)*, 85-114.
- de Hoop, H., Haverkort, M., van den Noort M. Variation in form versus variation in meaning // *Lingua*, 114: 1071—1089.
- Hopper, P. J., Traugott, E. C. *Grammaticalization*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Hopper, P. J. 1991. On some properties of grammaticization // E. Traugott, B. Heine (eds.), *Approaches to grammaticalization*, Amsterdam: Benjamins, vol. 1: 17—35.
- Hopper, P. J. 1996. Some recent trends in grammaticalization. *Annual Review of Anthropology* 25:217-236.
- van Hout, A., Randall, J., Weissenborn, J. 1993. Acquiring the unergative-unaccusative distinction // Verrips, M., Wijnen, F. (eds.), *The acquisition of Dutch* (Publikatie nummer 60). Instituut voor Algemene Taalwetenschap, Universiteit van Amsterdam. 79—120.
- Issatschenko, A. 1980—1983. *Geschichte der russischen Sprache*. Hdlbg: Winter.
- Jahani, C. 2000. Expressions of indirectivity in spoken Modern Persian // Johanson, Uta (eds.), 185-208.
- Jakobson, R. 1948, Quelques remarques sur l'édition critique du *Slovo*, sur sa traduction en langues modernes et sur la reconstruction du texte primitif // *La Geste du Prince Igor'. Épopée russe du douzième siècle. Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves* 8 (1945—1947), Henri Gregoire, Roman Jakobson, Marc Szeftel (eds.), assisted by J. A. Joffe, 5—37
- Jespersen, O. 1924. *The Philosophy of Grammar*. L.

- Johanson, L. 1971. *Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems*. Uppsala: Almqvist, Wiksell.
- Johanson, L. 1994. Türkeitürkischen Aspektotempora // Thieroff, R., Ballweg, J. (eds.). *Tense Systems in European Languages* (Linguistische Arbeiten, 308). Tübingen: Niemeyer.
- Johanson, L., Utas, B. (eds.) 2000. *Evidentials: Turkic, Iran and Neighbouring Languages*. B., N.Y.: Mouton de Gruyter.
- Jolivet, R. 1984. L'acceptabilité des formes surcomposés // *Le français moderne* 52, 159-182.
- Jones, M. A. 1993. *Sardinian Syntax*. L.-N.Y.
- Joseph, Brian D. Rescuing traditional (historical) linguistics from grammaticalization theory // Fischer, O., Norde, M., Perridon, H. (eds.) *Up and down the Cline – The Nature of Grammaticalization*, Amsterdam: Benjamins, 45—71.
- Kastenholz, R. 2003 Auxiliaries, grammaticalization, and word order in Mande // *Journal of African Languages and Linguistics*, 24, 31—53.
- Keller, F., Sorace, A. 2003 Gradient auxiliary selection and impersonal passivization in German: an experimental investigation // *Journal of Linguistics* 39, 57—108.
- Kemmer, S. 1993. *The Middle Voice*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins.
- Kim, N.-K. 1974. The double past in Korean // *Foundations of Language* 12: 529-536.
- Kiparsky, P. 1983. Word-formation and the Lexicon. // F. Ingemann (ed.) *Proceedings of the 1982 Mid-America Linguistics Conference*, Lawrence, Kansas.
- Klare, J. 1964. Die doppelt umschriebenen Zeiten (*temps surcomposés*) im Deutschen und Französischen // *Beiträge zur romanischen Philologie* 3 : 116-119.
- Klein, W. 1992. The present perfect puzzle. *Language* 68(3), 525–552
- Klein-Andreu, F. 1991. Losing ground: A discourse-pragmatic solution to the history of *-ra* in Spanish // S. Fleischman, L. Vaugh (eds.) *Discourse-Pragmatics and the Verb: The evidence from Romance*, L.: Routledge, 164-178.
- Klenin, E. 1993. The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // R. A. Maguire and A. Timberlake (eds), *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August — September 1993. Literature.Linguistics. Poetics*, Columbus, Ohio, 330-343.
- König, E., Haspelmath, M. 1998. Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe // Feuillet J. (ed.) *Actance et Valence dans les langues de l'Europe*. B.—N.Y.

- König, E., Haspelmath, M. 1999. Der europäische Sprachbund // Reiter N. (ed.) *Eurolinguistik. Ein Schritt in die Zukunft*. Wiesbaden.
- Kuteva, T. On 'sit'/'stand'/'lie' auxiliation // *Linguistics* 37.2: 191-213, 1999.
- Kuznetsova, J., 2004. Against the Russian distributive construction with preposition *po* as a diagnostic for unaccusativity. // Tasseva-Kurkchieva M., Franks S., Gladny F. (eds.) *Formal Approaches to Slavic Linguistics* 13, Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.
- Kytö M. 1994. *Be* vs. *Have* with intransitives in English. // Fernández F. et al. (eds.). *English Historical Linguistics 1992*. Papers from the 7th international conference on English historical linguistics. Valencia, 22—26 September 1992. Amsterdam: Benjamins, 179—190.
- Lafitte, P. 1979. *Grammaire basque*. San Sebastián: ELKAR.
- Lascarides, A., Asher, N. 1993. A Semantics and Pragmatics for the Pluperfect // *Proceedings of the sixth conference on European chapter of the Association for Computational Linguistics*, Utrecht. ACL, 250—259
- Lazard, G. 1996. Le médiatif en persan // Guentchéva (ed.), 21—30.
- Lazard, G. 2000. Le médiatif: considérations théoriques et application à l'iranien. // Johanson and Utas (eds.), 209—228.
- Lee, E. 2003. Differences between two alleged Perfects in Korean // *Journal of East Asian Linguistics*, 12, 1—17.
- Lehmann, C. 1982/1995. *Thoughts on grammaticalization*. München: LINCOM Europa (2nd ed).
- Leinonen, M. 2000. Evidentiality in Komi Zyryan // Johanson, Utas (eds.), 419-440.
- Leinonen M. 2004. Possessive Resultative Perfects in Komi-Zyryan // Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (ред.). *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе*. М.: Знак, 270—285.
- Leinonen M., Vilkuna M. 2000. Past tenses in Permic languages // Dahl (ed.), 495—514.
- Lemmens, M. 2002. The semantic network of Dutch posture verbs // Newman, J. (ed.) *The linguistics of sitting, standing, and lying*. Amsterdam: Benjamins.
- Levin, B.; Rappaport Hovav, M. 1995. *Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface*. Cambridge: MIT Press.
- Levin-Steinmann, A. 2004. *Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen 1-Periphrase*. München: Otto Sagner (Slavistische Beiträge, 437).

- Lewis, G. L. 1967. *Turkish Grammar*. Oxford: Clarendon.
- Li, Ch., Thompson, S., Thompson, R. M. 1982. The Discourse Motivation for the Perfect Aspect: The Mandarin Particle *LE* // Hopper, P. J. (ed.) *Tense-Aspect: Between Semantics and pragmatics*. Amsterdam: Benjamins.
- Lieber, R., and Baayen, H. 1997. A semantic principle of auxiliary selection in Dutch // *Natural Language and Linguistic Theory* 15: 789–945.
- Lindstedt, J. 2000 The perfect – aspectual, temporal and evidential // Dahl (ed.), 365—384.
- Lipson, M. 1999. Co-variation of of Form and Meaning in the Loss of Auxiliary Selection in English. // Eckardt R., von Heusinger, K. (eds.) *Meaning Change – Meaning Variation. Workshop held at Konstanz, Feb. 1999*, Vol. I, 111-122.
- Litvinov, V. 1969. Die doppelte Perfektsreckung in Deutschen // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* 22, 16-24.
- Litvinov, V., Radčenko, V. 1998. *Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache*. Tübingen: Stauffenburg Verlag.
- Liver, R. 1982. *Manuel pratique de romanche, sursilvan-vallader. Précis de grammaire suivi d'un choix de textes*. Chur: Lia Rumantscha.
- Loi Corvetto, I. 1982. *L'italiano regionale di Sardegna*. Bologna : Zanichelli.
- Lorentz, F. 1925. *Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache*. Berlin, Leipzig: de Gruyter.
- Lunn, P. V., Cravens, T. D. 1991. A contextual reconsideration of the Spanish *-ra* “indicative” // S. Fleischman, L. Vaugh (eds.) *Discourse-Pragmatics and the Verb: The evidence from Romance*, L.: Routledge, 147-163.
- Lyonnet, S. 1933. *Le parfait en arménien classique*. Paris: Champion.
- Maiden, M., Robustelli, C. 2000. *A reference grammar of modern Italian*. L.: Arnold.
- Majumdar, M. J., Morris A. M. 1980. *The French Pluperfect Tense as a punctual past* // *Archivum Linguisticum* 11, 1-12.
- Malinowski, A. 1984. Distribution and function of the auxiliares *tener* and *aver* in Judeo-Spanish // *Orbis* 33, 211-221.
- Marcato, F. 1986. Forme verbali bicomposte (“surcomposées”) nelle parlate del Veneto // Cortelazzo, M. (ed.), *Guida ai dialetti veneti VIII*, Padova: CLEUP, 45-60.
- Marin, M. 1985. Formes verbales périphrastiques de l'indicatif dans les parlers dacoroumains.// *Revue roumaine de la linguistique* 30: 459-468.

- van Marle, J. 1985. *On the Paradigmatic Dimension of Morphological Creativity*. Dordrecht: Foris.
- Martinet, André 1955. *Economie des changements phonétiques*. Berne: Francke.
- McCawley, J. D. 1971. Tense and time reference in English // Ch. J. Fillmore, D. T. Langendoen (eds.), *Studies in Linguistic Semantics*, N.Y.: Holt, Rinehart, Winsron, 97-113.
- McCoard, R. W. 1978. *The English perfect: tense-choice and pragmatic inferences*. Amsterdam: North Holland.
- Meillet, A. 1909. Sur la disparition des formes simples du prétérit // *Germanisch-Romanische Monatsschrift*, I, 521—526; цит. по перепеч.: Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*, P : Champion, 1921, 149—158.
- Meillet, A. 1912. L'évolution des formes grammaticales. // *Scientia (Rivista di scienza)*, 12 (26), 6; цит. по перепеч.: Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*, P : Champion, 1921, 130—148.
- Meillet A., 1937. *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes*. Paris: Hachette.
- ✦ Mellet, S. 1988. *L'imparfait de l'indicatif en latin classique: temps, aspect, modalité*. Louvain : Peeters.
- Mellet, S. 1994. Les temps du passé : le plus-que-parfait // S. Mellet, M. D. Joffre, G. Serbat. *Grammaire fondamentale du latin: le signifié du verbe*. Louvain : Peeters.
- Mellet, S. 2000. Le parfait latin, un *preteritum perfectum* // A. Carlier, V. Lagae, C. Benninger (eds.). *Passé et parfait (Cahiers Chronos, 6)*. Amsterdam—Atlanta : Rodopi, 95-106.
- Mennecier, P., Robbe, B. 1996. La médiatisation dans le discours des Inuit // Guentchéva (ed.), 233-248.
- Meydan, M. 1996. Les emplois médiatifs de *-miş* en turc // Guentchéva (ed.), 125-144.
- Michaelis, L. 1998. *Aspectual grammar and past-time reference*. L.: Routledge.
- Miller, J. 2004. Perfect and resultative constructions in spoken and non-standard English // Fischer, O., Norde, M., Perridon, H. (eds.) *Up and down the Cline – The Nature of Grammaticalization*, Amsterdam: Benjamins, 229—246.
- Miller, D. Gary, 1993. *Complex verb formation*. Amsterdam, Philadelphia : Benjamins.
- Nedjalkov, Vladimir P. (ed.), 1988. *Typology of resultative constructions*. English translation edited by Bernard Comrie. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins.
- Neukom, L. 2001. *Santali*. München: LINCOM Europa.

- Nida, Eugene A. 1949. *Morphology: The descriptive analysis of words*. Ann Arbor, MI: University of Michigan.
- Oversteegen, L., Bekker B. 2002. Computing perspective: the pluperfect in Dutch // *Linguistics* 40–1 (2002), 111–161.
- Panzer B. 1967. *Der slavische Konditional. Form — Gebrauch — Funktion*. München: Fink
- Paul, H. 1896. Über die Aufgaben der Wortbildungslehre // *Sitzungsberichte der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophische Classe*, 692—713.
- Petruck, C. 1992. Zur “freien Variation” von synthetischem und analytischem Plusquamperfekt in Texten der portugiesischen Gegenwartssprache // *Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* 45 : 411-423.
- Pinker, S. 1999. *Word and rules: the ingredients of language*. L: Weidenfeld, Nicolson.
- Pinkster, H. 1987. The strategy and chronology of the development of Future and Perfect Tense Auxiliaries in Latin // Harris, M., Ramat P. (eds.) *Historical development of auxiliaries*. Berlin: Mouton de Gruyter, 193—223.
- Plungian, Vladimir A., van der Auwera, J. Towards a typology of discontinuous past marking. // *Sprachtypologie und Universalienforschung – Language typology and universals*, in press.
- Pollak, W. 1960. Studien zum ‘Verbalspekt’ in Französischen. *Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte* 233,5. Wien.
- Price, G. 1971. *The French language: present and past*. L.: Edward Arnold.
- Rainer, F. 1988. Towards a theory of blocking: the case of Italian and German quality nouns // Booij G. and van Marle J. (eds.), *Yearbook of Morphology*, Dordrecht: Foris, 155-185.
- Raynaud de Lage, G. 1975. *Introduction à l’ancien français*. 9e edition. P.: SEDES.
- Reichenbach, H. 1947. *Elements of Symbolic Logic*, N.Y.: McMillan.
- Reid, N. 2002. Sit right down the back: Serialized posture verbs in Ngan’gityemerri and other Northern Australian languages // Newman, J. (ed.) *The linguistics of sitting, standing, and lying*. Amsterdam: Benjamins.
- Rickford, J., Théberge-Rafal, C. 1996. Preterite *had* + verb-*ed* in the narratives of African American preadolescents. *American Speech*, 71.3, 227—254.
- Robillard, D. de. 2001. Peut-on construire les “faits linguistiques” comme chaotiques? Quelques éléments de réflexion pour amorcer le débat. // *Marges linguistiques*, 1, 1—42.

- Ronjat, J. 1930—1941. *Grammaire istorique [sic] des parlers provençaux modernes*. Montpellier: Société des Langues Romanes.
- Ross, S., Oetting, J., Stapleton, B. 2004. Preterite *had* + *v-ed*: a developmental narrative structure of African American English. *American Speech*, 79.2, 167—193.
- Salkie, R. 1989. Perfect and Pluperfect: What is the Relationship? // *Journal of Linguistics*, 25, 1, 1—34.
- Sankoff, G. 1973. Above and beyond phonology in variable rules. // C.-J. N. Bailey and Roger Shuy (eds.) *New Ways of Analyzing Variation in English*, 44– 61, Washington: Georgetown University Press.
- Sankoff, G., Thibault, P. 1977. L'alternance entre les auxiliaires *avoir* et *être* en français parlé à Montréal. *Langue Française* 34.81–108.
- Santos, D. 1999. The Pluperfect in English and Portuguese: What Translations Patterns Show // H. Hasselgård, S. Oksefjell (eds.). *Out of Corpora: Studies in Honour of Stig Johansson*. Amsterdam-Atlanta: Rodopi, 283-299.
- Schlieben-Lange, B. 1971. *Okzitanische und katalanische Verbprobleme. Ein Beitrag zur funktionellen synchronischen Untersuchung des Verbalsystems der beiden Sprachen (Tempus und Aspekt)*. Tübingen: Niemeyer.
- van Schooneveld, C. H. 1951. The aspect system of the Old Church Slavonic and Old Russian *verbum finitum byti* // *Word* 7: 96-103.
- van Schooneveld, C. H. 1959. *A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System*. 's-Gravenhage.
- Schönig, C. 1984. *Hilfsverben im Tatarischen*. Wiesbaden : Steiner.
- Secheyay, A. 1908. *Programme et méthodes de la linguistique théorique*. P. : Champion, 1908, цит. по рус. пер.: Сеше А., Программа и методы теоретической лингвистики, М., УРСС, 2003.
- Sherebkow, W. A. 1971. Doppelt zusammengesetzte Zeitformen in Deutschen? // *Deutsch als Fremdsprache* 8, 27-29
- Sitchinava, D., in press. Past markers in Santali: a typology-oriented approach // P. Hook, C. Masica (eds.), *ICOSAL volume*.
- Sorace, A. 2000. Gradients in Auxiliary Selection with Intransitive Verbs // *Language* 76, 859–890.
- Squartini, M. 1998. *Verbal Periphrases in Romance: Aspect, Actionality and Grammaticalization*. B.: Mouton de Gruyter.

- Squartini, M. 1999. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology* 3, 51-89.
- Squartini, M., Bertinetto, P. M. 2000. The Simple and Compound Past in Romance languages. // Dahl (ed.), 403—440.
- Steele, S. 1975. Past and irrealis: just what does it all mean? // *International Journal of American Linguistics*, 41.3, 200-217.
- Stefanini, J. 1970. Note sur les formes surcomposées // *Travaux de linguistique et de littérature, publiés par le Centre de philologie et de littératures romanes de l'Université de Strasbourg*, 287-296.
- Stone, G. 1993. Cassubian // B. Comrie, G. G. Corbett (eds.). *The Slavonic Languages*. L.—N.Y.: Routledge.
- de Swart, H., Molendijk, A. In pursuit of the 'perfect' perfect. To appear in Patrick Caudal (ed.) *Cahiers Chronos – volume sur le temps et l'aspect*, Amsterdam: Rodopi.
- Tagliamonte, S. 2000. The grammaticalisation of the PRESENT PERFECT in English: Tracks of change and continuity in a linguistic enclave // Olga Fischer, Anette Rosenbach and Dieter Stein (eds.) *Pathways of Change – Grammaticalization in English*. Berlin: Mouton de Gruyter. 329—354.
- Talmy, L. 1985. Lexicalisation structures: semantic structure in lexical forms. // Schopen, T. (ed.), *Language Typology and Syntactic Description III: Grammatical Categories and the Lexicon*, Cambridge: Cambridge University press, 57—149.
- Tatevosov, S. 2001. From resultatives to evidentials: multiple uses of the Perfect in Nakh-Daghestanian languages // *Journal of Pragmatics* 33, 443—464.
- Tedeschi, Ph. 1981. Some evidence for branching-futures semantic model // Tedeschi Ph., Zaenen A. (eds.), *Syntax and Semantics 14. Tense and Aspect*, New York: Academic Press, 239—270.
- Terry, M. 2001. The Simple Past and Present Perfect in Afro-American English // *Perspectives on Aspect, Utrecht December 12—14 2001: Proceedings* (http://www-uilots.let.uu.nl/conferences/Perspectives_on_Aspect/Proceedings/terry.pdf)
- Tesnière, L. 1935. A propos des temps surcomposés // *Bulletin de la Faculté des Lettres de Strasbourg*, 56-59.
- Thelin, N. 1991. On the concept of Time: Prolegomena to a Theory of Aspect and Tense in Narrative Discourse // Waugh, Rudy (eds.), 261—286.
- Thiel, R. 1964. Die Zeiten der Vergangenheit // *Sprachpflege* 13, 83-85.

- Thieroff, R. 1992. *Das finite Verb in Deutschen: Tempus-Modus-Distanz. (Studien zur deutschen Grammatik, 40)*. Tübingen: Narr.
- Thieroff, R. 2000. On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe // Dahl (ed.), 265—308.
- Thomas, P.-L. 2000. Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français // A. Carlier, V. Lagae, C. Benninger (eds.). *Passé et parfait (Cahiers Chronos, 6)*. Amsterdam—Atlanta: Rodopi, 117-131.
- Timberlake, A. 1999. On the Imperfect Augment in “Slovo o polku Igoreve” // *Роман Якобсон: тексты, документы, исследования*. М.: РГГУ, 771—786.
- Togoby, K. 1966. Le sort du plus-que-parfait latin dans les langues romanes // *Cahiers Ferdinand de Saussure* 22: 175-184.
- Tommola, H. 1993. Перфектное значение в русском языке // Lindstedt J., Pesonen P. (eds.), *Studia Slavica Finlandensia, X*, Helsinki: Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti, 134—141.
- Tommola, H. 2000. On the perfect in North Slavic // Dahl (ed.), 441—478.
- Tommola, H. 2000a. Progressive aspect in Baltic Finnic // Dahl (ed.), 655—692.
- Torres Cacoullous, R. 1999. *Grammaticalization, stylistic variation, and language contact: a study of Spanish progressive -ndo constructions*. Ph. D. dissertation. The University of New Mexico.
- Torres Cacoullous, R. 2001. From lexical to grammatical to social meaning // *Language in Society* 30, 443—478.
- Traugott, E. C. 1972. *A history of English syntax*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston.
- Traugott, E. C. 2001. Legitimate counterexamples to unidirectionality. Paper presented at Freiburg University, October 17th 2001. (www.stanford.edu/~traugott/papers/Freiburg.Unidirect.pdf)
- Tröbs, H. 2004. Progressive and habitual aspects in Central Mande // *Lingua* 114: 125—163.
- Tuttle, E. 1986. The spread of ESSE as universal auxiliary in Central Italo-Romance. *Medioevo Romano* 11: 229—287.
- Väänänen, V. 1967. *Introduction au latin vulgaire*. P.: Klincksieck.
- Vaillant, A. 1966. *Grammaire comparée des langues slaves. T.III: Le verbe*. P.: Klincksieck.
- Van Valin, R. 1990. Semantic parameters of split intransitivity. *Language* 66: 221—260.
- Vater, H. 1983. Zum deutschen Tempussystem // J. O. Askedal et al. (eds.) *Festschrift für Laurits Saltveit*. Oslo-Bergen-Toronto: Universitetsforlaget, 201-214.

- Vater, H. 1991. *Einführung in die Zeitlinguistik*. Köln: Universität Köln.
- Vendler, Z. 1967. Verbs and times // Z. Vendler, *Linguistics in Philosophy*. Ithaca: Cornell University Press.
- Vennemann, T. 1987. Tempora und Zeitrelation im Standarddeutsch. *Sprachwissenschaft* 12: 234—249.
- Vet, C. 1980. *Temps, aspects, et adverbess de temps en français contemporain*. Genève : Dorz.
- Vetters, C. 1996. *Temps, Aspect et Narration*. Amsterdam, 1996.
- Vey M. 1952. Les préverbes 'vides' en tchèque moderne // *Revue des études slaves* 29, 82—107.
- Vlach, F. 1981. The semantics of the Progressive // Tedeschi Ph., Zaenen A. (eds.), *Syntax and Semantics 14. Tense and Aspect*, New York: Academic Press, 271—292.
- Vondrák W. 1928. *Vergleichende slavische Grammatik*. 2. Aufl. neubearb. v. O. Grünenthal. Göttingen : Vandenhoeck, Ruprecht.
- Warthburg, W. von, Zumthor P. 1947. *Précis du syntaxe du français contemporain*. Berne : A. Francke.
- Washio, R. 2004. Auxiliary Selection in the East // *Journal of East Asian Linguistics* 13: 197—256.
- Waugh, L., Monville-Burston, M. Aspect and discourse function: the French Simple Past in newspaper usage. *Language* 62: 846—877.
- Waugh, L., Rudy, S. (eds.) 1991. *New Vistas in Grammar: Invariance and Variation*. Amsterdam: Benjamins.
- Waugh L. 1991. Tense-Aspect and Hierarchy of Meanings: Pragmatic, Textual, Modal, Discourse, Expressive, Referential // Waugh, Rudy (eds.), 241—260.
- Weinrich, H. 1964. *Tempus: besprochene und erzählte Welt*. Stuttg.: Kohlhammer.
- Weinrich/Thurmair et al. 1993. H. Weinrich. *Textgrammatik der deutschen Sprache / unter* Mitarbeit von Maria Thurmair et al., Mannheim: Duden.
- Wiberg, L.-E., 1995. *Le passé simple, son emploi dans le discours journalistique*. Stockholm : Almqvist, Wiksell.
- Willett, T. 1988. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality. *Studies in Language* 12.51-97.
- Williams, E. 1997. Blocking and anaphora // *Linguistic Inquiry*, 28, 4.
- Winford, D. 1993. Variability in the use of perfect *have* in Trinidadian English: A problem of categorial and semantic mismatch // *Language Variation and Change*, 5, 141-188.

Xiao, R., McEnery, T. 2004. *Aspect in Mandarin Chinese: A corpus-based study*. Amsterdam: Benjamins.

Yamaguchi, T., Pétursson, M. The speaker and the perfective auxiliaries *hafa* and *vera* in Icelandic // *Language Sciences* 25 (2003) 331–352

Zaenen, A. 1993. Unaccusativity in Dutch: Integrating syntax and lexical semantics // Pustejovsky, J. (ed.), *Semantics and the lexicon* Dordrecht: Kluwer, 129–161.

Zúñiga, F. 2001. Dos progresivos y dos resultativos en el Mapudungun // *Liames*, 2001, 1, 63—75.

Žirmunskij, V. M., 1966, The word and its boundaries. *Linguistics* 27:65-91.

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

Полужирным шрифтом выделены названия языков, в которых представлен феномен синхронной синонимии глагольных показателей; так же выделены и страницы, где эта синонимия обсуждается в специальных разделах работы. Курсивом обозначены генетические и ареальные объединения языков [после названий ареальных объединений в скобках указано: (ареал)].

В классификации языков мы опираемся на интернет-версию справочника «Этнолог» [Gordon (ed.) 2005].

А

авадхи (индоевропейские / индоарийские), 75, 76, **143**, 163, **211**, **212**
агем (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / бантоидные), 220
агульский (нахско-дагестанские / лезгинские), 11, **240**, **397**
адыгейский (абхазо-адыгские), 222, 225, 244
акан (нигеро-конголезские / ква), 49, 224, 226, 227, **239**, **240**, 246
аккадский (афразийские / семитские), **144**, 145, 163, **195**
албанский (индоевропейские), 165, 176, 178, **188**, 221, 227, 246, 294, 317, **321**, **322**, 360, **386**, 391
алтайские, 382, 385
альярвара (пама-ньюнга), **365**, **397**
английский (индоевропейские / германские / западногерманские), 12, 14, 15, 19, 20, 29, 35, 39, 45, 46, 47, 48, 49, 53, 54, 56, 63, 68, 72, 78, 88, 90, 96, **97**, **106**, **109**, 114, 115, 116, 118, 119, 122, 123, 124, 125, 127, 137, **147**, **155**, 158, 162, 164, 165, 185, 187, 190, 217, 218, 219, 221, 227, 228, 234, 257, 267, 291, 303, 304, 316, 324, 347, 348, 349, 353, 354, 355, 358, 361, 363, 364, 369, 388, 394, 406
арабский (афразийские / семитские), 94, **144**, 163
армянский (индоевропейские), 85, 92, 94, 116, **146**, **159**, 161, 221
арчинский (нахско-дагестанские / лезгинские), **180**, 229
африкаанс (индоевропейские / германские / западногерманские), 162, 188, 189, 199
африканские (ареал), 96, 224, 357

Б

багвалинский (нахско-дагестанские / аваро-андо-цезские), 11, 60, 221, **280**, **281**
балканские (ареал), 162, 165, 205, 277
бамана (нигеро-конголезские / манде), 82, 224, **376**, **377**, **378**, **392**
банту, 196, 320
баскский (изолят), 246, 254, 261, 262, 290, 291, 396
башкирский (алтайские / тюркские), **281**, **282**

бежтинский (нахско-дагестанские / аваро-андо-цезские), 221
белуджский (индоевропейские / иранские), **243**
болгарский (индоевропейские / славянские / южнославянские), 53, 122, **178**, **179**, 180, 187, 202, 265, 285, **286**, 312
бурятский (алтайские / монгольские), **98**, 101, **113**

В

ваи (нигеро-конголезские / манде), 97, 377
венгерский (уральские / финно-угорские), 18, 188
верхнелужицкий (индоевропейские / славянские / западнославянские), **188**, 294, 312, **314**, **315**
волжские, 274, 277
волоф (нигеро-конголезские / атлантические), 224, 225

Г

галисийский (индоевропейские / романские), 122, **148**, 150, 151, **374**, **394**
гасконский (индоевропейские / романские), 203, 254
германские, 37, 38, 56, 79, 94, 98, 104, 108, 109, 110, 127, 147, 155, 161, 189, 190, 201, 217, 228, 247, 354, 360, 361, 364, 365, 366, 368, 369, 370, 377, 379, 380, 384, 385, 387, 391
грузинский (картвельские), 92, 184, 284
гуайми (чибчанские), **389**

Д

дакота (сиу), 365
дари (индоевропейские / иранские), **196**, 284
датский (индоевропейские / германские / скандинавские), 38, 93, 127, 129, **131**, 147, 158, 159, 162, **364**, **369**, **370**, **380**, 381
диалекты Италии (индоевропейские / романские), 53, 122, **154**, 162, **252**, 261
диегеньо (хока), 366
дравидийские, 360, 382, 389
древнеанглийский (индоевропейские / германские / западногерманские), 47, 105, 110, 155, 396

древневерхненемецкий (индоевропейские / германские / западногерманские), **104, 110, 127**
древнегреческий (индоевропейские), **121, 229**
древнегрузинский (картвельские), **94**
древнеисландский (индоевропейские / германские / скандинавские), **104, 110, 127**
древнеперсидский (индоевропейские / иранские), **94, 145**
древнерусский (индоевропейские / славянские / восточнославянские), **11, 82, 177, 199, 200, 208, 210, 212, 213, 220, 242, 247, 250, 267, 269, 270, 274, 293, 311, 317, 318, 320, 322, 340, 341, 342, 343, 344, 397**
дьола (нигеро-конголезские / атлантические), **217, 224, 225, 244**

Е

еврейско-испанский (ладино) (индоевропейские / романские), **108, 150, 151, 231**
европейские (арсал), **41, 58, 64, 65, 79, 80, 81, 83, 84, 98, 102, 104, 106, 107, 108, 111, 114, 118, 125, 126, 128, 129, 135, 137, 141, 143, 147, 149, 155, 156, 159, 161, 162, 163, 170, 173, 178, 186, 187, 189, 190, 195, 201, 217, 245, 251, 260, 261, 274, 292, 293, 345, 351, 354, 356, 361, 401**

З

западнофризский (индоевропейские / германские / западногерманские), **364**

И

идиш (индоевропейские / германские / западногерманские), **129, 137, 142, 162, 163, 188, 189, 246, 247, 249, 361, 369, 372**
индоарийские, **221, 382, 389**
индоевропейские, **64, 94, 146, 186**
иранские, **104, 145, 146, 196, 197, 277, 284**
исландский (индоевропейские / германские / скандинавские), **84, 111, 159, 170, 171, 172, 182, 214, 353**
испанский (индоевропейские / романские), **11, 15, 26, 30, 68, 69, 70, 72, 76, 81, 108, 122, 127, 135, 138, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 156, 158, 162, 172, 173, 187, 204, 221, 231, 251, 254, 263, 293, 295, 297, 298, 301, 303, 306, 308, 309, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 342, 350, 352, 353, 354, 355, 358, 360, 361, 363, 381, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 397**
итальянский (индоевропейские / романские), **82, 127, 128, 130, 131, 136, 139, 142, 143, 149, 151, 154, 163, 185, 188, 190, 194, 218, 222, 251, 252, 263, 293, 297, 298, 302, 303, 305, 306, 307, 308, 309, 333, 339, 350, 353, 373, 374, 381, 382, 383, 384, 386, 387, 388, 389**

Й

йоруба (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские), **360**

К

казахский (алтайские / тюркские), **284**
калмыцкий (алтайские / монгольские), **351, 381, 395**
канури (нило-сахарские / сахарские), **97, 396**
карачаево-балкарский (алтайские / тюркские), **11, 204, 205, 359, 379, 381, 407**
карок (хока), **397**
каталанский (индоевропейские / романские), **147, 148, 152, 162, 187, 203, 204, 332, 381, 383**
кашмири (индоевропейские / индоарийские / дардские), **221**
кашубский (индоевропейские / славянские / западнославянские), **129, 139, 140, 208, 209, 313**
ква, **49**
кельтские, **360**
кечуа (кечумара), **359**
киргизский (алтайские / тюркские), **237**
китайский (китайско-тибетские), **123, 352**
коми-зырянский (уральские / финно-угорские / пермские), **201, 202, 343, 344**
корейский (алтайские), **116, 221, 222, 224, 225, 244, 246, 367**
коромфе (нигеро-конголезские / гур), **224**
куи (дравидийские), **93**
кумыкский (алтайские / тюркские), **283**
курдский (индоевропейские / иранские), **279**

Л

латинский (индоевропейские / итальянские), **11, 18, 47, 52, 94, 104, 105, 106, 108, 109, 127, 146, 148, 163, 198, 203, 220, 223, 224, 226, 228, 229, 294, 295, 301, 304, 313, 323, 324, 325, 327, 328, 331, 338, 346, 350, 358, 393, 394, 402**
лезгинские, **226**
лезгинский (нахско-дагестанские / лезгинские), **224, 225, 232, 233, 240**
литовский (индоевропейские / балтийские), **97, 100, 101, 173, 174**

М

македонский (индоевропейские / славянские / южнославянские), **78, 84, 108, 140, 165, 166, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 182, 214, 230, 231, 232, 233, 265, 312, 313, 407**
манде, **82, 376, 378, 380, 389, 392**
мандинка (нигеро-конголезские / манде), **377**
mano (нигеро-конголезские/манде), **389**
маори (австронезийские / океанийские / полинезийские), **78**
мапудунгу (арауканские), **379, 392**
марийский (уральские / финно-угорские / финно-волжские), **224**
мбай (нило-сахарские / сара-багирми), **366**
мегленорумынский (индоевропейские / романские), **178**
монгольские, **98**
монгольский (алтайские / монгольские), **98, 111**

Н

- нгамбай** (нило-сахарские / сара-багирми), 362, 365, 366, 374
нганьгитъемерри (семья дали), 387
немецкий (индоевропейские / германские / западногерманские), 35, 36, 55, 72, 79, 81, 92, 94, 109, 116, 120, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 138, 139, 142, 156, 163, 174, 178, 183, 185, 187, 188, 189, 193, 198, 217, 228, 229, 246, 249, 250, 251, 255, 256, 257, 258, 262, 263, 265, 285, 287, 289, 291, 292, 300, 302, 327, 339, 340, 344, 354, 381
ненецкий (уральские / самодийские), 11, 225
нидерландский (индоевропейские / германские / западногерманские), 30, 125, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 138, 139, 142, 147, 149, 155, 163, 185, 187, 195, 199, 217, 228, 246, 259, 262, 366, 367, 368, 370, 371, 380, 404
нило-сахарские, 365
новогреческий (индоевропейские), 122, 165
норвежский (индоевропейские / германские / скандинавские), 92, 127, 147, 157, 158, 159, 162, 173, 364, 369, 371, 380
нунг (китайско-тибетские / тибето-бирманские), 363

О

- океанийские* (ареал), 184, 224, 389
окситанский (индоевропейские / романские), 204, 251, 259, 260, 262, 263, 273, 296, 383, 391
онейда (ирокезские), 239

П

- пермские*, 274, 343, 344
персидский (индоевропейские / иранские), 145, 197, 277, 278, 358
польский (индоевропейские / славянские / западнославянские), 247
португальский (индоевропейские / романские), 26, 108, 109, 122, 127, 147, 148, 149, 150, 151, 162, 216, 227, 229, 230, 233, 234, 239, 246, 293, 303, 333, 365, 374, 381, 387, 388
прибалтийско-финские, 277, 375, 376, 379

Р

- ретороманский** (индоевропейские / романские), 129, 137, 142, 163, 247, 249, 260
романские, 52, 64, 79, 81, 94, 98, 104, 106, 108, 111, 122, 127, 147, 148, 149, 155, 161, 188, 190, 201, 203, 204, 226, 227, 229, 246, 247, 248, 251, 254, 259, 294, 297, 299, 300, 301, 302, 305, 309, 310, 322, 327, 332, 333, 335, 339, 340, 344, 346, 361, 365, 367, 373, 375, 376, 381, 383, 384, 386, 387, 388, 389, 393, 394, 402, 407
румынский (индоевропейские / романские), 127, 148, 154, 162, 188, 189, 194, 204, 206, 216, 262, 333, 337, 338, 346, 407
русский (индоевропейские / славянские / восточнославянские), 6, 7, 14, 17, 19, 20, 25, 26, 33, 35, 65, 67, 82, 89, 91, 92, 94, 99, 132, 140, 176, 184, 187, 202, 220, 226, 250, 267, 271, 274, 276, 297, 313, 354, 363, 365, 366, 384

С

- сантали** (австроазиатские / мунда), 82, 216, 221, 223, 225, 245, 251, 292, 320, 325
сардинский (индоевропейские / романские), 258, 262, 394
севернофризский (индоевропейские / германские / западногерманские), 188, 364, 370, 371, 381
северокавказские (ареал), 74
северорусские говоры (индоевропейские / славянские / восточнославянские), 91, 242, 275
семитские, 144
сербохорватский (индоевропейские / славянские / южнославянские), 175, 176, 177, 181, 182, 188, 194, 195, 201, 226, 265, 266, 293, 312, 314, 315, 317
скандинавские, 110, 111, 127, 156, 368
славянские, 108, 139, 140, 164, 184, 187, 188, 190, 201, 226, 246, 265, 282, 286, 311, 312, 313, 314, 317, 365, 414
слейв (на-дене), 397
словацкий (индоевропейские / славянские / западнославянские), 247
старославянский (индоевропейские / славянские / южнославянские), 311, 312, 313, 317, 321
старофранцузский (индоевропейские / романские), 50, 204, 262, 294
старояпонский (алтайские), 72, 85, 126, 140, 141, 155, 163
суахили (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту), 76, 164, 196

Т

- таджикский** (индоевропейские / иранские), 279
таити (австронезийские / океанийские / полинезийские), 224
тамильский (дравидийские), 389
татарский (алтайские / тюркские), 283, 365, 366, 367, 404
тибето-бирманские, 382
тигре (афразийские / семитские / эфиосемитские), 397
токелау (австронезийские / океанийские / полинезийские), 224
тринидадский креол, 173
тувинский (алтайские / тюркские), 365
тукано (тукано / восточные), 93, 277
турецкий (алтайские / тюркские), 234, 235, 239
тюркские, 74, 102, 205, 237, 277, 281, 282, 284, 285, 359, 360, 365, 379, 389, 392

У

- удинский** (нахско-дагестанские / лезгинские), 198, 241
удмуртский (уральские / финно-угорские / пермские), 76, 101, 224, 225, 234, 237, 274, 343
узбекский (алтайские / тюркские), 92, 93, 281, 283, 284
уйгурский (алтайские / тюркские), 365
украинский (индоевропейские / славянские / восточнославянские), 247, 275

Ф

- фарерский (индоевропейские / германские / скандинавские), 355
финно-угорские, 276
финский (уральские / финно-угорские / прибалтийско-финские), 351, 353, 355, 361, 375, 376
французский (индоевропейские / романские), 26, 45, 50, 51, 53, 54, 65, 71, 80, 94, 127, 128, 135, 136, 139, 142, 143, 149, 159, 162, 163, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 204, 223, 235, 245, 246, 247, 248, 251, 252, 253, 254, 258, 260, 261, 262, 267, 287, 288, 293, 296, 297, 300, 301, 302, 306, 307, 309, 310, 320, 324, 327, 339, 360, 383, 390
фриульский (индоевропейские / романские), 259, 262
фула (нигеро-конголезские / атлантические), 224

Х

- хакасский (алтайские / тюркские), 284, 285, 365
хинди (индоевропейские / индоарийские), 75, 97, 102, 104, 214, 218, 221, 284

Ц

- цахурский (нахско-дагестанские / лезгинские), 223

Ч

- чангал (китайско-тибетские / тибето-бирманские), 367
чешский (индоевропейские / славянские / западнославянские), 18, 313
чоктав (мускогские), 395
чувашский (алтайские / тюркские), 227, 237, 238, 239, 281, 283

- чукотский (чукотско-камчатские), 97, 101, 116, 339

Ш

- шведский (индоевропейские / германские / скандинавские), 63, 117, 120, 127, 147, 157, 158, 162, 175, 354, 358, 369, 371
швейцарско-немецкий диалект (индоевропейские / германские / западногерманские), 129, 226, 246, 249, 250, 257, 263, 369

Э

- эве (нигеро-конголезские / ква), 48, 49, 95, 96, 186
эвенкийский (алтайские / тунгусо-маньчжурские), 211
энецкий (уральские / самодийские), 226
эскимосский (эскимосско-алеутские), 71, 97, 98, 100, 397
эскимосский Гренландии (эскимосско-алеутские), 277
эстонский (уральские / финно-угорские / прибалтийско-финские), 49, 361, 375, 376, 380
эфиосемитские, 382

Ю

- южнофранцузские диалекты (индоевропейские / романские), 247, 249, 254, 259, 262, 290, 292, 310

Я

- ягрия (трансновогвинейские / центрально-западные), 397
японский (алтайские), 92, 104, 107, 141, 142, 143, 162, 236

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

В строке поморфемной нотации используются следующие сокращения:

1,2,3 — лицо; перед названиями показателей (например, 1РЕЗ) — один из синонимичных показателей, в соответствии с названием в описании («первый результатив»)

I, II, и проч. — согласовательный класс (но: о старояпонских формах “II” и “IV” см. примечание в соответствующем месте)

АДЕСС=адессив

АКК=аккузатив

АОР=аорист

БЛИЗ=близкая локализация

ВСПОМ=вспомогательный глагол

ГЕН=генитив

ГЕР=герундий

ГИП=гипотетическое наклонение

ДАТ=датель

ДЕЕПР=деепричастие

ДИСТ=дистантность, удалённость

ДУР=дуратив

ЕД=единственное число

ИЗЪЯВ=изъявительное наклонение

ИМПФ=имперфект

ИНФ=инфинитив

КОМИТ=комитатив

КОНВ=конверб

ЛОК=локатив

МЕД=медий

НАР=наречие

НЕПЕР=непереходность

НОМ=номинатив

МН=множественное число

ОБЛ=обликвус

ОДНОВР=одновременность

ОПР=определённость

ПАСС=пассив

ПЕР=переходность

ПЕРФ=перфект

ПРЕЗ=презент

ПОСС=посесив

ППФ=плюсквамперфект

ПРЕДШ=предшествование

ПРЧ=причастие

ПРШ=прошедшее время

ПФВ=перфектив

РЕЗ=результатив

РЕТРО=ретроспективный сдвиг

РЕФЛ=рефлексив

СВЯЗ=связка

СТАТ=статив

СУБ=субъектное спряжение

СУБСТ=субстантив

УДАЛ=удалённая локализация

ЭРГ=эргатив